ИВАН
БУЛАВИН
ПОСЛАННИК
2023

Annotation

Случайного человека отправили передать письмо. Несложное задание, да только беда в том, что адресат находится в другом мире, где произошёл Конец Света, города обезлюдели, а по по земле бегают стаи отвратительных тварей и безумные татуированные сектанты. А передать письмо нужно обязательно, поскольку только так герой сможет вернуться обратно.

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

Посланник

Глава 1

Глава первая

Профессия водителя-дальнобойщика по-своему интересна. Нет, разумеется, большая часть этой работы – это бесконечная дорога, идиоты, которых на этой дороге немерено, а ещё постоянная борьба со сном. Но есть и то, что эту работу скрашивает. Так уж вышло, что страна у нас необъятная, так уж вышло, что не всё и не всегда можно перевезти поездом, и тем более самолётом. Вот и приходится гонять фуры на тысячи километров. А в дороге у водителя есть отличная возможность посмотреть на просторы, проникнуться мыслью о величии страны, ну и просто расширить свой кругозор.

Так думал я, когда вертел баранку, поглядывая на бесконечную полосу асфальта. Понятно, что большинство дальнобоев, услышав о таких плюсах своей работы, только горько усмехнутся. Но дело в том, что для меня это не профессия. По сути, я совершаю первый подобный рейс в жизни. Раньше тоже приходилось мотаться на машине в неведомые дали, но то по своей инициативе, а именно сейчас на фирме не оказалось кадров, а груз доставить требовалось, хоть трава не расти. Вот и пришлось спасать родное предприятие, польстился на хорошую премию и командировочные. Фура битком набита строительными конструкциями, не просто железки, а тонкая, почти ювелирная техника. Строить будут что-то жутко технологичное, закупили железо за границей, поставят его, куда следует и… сделано в России.

Вот только это добро доставить нужно из пункта А в пункт Б. Простейшая задачка для третьего класса, скорость-время-расстояние. Подсчёт выдаёт, что на месте я буду завтра к вечеру, даже, наверное, чуть раньше, поскольку иду с опережением графика. С другой стороны, ну его, этот график, надо и отдых себе давать, не хватало ещё уснуть за рулём. Тяжело без напарника, такие рейсы вдвоём делают, а я…

Как минимум, одну ночь мне предстояло заночевать в придорожной гостинице. Вот только я, откровенно говоря, не хочу. Уж лучше в поле. Спальник в машине хороший, а больше мне ничего и не нужно. Остановку сделаю, но только чтобы поесть.

Слегка притормозив, сверился с картой, нет, хорошо всё-таки трасса построена, крупные города можно объезжать стороной, что экономит каждый раз пару-тройку часов. Главное, нужный отворот не прозевать. Так, что у нас на пути? Ага, деревенька, судя по размерам, тысячи на полторы жителей. И там точно есть какая-то забегаловка, где можно поесть. Пусть еда будет невкусной, но хоть горячей. Не люблю бутербродами давиться, привык к домашней еде.

Дорога есть дорога, а федеральная трасса – это не просто дорога, это настоящая транспортная артерия. А значит, всегда будут те, кто с неё кормится. Это я, понятно, не про бандитов говорю, преступность в этих краях, слава богу, извели ещё лет пятнадцать назад. Я про тех, кто не прочь заработать на движении относительно честную копейку. Водители, неважно, перевозчики грузов, туристы, что едут на моря, или просто переезжающие из города в город, любят вкусно поесть, мягко поспать, помыться, а то и попариться в бане (иногда даже, о ужас, с девками), так уж вышло. Само собой, спрос рождает предложение, люди, вложившись по минимуму, организуют на трассе пункты общепита и придорожные гостиницы. В одной из таких я сейчас и собирался пообедать.

Насчёт обеда, это я условно говорю, время позднее, почти девять, сентябрь, темнеет сейчас уже довольно рано. Нормальные люди поужинать успели, но у меня график несколько иной. Я ещё ехать буду часов до трёх ночи.

Остановившись на просторной стоянке, я покинул кабину, спрыгнув на ровную площадку, обильно засыпанную мелким щебнем. Так, что тут у нас? Заведение с говорящим названием «Харчевня», а на втором этаже небольшая гостиница, чуть дальше – шиномонтаж и автомойка, а ещё на территории есть баня, как гласит объявление на входе. Ну, баня мне пока без надобности, я не фанат тепловых процедур и случайного секса, а потому обойдусь харчевней.

Заведение мне, сказать по правде, понравилось. Всё в таком архаичном стиле, столы из толстого бруса, стулья неподъёмные, чтобы передвинуть можно было, а поднять и треснуть кого-то по хребту уже затруднительно. Да и публика тут не расположена к дракам. В одном конце сидела немолодая женщина с двумя детьми, то ли поздно родились, то ли это её внуки. Чуть дальше спокойно ужинали два подобных мне дальнобойщика. Сидят спокойно, спиртного на столе

нет, чинно о чём-то беседуют. Официантка молодая туда-сюда бегает, видимо, одна на все руки, и приготовить, и принести, и посчитать. За стойкой только сидели двое молодых парней, в меру подозрительных, не откровенные уголовники, но и на добропорядочных не похожи. Плевать, взять с меня нечего.

Присев поближе к стойке, я стал дожидаться официантку. Она меня подчёркнуто игнорировала, пришлось натуральным образом ухватить её за руку, когда пробегала мимо.

- Есть хочу, - я сделал жалобные глаза.

- Две минутки, - она одарила меня самой милой улыбкой, какую только смогла изобразить.

Ждать пришлось чуть больше, но она всё же вернулась и, вынув блокнот и карандаш, стала выслушивать заказ.

- А меню есть?

- Меняется постоянно, - она пожала плечами. – Давайте лучше я вам расскажу, что есть готового.

- Ну, расскажите, - снисходительно разрешил я.

- Борщ, но его мало осталось. Одну порцию наскребу. Пюре картофельное, котлеты паровые, ноги куриные гриль, салаты, овощной и оливье, макароны, но их ждать придётся.

- Давайте пюре, котлеты и салат, который овощной.

- Сладкое нужно? У нас пирожки с повидлом вкусные.

- Хорошо, сначала всё это, а потом, чуть погодя, принесите пирожки и горячий чай.

Она кивнула и отправилась на кухню. Заказ организовали быстро, всё свежее и горячее. Начнём праздник чревоугодия. С обедом-ужином я расправился, быстро, а потом принесли пирожки. Целых четыре штуки, хотя я количество не указывал. Ну, в самый раз. И чай, два стакана сразу, тоже правильно, чтобы, значит, два раза не носить. Я бы и три выпил, под пирожки-то хорошо идёт, хотя в дороге напиваться жидкости – сомнительное удовольствие. Удивило, что вместо официантки всё это принёс молодой крепкий парень с короткой стрижкой. Я бы в нём ни за что не заподозрил бандита, но какое-то подозрение он вызвал. Уже хотя бы тем, что не бывает официантов в придорожных закусочных, которые бы выглядели идеально. А он выглядел. Рубашка белоснежная, брюки отглажены, даже галстук есть. И всё сидит на нём, как влитое, словно на заказ шили. И физиономия

каменная. Я бы не удивился, увидев такого в офисе большой фирмы, или в правительстве, а тут… девушка была правильная, одета опрятно, но помятая и уставшая. Впрочем, мало ли чудаков, может быть, он помешан на внешнем виде.

- Можно счёт сразу?

- Что? – он посмотрел на меня так, словно увидел впервые.

- Счёт, - сказал я, пальцами нарисовав в воздухе квадрат. – Бумажка такая, там циферки, сколько я проел.

- А… да, сейчас.

Он метнулся к стойке и принёс листок. Да, отличная еда и стоит недорого. Я сразу отдал ему несколько купюр (специально для таких мест держал наличку, у них вечно со связью проблемы), а сам вернулся к пирожкам. И тут не разочаровали, тесто мягкое, повидло яблочное свежее, ну и горячие в меру. Прямо домашним уютом повеяло.

А вот чай подкачал. Не из пакетика, явно заваривали листовой. Вот только с сортом что-то не то. Или просто старая заварка, со склада, где до того пролежала лет двадцать. Горчит. Ну, да ладно. Я не привередливый, пирожки всё окупают.

Когда пирожки закончились, а от чая осталась только треть стакана, я почувствовал тяжесть. Нда, переел слегка, бывает. А ведь желудок у меня не железный, надо будет в аптечке «Мезим» поискать, а то буду всю дорогу маяться. Рука потянулась к стакану, но тут пальцы отказались слушаться. Едва не опрокинул стакан.

Происходило что-то странное. В этот момент ко мне за стол подсел молодой парень, то ли из персонала, то ли просто посетитель. Нет, скорее, из персонала. Брат-близнец официанта, такой же могучий, чистый, отглаженный, только галстука нет. Он ничего не говорил, просто сидел и смотрел на меня, словно чего-то ожидая. А ждать было чего, я попытался сказать:

- Чееееего теее… бе… надо? – язык оказывался слушаться.

Тут меня осенило, что горечь в чае была не просто так, меня опоили и сейчас… что? Я хотел позвать на помощь, но в этот момент речевой аппарат отказал полностью, окружающая действительность поплыла перед глазами, да и сами мысли стали какими-то медленными. Я начал заваливаться набок, упал бы, но меня подхватила пара сильных рук, которые легко удержали моё не самое лёгкое тело и куда-то потащили.

- Перебрал мужик, - раздалось как будто бы издалека. Позвольте, как же перебрал, у меня и спиртного-то на столе нет. Я ведь за рулём и вообще почти не пью. Мысль эта мелькнула в голове, но тут же замерла. Меня похищают. Зачем? Кому я нужен? У меня и денег-то… И груз мой кроме заказчика никому не нужен…

Мысли цеплялись одна за другую, временами я проваливался в темноту, а меня продолжали куда-то тащить. Краем глаза я видел серый коридор с обшарпанными стенами. Позже меня положили на каталку. Больница? Меня привезли в больницу? Или в морг? Нет, скорее, сейчас на органы разберут…

Мир в очередной раз поплыл, я лишился чувств. В себя пришёл, лёжа на той же каталке. Или уже на другой. В помещении было темно, где-то с краю светила тусклая лампочка, которая ничего не освещала. Я попытался пошевелиться, но смог только двинуть одним пальцем. Попытался что-то сказать, но никаких звуков не произвёл.

- Раздевайте, - приказал мужской голос.

- Рано ещё, - ответил голос женский.

Повернув глаз, который тоже с трудом двигался, я разглядел молодую блондинку в белом халате. Немного похожа на официантку, но не она. Её собеседника увидеть не смог, для этого требовалось повернуть голову. Они не скрывают лица, уверены, что я никого никогда не опознаю, а значит… Додумать мысль я не смог, поскольку опять провалился в забытье.

Очнулся, когда меня стали раздевать. Попутно кто-то залез во внутренний карман куртки и вынул документы.

- Пока размер прикинь, - сказал новый мужской голос, явно принадлежавший молодому.

Размер чего? Печени? Что вообще им надо? Тут случилось что-то странное: на руку мне надели штуку для измерения давления.

- Оно тебе надо? – спросил мужчина.

- Слушай, занимайся своим, - раздражённо ответила женщина. – Он должен быть здоров.

- Он и так здоров, - возразил второй мужчина. – Машину как-то водит.

- Это не показатель, - сказала женщина и начала накачивать воздух, руку привычно сжало. – Сколько ему лет?

- Понятия не имею.

- Ты паспорт в руках держишь, - укоризненно сказала женщина.

- А, точно, - спохватился он. – Так, год рождения… тридцать два. Через три месяца будет тридцать три. Разведён, детей нет, прописка постоянная, военнообязанный.

- Сто двадцать на восемьдесят, - удовлетворённо сказала женщина. – Раздевайте дальше. Следов операций у него не вижу, мышечная масса в норме.

- Не просто в норме, - заметил мужчина, - масса хорошая, я пока тащил, чуть не надорвался. В качалку ходил, точно.

- Сигарет нет, - добавил второй, - вейпа тоже, некурящий.

Я снова попытался пошевелиться, дурь, вроде отпускала, но медленно, теперь смог дёрнуть кистью. Но даже это движение вызвало затемнение в голове. Очнулся от укола в плечо. Наркоз дают? Чтобы резать?

Чьи-то пальцы открыли мне глаза и посветили неярким фонариком.

- Норма, - сказала, наконец, женщина. – Это что у тебя?

- Документы.

- А конкретно?

- Ну, паспорт, пэтээска, доверенность, права, военник.

- Открой военник и посмотри, что там, - велел второй мужчина.

- Так, Дмитрий Сергеевич, год рождения, призван, приведён к присяге. Так, погранвойска. Старший сержант. Стрелок, снайпер, гранатомётчик. Отличный экземпляр.

- Вот и хорошо, тогда ему легче будет. Снимайте оставшееся.

С меня стянули носки, потом потащили и трусы. Блин, тут ведь женщина, что за… Попытался оказать сопротивление, но снова замутило. На какое-то время меня оставили в покое. Потом кто-то взял меня за руку, и я почувствовал накладываемый жгут. В локтевой сгиб воткнулась игла. Будут резать?

Но пока меня никто не трогал, я просто лежал, временами засыпая, потом просыпался, а неведомая дрянь всё никак не отпускала. Мысли иногда были ясными, а иногда я замирал на каком-то слове и повторял его много раз, не понимая, что дальше.

Не знаю, сколько прошло времени, а когда я в очередной раз вырубился, очнулся уже в другом помещении, где горел яркий свет, а в

нос бил запах химии и жжёного воздуха, как после кварцевой лампы. Операционная?

- Всё готово? – спросил мужчина, тот, который был главным.

- Нагревается, - ответил второй.

- Одевайте.

Тут я окончательно перестал что-то понимать. На меня натянули бельё, потом какие-то штаны, носки, куртку. В карманы куртки начали что-то засовывать, вдели ремень.

- Алла, - снова позвал мужчина. – Рот проверь.

- А, зубы золотые, - с пониманием отозвалась женщина, после чего бесцеремонно полезла мне пальцами в рот, оттянула нижнюю челюсть и внимательно осмотрела зубы. – Нет ничего, только две пломбы, хорошие зубы.

Какое-то днище. А если бы были? Вырвут? Как в концлагере?

Когда я был полностью одет, меня начали хлопать по щекам.

- Мужик, давай уже, отходи. Тебе предстоит много узнать.

- Крепко его колбасит, - заметил второй мужчина.

- Так я в каждый стакан положил по дозе, он оба и выпил. Алла, ты капала?

- Да я в него ведро залила, того и гляди, обоссыться.

- Нам такого не надо, - спокойно сказал начальник. – Дайте судно.

Меня повернули набок и подставили утку. Оказалось, что сфинктеры я контролировать мог, всё прошло нормально, если не считать стыда от справления нужды в присутствии женщины. Она не просто присутствовала, она эту утку и держала. Когда всё закончилось, меня снова положили на спину.

- Пусть воду пьёт, - снова сказал начальник.

Мне ко рту поднесли горлышко пластиковой бутылки и стали заливать понемногу. Глотал я с трудом, временами вода выливалась наружу, где её тут же вытирали бумажными салфетками. Не знаю, сколько я выпил, литра два, не меньше.

- Ну, в принципе, пойдёт, - сказала Алла. – Перед началом ещё укол сделаю, тогда и очнётся.

Вода уже пошла на пользу. Я даже мог теперь что-то мычать. И даже пытался двигаться, но о сопротивлении речи не шло, это были именно хаотичные движения рук и ног, очень слабые, которые ни на что не влияли. Тут меня одели окончательно, на ноги надели ботинки,

явно армейские, завязали шнурки, снова начали что-то пихать в карманы, попутно прицепили какой-то предмет к ремню, а другой предмет, гораздо тяжелее, привязали шнурком к запястью.

Тут каталку подкатили к другой стене, в воздухе запахло озоном, а от стены шёл яркий синий свет, напоминающий электросварку.

- Готов, - сказал начальник. – Давай уже, Аллочка, коли свою микстуру, пора.

В бедро мне воткнулась игла, Алла колола прямо через штаны. Укол оказался болезненный, зато от него по телу стало распространяться тепло. В этот момент их начальник склонился надо мной и начал говорить прямо в ухо:

- Слушай, Дмитрий Сергеевич, мы тебя отправляем, на той стороне будь осторожнее, найди тихое место и сиди там, пока наркоз не пройдёт. Дальнейшие твои действия прописаны в блокноте, всё необходимое у тебя есть. Всё, удачи, она тебе понадобится.

Через секунду я оказался на конвейере, который, казалось, тащил меня в раскалённую печь. Жара я не чувствовал, но ощутил покалывание от разрядов тока. Наркоз постепенно отпускал, я попытался размахивать руками, но их тут же прижали с необычайной силой. Потом пришла резкая боль во всём теле, яркий свет в глаза, который обжигал их даже сквозь веки, а потом всё стихло, а я упал с высоты примерно в метр, больно ударившись о каменный пол. Облако света, что выплюнуло меня, светилось ещё полторы секунды, после чего погасло.

Вокруг была темнота, никого рядом не было.

Глава вторая

Всё же дурь у них была ядрёная. Даже сейчас, после нескольких литров воды и какого-то чудесного укола, я едва мог соображать. Что он мне сказал? Найти тихое место и сидеть там, пока не отпустит? О’кей, место тихое, буду сидеть здесь, точнее, лежать на боку, поскольку даже повернуться проблема. Поспать бы, да только нормальный сон никак не идёт.

Через какое-то время я всё-таки забылся странным сном, а когда открыл глаза, с удивлением обнаружил, что получается что-то разглядеть. Ага. Ведь была ночь, а теперь утро. Утро? Наверное. Или следующий вечер. Чувствовал я себя отвратительно, но шевелиться кое-как мог.

Первым делом попытался собрать мысли в кучу. Всё пережитое воспринималось, как дурной сон. Что это было? Опоили какой-то дрянью, похитили прямо из кафешки, куда-то отвезли. Или не отвезли, очень может быть, что меня просто переместили в подвал, где стояла адская машина. Что за машина? Понятия не имею. Меня переодели, засунули туда, а потом оставили в покое. Я куда-то выпал и… А куда я выпал?

Я снова осмотрелся. Какое-то здание, напоминает лабиринт. Стены бетонные, пол тоже бетонный. Здесь чисто, мусора почти нет. Куда дальше идти? Пришлось напрячь все силы и попробовать встать. Получилось, правда, пришлось опираться на стену. Первым делом зашёл за угол и снова справил малую нужду. Выпитая вода давала о себе знать. По окончании процедуры я снова почувствовал себя плохо. Пришлось отойти в коридор и присесть на корточки у стены. С удивлением обнаружил, что волоку за собой какой-то предмет, оказалось, что это небольшой рюкзак, вроде тех, с каким в школу ходят старшеклассники. Чёрный, из прочной ткани, пара пластиковых застёжек. А прижиматься к стене мешал ещё один предмет, закреплённый сзади на поясе. Дотянувшись, я обнаружил пластиковую флягу в чехле. Зачем?

Дальше я думать уже не мог, сознание снова помутилось, я просто прилёг на бок, подсунул под голову рюкзак и закрыл глаза.

Снова пробуждение, теперь я уже чувствовал себя лучше. Можно попытаться осмыслить своё положение. Я где-то лежу, одет чёрт знает во что, с флягой и рюкзаком. Начать с вопроса где? Какая-то бетонная коробка с множеством коридоров. Нужно отсюда выбраться и посмотреть, что вокруг. Потом сделаю выводы и пойду… куда я пойду? В полицию, конечно. А что я им скажу? Всё, как есть. Опоили, похитили, небось, груз забрали, хотя на кой чёрт им мой груз.

Встав на ноги, я нетвёрдой походкой отправился по коридору. Ага, вот и выход. Снаружи было почти так же темно, как и внутри. Вечер? Я посмотрел на небо и увидел, что оно затянуто серыми тучами, должен был идти дождь, но не идёт, даже земля сухая. Земля? Ну, да, местами земля с какой-то пожухлой травой. А дальше асфальт. Я в городе?

Город я разглядел, в паре километров отсюда начинались кварталы пятиэтажек. Вот только выглядел это город каким-то

нежилым. Ни одного фонаря, ни одной машины, а ещё мёртвая тишина. Город-призрак. Припять? Чем-то похоже.

Вдохнув несколько раз свежий воздух, я снова присел, теперь уже на небольшой бордюр. Мысли начинали путаться, но уже не от наркоза, а от противоречивой информации, поступающей в мозг.

Я попытался припомнить слова того мужика. Он велел быть осторожнее на той стороне. Что за та сторона? Ладно. Что ещё? Меня зачем-то переодели. Зачем? Я осмотрел себя. Военная форма, точнее, чёрный камуфляж. Даже на вид очень прочный и явно дорогой. Зачем он мне? Для войны? Для тайных операций? Фляжка опять же. Я отцепил сосуд от пояса, благо, крепился он там на продвинутой клипсе, отхлебнул воды. Помогло, в голове прояснилось. Тут я обнаружил, что, кроме фляги, на ремне висит ещё кое-что. Это был нож в пластиковых ножнах с клипсой. Щёлкнув фиксатором, я вынул клинок из ножен. Что же, круто. Рукоять из обрезиненного пластика, гарда и длинное, сантиметров, наверное, восемнадцать, чёрное лезвие. Кинжал, с одной стороны заточен полностью, с другой – только вторая половина, а первая занята серрейтором, пилой. Толщина клинка – миллиметров пять, достаточно для прочности, и пырять не помешает. В ширину чуть меньше трёх сантиметров. Что-то меня в этом ноже смущало.

Повертев его в руках, я понял: он не железный, и вообще не из металла. Керамика. Кухонные ножи из керамики я видел, только они ломались от одного чиха, а этот не ломается. Даже не гнётся, при этом ощутимо легче металла и не уступает ему в остроте. Я притронулся пальцем к острию, на коже тут же выступила кровь.

Нет, теоретически, такое может быть. Керамика бывает разная, думаю, есть и такая, из которой можно делать острые и прочные ножи. А почему не делают? Надо полагать, потому, что они получатся слишком дорогими. Выходит, меня не просто одели в форму, ещё и снабдили качественными приблудами? Я похлопал по карманам. В боковом обнаружился кастет. Настоящий, словно специально сделанный под мою руку. И тоже керамический. Штука отличная, с молодости помню, голову пробить можно одним ударом. Вот только почему он тоже не железный и не бронзовый?

Способность к логическому мышлению, сильно ослабевшая после ядрёного наркоза, постепенно возвращалась. Сейчас самое время

сложить два и два. Итак, я попал сюда через какой-то жутко мудрёный аппарат. При этом меня переодели полностью, на новой одежде нет ни грамма металла, потом насовали в карманы всяческих полезных (я надеюсь) штук, а ещё проверяли рот на предмет золотых зубов. Вывод? А вывод простой, их бесовская машина не пропускает металл, а послать меня сюда нужно, желательно снабдив комплектом выживания.

Следующий вопрос: а сюда – это куда? Увы, в этот раз я был вынужден ответить себе на манер компьютера: недостаточно данных для анализа. Пришлось пока обследовать себя дальше, чтобы подтвердить или опровергнуть первый вывод. В карманах обнаружились ещё перчатки, насколько понимаю, специальные, с защитой от порезов. Тут же проверил, так и есть, защищают, ткань не режется. Ещё попалась небольшая пластиковая коробочка, в которой нашлись спички и дощечка, намазанная фосфором. Закрывается герметично, что радует, погода здесь дождливая. Интересный девайс обнаружил в большом боковом кармане штанов. Две пластиковых ручки, между которыми натянут тончайший полимерный тросик. Удавка? Я себе как-то иначе представлял выживание. Явно подразумевается наличие недружественных индивидов.

Последним, что я извлёк из нагрудного кармана формы, оказался блокнот. Точно! Мне ведь сказали, что всё в блокноте. А я забыл. Всё эта химия виновата. К блокноту прилагался тонкий фломастер. Опять же, нигде ни грамма металла. Открыв первую страницу, я стал читать. Информация была написана мелким разборчивым почерком:

Дорогой друг, понимаю, что ты нас ненавидишь, но выбора особого у нас не было. Спешим сообщить тебе, что ты оказался в ином мире, который похож на наш, с той только разницей, что там произошёл конец света. Подробности рассказать не можем, поскольку сами представляем их смутно. В этом мире очень опасно, но, если постараться, можно выжить. Если выйти из того места, где ты появился, и пойти на северо-запад, можно выйти к поселению людей (если оно ещё существует). Там безопасно, как только придёшь в себя, сразу топай туда. Там, на месте, спроси Коростина, его должны знать. Как только встретишься с ним, передай конверт, что закреплён на последней странице блокнота. Если хочешь, можешь его

вскрыть, там нет ничего тайного. Но Коростин обязательно должен это послание прочесть. Дальше действуй по его указаниям.

P . S . Тщательно изучи инвентарь, там много полезных вещей.

Я выругался вполголоса, но изменить ничего уже не мог. Только последовать совету, изучить инвентарь, а потом искать, где тут северо-запад. Подтянув за шнурок к себе рюкзак, я расстегнул застёжки и начал по одному вынимать предметы. Моя теория насчёт металла оправдывалась. Бумага, пластик и ткань. Сначала я вынул бинокль, небольшой, но с хорошей кратностью. Полезная штука. Дальше достал аптечку и перевязочный пакет. Первая была из пластика и чуть больше обычной армейской, второй был упакован в непромокаемую бумагу. Добро. Отдельно лежали два жгута, обычный и турникет. Потом я обнаружил полторашку с водой, фляги не хватит, а пить мне нужно много. Идёт. Теперь сухпай. Какая-то копчёная колбаса, завернутая опять же в бумагу, бумажные брикеты с супом, две пачки галет, шоколад, три плитки и тоже в бумаге, даже фольга тут не подходит. Зубная щётка в футляре, пластиковая баночка с зубным порошком, мыльница с куском мыла. Мыло обычное, белое и без запаха. Сойдёт. Вот бритвы нет, это плохо. Ладно, найду здесь или похожу с бородой. Наконец, на дне нашлась катушка ниток, смена белья и полотенце, а ещё рулон туалетной бумаги. Ну, спасибо.

Когда всё имущество было расставлено на бетоне, я изумился, как оно помещалось в небольшом рюкзаке. А плевать, поместилось и поместилось. Теперь надо обратно запихать.

Сложить получилось всё, кроме аптечки. Аптечка тоже поместится, но сначала я хотел изучить её содержимое. Итак. Пробирка с таблетками. Названия нет, но очень мелкими буквами написано, что они от радиации, от одной до трёх за час до входа в зону. А всего таблеток десятка два. Смогу реактор разобрать в три захода. Дальше. Шприц-тюбик, да не один, а целых три. И тоже подпись «Обезбол.». Понятно, наркота, три раза можно закинуться. Стоп. А игла у него разве не стальная? Повертев упакованные шприцы в руке, я сделал вывод, что стали там нет. Иглы тоже из какого-то иного материала. Был ещё один шприц, на котором было написано «Универсальный антидот». И как это понимать? Противоядие, это понятно. А почему универсальный? От яда гремучей змеи, фосгена и цикуты требуются немного разные вещества. А если они все там

намешаны, то я от такого лечения быстрее копыта откину, чем от самого яда. Лучше пока не буду использовать. Ещё таблетки, антибиотик широкого спектра действия. Это, значит, при пневмонии и при заражении крови. Пневмония мне тут не грозит, тепло очень, а вот заражение крови – вполне. Этот пузырёк самый большой. Ладно, спасибо и на этом, неизвестные благодетели, будьте вы трижды прокляты.

Аптечку я засунул в карман формы, поместилась с трудом, но поместилась. Теперь следующий вопрос: в какой стороне северо-запад? Компаса у меня нет. Тут можно вспомнить про солнце и звёзды, но сейчас примерно середина дня (я так думаю) часов нет, а что ещё печальнее – солнца не видно вовсе, тучи ходят такие, что только удивляться остаётся, где положенный ливень.

Начав смотреть под ноги, я разглядел слабую тень. Допустим (допустим), что сейчас полдень. Значит, солнце на юге, а север впереди, стало быть, северо-запад – это и есть те пятиэтажки. Видимо, там и живут люди. Дойти недолго, вот только отчего-то страшно.

Тут до меня дошло, что я не зря боялся. С другой стороны бетонного строения прогремели один за другим четыре выстрела. Стреляли из чего-то мощного, явно не пистолет. Я немедленно вернулся под защиту стен, закидывая на плечи рюкзак и вынимая нож. Нож против огнестрела мало поможет, а вот рюкзак надо прибрать, убегать, если что, буду с ним.

Стычка кого-то с кем-то закончилась, едва успев начаться. Некоторое время я слышал стоны, но скоро они затихли. Осторожно пробираясь по коридору, я вышел с другой стороны и обнаружил, что нахожусь на сильно разрушенном стадионе. А неподалёку лежали двое убитых. Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных. И дело не в том, что они мертвы, и не в том, что у каждого грудь разворочена каким-то мощным калибром, в рану кулак можно просунуть. Эти двое и при жизни были не красавцами. Рожи расписаны татуировкой в виде концентрических кругов от кончика носа и до ушей, головы выбриты, и поверх этого нанесены шрамы в виде геометрических рисунков. У каждого в правом ухе серьги. У одного пять, у другого шесть.

Одеты они были в бесформенные коричневые балахоны, под которыми ничего не было. Впрочем, было, но только оружие. Широкая перевязь с метательными ножами, один кинжал с волнистым лезвием,

был ещё арбалет, но его разбило пулей. Ещё один нож валялся неподалёку с окровавленным лезвием. Я некоторое время размышлял, нужно ли взять что-то из этого добра, в итоге решил, что нет. Потом прощупал их балахоны и нашёл несколько твёрдых предметов. Шприцы, настоящие, пластиковые, по десять кубов. В каждом по три-четыре куба тёмно-зелёной жидкости, при этом разной концентрации. На иглу надет колпачок, а сами шприцы завёрнуты в полиэтилен. Наркота? Лекарство? Мутаген? В любом случае, вещь явно ценная, приберу, потом выясню у людей, что это и зачем.

Теперь вопрос: что это за люди? Я мало разбираюсь в постапокалиптическом обществе, но, по моему глубокому убеждению, люди, которые выглядят вот так, хорошими быть не могут. Маньяки, людоеды, сектанты, тёмные маги, мутанты, - как-то так. Значит, хорошим был тот, кто их убил. Он отступил в коридор, при этом, скорее всего, ранен. Самое время встретиться с ним и оказать помощь. У меня и аптечка есть. А он мне покажет, как к людям выйти.

Увы, найти его получилось быстро, но в процессе поисков я понял, что помочь друг другу мы уже ничем не сможем. Неизвестный сначала шёл по коридору, потом останавливался, потом и вовсе полз. При этом на всём пути следования оставались такие лужи крови, что становилось ясно, он уже не жилец.

Так и вышло. После очередного поворота я наткнулся на бездыханное тело. Последним усилием он пытался наложить жгут на бедро, но не преуспел, потерял сознание и умер. Я пощупал пульс. Нет, безнадёжно мёртв. И никакие реанимационные мероприятия не помогут, сердце запустить можно, но качать по сосудам нечего.

Стычка завершилась вничью. Я же мог только осмотреть покойника. Этот куда больше подходил на роль протагониста, чем его убийцы. Относительно молодой, явно тридцати ещё нет, волосы чёрные, коротко стрижены, а кожа бледная, словно никогда солнца не видел. Впрочем, бледный он по другой причине. Одет в военную форму, не камуфляж даже, а простое солдатское хэбэ песчаного цвета. На ногах берцы, но старые, разбитые и в заплатках. На поясе нож, но простецкий, самодельный, слегка тронутый ржавчиной. Вещмешок армейский почти пуст. Зато нашёлся компас. Теперь точно знаю, где здесь северо-запад. Но самым главным было другое. Огнестрельное оружие, которого мне не смогли дать те, кто меня отправил. В

полуметре от руки трупа лежал старый карабин СКС, металл вытерт до белизны, дерево в рубцах и царапинах. Но, подозреваю, в хорошем состоянии внутри, иначе не стреляло бы.

А с патронами что? Увы, с патронами всё было очень плохо. В кармане я обнаружил одну обойму на десять патронов. Маловато. Ещё шесть были заряжены. Сами патроны отличались. Те, что достал из кармана покойника, были трассирующими, а в самом карабине заряжены патроны с какими-то самодельными пулями, каждая вскрыта, а потом снова запаяна свинцом. Разрывные, что ли? Ладно, шестнадцать патронов – это в шестнадцать раз лучше, чем фига с маслом. Теперь можно подумать и о том, чтобы в крепость с боем прорываться.

Последним, что я взял с трупа, был медальон. Сделан из блестящего металла, но не серебро, а что-то твёрдое, вроде нержавейки. Овал, на котором выгравирован знак водолея.

Ладно, он мёртв, я жив, северо-запад там, можно идти, тем более что наркоз, вроде бы, отпустил. Потом я решил, что оставлять труп лежать вот так нехорошо. Осторожно перетащил его в одно из помещений, уложил на лавку, сложил руки на груди и закрыл глаза. Извини, друг, могилу копать некогда и нечем.

Покинув коридоры в предбаннике стадиона, я направился на северо-запад. Кстати, определяя стороны по невидимому солнцу, ошибся совсем незначительно. Мне предстояло пересечь довольно обширный пустырь. Асфальтовые дорожки, клумбы, невысокие ограждения. Спрятаться тут негде, если прибудут ещё разрисованные, придётся стрелять.

Стоило мне отойти от здания метров на двадцать, как позади я услышал цокот когтей по асфальту. Резко обернулся, припадая на колено и вскидывая карабин. Собака, бродячая. Довольно крупный двортерьер, шкура облезлая, вся в каких-то ранах, ещё и грязный, даже цвет шерсти не рассмотреть. Уставился на меня, раскрыл пасть, демонстрируя неестественно крупные клыки.

В гляделки мы играли минуты две, потом к оппоненту подоспела подмога в виде ещё трёх особей. Впрочем, у подмоги были другие планы, немного поворчав, они ринулись внутрь здания, здраво оценив перспективы. Там есть три свежих трупа, которые не огрызаются, незачем кидаться на человека с огнестрелом. Кстати, а пёсики ведь

понимали, что такое оружие и чем оно грозит. Вывод: явно не первый раз охотятся на человека, это следует иметь в виду, в следующий раз у них не будет другой добычи.

А я, пользуясь тем, что меня временно оставили в покое, отправился на этот проклятый северо-запад. Пытался передвигаться бегом, но быстро начал уставать. Эти, которые меня отправляли, явно переоценили мою физподготовку, сила есть, железо люблю, а вот бегун из меня плохой, и курить я бросил только месяц назад.

Позади раздались крики. Вроде птиц, вот только, когда я обернулся, увидел вовсе не птиц. На стадион слетались какие-то отвратительные создания с обликом драконов и размером чуть больше собак. Меня затрясло. Куда я вообще попал? Откуда это всё? Собак ещё могу объяснить, татуированных маньяков с серьгами тоже, а это откуда? Они ведь тяжёлые, летать не должны, крылья не поднимут. Или поднимут?

К счастью, летающим тварям тоже было не до меня, их было около десятка, и сейчас они занялись отъёмом добычи у собак. Последние были в меньшинстве, а потому останутся без мяса. Как бы за мной не увязались. Пришлось снова прибавить шагу. Минут через пять я оказался в городской застройке. Да мир, в самом деле, похож на наш. Улицы, дома, асфальт под ногами. Местами треснул, но пока держится, видимо, БП произошёл относительно недавно, года два или три. За поворотом я увидел два проржавевших кузова от машин. Машины были… не помню такую марку. Вроде бы, что-то отечественное, вроде Жигулей, но не Жигули. Остовы проржавели, а перед этим оба автомобиля были сожжены. Ясно-понятно. Идём дальше.

Через квартал встретился танк. Насколько помню, модель известная, Т-62, старый, но вполне действенный. Был действенный, раньше, когда работал. А теперь он мало чем отличается от сгоревших машин, разве что, за счёт толстой брони ржавчина проела не так сильно. А что с ним стало? Следов подбития не видно. Я примерно знаю, как выглядят пробоины от кумулятивных зарядов. Тут такого нет, и от бронебойного «костыля» следов нет. Зато есть другое: следы проплавления. Даже не так, две большие дыры в броне напоминают плевки кислотой. Точно, взяли ведро ядрёной кислоты и плеснули в двух местах. Даже в трёх, люк на башне был разъеден полностью. Что

стало с экипажем, оставалось только гадать. Думаю, ничего хорошего. Воображение сразу нарисовало лютых тварей, вроде киношного Чужого, плюющихся кислотой. А почему нет? Если тут водятся летающие ящеры с меня размером, то и такое может быть.

Между лопатками пробежал мороз, который слегка облегчил жару. Так, держим себя в руках. Поселение где-то здесь или чуть дальше. Правда, в письме было занятное примечание: если оно ещё существует. А если нет? Тогда всё плохо. Ладно, надо проверить.

Я продолжал обследовать улицу, в дома пока не совался. Кстати, а в домах-то открытые подъезды, причём, далеко не везде двери выломаны. Стальных дверей с домофонами нет вовсе. И окна не пластиковые. Я Союз застал только в самом раннем детстве, почти не помню, но, думаю, дома там выглядели именно так. А под ногами проржавевшие гильзы. Стрельба тут была. И не раз, среди старых гильз попадаются новые. Калибры разные, вот винтовочный с закраиной, вот автоматная пятёрка, а вот тут семёрка. Нашлась чека от гранаты, тоже свежая.

В одном месте споткнулся о человеческий череп, старый, кость уже белая. Череп мужской, явно пожилого человека. А на нём следы зубов, причём, зубов явно крокодильих. Дальше шли остатки баррикады, куски бетона, арматура, ежи, сваренные кое-как, кое-где ржавая колючка. И гильзы, много гильз.

Когда я перелез через баррикаду, обнаружил за ней пустырь. Дома тут раньше были, что-то, вроде одно- или двухэтажных бараков. Но их снесли и частично растащили, чтобы построить ту же баррикаду. Остались только фундаменты. А дальше шло типовое здание, в котором я без труда определил школу. Вот только вокруг этой школы вилась лента «Егозы», окна первого этажа были заложены кирпичами, а на втором оборудованы огневые точки, из одной совершенно точно торчал пулемёт. Пришёл, стало быть, существует поселение.

- А ну, стоять! – крикнули сверху. – Зачем пришёл?

- Я это… - я растерялся, не зная, как представиться. Не стоило, наверное, сообщать, что прибыл из другого мира. – Не местный.

- Вижу, - с усмешкой сказал мужик в рабочем комбинезоне на голое тело, что высунулся из окна на третьем этаже. – Иномирный засланец.

Нда. Легенда не нужна.

- Заходи, - велел он. – Вон там, снизу, дверь есть.

Я направился вперёд, где был небольшой просвет в колючке, а за ним имелась дверь. Маленькая дверь, явно бывшая когда-то чёрным ходом. Вздохнув, я шагнул за порог.

Глава третья

Внутри был полумрак, но в конце коридора светила тусклая электрическая лампочка. Это радует, хоть какая-то цивилизация. Там же, в конце коридора, стоял тяжёлый стол, явно утащенный из кабинета большого начальника. Хороший стол, из толстых досок, таким, если что, прикрыться можно, не всякая пуля пробьёт.

Там меня ждали. Седой не по возрасту мужик в просторной рубахе, в которую при желании можно двух таких завернуть. Он поманил меня рукой и указал на маленький раскладной стул.

- Садись, рассказывай. Давно здесь?

- Часов шесть.

- Ясно, что хотел? Хотя стой, угадаю. Ты Коростина ищешь?

- Угу, - уныло кивнул я.

- Ну, молодец, что хоть добрался.

- Я не первый?

- Я про пятерых слышал, до нас дошли двое. Их уже нет.

- А Коростина они нашли?

- Да чёрт его знает, нет, наверное. Тебя по новой форме узнать можно, хорошая форма. А карабин где взял?

- С трупа снял, так получилось.

- Ясно, оружие ставь сюда и иди к старшому. В подвал то есть. – Он указал мне на вмонтированную в стену оружейную пирамиду, где уже стояли два автомата Калашникова, в состоянии чуть лучше моего карабина. – Знакомый ствол. Вспомнить бы ещё, чей.

В подвал меня отвёл молодой пацан, лет семнадцати, что вынырнул из коридора. Ничего не говорил, просто жестом предложил следовать за ним. Мы прошли через железную дверь, и попали в бомбоубежище. Да, школа, особенно советская, - это хорошая крепость, в которой есть куда прятаться от бомбардировок. Несколько поворотов коридора, и мы оказались в большом зале, где громко работал двигатель. Пацан подошёл к массивной стальной двери и постучал особым образом.

- Открыто, - сказал оттуда недовольный голос.

Малец вцепился в ручку и с видимым трудом открыл тяжёлую дверь, так же молча указав мне внутрь. Сам остался снаружи.

- Ну, привет, - за большим столом сидел мужчина лет сорока с небольшим, опрятный, одетый в наглаженную синюю рубаху. Выглядел он, как начальник малого предприятия, смущала только кобура на ремне, в которой, судя по рукоятке, торчал револьвер системы Нагана. – Будем знакомы. Рогов моя фамилия, Борис Аристархович Рогов, начальник тутошний. Присаживайся. Рад, что ты живым добрался. Приключения по дороге были?

- Собак встретил, ещё каких-то тварей летающих, - одна бровь местного начальника приподнялась, видимо, новость тревожная.

- От собак ты ножом бы смог отбиться. Может быть, - заметил он. – А вот летуны… вас ведь без оружия отправляют.

- Оружие у меня было, - сказал я, указывая на дверь. – Сдал на входе.

- О, как! Научились передавать?

- Нет, здесь нашёл, карабин. Снял с убитого.

- А убитый?

- Не представился, - я развёл руками. – Его при мне убили. Почти. Вот это на шее было.

Я протянул ему медальон.

- Водолей, - он вздохнул. – Жалко, хороший парень был, смелый и везучий. Был. А как он погиб?

- Его двое убили, странные такие, в балахонах, морды все в татуировках…

- Где они? – перебил он меня.

- Мертвы, - сразу сказал я, а из груди местного начальника вырвался вздох облегчения. – Он их застрелил, обоих, а они его ранили. Я на выстрелы прибежал, смотрю, они мёртвые, а его уже потом по кровавому следу нашёл, он уполз, но не успел жгут наложить, кровью истёк, артерия на бедре была перебита. У него я карабин забрал и патронов немного. А потом собаки набежали, а чуть позже – крылатые.

- Ясно, - он вздохнул, потом встал, подошёл к незаметной двери в стене кабинета и постучал ногой. – Петрович!

Дверь открылась, оттуда послышался голос явно пожилого человека:

- Чего?

- Тут гость рассказывает, что Водолея писаные завалили.

Из-за двери раздалась матерная тирада, а потом снова вопрос:

- Где они?

- А он с ними вничью разошёлся, их завалил, а сам потом кровью истёк.

- Уже хорошо, давно их в наши края не заносило.

Петрович вышел из двери и присел рядом на табурет. Это был старик хорошо за шестьдесят, в рабочем комбинезоне и с руками, заляпанными машинным маслом. Ещё бодрый и с ясным взглядом, явно какой-то технический спец.

- Гриценко, - представился он, протягивая широкую мозолистую ладонь, которую ради такого даже слегка протёр тряпкой. – Ефим Петрович, инженер, оружейник, слесарь, токарь.

- Таранов Дмитрий Сергеевич, менеджер по закупкам, водитель большегруза, был.

- Вот и познакомились, - подвёл итог Рогов. – Теперь давай по существу.

- Да у меня всё стандартно, - я развёл руками. – Я Коростина ищу, а как найду, буду действовать по его указаниям. Ещё послание к нему.

- Смотри, Коростина мы знаем, он в этих краях человек известный. Вот только появляется раз в пятилетку. До тебя уже двое приходило, оба погибли по глупости.

- А у них были послания?

- Были, но, насколько помню, к нему не попали. Один своё просто потерял, там, если честно, дурачок был, недели здесь не прожил. Второй хранил при себе, хотя я предлагал оставить в крепости, тогда бы точно попало по адресу.

- И?

- В рейде он на ехидну нарвался, потом покажу тебе, что это такое. От него одни ноги остались. Кислота и послание сожгла. Самое обидное, что Коростин через два дня нарисовался, мы ему сказали про письмо, он матом крыл минут пять. Так что советую…

- Да ради бога, - я вынул конверт и положил его на стол. – Можно вскрыть, оно не секретное.

- Подозреваю, содержание только сам Коростин поймёт, - проворчал Петрович, потом вынул из кармана перочинный нож и

вскрыл конверт. На листе плотной бумаги от руки были написаны столбцы цифр и буквенные обозначения. Местами попадались пометки, написанные от руки, типа: «Медь рафинированная» или «Сечение 0.4», и «Регулятор на 8».

- Рано или поздно оно к нему попадёт? – спросил я.

- Да, попадёт, - Рогов взял послание и убрал в ящик стола.

На какое-то время повисло молчание.

- У меня вопросы есть, - скромно сказал я.

- Понимаю, – ответил Рогов и продолжил молчать.

- Пока Коростина нет, - сказал Петрович, - у нас поживёшь, в рейды ходить будешь, таскать хабар.

- Какой? – с интересом спросил я.

- Тушёнку, патроны, оружие, одежду, если найдёшь. Город-то, считай, миллионник, а людей живых тут едва три сотни наберётся.

- Я вот уже нашёл хабар, - я полез в мешок и вынул шприцы с зелёной жидкостью. – Не знаю, что это, но решил захватить. У тех самых писаных прибрал. Полезные они?

- Чистейший, - сказал Петрович, поднеся к глазам шприц с самой тёмной жидкостью. – Тут доз, наверное, сорок.

- Ну, не сорок, - скептически заметил Рогов. – Но двадцать будет. Явно к чему-то готовились. – Он повернулся ко мне, - это их допинг, усиление, один укол – и человек часа два будет прыгать, как заводной, железо руками гнуть и кирпичи разбивать. Сами мы не употребляем, слишком опасные побочные явления, а вот учёные берут хорошо.

- Учёные? А нельзя ликбез устроить, хотя бы короткий? - попросил я.

- А что знать хочешь? – хором спросили они.

- Всё, - ответил я. – И сначала: почему вы не удивились, когда к вам человек из другого мира пришёл?

- Во-первых, - тоном лектора сказал Рогов, - ты такой не первый, во-вторых, мы тут уже столько всего пережили, что пришельцы из другого мира нас точно не удивляют.

- Хотелось бы подробнее, - снова попросил я.

- Смотри, - объяснять начал Петрович, - лет пять назад, ну, чуть меньше, начался натуральный Конец Света. Повсюду в мире, и у нас, в Союзе, и за границей тоже, В Штатах, в Европе, в Азии, стали открываться окна в ад.

- Ну, это не ад был, - поправил Рогов.

- Разница невелика, - отмахнулся Петрович, - суть в том, что оттуда полезла всякая нечисть, такие твари и сякие, людей жрали, а некоторых себе на службу ставили. И так удачно они эти ворота открывали, что оказывались в самых густонаселённых районах. И так их было много, что даже наша армия с трудом справлялась. До того дошло, что по своей же территории ядерными бомбами били. Не везде, конечно, а только там, где большие скопления находили.

- Отбились?

- Ну, как сказать, от населения едва половина осталась, выживших эвакуировали, в Сибирь, на севера, в Казахские степи, короче, туда, где раньше с населением туго было, а потому и врата не открылись. Но тут небольшая поблажка вышла: попутно с вторжением климат меняться начал, ураганы были, вулканы просыпались.

- Зато теплее стало, - добавил Рогов.

- Именно, оказалось, что теперь вот эти облака, - Петрович ткнул пальцем в бетонный потолок убежища, - всё время висят. Ясных дней в году два-три, за счёт этого что-то с климатом случилось, тепло как-то там перераспределяется, и теперь по всей земле равномерно тепло. Вот.

- И атмосферное давление раза в полтора повысилось, - сказал Рогов, - но это учёные вообще никак не объясняют.

- А как отбивались? – спросил я.

- Известно как, могучая и непобедимая армия помогла. Война шла такая, что земля не выдерживала. Твари сплошным потоком шли, их и истребляли, как на конвейере. А врата эти, как оказалось, только ядерный взрыв мог уничтожить. И то, потом в другом месте новые вырастали, хотя и нечасто. Специально применяли такие снаряды большого калибра, с ядерной начинкой, мощностью, если правильно помню, в ноль восемь килотонны, хватало, чтобы ворота уничтожить, а заражение небольшое оставляли. В других странах ещё хуже, в Китае, в Америке, В Европе, там, считай, кладбище, туда даже наши заходили, чтобы в нескольких местах особо важные ворота закрыть.

В рассказанное ими верилось охотно, если тут Советский Союз остался, то его административно-командная система, при всех своих недостатках, была отлично заточена под экстремальные ситуации. Да

ещё могучая (без дураков) армия. Не удивлюсь, если в генштабе даже план лежал в сейфе именно на такой случай.

- А писаные – они тоже оттуда? – спросил я.

- Оттуда вышло – я как-то подсчитывал – сто сорок шесть разновидностей существ. - Сказал Рогов. – Это только те, что я видел сам. Из них разумными были только два вида. Один из них – атланты, так мы их называем, просто пришли и поселились, соблюдая нейтралитет. А с писаными всё иначе, они, вроде как, люди. Просто фанатики, религия у них такая. А во главе стояла какая-то королева, или богиня, или праматерь, чёрт её разберёт, просто баба во главе, вот она их и посылала. Просто психи, ни на какой контакт не идут, только бой, даже пленные от сотрудничества отказывались, предпочитали уморить себя голодом.

- И они такие опасные? – в голове у меня как-то не вязалось, что дикари, пусть и наглухо отмороженные, с холодным оружием могут составить конкуренцию современной армии с артиллерией, танками, ракетами и ядерным оружием.

- Ещё как, - невесело усмехнулся Петрович. – Они ведь разные, татуировки их – это вроде паспорта, кто на что способен, кто что умеет и кто кем служит. Ещё серьги в ухе.

- Да, я помню, у одного было шесть, у другого пять, - вспомнил я.

- Там не только от количества зависит, - сказал Рогов. – Там и сами серьги бывают разные, как звёзды на погонах. Про этих могу сказать, что-то, вроде сержантов армейских. А были и другие, те, что магией обладали, могли взмахом руки самолёт сбить, те, кто на драконах летал, настоящих, огнедышащих. Вот тоже загадка: учёные потом драконов этих изучили вдоль и поперёк, даже, по слухам, живых захватывали, но так и не узнали, как такая туша могла летать. Тут и повышенное атмосферное давление не в помощь, всё равно не взлетит, там крылья нужны с футбольное поле каждое. К счастью, драконы им победу не принесли, летали они хорошо, но вот огнесмесь быстро заканчивалась, мало её вырабатывали. И сбивали их из зениток типа «Шилки». И магов со временем перебили, они снаряд сбить не могли, так что прилетало на общих основаниях.

- А королева их?

- И королеву прихлопнули, правда, точно никто не знает, труп не нашли, знают только, что справа и слева от неё два ядерных заряда

шарахнули, килотонн на восемь каждый, после такого, сам знаешь, выжить сложно. Там ещё этих писаных полегло дивизий пять. Собственно, на этом война и закончилась, врагов резко стало меньше, новые врата теперь появляются раз в полгода, а старые, вроде как, неактивными стали, а люди потихоньку отвоёвывают потерянные территории. Тварей ловят и изучают, писаные теперь встречаются редко, но всё такие же злобные. А тут, у нас, как видишь, разруха и бедлам. Ближайший островок цивилизации в ста километрах к северу, там опорный пункт, военный городок тысяч на десять, оттуда на большую землю поездом доехать можно. А из городка того сюда и не только экспедиции ходят. Бывает, вояки тоже к нам заезжают. Тут ведь территория разведанная и даже местами зачищенная. А остальной город, процентов этак, восемьдесят, всё ещё во власти тварей.

- Твари настолько опасные?

- Там не только твари, то есть, твари – это главное, там всяких ловушек волшебных полно, вроде как, из их мира притащило, шагнёшь не туда, а тебя в землю засосёт, или огнём зажарит, да ещё паутина по стенам, неприятная штука.

- Аномалии, - задумчиво произнёс я.

- Типа того.

- А вы почему здесь? – спросил я.

- А кто как, - Рогов пожал плечами. – Кто-то эвакуироваться отказался, кто-то решил, что тут заработать можно, кто-то от закона прячется, кого-то забыли вывезти, было и такое, особенно во время войны. Парнишка тот, что тебя сюда провожал, так вовсе не пойми откуда, нашли здесь, говорить не может, но всё слышит, видимо, от шока онемел. Писать может, имя своё сообщил, а больше ничего. Иногда рисует, рисунки странные, но по ним выходит, что с атлантами дело имел.

- А атланты эти?..

- Тоже разумная раса оттуда, только совсем немногочисленные, не знаю, сколько их, думаю, несколько сотен или даже десятков. Они к нам зашли вместе с писаными, но воевать не стали, просто попрятались. Найти их невозможно, появляются на глаза только тогда, когда сами захотят, чтобы их видели. Но с ними у нас хорошо, если атланта встретил, жди, что он к тебе с просьбой обратится (они наш

язык отлично знают, но говорят мало и редко, зато могут телепатией общаться), а когда просьбу исполнишь, одарит чем-нибудь.

- А как они выглядят?

- Ростом два метра, крепкие, кожа бледная… ну, да, у нас тоже бледная, без солнца-то, но у них совсем, прямо как у трупа и вены просвечивают. Глаза странные, как будто бесцветные, волосы не растут почти. Одеваются обычно в набедренную повязку, синюю или красную, с золотой вышивкой. Говорят ещё, что кровь у них голубая, но я не видел. Появляются всегда из ниоткуда, не было никого, глядь, а он уже рядом. Поговорит с тобой и пропадёт, как сквозь землю. Ещё их писаные боятся, как огня, если рядом атлант, писаные бегут, сломя голову, хотя те мирные и без оружия.

- А что за просьбы у них? – спросил я.

- Просьбы разные, иногда тварь какую убить, иногда поймать и притащить живую. Я один раз с ними контактировал, у меня попросили десять килограммов меди принести. Я за три дня достал и принёс, куда сказано, а взамен получил… короче, такая штука, что можно тварей приманивать. Вроде, без надобности, но, если охоту затеял, то оно незаменимо.

- Артефакт, - снова вспомнил я.

- Типа того, некоторые их так и называют.

- А вы, значит, за счёт города кормитесь?

- Не совсем так, конечно, город большой, и кормиться есть с чего, да мы и сами тут кое-где огороды разбили. Но без контакта с Большой землёй давно бы всем конец пришёл.

- Помогают?

- Да как сказать, - он поморщился. – Обычно не бесплатно. Нас бы всех с удовольствием переловили и к ответственности привлекли, да только ловить некому, да и наказывать по сути не за что. К тому же, мы иногда полезны бываем. Добываем дары разрушенной земли и продаём им. Там, в лагере этом, что на месте посёлка Тишково стоит, куча научных лабораторий, а в них изучают всё то, что мы добыть можем.

- Сами отвозите?

- Да, сейчас разговор идёт, чтобы открыть неподалёку базу, охраняемый блокпост, где постоянно будет парочка учёных сидеть и наше добро принимать. В черте города или рядом. Пока что туда

машины гоняем. Горючки у нас мало, поэтому гоняем редко. Но они платят, за потроха тварей, за артефакты, даже за обычные ценные предметы. Не деньгами, конечно, деньги тут не особо… Тушёнка, лекарства, одежда, обувь. Патроны и оружие редко получается выпросить. Один раз люди из соседнего лагеря отвезли груз, не знаю, какой, но очень ценный, взамен выпросили уйму стволов, только гладких. Ружья охотничьи, наши двустволки и американские, такие, что цевьём перезаряжают.

- Помповые.

- Точно, но нам и это большое подспорье.

- С оружием туго? – я вспомнил в хлам изношенный карабин покойного Водолея.

- Ты не представляешь, - снова взял слово Петрович. – Они, когда эвакуацию проводили, вывезли все склады. Вроде бы, один продовольственный остался, но его откопать не могут. Как откопают, будем все с продуктами, хоть тушёнку и зерно будем без проблем доставать. А вот оружие выгребли всё подчистую, нам только отделы милиции остались, да отряды ВОХРа.

- Ещё один склад оставили, артиллерийский, уйма снарядов к пушкам и гаубицам, - с усмешкой проговорил Рогов. – Мы его тоже прибрали, как-никак порох.

- А разве он подойдёт к ружьям? – удивился я.

- Если правильно обработать, то подойдёт, правда, сыпать его нужно половину щепотки, иначе ствол разрывает. Опять же, из пороха и фугасных снарядов можно бомбу соорудить, а ещё порох – отличная основа для алхимии, тут кое-кто от пришлых перенял. Снаряды зажигательные делаем, пули тоже. Тварей так просто не убить, там или калибр нужен конский, или начинка пули соответствующая.

- Кстати, Водолей какими-то особыми пулями стрелял, там раны были во, - я показал руками окружность.

- Моя фабрика, - с довольным видом сообщил Петрович. – Теперь ты тем карабином пользоваться будешь. Хотя, говоря откровенно, зря.

- Почему?

- А патронов таких нет почти, и у солдат не встречается. Мы, когда солдаты приезжают, стараемся договориться. Колонна большая, броня, грузовики, иной раз даже танки. Командиры за всеми не уследят. Отозвал солдатика в сторону, дал ему пару колец золотых, а он

тебе из магазина патронов нащёлкает, штук двадцать-тридцать. Не знаю, как они потом их списывают, но такое часто бывает. Но у них у всех пять сорок пять. А для карабина взять негде и перезаряжать их вручную нежелательно. Короче, достреляешь то, что осталось, а потом сдай на склад. Выдадим ещё что-нибудь.

- Есть ещё склады, где всякое старое оружие хранится, с Войны ещё, винтовки трёхлинейные, ППШ, Дегтярёвы. Их вывезти не успевали, поэтому взорвали. Но не целиком. Часть построек сохранилась, там сейчас соседи наши раскопки ведут. Вроде, даже нашли чего-то. Там не только стволы, там и патроны должны быть.

- Ясно, – сказал я, хотя по большому счёту ничего было не ясно. – Чего теперь-то делать?

- Сегодня – уже ничего, - сказал Рогов. – А вообще, тебе ведь Коростина дождаться нужно, вот и будешь ждать. А пока, чтобы без дела не сидел, будешь в рейды ходить с парнями, мы постепенно зону чистую расширяем. Сейчас тебя в столовую проводят, потом покажут, где спать. Народу у нас немного, и в городе этом, и в нашей, прости господи, коммуне, так что место найдётся.

- А Коростин – он кто?

- Инженер, учёный, изобретатель. Он, вроде бы, переходами занимал между мирами. Какую-то машину изобретал, но пока не получалось. Вот эти цифры, что ты привёз, они ему в помощь. С вашей-то стороны проход есть, но он односторонний и с рядом ограничений.

Эта новость меня обрадовала. Значит, есть шанс свалить обратно. Только Коростина этого дождаться. Потом меня проводили в столовую. Столовая была в том же помещении, что и раньше, в мирное время. Школа как-никак. Я был единственным посетителем. За прилавком стояла женщина лет пятидесяти, увидев меня, она подозрительно прищурилась, потом проговорила:

- Новенький? Садись, кое-что есть, накормлю.

И в самом деле, накормила. Через минуту на столе стояла тарелка борща, довольно жирного, а вот хлеба не было, только старые галеты. Понятно, хлеб долго не хранится, а пекарни своей нет. Зато нашлось сливочное масло, которое на эти галеты полагалось мазать, а ещё блюдо с макаронами и котлета со странным вкусом. Наконец, были

поданы два стакана с компотом. Неплохо, учитывая ситуацию. А хлеб – не беда, я и дома его почти не ел.

Расправившись с ужином, отбыл в свои апартаменты. Как ни странно, мне выделили отдельный номер на втором этаже, где, судя по плакатам на стенах, когда-то был класс английского языка. В качестве постели служили составленные парты, а матрас и подушку выдали со склада. Одеяло пока отложил в сторону, мне без надобности, поскольку очень тепло, я бы даже сказал, жарко. Возникла мысль помыться, но баню здесь топили два раза в неделю, или экстренно при возвращении группы рейдеров из дальнего похода. Сегодня не такой день. Я просто разделся и лёг на парты, рядом со мной лежал старый карабин покойного Водолея.

Глава четвёртая

- Доброе утро? – в комнату мою заглянул молодой парень в военной форме. – Тебя как звать?

- Дмитрий, - сказал я, открывая глаза, мелькнула надежда, что это всё было сном, но тут же и пропала, кабинет английского, я сплю на партах, рядом карабин.

- А меня – Лёва, собирайся, сегодня в рейд идём, после завтрака у старшего собираемся, задачу получим и вперёд.

Ну, да, я и не рассчитывал, что меня будут здесь держать, как дорогого гостя, раз пришёл, будь добр, приноси хоть какую-то пользу. Но я и сам не против поработать. Опять же, интересно будет побродить по брошенному городу.

Я собрался, времени хватило, чтобы одеться, умыться, вспомнить дорогу в столовую, а потом, уже познакомившись с большей частью коллег, отправиться к начальству за заданием. Восемь человек с оружием построились в неровную шеренгу в просторном зале убежища.

- Итак, - начал Рогов. – На сегодня ваша цель – вот это район, - он сделал шаг в сторону и, остановившись у карты города, наклеенной на стену, обвёл пальцем два квартала.

- А как пройдём? – спросил Винокур – наш полевой командир, крепкий мужик лет тридцати, как я понял, из бывших армейских офицеров.

- В подвале дома номер шесть по переулку Космонавтов есть подвал, - сообщил начальник. – В нём на прошлой неделе святоши

закончили пробивать тоннель и соединили его с домом тридцать семь по улице Стаханова, через него и пройдёте.

- А в подвале точно никого нет? – спросил Лёва.

- В тот момент никого не было, сейчас – не знаю.

- Ясно, - кивнул Винокур. – Что ищем?

- Вот тут, на углу, - Рогов сузил район поисков. – Стояла авторемонтная мастерская. Как обычно, инструмент, горюче-смазочные материалы, может быть, что-то из запчастей. Ну и попутно осмотрите дома, тот район, насколько знаю, вообще ни разу толком не обследовали и нормальная эвакуация оттуда не производилась. Все ценности должны быть на месте.

- И скелеты тоже, - грустно пошутил Николай, здоровенный парень явно сельского происхождения.

- Если туда писаные первыми вошли, - спокойно объяснил Рогов, - то скелетов там нет или почти нет. Сами знаете, они, если возможность есть, всегда живыми берут.

- А зачем? – спросил я, я тут новенький, мне глупые вопросы задавать не возбраняется.

- Обращают на свою сторону, делают их безмозглыми рабами, к которым, например, можно бомбу привязать и в атаку отправить.

Я кивнул, получив ещё кусок неприглядной информации о мире.

- Время рейда – ориентировочно до вечера. Если найдёте что-то серьёзное – сообщите по рации, можно подмогу прислать. Встретите серьёзную тварь, тоже сообщайте, геройствовать не нужно, людей и так мало, вчера ещё Водолей нарвался.

- А правда, что его писаные завалили? - спросил Седой, относительно молодой мужик с полностью седыми волосами, собственно, первый, кого я здесь встретил.

- Правда, - не стал скрывать Рогов. – Но и он их завалил, так что разменялись. Больше писаных пока не видели.

- Выдвигаемся, – негромко сказал Винокур, повернувшись к коллективу.

И мы выдвинулись. Группа в восемь человек – это не так уж мало, если врагом выступает одиночная тварь. Если тварей будет много, начнутся проблемы, а если нарваться на аналогичное количество писаных, то, скорее всего, нам труба. Всей группе. Очень уж высоко

оценивали местные их боевые качества, а Водолей, как его описывают, был профессионалом редким, только поэтому сумел двоих застрелить.

Проблему усугубляло слабое вооружение. Автоматов было только два, первый, даже не автомат, а пулемёт РПК, был у командира, и, вроде бы, даже с хорошим запасом патронов. Вторым был огрызок АКСУ, что нёс на себе Ильич, лысый мужик с бородой, это, как я понимаю, было прозвище, данное за сходство с вождём мирового пролетариата. При этом у него был только один запасной магазин, что сиротливо торчал из кармана. Ещё у троих были охотничьи ружья-переломки, у меня – самозарядный карабин (Петрович перед выходом выдал мне ещё пять патронов моего калибра с разрывными пулями, сказав, что это остатки роскоши, а потом карабин придётся-таки сдать), а ещё двое несли винтовки Мосина в каком-то длинном варианте, не карабины точно. Само собой, и у них тоже было туго с патронами. Чтобы хоть как-то компенсировать этот недостаток, почти все имели при себе топоры, сразу и инструмент, и холодное оружие, тем более что на обух наварена кирка, которой можно пробивать черепа монстрам. Мне перед выходом вручили фомку, короткую, но довольно удобную, драться ей тоже можно.

Дорога поначалу была простой, мы шагали по узкой улице в гору, потом с горы, потом повернули, оказавшись в переулке Космонавтов. Прошли всего километра три, не больше, дальше, как я понял, начинались неведомые земли. Сразу стало интересно, что мешает пройти в нужный район по поверхности, о чём я спросил Винокура.

- Иди сюда, - позвал он, встав у поворота.

Мы выглянули из-за угла.

- Смотри.

Вдоль всей улицы были натянуты нити паутины, судя по толщине, паук, что их плёл, был размером с быка. Нити лёгкие, колыхались при слабом ветре. Часть переплеталась между собой, образуя причудливую сеть, часть просто висела, как бельевые верёвки.

- Порвать их очень трудно, - стал объяснять командир. – Прочные, как стальной канат. А стоит прикоснуться, приклеиваются намертво, а при попытке оторвать, могут разрезать руку или ногу до кости. Если бульдозер загнать, то проблему решим, только ковш весь изрезан будет. Да и смысла в этом пока нет, эта дрянь не только нам дорогу преграждает, но и тварям тоже.

- Понял, - кивнул я, после чего мы все отправились в подвал.

Когда спустились, пришлось зажечь примитивные факелы, с электрическими фонарями тут были проблемы, точнее, фонари-то были, а вот батарейки в дефиците. Ага, вот и дыра в стене, а дальше идёт тоннель.

- Ждём, - сказал Винокур, после чего вынул из-за пазухи картонную трубку, которая оказалась фальшфейером кустарного изготовления.

- Глаза, - скомандовал он.

Я зажмурился, но, когда огонь зажегся, закрытые веки мне не помогли, настолько ярко светило. Зажигалку он метнул в проход, при этом активно прислушивался к звукам, исходящим оттуда, а рядом стояли двое с дробовиками, направив стволы в тоннель.

- Подземные твари, – объяснил он, - очень не любят свет, а от яркого света бегут с воплями. Воплей не слышно, поэтому вперёд.

И мы пошли, тоннель был узким, вдвоём разойтись трудно. Да и в высоту маловат, мне с моим ростом метр восемьдесят приходилось регулярно наклонять голову, а среди нас были и те, кто повыше.

- А кто такие святоши? – спросил я у идущего следом за мной Лёвы.

- Тут, на западной окраине, ещё до всего этого, монастырь был, мужской, обитель имени чего-то там. Или кого-то. Монахи там жили, человек сто. Опиум для народа продавали.

- И? – спросил я.

Одновременно стало интересно, как сочетается монастырь и советская власть. Впрочем, у нас в Союзе тоже ведь какие-то монастыри были, религия полностью не исчезала никогда.

- Так вот, когда всё началось, монахи эти смогли за себя постоять. Оказалось, что магия писаных на них не действует. Совсем. До того доходило, что в атаку монах шёл с молитвой, а за ним автоматчик прятался и стрелял через плечо. Некоторых, правда, в процессе ножами зарезали, но остальные выступили на все деньги.

- А в чём секрет? – спросил я.

- Никто не знает, некоторые говорят, что, мол, истинная вера может противостоять магии. Другие, скептики, утверждают, что монахам в самом начале встретился атлант, который их и научил как-то нечисти противостоять. Или какой-то особый артефакт подарил. Как

бы то ни было, а противостояли успешно. Их хотели эвакуировать, но самый главный монах, игумен, что ли, сказал, что никуда не пойдём, бояться мы не привыкли, паства наша здесь, останемся. Они и остались. Их там человек пятьдесят всего осталось. Большая часть – старики. Зато живут неплохо, территория монастыря защищена хорошо, оружие есть, огороды, скотина какая-то. В целом, устроились не хуже нас. Ещё и посылки по своим каналам получают, через церковь. Их территория отсюда в десяти километрах примерно. Дорога туда есть. Они заодно и институт прикрывают.

- А что за институт?

- Ну, был там один НИИ, так его учёные заняли, ну, не учёные, а так, из местных, кто разбирается немного, а ещё там районная поликлиника рядом. В ней парочка врачей есть и пять медсестёр. Туда раненых и больных доставляем. Ну и помогаем всем миром, лекарства приносим добытые, спирт в виде водки или самогона. А учёным носим новых монстров, артефакты, а они взамен алхимию сложную разрабатывают, на технологиях писаных, кто-то что-то даже в магии понимает. Вот только мало их, сами защититься не смогут. Вот и прячутся за монахов. Мы тех святошами называем, но не со зла, с ними отношения нормальные, и если мы на их территорию зайдём, драки не будет. Тут вообще люди с людьми стараются не ссориться, мало нас, и становится всё меньше.

- А монахам разве можно с оружием?

- Против тварей – можно, а против писаных - не знаю. Как-то справляются.

Тут подземный ход закончился, мы снова оказались в подвале, но уже другого дома. Дорогу нам перебежала крупная крыса, двое из нас вскинули оружие, но тут же его опустили.

Когда поднялись по лестнице наверх, выход оказался закрыт, на решётке висел древний амбарный замок. Получается, монахи, пробив проход, дальше не пошли. Немой парень, что тоже шёл с нами, немедленно вытащил руки наружу и начал ковырять его гвоздём. Работа заняла минут пять, после чего он развернулся, посмотрел на старшего и отрицательно помотал головой.

- Заржавел? – с пониманием спросил Винокур.

- Тот смущённо кивнул.

- Ну, да ладно, - сказал он и посмотрел на Николая.

- Коля?

Тот ничего не ответил, просто протянул мне руку, я, поняв, что ему нужно, подал фомку. Ну, да, где не помогает отмычка, всегда найдётся лом. Правда, орудовать ломом тут тоже было не с руки, следовало просунуть руки сквозь решётку, а руки у Коли были такие, что… впрочем, как-то он извернулся, вставил, напрягся, в первый раз лом соскочил, но при второй попытке раздался скрежет, потом громкий щелчок, после чего изувеченный замок упал вниз. Все получилось идеально, только очень громко. Будь я чудовищем, уже бы заинтересовался.

Некоторое время мы стояли, выжидая реакции местных обитателей. Потом старший открыл решётку. Петли скрипнули, но, к счастью, не так громко, как могли бы. Группа по одному начала выбираться на свет. Винокур, оказавшись снаружи, осмотрелся, потом указал пальцем на дом, стоявший напротив, сначала на первый подъезд, потом на второй. Всего их тут было три, но третий вход был обвален, как я думаю, попаданием снаряда. Да и на стенах есть следы от пуль, а половина окон разбита. Весело тут было пять лет назад.

Быстро перебежав улицу, мы ворвались в подъезд. Стальных дверей тут ещё не придумали, а потому оказаться внутри было легко. Меня с собой взял Николай, опять же, не сказав ни слова, а просто жестом велев идти за ним. Отряд разделился на две группы, одна работала снизу, вторая, в которой был я, вскрывала квартиры сверху, с пятого этажа. Квартиры были просторные, на этаже было всего две двери. И снова порадовала беспечность людей, что когда-то здесь жили, а ещё спокойная криминальная обстановка в стране. Двери дощатые, с замками, но совсем простыми, некоторые дерматином обиты, но стальных нет ни одной. В группе со мной был здоровяк Коля, немой парень, а ещё Седой.

Немного отжать дверь монтировкой, потом дёрнуть – добро пожаловать. Простор для мародёрства. Не знаю, как тут всё произошло, но следов панического бегства не видно, как и следов организованной эвакуации. Создалось впечатление, что люди просто исчезли.

Я, как вор неопытный, сперва растерялся, тогда как мои коллеги быстро начали шарить по комнатам. Вскрыли гардероб, порылись в кухонном шкафу. Две банки консервов вздулись и были признаны

негодными к использованию, а вот сахар в герметичном пластмассовом контейнере, пусть он и слипся в монолит, забрали с собой. Для добычи имелись прочные тканевые мешки, к которым пришили лямки, превратив в подобие рюкзаков. Нашёлся чай, соль, крупа, взяли кое-что из одежды, опять же, приличный серый костюм, ранее принадлежавший главе семьи, оставили висеть на прежнем месте, а вот брезентовый комбинезон забрали, как и спортивный костюм чёрного цвета.

Я открыл шкаф и порылся в документах, с верхней полки торчала аптечка. Тут же открыл и перебрал таблетки.

- Бери всё, - уверенно сказал Седой, - на месте разберём.

Это было логично, помимо таблеток, в картонной коробке имелся бинт, лейкопластырь, йод, зелёнка, всё то, что не имеет срока годности, а в местных условиях очень ценно.

- А деньги? – спросил я, показывая заместителю командира тонкую пачку купюр.

- Храните деньги в сберегательной кассе, - он ощерился в улыбке. – Оставь, после всего денежная реформа прошла, так что…

А вот другие ценности пригодились. В трюмо была выдвижная полка, где в красивой деревянной шкатулке хранила драгоценности хозяйка. Золотое кольцо с сапфиром, две цепочки, с кулоном и без, два обручальных кольца, серьги с красным камнем. Это всё Седой принял отдельно и сложил в специальную коробочку. Личных трофеев, как я понимаю, тут нет, всё идёт в общак.

Закончив с этой квартирой, пошли в следующую, добыча была сопоставима, если не считать почти полный мешок почти не испорченной гречки. Этот трофей немедленно спустили вниз. Обе группы встретились через три часа с небольшим на третьем этаже, нижние сделали уже несколько ходок в подвал, перетащив добытое. Там, как я понял, был ещё кто-то, кто шёл за нами. Что же, если даже мы спалимся и погибнем, хоть добытое добро не пропадёт. Пока в подъезде шла суета с перемещением добычи, я занялся оставшейся квартирой. Её даже вскрывать не пришлось, дверь была не заперта.

Жили тут небедно, или просто хозяин любил красивое оформление. Скорее всего, интеллигентная семья, в большой комнате стояло пианино, на стенах были развешаны портреты работы неизвестных художников. В детской висела большая географическая

карта. Пришлось задержаться и посмотреть. Всё то же самое, только Союз на месте и Югославия целая. И Чехословакия. Германия только одним куском. Так и хочется спросить тоном одного комика «А чё, так можно было?»

В кабинете, где заседал глава семьи обнаружился… точно, настоящий компьютер, при этом довольно продвинутый, с тонким монитором, удобной мышкой и клавиатурой, состоявшей из двух половин, соединённых друг с другом под странным углом. Слышал однажды про такие, это чтобы при долгой работе кисти не травмировать. Я привык к местному обществу относиться, как к архаичному, Союз ведь, а время-то тут тоже ушло вперёд. Вот и пользуются гаджетами, пусть не так широко, но всё же. Кстати, по календарю у них начало нулевых, то есть, БП грянул где-то в девяносто восьмом. Достаточно, чтобы снабдить некоторую часть населения компьютерами.

Разумеется, я немедленно сгрёб добычу вместе со всеми проводами и убрал в мешок. Нужно будет осторожно нести. Отправился дальше. За шкафом имелся набор удочек, значит, товарищ был ещё и рыбаком. А может быть он и уточек любил пострелять? Точно. Ружьё ждало меня на стене в спальне, как у Чехова, если в начале на стене висит ружьё, то потом оно… правильно, достанется мародёрам. А вот с патронами пришлось повозиться, нашёл их в диване, что складывался, как книжка. Готовых было всего восемь штук, с бумажными гильзами, судя по маркировке, дробь ноль. А ещё порох в картонной банке, пыжи из войлока, капсюли, пули, картечь и латунные гильзы в количестве аж двадцати штук. Это я уже решил прикарманить себе, так уж вышло, что мне скоро придётся оружие менять. Знать бы ещё, что за модель, и какие у неё особенности. Двустволка, курков нет, калибр двенадцатый, есть маркировка ТОЗа. Тульская, значит. Приклад красивый, с полупистолетной рукояткой.

- Хочу себе взять, - сказал я, когда в комнату вошёл Седой.

- Бери, – кивнул он. – Нашёл чего?

- Компьютер, – я указал на мешок, - сложил уже.

- Молодец, а насчёт ружья… Там инструменты есть, возьми ножовку и сделай обрез. Пригодится в качестве короткого ствола.

- Долго, - заметил я, - нам ведь скоро уходить.

- Конкретно нам с тобой придётся тут задержаться, уйдёт основная группа, сейчас в мастерской всё закончат и уйдут, а мы… короче, тут ещё ночью дело будет. Останемся только я, ты и Немой.

- Принял, – сказал я и отправился за ножовкой.

Группа, прихватив добычу, отправилась обратно, снова через подвал. А мы засели в той самой квартире, где я нашёл компьютер и ружьё. Я старательно сорил железными опилками на пол, пытаясь отрезать стволы, Немой сидел у окна и посматривал наружу, а Седой вынул сигарету, но всё не решался закурить.

- Может, не стоило ружьё портить? – спросил я, допилившись до середины.

- Дробовиков у нас хватает, всё равно они в ближнем бою работают. Для дальнего боя винтовки есть. Да и стрелять из ружья, скажем, пулей, - такое себе занятие, там ведь чоки стоят, сужения, если пуля калиберная, то лучше не надо. Ты патроны-то добыл?

- Восемь штук, - я вынул из кармана гильзу и продемонстрировал. – Не факт, что рабочие.

- Должны быть рабочие, вот, держи ещё.

Он вынул из кармана патроны, явно взятые у других, кто имел при себе дробовики. Гильзы пластиковые, как в моём мире, только пластик более плотный.

- Вот это – картечь связанная, вот тут – пуля, две штуки, на пыжах написано. А вот это, - он показал ещё один патрон, где на пыже стоял восклицательный знак, - зажигалка, жуткая редкость, даже алхимики такое не всегда могут сделать, даже если у них производные есть. А наш Петрович сделал.

- Магний?

- Если бы, магний – это детский лепет. Эта пуля стальной лист прожигает, в палец толщиной. Только сделать трудно и дорого, береги, в общем. На крайний случай.

- А куда мы ночью пойдём? – спросил я, возвращаясь к работе.

- В сторону ЖД вокзала, раз уж сюда пробрались, грех не воспользоваться. Точнее, тут вторая станция была, сортировочная.

- А что там? – работа была нелёгкой, я даже вспотел.

- Там составы собирали, текущий ремонт, много чего.

- А нам оно зачем? – не понял я.

- Там было заведение, где сидела ведомственная охрана, не главная их контора, а что-то, вроде пункта дислокации.

- Оружие?

- И патроны.

- Сколько помню, у нас ВОХРовцев всяким дерьмом вооружали.

- Так и есть, у нас, например, есть наганы и пистолеты ТТ. А патронов к ним почти нет. Кроме того, там ещё нужно путь разведать, говорят, «выход» там есть, чуть дальше, на самих путях.

- А выход - это что такое?

- Ну, когда всё началось, из ворот в основном только твари лезли, а кое-где (по слухам, сам не видел) есть выходы кусков того мира, ворота, а за ними пространство, здания там какие-то, растения чужеродные, иногда даже склады есть чего-то. Попробовать стоит.

- И ещё вопрос, - обрубок ствола упал на пол, я в течение минуты перевёл дух и занялся прикладом. – Почему всё это именно ночью нужно делать? Может, лучше засветло?

- Насчёт здешней фауны мы ничего не знали, но прошло всё хорошо, никого не встретили. А вот на железнодорожных путях обязательно водятся ехидны, твари жуткие, но полезные.

- Кислотой плюются? - уточнил я.

- Ага, метров на пять, зато, если такую убить, внутри кристалл крупный, его на Большой земле покупают задорого, даже патронами могут заплатить.

- И они там только днём?

- На ночь крепко засыпают, чтобы разбудить, нужно постараться. А почему на путях, не знаю, знаю только, что они металл любят, где металла много, там и селятся. Вдобавок, в тех местах больше никто не живёт, не любят они соседей.

Кусок приклада упал на пол, теперь у меня в руках был аналог древнего пистолета. Стволы отпилил в четырёх сантиметрах от цевья. Вернув ножовку в ящик (хорошая, кстати, ножовка, полотно после работы как новое), вынул оттуда напильник и начал шлифовать место спила. Подумав, где разместить второй ствол, не придумал ничего и просто сунул его за ремень. Патроны сосредоточил в нагрудных карманах, а в стволы загнал два хозяйских, с дробью.

- Готов, - заявил я.

- Сядь вон там и сиди, - сказал Седой и бросил мне пачку печенья, сладкого, но, по причине древности, почти каменного. – Поешь пока, до ночи ещё долго.

Глава пятая

Стемнело быстро, хотя тут никогда не бывает по-настоящему светло. Тучи висят в небе постоянно, притом, что дожди идут редко. Как только я перестал различать своих спутников, раздался шёпот Седого.

- Идём.

Мы вышли в дверь и спустились на первый этаж. Станция располагалась за домом, не сразу, конечно, следовало пересечь ещё две дороги, а уже там, за небольшим ограждением, начинались пути. Когда добежали до места, я вообще перестал что-либо различать. Седой тут же зажег фонарик, который крепился к карману куртки и светил строго под ноги, благодаря приделанному козырьку.

- Прыгай, - велел он, подставляя сложенные руки.

Я наступил ему в ладони, оттолкнулся. Ухватился за верхний срез забора и легко перепрыгнул на ту сторону. Сделал шаг в сторону, а на моё место тут же приземлился Немой. Командир оказался самым ловким, он влез без чьей-либо помощи, причём справился ещё быстрее, чем мы.

- Сейчас вдоль забора до того здания, - шёпотом объявил он.

Здание, на которое он указал, отстояло от нас метров на пятьсот, увидеть его мы могли только благодаря светлой окраске. Отправились по шпалам, Седой шёл впереди, подсвечивая фонариком себе под ноги. Мы плелись за ним. Я в середине, а Немой замыкающим, он сжимал в руках винтовку и внимательно смотрел по сторонам, словно мог что-то там рассмотреть.

- Стой, - всё так же шёпотом объявил командир где-то на середине пути.

Мы замерли на месте.

- Вот, полюбуйся, какая красавица, - он указал вперёд и вниз, слегка приподняв фонарь, так, чтобы луч направить чуть дальше.

На рельсах разлеглось нечто ужасное. Насекомое, несколько суставчатых ног с когтями, торчавших в стороны, длинная шея в кольцах хитина, уродливая овальная голова с каким-то раструбом на месте рта. Лежала она, скорчившись, поэтому размер можно было

определить только приблизительно, метра два с лишним от куцего хвоста до морды. Она неподвижна, явно спит, но даже так производит неслабый эффект. Хочется немедленно развернуться и бегом свалить отсюда, зажимая себе рот, чтобы не закричать.

Но спутников моих спящий монстр не впечатлил. Немой даже нагнулся и указал на шею твари.

- Ага, вижу, - сказал командир. – Жёлтое кольцо на шее, матёрая тварь. Кристалл отменный.

После этого мы спокойно перешагнули через тварь (при этом я чувствовал, как у меня дрожат колени от страха и омерзения) и отправились дальше.

- А почему не убить спящую? – спросил я.

- Убить даже спящую непросто, - объяснил Седой. – А ещё выстрел поднимет остальных, их тут не меньше десятка только взрослых, стаями живут. Потом убежать не сможем, они, в отличие от нас, в темноте видят. Или не видят, но по запаху людей находят. Короче, если и будем убивать, то на обратном пути.

Я прикинул, сколько всего мы понесём на обратном пути, и решил, что пусть лучше тварь живёт. Не хочется мне с ней враждовать.

До заветного здания добрались без происшествий, за это время увидели ещё одну ехидну, что спала на соседнем пути, положив голову на рельс. Взобравшись на невысокое крыльцо, мы приоткрыли входную дверь. Дверь была не заперта, но на пружине, что выполняла функцию доводчика. И пружина эта была плохо закреплена, ну, или проржавела, что тоже неудивительно. Седой проскочил внутрь, следом стал заходить я, а наш неразговорчивый друг придерживал дверь. Тут пружина оторвалась, с громким лязгом упала на пол, дверь открылась на полную, хлопнув по стене, а Немой чуть не свалился с крыльца. Он свалился бы, если бы не рука командира, что высунулась изнутри здания и крепко ухватила его за воротник.

Мы даже дверь не закрыли, стараясь топотать потише, углубились внутрь, шагая по длинному коридору. Вдоль стен шли закрытые двери, но Седой на них не обращал внимания, только тащил нас дальше по коридору, пока не завернули за угол.

- Думаешь, проснулись? – Седой не собирался никого обвинять, только спросил мнение парня.

Немой пожал плечами, но особого беспокойства не выразил, явно уверен в успехе, он вообще был из нас самым спокойным. Мы постояли в коридоре ещё около десяти минут, после чего командир развернул фонарик так, чтобы тот давал достаточно света, и мы двинулись дальше. Отыскать заветную комнату получилось только на втором этаже. Там была единственная в здании стальная дверь. Правда, крепость двери компенсировалась сломанной стеной. Что именно тут произошло, оставалось загадкой, только кусок стены в метре от двери был вынесен чем-то, вроде пушечного ядра, в получившейся дыре торчали оторванные концы стальных прутьев.

Дыра была маловата для нас, а вот Немой, сбросив часть экипировки, смог кое-как протиснуться внутрь. Там он достал ещё один фонарь и занялся поисками. Отсутствовал он минут двадцать, после чего высунулся наружу и протянул пистолет в кобуре. Седой подхватил его, открыл клапан и вытащил на свет относительно новый ТТ. В кармашке имелась запасная обойма к нему.

Немой появлялся ещё несколько раз, в нашем распоряжении оказались два автомата Калашникова, старых, сильно потёртых, ещё даже АК-47, а не АКМ, без характерного скоса на стволе. Потом ещё полдюжины запасных магазинов, два нагана, три жестяных ящика с патронами, ещё один ТТ и сигнальный пистолет Шпагина. Седой старательно всё это упаковывал в мешки, тащить придётся много. Логичным было бы зарядить автоматы, но они пока не проверены, что толку от оружия, которое откажет в любой момент.

Наконец, Немой вылез с пустыми руками, давая понять, что больше ничего полезного там нет. Что же, улов и так неплох, учитывая сложную ситуацию с оружием в целом.

Кое-как упаковав добычу, мы отправились обратно. Теперь, по-хорошему, следовало по-тихому валить отсюда, добыча помешает нам передвигаться быстро. Насчёт «выхода» можно и в другой раз выяснить, тем более, что конкретной пользы он не несёт.

Но Седой определённо нацелился найти нечто эдакое, он даже свет фонаря не приглушил, и Немому не приказал сделать то же самое. Мы шагали вперёд. Когда прошли под виадуком, впереди что-то показалось, и не просто показалось, а выглядело натурально чужеродным. Ещё бы оно не выглядело, у нас как-то не принято строить шалаши прямо на рельсах.

Крытый вагон, чуть в стороне от него платформа, кажется, с углём. А между ними… хрен его знает, что там такое.

- Смотри, - прошептал Седой – Видишь, вот эти два пенька справа и слева, - это остатки ворот. Они иногда сами тухнут, это место никто не бомбил.

А между вратами висела в воздухе странная взвесь. Представьте себе облако пыли, странной такой тёмной пыли, или она просто казалась нам тёмной, поскольку на улице темно. Вот только пыль в облаке обычно движется, и это заметно, а здесь стояла неподвижно. Вроде стены толщиной сантиметров тридцать и пару метров высотой. Справа и слева её ограничивал остов ворот.

- Я только посмотрю, - странным голосом сказал Седой.

Я, естественно, ничего не понял, но, когда Немой попытался его остановить, было поздно. Он сунул голову в эту стену, повернул направо, потом налево, вроде бы, что-то увидел, а потом рухнул плашмя назад. Немой тут же кинулся к нему и начал тормошить. Я и сам перепугался, но командир скоро начал подавать признаки жизни.

- Бывает и хуже, - сдавленным голосом произнёс он.

С нашей помощью у него получилось встать, но он явно был слаб, как если бы весь день без остановки махал кувалдой или таскал мешки. Создавалось впечатление, что неведомая сила портала вытянула из него жизнь.

- Уходим, - отдал он приказ.

Этот приказ мы восприняли с редким энтузиазмом. Лично мне было неприятно находиться тут. Чудовище – это одно, оно хоть реально, в него выстрелить можно, а он пули оно имеет обыкновение дохнуть. А тут не пойми что, какая-то аномалия, которая тебя за пару секунд превратит в сухофрукт (Седой реально похудел).

Уходили мы другим путём, забор, через который мы перебрались по пути сюда, был бетонным, а дальше он имел продолжение в виде деревянного, с нашей стороны стояли несколько сараев с неизвестным содержимым. Протиснувшись между дощатых коробок, мы начали перелезать. Ошиблись в том, что первым послали Немого. Он был лёгким, зато, встретив опасность, не мог позвать на помощь или предупредить. Когда с той стороны спрыгнул я, Немой стоял с фонарём и светил вперёд. Перед нами сидело какое-то подобие

обезьяны, с той только разницей, что не имело шерсти, зато имело странно раздутую грудь.

- Твою мать! – прохрипел Седой, перелезая через забор.

Я хотел поинтересоваться причиной такой реакции, но он успел сказать только одно слово:

- Ревун.

А что это означает, пояснять было уже не нужно. Тварь набрала в грудь воздуха, приоткрыла рот и издала такой звук, что нас буквально размазало по забору. Немой тоже хорош, стрелять нужно было, всё равно теперь все обитатели города всё слышат.

В итоге выстрелил я, чтобы не тратить дефицитные патроны, вскинул обрез, уже представляя, как залежалые патроны дают две осечки. Не дали, да и промахнуться дробью с десяти шагов было сложно. Две горсти свинца ударили непонятное создание прямо в грудь, разорвав её в клочья. При этом раздался звук, подобный взрыву. Я ещё перезаряжал обрез, когда оба моих напарника потянули меня в сторону. Оно и понятно, бежать нужно отсюда. При этом они город знают, а я – нет, в моём мире этого города вообще не существует.

Пробежать удалось метров сто, когда позади я услышал треск досок, ехидна решила не мелочиться, с её силой сломать деревянный забор нетрудно.

- В стороны, - скомандовал Седой, откатываясь с грацией столетнего инвалида. Молчаливый товарищ откатился с большим проворством в другую сторону, а я рванул вперёд, стараясь спрятаться за бетонными перилами крыльца большого дома.

Времени оставалось пара секунд, потом тварь подбежит на расстояние плевка. Хорошо ещё то, что товарищи удачно бросили на землю фонари, теперь тварь было видно, а нас - нет. Решив не экономить, я рванул из-за спины карабин, чёрт с ним, с дефицитом, разрывные пули точно эту тварь прикончат. Вскинул к плечу и выстрелил трижды. Стреляю я хорошо, но незнакомое оружие и спешка привели к тому, что первая пуля прошла мимо, вторая оторвала одну из конечностей, а третья пришлась удачно, прямо в… пусть будет головогрудь. Огромная дыра в панцире её не остановила, она приблизилась и только хорошая реакция спасла меня от растворения.

Грудь твари резко сократилась, раздался хлюпающий звук, а потом в то место, где только что стоял я, прилетел сгусток какой-то

отвратительной субстанции, напоминающей сопли, раздалось шипение, пошёл пар, а я с удивлением увидел, как от бетона остаются оплавленные огрызки. А тварь, повернувшись ко мне, стала собирать кислоту для следующего плевка. Сопровождалось это таким звуком, как будто кто-то собирает сопли, чтобы харкнуть. В другой ситуации меня бы стошнило, но теперь блевать было некогда. Я снова выстрелил, на этот раз попал дважды и разнёс панцирь вдребезги, но тварь отказывалась умирать.

Тут сработал более опытный Немой, он выстрелил только один раз, зато попал твари прямо в сопло для плевания. Пуля прошла навылет, сбив следующий плевок. Но кое-что до меня долетело. Именно кое-что. Пара капель упала на ствол карабина, ещё одна упала прямо у моей ноги. Я бросил оружие вперёд и отскочил, пятясь назад, снова вынул обрез и выстрелил, целясь в ноги. Связанная картечь стреножила тварь, она упала вперёд и зарылась разорванным раструбом в дорожную пыль.

Тут я от страха совсем перестал соображать, вместо того, чтобы с воплями бежать, прыгнул вперёд. Шея чудовища вытянулась вперёд, броневые кольца разомкнулись, открыв беззащитную плоть. Поскольку огнестрельного оружия у меня не осталось, я вынул свой керамический нож и воткнул в открывшуюся щель. Вошёл он легко, так же легко, словно нарезая хлеб, мне удалось прорезать широкую рану. Я угадал, видимо, оказался разорван какой-то важный нервный узел или проводящие пути, тварь парализовало, она бессильно дёргала непослушными конечностями и рыла землю носом, словно настоящая свинья.

В стороне Немой взваливал на себя командира, снова потерявшего сознание, потом я подхватил захваченную добычу, и мы очень медленно двинулись обратно. Когда оказались у заветного подвала, парень передал мне командира, а потом кинулся назад. Что ему там понадобилось, я не знал, но ему лучше знать. Я перетащил Седого вниз, потом спустил добычу и остался там. Фонари остались на месте схватки, поэтому пришлось сидеть в темноте. Голову Седого я положил себе на колени и прислушивался к его хриплому дыханию.

Не знаю, сколько я так просидел, минут, наверное, сорок. Потом сверху в подвал проник луч света, вернулся Немой, который в одной руке нёс сразу два фонаря, а в другой сжимал какой-то свёрток

размером с четверть кирпича почти правильной квадратной формы. Я облегчённо вздохнул. Сидеть одному в темноте было неуютно, сидеть, зная, что наверху бродят твари, а на руках у тебя неходячий товарищ, неприятно вдвойне.

Парень был абсолютно спокоен и даже едва заметно улыбался. Вместо того чтобы снова бить командира по щекам, он вынул аптечку и достал нашатырь. От резкого запаха Седой дёрнулся, но глаза открыл. Потом нам даже удалось поставить его на ноги. Когда товарищ идёт сам, пусть медленно и без груза, это куда лучше, чем если его приходится нести.

До базы в школе мы добирались часа три, потом послышался окрик часового, я растерялся, поскольку не знал, что ответить. Седой опять был не в себе, а Немой… понятно. В итоге я просто крикнул, чтобы не стреляли. Этого оказалось достаточно, поскольку твари не говорят, а писаные сектанты не знают русского языка.

Ради нас открыли ворота, которые, как я выяснил, имели вид телеги на колёсах, с одной стороны к ней был приварен стальной лист, из которого торчала заточенная арматура. Когда оказались внутри, двое крепких мужиков сразу подхватили под руки Седого. Тот был способен переставлять ноги, но разум его был в отключке. Сдаётся мне, повреждения от неизвестного феномена не ограничились физическим истощением, тут и разум затронуло. Будем надеяться, что хоть местные знают, чем это лечить.

Немой куда-то пропал, а меня препроводили к Рогову в кабинет. Петрович по причине позднего времени, уже спал, развалившись на раскладушке у стены, видимо, руководство постоянно пребывало на рабочем месте. Сюда же принесли всю нашу добычу, включая автоматы.

- Садись, рассказывай, - предложил начальник, указывая на стул. – Жду подробного доклада об операции.

- Да я, если честно, половины не понял, - я развёл руками.

- Рассказывай, как есть, так уж вышло, что из вас троих рассказать можешь только ты, - он налил из стоявшего на столе фарфорового чайника тёмной заварки, слегка разбавил кипятком из литровой банки, потом протянул стакан мне, заодно подвинув вазочку с потемневшими кусками рафинада. – Сахар сам клади.

Я бросил пару кусочков и размешал крошечной ложечкой, судя по наличию пробы, серебряной. При этом заметил, что руки у меня до сих пор дрожат.

- Так вот, когда операция по разграблению дома была закончена, - начал я свой рассказ, - я получил от Седого распоряжение ждать ночи, чтобы пойти на новое дело.

- Он изложил его суть? – чтобы не сидеть без дела, Рогов стал вскрывать ящики с добычей.

- Нет, он как-то невнятно сказал, а я не стал интересоваться. Так вот, я в одной из квартир обнаружил ружьё, из которого сделал обрез, - я положил перед ним оружие. – Этим и занимался до ночи. Потом пошли.

- На станцию? – он вскрыл ящик и начал перебирать содержимое. Там лежали бумажные пачки с патронами. Увиденное его так впечатлило, что он не поленился, встал и подошёл к Петровичу. – Старый, вставай, тут тебе подарков принесли.

- Да, на станцию, там были ехидны, одна точно, на путях спала, мы через неё перешагнули, она не проснулась. Потом ещё одну видели. Дальше зашли в здание, Немой влез через дырку в нужную комнату и натаскал вот это всё.

- Больше там ничего не осталось?

- Он не рассказал, - я пожал плечами.

- Ясно, а дальше?

Разговор прервал Петрович:

- Патроны отличные, по срокам должны работать. Теперь есть возможности. И тебе к карабину отсыплю немного.

- Поздно, - вздохнул я. – Потом мы, вместо того, чтобы идти домой, отправились искать какой-то «выход». Седой сказал, что он там точно есть. Когда пришли, увидели, что там стоят пеньки от ворот, мол, ворота сами развалились, а они остались.

- Так и есть, обычное дело, - согласился Рогов, искоса поглядывая на Петровича, который быстро разбирал пистолет. – Если порталом долго не пользуются, он засыпает, а потом разрушается.

- Ну вот, а между пеньками этими стояло что-то, вроде облака пыли. Седой туда голову сунул, осмотрел что-то и в обморок упал.

- Тоже знакомо, - проворчал Петрович, работал он со скоростью сборочного робота, вычищенный ТТ уже был отложен в сторону, а он

занялся револьвером. – Мрак этот всегда силы вытягивает, и чем больше с той стороны, тем быстрее.

- Сколько времени прошло с того момента, когда Седой сунул голову в облако, и до того, как он упал? – Рогов внимательно слушал, пытаясь что-то подсчитать.

- Секунды две, может, три.

- Итого имеем, слышишь, Петрович, какой-то замкнутый объём размером с большую квартиру, - выдвинул Рогов свою гипотезу.

- Не факт, - старик собрал револьвер и начал потрошить картонную пачку с патронами. – Объём может быть гораздо больше, только перекрыт в нескольких местах. Там поле футбольное может помещаться, если его заборами разгородить.

- Да, вопрос пока слабо изучен. Но открытие важное, заглянем туда ещё и не раз. Теперь дальше рассказывай.

- Дальше мы Седого в чувство привели и побрели на выход. Через забор перелезли, а там ревун. Он, само собой, заревел, мы его убили, ехидна услышала, ну и…

- А как получилось убить?

- Да мы врассыпную от неё, Седой снова вырубился, а я стрелять начал, разрывными пулями. Часть попал, часть мимо прошла, весь панцирь на груди разнесло, а она всё плевалась. Немой ей морду прострелил, плеваться стало сложнее, но до карабина доплюнула. Пропало оружие.

- Да и хер с ним, - махнул рукой Петрович. – Ехидна важнее.

- Да, ехидна важнее, - согласился Рогов. – Кристалл, что из неё добыли, я уже посмотрел, фиолетовый с золотыми прожилками. Знаешь, что это?

- Слушаю?

- Это самое лучшее, что можно добыть. Тварь была матёрая, неудивительно, что вы её убить не могли. Отсюда следует, что за этот кристалл научники отвалят немало. Попутно можно будет кое-что обговорить для себя. Да ещё патронов притащили, да оружие. Вы молодцы! – он улыбнулся. – И это мы ещё с выходом не разбирались. В будущем планируем почаще прокладывать подземные коммуникации, чтобы перемещаться в недоступные районы, и то сказать, такое богатство рядом лежало, а мы мимо ходили.

- Мне ревун покоя не даёт, - сказал Петрович, положив на стол наган. – Владей, Дмитрий Сергеевич. Премия твоя.

Рядом легли две пачки патронов на четырнадцать штук каждая. Я взял оружие и начал изучать устройство. Никогда с таким дела не имел, но не дурнее других, разберусь.

- А что не так с ревуном?

- Некоторые считают, и я склонен им верить, что ревуны так просто не существуют, что они – домашние животные писаных, стало быть, вы не просто так его там встретили. И те двое, которых Водолей застрелил, не последними были. Где-то рядом ещё сектанты есть.

- Опасно?

- Не знаю, - Рогов развёл руками. – Может быть, просто приблудные, а может, это разведка перед большим наступлением. Если что, мы здесь отбиться сможем, а вот если группу прищучат за пределами базы, тогда нам худо придётся. И армия на подмогу не придёт, далеко слишком.

- А Седой поправится?

- Конечно, с ним ничего плохого не случилось, просто истощение, этот феномен каким-то образом вытягивает все силы, у человека просто энергии не остаётся. Тут лекарство одно – постельный режим. Отлежится неделю и дальше в бой, заодно расскажет, что увидел. Вы с ним и так пользы много принесли. Сам тоже иди, отдыхай.

- А насчёт оружия, – вспомнил я. – Револьвер, конечно, хороший. Мне бы чего дальнобойного.

- Найду завтра, - пообещал Петрович. – Иди уже.

Сунув револьвер за ремень, я отправился в свой номер. Там темно, тихо и одиноко. В самый раз, чтобы отдохнуть после тяжёлого труда и нервного потрясения. Прежде, чем сознание погасло, в голову пришла мысль: «Вот это я попал!»

Глава шестая

Следующим утром я проспал едва не до обеда, даже завтрак пропустил, что меня не особо заботило. Встал, спокойно оделся, сходил к умывальнику и привёл себя в порядок. С бритьём пока что были проблемы, но, как оказалось, в банный день работает цирюльник, который всех желающих бреет опасной бритвой. Если делать так дважды в неделю, точно бородой не обрастёшь. Если же кто-то где-то раздобыл безопасную, то останется только пополнять запас лезвий.

Говорят, пару месяцев назад растащили хозяйственный магазин, где это лезвия продавались. Увы, меня тогда здесь не было.

Покончив с гигиеническими процедурами, вернулся к себе в номер. Раз никуда не зовут, значит, пока не нужен. Или просто дали выходной, поскольку вчера отработал в ночь. От нечего делать занялся вновь приобретённым оружием. С обрезом всё понятно, он простой, как топор, в нём и изучать нечего, а патроны мне в арсенале выдадут, хотя и тех, что уже есть, достаточно. А вот револьвер для меня – диковина. Когда служил, их давно сняли с вооружения, разве что, продавали в газовом или травматическом варианте.

Итак, наган, образца, если правильно помню, одна тысяча восемьсот девяносто пятого года. Осмотрев изделие, сделал для себя несколько выводов. Во-первых, оружие, хоть и далеко не новое, сохранилось хорошо, воронение почти целое, курок работает исправно, барабан вертится без проблем. Нашёл клеймо с годом выпуска 1938. Ну и ладно, если он все эти десятилетия лежал на складе, то ничего с ним не произошло. Склад обычно сухой и перепадов температуры там мало. Второе: следует разобраться с устройством. Шток ставим вот так, открывается штора для заряжания, патроны вставляются по одному по мере вращения барабана. Так же и вынимаются. Если не вынимаются, приходится их выбивать, что сильно замедляет заряжание.

Третьим был дизайн. Потренировавшись целиться, пришёл к выводу, что рукоятка сильно отличается от пистолетной, поэтому хват нужно делать другой. Но тут лучше в тире попробовать, удобство удержания ещё не означает удобства стрельбы.

Теперь проверю патроны, пачка оказалась сделана из крепкого картона, вскрыл с трудом, воспользовавшись ножом. Так, четырнадцать штук, уложенных в два ряда, один пулей наружу, второй – капсюлем. Вынул один, осмотрел. Пуля оболочечная, утоплена в гильзу, обжата. Гильза с закраиной, как и положено в револьвере. Интересно, а Петрович умеет такие гильзы перезарядить? Впрочем, неважно, у меня четыре полных барабана, а, судя по живучести местной фауны, использовать револьвер я буду нечасто, слабоват. Только как оружие последнего шанса. По-хорошему, тут бы какой-нибудь сорок пятый калибр, чтобы имел сильное останавливающее действие и не был таким громоздким, как обрез ружья.

Пришлось сходить в арсенал, выпросить там у кладовщика раствор для чистки, шомпол (понятие не имею, от чего, судя по длине, от обреза трёхлинейки), ветошь, и принялся за работу. Не то, чтобы чистка так уж требовалась, но хочется содержать оружие в порядке. Минут через двадцать я зарядил оружие и засунул себе за ремень, надев куртку навыпуск. Сойдёт пока, кобура тут точно в дефиците.

Что теперь? А схожу-ка я к начальству, вдруг поручит чего. В бой не рвусь, но сидеть на иждивении не привык. Раз уж придётся жить здесь до прибытия неведомого Коростина, так хоть пользу приносить буду. Опять же, необязательно в бой, могу и по хозяйству помочь, картошку почистить, мебель перенести или в карауле постоять.

Рогов по-прежнему сидел у себя, как я понял, он из кабинета выбирается в исключительных случаях. Сидел и перелистывал какие-то распечатки. Хорошие, кстати, распечатки, явно на качественном принтере сделаны.

- Разрешите? – спросил я, просовывая голову в дверь.

- Да, заходи, - сказал он, не отрываясь от бумаг, потом поднял голову и положил листы на стол, на бумаге была схема каких-то коммуникаций, вроде этого подземелья. – Присаживайся, с утра не стали будить, ты и так вымотался ночью.

- Да, спасибо, пришёл узнать, что нужно делать. Если не в рейд, могу по хозяйству помочь.

- Да расслабься, - он махнул рукой. – Ты себя хорошо показал, тебя разумнее в рейды отправлять, а в перерывах ешь и спи. Петрович?

Оружейник высунулся из своей каморки, посмотрел на меня через очки и кивнул.

- Сейчас, - после этого он скрылся и появился уже с куском ткани в руках. – Ну-ка, прикинь.

Кусок ткани оказался недоделанной кобурой для револьвера, не из кожи, а из очень плотного брезента. Собственно, она была только заготовкой, кое-как сшитой толстой нитью. Я прикинул, вынул револьвер и вставил его в изделие, подошло почти идеально. Петрович согласно кивнул и, забрав полуфабрикат, удалился.

- А насчёт рейдов у меня есть мысль, - продолжил Рогов. – Мне ваш «выход» покоя не даёт, там бы пошарить, но, по понятным причинам мы этого сделать не сможем. А там могут быть серьёзные находки, такие, что можно продать или использовать для себя.

- А кто может?

- У военных есть специальная аппаратура, компенсаторы излучения, скафандры. Но если они туда явятся, то мы всего лишимся, разве что, за находку премируют ящиком тушёнки.

- Значит, пока молчим.

- Угу, есть и другие новости. Сегодня утром снова увидели писаных. Одного. Он, заметив, что за ним следят, скрылся, что для них нехарактерно. Эти твари отличаются агрессивностью и, как правило, атакуют человека всегда и везде, несмотря даже на численный перевес.

- Кто-то им руководил? – догадался я.

- Именно, главарь группы, который подчиняет остальных своей волей. Таких головастых немного, но, если такой прибыл, значит, с ним целая банда. Именно поэтому я вернул сегодняшнюю рейдовую группу.

- То есть, сидим в осаде?

- Как-то так, вообще, есть мысли о зачистке, но в банде может быть до двадцати рыл, такая схватка точно без потерь не пройдёт, а людей и так мало. Есть мысль подождать военных, колонна пройдёт послезавтра. Должна пройти. Если им довести эту информацию, обязательно займутся, это в их ведении.

- А они справятся?

- Справятся, уж чего-чего, а огневой мощи у них достаточно, теми же огнемётами логово выжгут. Вот только найти нужно его, логово это.

- Есть мысли?

Он почесал затылок.

- Есть. Свидетель говорит, что писаный рванул в сторону завода точного машиностроения. Очень может быть, что они там.

Я прикинул себе размеры среднего завода, там можно танковую дивизию спрятать, а не только двадцать уродов.

- Смотри, - он выдернул лист из самого низа стопки, на нём была схема. – Завод этот не имеет единой территории, не знаю, зачем, но его рассредоточили по большой площади. Вот эта часть, - он обвёл пальцем процентов восемьдесят, сейчас закрыта, там… короче, долго объяснять, но хода туда нет, ни для нас, ни для них. Проверить нужно только вот этот цех и прилегающую территорию. Это круг метров триста в диаметре. Не так уж много.

- Замечание, - я присмотрел к карте. – Карта плоская, а там ведь большие здания, несколько этажей. Так?

- Здание там одно, этаж, условно, тоже один. А то, что я сейчас изучаю, - это подземные коммуникации. – Он снова взял предыдущий лист и положил передо мной. – Вот это схема.

- А что мешает перейти по этим коммуникациям в оставшуюся часть завода?

- То, что завод бомбили. Бомбили бункерными бомбами, такими, которые как раз против убежищ. Вот здесь и здесь, - он поставил карандашом на длинных коридорах два крестика, прохода нет, теоретически можно прокопать, но слишком много сил потребуется.

- А этот? – я ткнул пальцем в ещё один коридор, более узкий, который находился чуть в стороне и тоже тянулся к основному массиву зданий.

- Этот расположен гораздо ниже других, он частично разрушен и затоплен.

- Допустим, - кивнул я.

- Сейчас я отправил разведку к цеху, посмотрят по верхам, выяснят, был ли там кто. Если был, дождёмся военных. Им проще будет, и нам за наводку что-то перепадёт.

- Всё-таки не могу понять ваших взаимоотношений с властью, - признался я. – Вы для них не враги, но и не друзья.

- Мы для них, - он вздохнул, - вооружённые бомжи. Юридического статуса нет, подчиняемся плохо, что-то наподобие казацкой вольницы века этак шестнадцатого. С одной стороны, нас бы всех к ногтю прижать, с другой стороны, у них для этого руки коротки, выкурить нас из этого города можно только ковровыми бомбардировками, а разрушать город они не хотят. С третьей стороны, мы, какие бы ни были, приносим пользу, так уж вышло, что власть пока не может содержать на заражённой территории постоянные базы и поселения, поэтому вынуждена использовать нас. Хотя бы в качестве глаз и ушей.

- А конфликты случаются?

- Конкретно мы уживаемся мирно, и с властью, и между собой. Отдельные группировки не потому отдельные, что враждуют, а потому, что порознь выживать легче, да и полноценной крепости, что вместила

бы всех, у нас не имеется. А так мы регулярно друг другу помогаем, обмениваемся полезными вещами и информацией.

- А что в других местах?

- В других всё хуже, где-то уголовники власть захватили, где-то вообще непонятная дичь творится. Изредка сюда банды заглядывают. Само собой, отлавливаем и нейтрализуем. Так что, для власти наличие тут лояльных и относительно законопослушных людей – большой плюс, видимо, поэтому и мирятся. Хотя, как по мне, лучше уже организовать рядом блокпост, а нас всех как-то оформить и на довольствие поставить. Может, когда-нибудь так и сделают.

- А на Большой земле что?

- А там всё плохо. Представь, чего стоит миллионы людей переправить в места, где ни жилья, ни производства. Выжили, конечно, надо отдать должное. Но теперь будут долго восстанавливаться. Опять же, климат потеплел, а значит, земля прокормит. Даже вечная мерзлота частично оттаяла, тайгу вырубают и распахивают. Попутно, раз уж рабочих рук стало много, стали новые производства строить. Ну и постепенно эти земли отвоёвывают, по километру в год – и то на пользу. Часть городов, что по границе обитаемых земель, уже восстановили, там, правда, вокруг построено плотное кольцо обороны, но люди живут. Лет через десять, думаю, сюда тоже цивилизация вернётся.

- Владей, - Петрович снова вышел из своего убежища и вручил мне уже готовый продукт. Теперь кобура была не просто сшита нитками, грубая ткань была проклёпана металлическими (кажется, алюминиевыми) заклёпками, а клапан закрывался на кнопку. Для переноски имелась петля для крепления на ремне. – Не хуже кожаной будет. Ревшнур только не делал.

Я с удовольствием встал, расстегнул ремень, и продел его в петлю. В том месте висел нож, его пришлось перевесить на левую сторону. Или повесить револьвер по-немецки? Нет, лучше справа, так привычней. Светлый брезент на фоне чёрной формы смотрелся нелепо, но мне не на выставку, если будет возможность, попробую покрасить. Но поблагодарить Петровича за отличную работу я не успел. В дверь без стука ворвался молодой парень, имени я не помнил, он участвовал во вчерашнем рейде.

- Борис Аристархович! – выпалил он. – С завода группа пришла, говорит, есть следы!

- Много?

- Разобрать трудно, так они сказали, но не больше пяти человек.

- Так, - Рогов в раздумьях постучал пальцами по столу. – Если всего пять… есть те, кто был в тех катакомбах?

- Ну, - парень задумался, - Седой был точно, но он…

- Понятно, кто ещё?

- Винокур был, он там не так давно костореза добивал, тварь туда убежала, он не поленился подвалы обыскать.

- Иди к Винокуру, скажи, пусть возьмёт человек восемь с дробовиками, желательно тех, кто с цехом знаком. Потом придёт ко мне, я им задачу поставлю.

- Думаете, стоит самим разобраться?

- Пять писаных – это не так много, справимся, вопрос в лидере банды. Он может быть силён, скорее всего, остальные четверо не так опасны, как он. А в узких коридорах… думаю, восемь не хватит, пусть десять берёт. Сам пойдёшь?

- Можно и сходить, - я пожал плечами. – Обрез у меня есть.

- Тогда получи у Петровича патроны с картечью, потом двигай к Винокуру. Эх, людей всё меньше, постоянно одних и тех же гоняем.

- А Винокур – он из военных? – спросил я.

- Ага, из них, старший лейтенант, кажется, из артиллерии, но точно не скажу. Только он оттуда сбежал. Таких дел натворил во время Беды, что его заочно приговорили к десяти годам, или к пятнадцати, а то и к расстрелу, не знаю точно. Он из тех, кому отсюда хода точно нет.

Я отправился в арсенал получать патроны, попутно перекусывая сохранившимся сухпайком. Колбаса оказалась твёрдой, как дерево и чрезмерно острой, но с водой зашла на ура. На десерт слопал половину шоколадки. Теперь можно и в бой, только патроны получить.

Собственно, боезапас у меня был, но, как известно, патронов много не бывает, особенно, если ты отправляешься на бой с неизвестным противником. Попутно отметил, что происходящее меня нисколько не напрягает, поручили работу, я её делаю, как делал всегда. А то, что работа заключается в стрельбе по неким чудовищам, которые не прочь тебя сожрать, то ничего странного или страшного в этом нет. Как-то быстро я втянулся в реалии нового мира. Даже не пытался

принять всё происходящее за дурной сон. Может быть, когда-нибудь я отсюда выберусь. Может быть. Где ты, Коростин?

Патронов выдали всего десять. Шесть с обычной картечью, два - с зажигалками, их я положил отдельно, а ещё два – с зажигательной картечью, которая, как мне объяснили, даёт огненное облако. Итого, боезапас к обрезу составлял двадцать два патрона. Кладовщик отдельно предупредил, чтобы я не выбрасывал стреляные гильзы.

Группа собралась быстро. Суровые мужики, кое-кто даже в доспехах из жестяного листа. Этакие грубые кирасы, что защищали туловище спереди и сзади. У других имелись брезентовые костюмы, что носят пожарные и сварщики, судя по виду, внутрь были вшиты какие-то твёрдые вставки. На головах были обычные армейские каски, видимо, сохранились на каком-то складе. К этим каскам ремнями крепились фонари, довольно современные, кстати, на светодиодах. Семь из десяти бойцов держали щиты, вроде тех, которые пользует ОМОН при массовых беспорядках, только не алюминиевые, а из стального листа. Для облегчения конструкции по всей площади были насверлены дыры в полсантиметра диаметром, а ещё их покрывал лист прозрачного пластика и фольги. Конструкция выглядела надёжной, против холодного оружия точно сработает.

Вооружение было почти однообразным. С немалым удивлением я обнаружил в руках штурмовиков американские помповые ружья «Итака». Для замкнутых помещений отлично подойдёт, главное, чтобы самим рикошетом не прилетело.

- Ты с нами? – спросил Винокур и, не дожидаясь ответа, бросил мне брезентовую куртку. – Надень, пригодится, они могут и огнём бить, так что целее будешь.

Я надел куртку без лишних вопросов, вообще-то жарко и без неё, но лучше так, чем выхватить на загривок порцию коктейля имени наркома иностранных дел. Куртку, если что, скинуть можно, опять же, сгодится, чтобы пламя сбивать.

На место событий нас, как ни странно, отвезли на машине. Разбитый ГАЗ-66. Водитель открыл борт, мы попрыгали в кузов и отправились на место. Место, кстати, было примечательное. Там находился дворец культуры имени кого-то там, а на небольшой площади рядом стоял фонтан, разумеется, нерабочий. Завод начинался чуть дальше. Водитель, остановив машину, предложил выгружаться.

- Мог бы и поближе подвезти, - проворчал Коля, что выглядел самым защищённым из нас, у него открытыми были только глаза.

- Мог бы, - согласился усатый старик в затёртой куртке. – А если я машину угроблю, Рогов с меня голову снимет. Так что, вперёд, ножками, полкилометра пройти не смертельно.

Проходная завода ждала нас за ближайшим поворотом. Странное размещение, но, возможно, дворец культуры этому заводу и принадлежал. Высокая кирпичная стена, проход через небольшую будку. Даже вертушка на входе сохранилась. Внутри нас встретил умеренный погром, разбросанные бумаги, на которых уже невозможно было что-то прочитать, в каморке вахтёра было выбито стекло, судя по размеру отверстия, выбито чьей-то головой.

- Зашли в здание, - сообщил по рации Винокур.

Я отметил, что рация, пусть и не крошечная, но точно не похожа на огромную коробку. Компактная, годится, чтобы крепить на ремень или разгрузку. В ответ рация что-то нечленораздельно хрюкнула, но командир наш понял.

- Конец связи, заходим в подземелья, - отпустив кнопку, он повернулся к нам и скомандовал: - Строй!

Отделение немедленно построилось свиньёй, одни держали щиты, другие из-за этих щитов наводили стволы ружей. Тем, кто стоял на правом фланге, было неудобно идти, щит в левой руке, а держать его нужно так, чтобы прикрывал правую сторону. Идти при этом приходилось практически задом.

Вход в подземное царство оказался в конце коридора, шли медленно, постоянно всматриваясь вдаль. Фонари были включены у всех, давая достаточно освещения.

- Стой! – скомандовал Винокур, говорил он негромко, но эхо в коридоре разносило его голос далеко. – Смотрим на пол.

Лучи фонарей стали шарить по полу. Да, есть следы босых ног на многолетнем слое пыли. Не так много, надо полагать, писаных там (если они вообще есть) рыл пять или шесть. Я не следопыт, но это и мне видно. После осмотра следов отправились дальше. Большая стальная дверь открыла перед нами лестницу вниз.

- Все готовы? – спросил командир.

Я вздохнул и погладил цевьё обреза. Картечь, два выстрела, потом перезарядить, вынув патроны из старого патронташа, что выдали мне в

оружейке. Старый настолько, что кожзаменитель местами рассыпался в труху. Но лучше, чем ничего. Туда же буду убирать пустые гильзы.

Бойцы двигались подобно роботам. Шаг, второй – и вот мы уже на следующей ступени. Позади остался один пролёт, потом второй, третий, и вот мы уже в ещё одном коридоре с ответвлениями. Катакомбы, бомбоубежище. И где-то здесь…

- Движение, - сказал кто-то, и немедленно туда направились несколько фонарей. У меня тоже был фонарь, но я его пока не доставал.

- Идём туда, - спокойно сказал Винокур.

Строй развернулся и направился в указанном направлении. Не надеясь на фонари, бойцы стали разбрасывать осветительные ракеты. Нечто, что срабатывает, как бенгальский огонь, если бросить в угол, тёмное помещение уже не такое тёмное. Единственным минусом такого освещения был удушливый дым с запахом серы.

Мы успели проверить несколько комнат, потом коридор раздвоился, командир отдал приказ двигаться налево, но, стоило нам повернуть, как тут же раздался окрик:

- Сзади!

Какого чёрта, там ведь коридор, длинный, метров двадцать, где секунду назад никого не было. Развернуться кто-то успел, как раз для того, чтобы луч фонаря выхватил из темноты прыгнувшего в нашу сторону фанатика в балахоне. В одной руке он держал короткий меч, другая сжимала какой-то дымящийся свёрток.

Не долетел, сразу три ствола изрыгнули огонь, картечь буквально разметала его на куски, меч со звоном полетел по бетонному полу, а свёрток упал к нашим ногам.

- Назад! - прозвучала команда.

Шаг назад мы сделать успели, а потом у наших ног произошёл ядерный взрыв в миниатюре. По ушам ударило воздушной волной, слышать я резко перестал, а вспышка частично лишила меня зрения.

- В круг! – прокричал Винокур, его крик слышался не громче комариного писка.

К счастью, народ в группе был тренированный, даже без зрения и почти ничего не слыша, мы умудрились выстроить круг из щитов и встретить нападение. Выстрелы звучали без остановки, картечь, простая и зажигательная, разлеталась веером. Существа (назвать их

людьми было трудно) в балахонах, расписанные сложными рисунками, отлетали, но снова бросались в бой. Воняло горелым мясом и кровью. Пять особей? Да их тут двадцать пять, и оба в валенках! Кто-то из наших уже упал, один из щитов загремел по полу.

Напор ослабел так же резко, как и начался. Последнее, что я увидел, как стоявший передо мной боец падает назад, закрывая лицо руками, между пальцев обильно текла кровь, а луч из его фонарика выхватил бегущего из темноты сектанта, явно непростого, уши его были целиком увешаны кольцами, балахон отличался тёмно-багровым цветом, а татуировки были сплошь из мелких букв или иероглифов.

Щита у меня нет, защита только в нападении. Я вскинул обрез, из которого за время боя выстрелил только дважды, а теперь перезарядил крупной картечью. Я успел выстрелить ещё раз, из обоих стволов сразу, картечь полетела кучно, ударив ему в нижнюю половину туловища. Ноги подломились, он, уже падая на колени, выбросил вперёд ладони и раскрыл их.

На ладонях вспыхнули небольшие языки пламени, потом пошёл дым, а после этого прогремел взрыв. Что взорвалось, я так и не понял, меня отшвырнуло назад, ударило о стену, потом я благополучно сполз на пол и отключился. Сквозь забытье кое-что запомнилось, меня тащили куда-то за подмышки, потом уронили, рядом кто-то снова стрелял. А потом наступила тишина.

Глава седьмая

Когда я пришёл в себя, то сразу этого не понял. Стояла настоящая темнота, про которую говорят «хоть глаз выколи», действительно, от наличия или отсутствия у меня глаз сейчас ничего не зависело.

Тот факт, что я очнулся, стал доходить через другие ощущения. Они, эти ощущения, были самыми противными. Организм отходил от контузии, в голове кружились «вертолёты», где-то в глубине мозга нарастала боль, а желудок регулярно порывался освободиться от содержимого. Это меня взрывом так? Или об стену приложило?

Постепенно начал приводить мысли в порядок. Начать пришлось издалека. Взрыв неизвестной природы и удар о стену запомнились – это последнее, что было со мной. А до того? Точно, я с группой бойцов отправился чистить подвал. Не подвал, а бомбоубежище под заводом в безлюдном городе. А город? А город в ином мире, куда меня закинули

какие-то козлы, опоив наркотиком в придорожной харчевне. А я там был потому, что… А зовут меня… И так далее.

Когда в голове сложилась достаточно чёткая картина существующей реальности, я занялся другими вопросами. Например, мне сильно хотелось пить. А вода у меня есть? Да, флягу я не снимал, она полная. Фляга – это что? Ага, вот эта штука на поясе, надо отстегнуть.

Со стороны такой подход казался бы смешным, но именно так мой мозг и работал. Возможно, это не просто контузия, твари могли и психотронным оружием владеть. Отстегнув флягу, я поднёс её ко рту, чувствуя, как сильно дрожат пальцы. Выпил ровно три глотка. Желудок начал возмущаться, но удержать выпитое в себе получилось. После этого я отдышался. Вода помогла, сознание слегка прояснилось, появилась возможность думать о более насущных вещах.

Итак, судя по тому, что здесь темно, как известно где, сыро и воняет крысиным дерьмом, я по-прежнему нахожусь в том самом подвале. Где все наши? Погибли? Или ушли? Если ушли, то почему бросили меня? Впрочем, могли и случайно уронить, а потом не найти. Под конец почти все фонари погасли. А враги? Хотелось бы верить, что мы их всех перебили, а тот волшебник, что устроил взрыв, был последним. Вот только стреляли и после того, да и вряд ли бы меня потеряли, если бы врагов не осталось.

Что вообще со мной? Голова болит и кружится, но терпимо. Действовать могу. Руки и ноги тоже, вроде бы, в порядке. На левой кисти кожа содрана, больно, но двигать рукой не мешает. Ещё глаза болят, явно после той вспышки. Ощупал брезентовую куртку. Ага, вот тут прогорела, тут рукав распорот от локтя до плеча, но до тела не достали. Что же, спасибо, помогла экипировка.

А оружие моё где? Так, нож в ножнах, револьвер на поясе. Револьвер заряжен, а оставшиеся патроны во внутреннем кармане куртки. Ещё несколько в боковом, который на штанине. Вот только практика показала, что эти любители нательной живописи даже от картечи не сразу дохнут, а от револьверной пули, надо полагать, даже не почешутся. Обрез бы найти, патронташ почти полон, только стрелять не из чего.

Зарывшись в мутную пучину воспоминаний, я нашёл там информацию о том, что, когда меня тащили, я его в руке сжимал.

Допустим, потом меня уронили. Обрез должен был выпасть рядом.

Я присел и начал ощупывать пол вокруг. Почти сразу наткнулся на тело. Мёртвое. Наш или… Преодолевая отвращение, я начал щупать дальше. Нет, не наш. Наши обычно штаны носят, и острых железяк на теле столько нет. А ещё не воняют какой-то химической гадостью пополам с палёной плотью. Очередной писаный. Но мне от него толку нет, трофеев никаких, нож у меня и свой есть. Мне бы… я продолжил шарить, пока пальцы не наткнулись на тёплое дерево. Рукоять, стволы, спусковая скоба. От радости я едва не расцеловал бездушный кусок железа. Теперь я не беззащитен. Хоть с одним смогу справиться.

Потом я вспомнил, что следует его перезарядить. Так, осторожно, ничего не уронить, иначе потом долго искать буду. Две пустых гильзы засовываю в патронташ, а две достаю оттуда, если не ошибся, простая картечь. На ощупь пересчитал оставшиеся патроны, шестнадцать и два заряжены. И к револьверу двадцать восемь. Теперь бы ещё определить, где я нахожусь, и в каком направлении выбираться.

Встал на ноги, стою нетвёрдо, но идти смогу. В кармане сохранился фонарик, но включать его я опасался. А ну как тут ещё писаные остались, сидят в темноте и ждут? Они в темноте видят? Вряд ли, тут ведь не сумерки, тут темнота полная, даже кошка ничего не увидит. Скорее поверю, что иными способами ориентируются, вроде эхолокации. Включить или не включить?

Долго думать мне не дали, где-то вдалеке послышался звук, который постепенно приближался.

Прислушавшись, я различил чёткое шлёпанье босых ног по бетону. И ног этих явно больше одной пары. Приплыли. Вблизи, за углом появилось слабое голубоватое свечение. Ага, значит, они без света тоже не могут. Фонарь, или свеча, или магический светильник. Неважно. Идут сюда. Что делать? Если там один, тогда справлюсь, но их там точно больше двух, а значит, спасение моё в быстром беге. Впрочем, тут замкнутое пространство, бежать особо некуда. Если бы я ещё хоть немного в этих коридорах ориентировался.

Я вскинул обрез и начал отступать дальше по коридору. Есть куда идти, вот и иду. Когда зайду в тупик, буду принимать бой, там хоть сзади не атакуют. Отдельное спасибо тем козлам, что меня сюда отправили. За экипировку. Подошва ботинок была эластичной, а при

осторожных шагах почти не издавала звука. Или это я так думаю, что не издаёт?

Приходилось идти чуть быстрее преследователей, чтобы сворачивать за следующий угол чуть раньше, чем они выйдут из-за предыдущего угла. После очередного поворота я всё же рискнул выглянуть. Точно, они, первый идёт с блюдом, на котором светится что-то синее. Следом идёт второй, третий… короче, правильно я сделал, что убежал. Вот только бесконечно прятаться не выйдет.

После этого поворота я заметил, что пол идёт под уклон. Спуск на нижний уровень? Точно, мне ведь сказали, что третий коридор, что соединяет этот анклав с основными корпусами завода, расположен ниже других и затоплен. Может, они сюда и не пойдут?

Но они шли за мной, как привязанные. Не торопились, но и не отставали. Я делал шаг за шагом, всё ниже спускаясь в направлении центра земли. Скоро случилось неизбежное: ноги погрузились в холодную воду. Спокойно, пока не тону, значит, не всё потеряно. Но, как назло, этот затопленный нижний коридор был прямым, как линейка. Спрятавшись за угол, можно стоять в воде, а враги сюда вряд ли полезут. А так они увидят торчащую голову.

Уровень пола продолжал понижаться. Вода быстро поднялась мне до пояса, вдобавок, двигаясь по воде, я неизбежно поднимал волны, которые создавали шум. Медленнее нужно. А потом я поплыву, пока голова не упрётся в потолок, а потом там не останется воздуха, тогда нырну и поплыву под водой. Если сифон этот длиннее десяти метров, то мне конец, если я в темноте поплыву не в ту сторону, то мне конец, если проход с той стороны завален, то мне конец. Короче, если отбросить лирику, мне светит почти стопроцентная смерть. Уж лучше остаться здесь и принять бой.

Стоп! Мне не показалось. Ветер, сквозняк. Вода тут застоявшаяся и откровенно воняет. А воздух относительно свежий. Дует спереди. Там есть проход, вода затопила коридор не полностью, даже пара сантиметров воздуха под потолком поможет мне перебраться. Правда, неизвестно, что на той стороне, но лучше попытать счастья.

Тут я вспомнил про патроны. В самодельных очень слабая герметичность, после купания их можно будет выбросить. Взял патронташ и прикрепил его на голову подобно чепчику. Фонарик зажал в зубах. Обрез засунул сзади за воротник. Кобуру с револьвером

повесил на шею. Патроны пересыпал в нагрудные карманы. Всё, можно идти. Синий свет позади приближался. А вот хрен вам, хотите меня сожрать, придётся поплавать. А водичка холодная, у меня уже ноги немеют. А вам, теплолюбивым, такое не нравится. В любом случае, даже если пойдут, на той стороне можно неплохо встретить. Я буду на суше, а они – в воде.

Пройти удалось на цыпочках, вода дошла до середины груди, потом уровень держался несколько метров, а дальше начал понижаться. Победа. Пусть пока промежуточная, но всё же победа. Прошёл я ещё метров сто, пока уровень воды не упал, сначала до колена, а потом и до щиколоток. Тут я понял, насколько устал, а остатки энергии из тела вытянула ледяная вода. Погреться бы.

Сначала выйти на сухое место, бетон относительно сухой, пусть холодный, но лучше, чем вода. Быстро разулся. Вылил воду из ботинок. Уже легче. Теперь вернуть на место оружие и патроны. Остальную одежду отжал, как смог, не снимая. Так, я готов. А где враги?

Долго прислушивался к чёрной пустоте. Ни одного звука. Они передумали лезть в воду. Хорошо, хотя я уже готов их встречать. Теперь я даже рискнул зажечь фонарик, правда, луч направил вперёд. Некоторое время глаза привыкали к свету. Так, уже лучше, теперь можно будет ориентироваться в пространстве. Коридор впереди уходит метров на пятьдесят, а дальше какая-то дверь. Выход на поверхность? Хорошо бы. Правда, выход этот может быть закрыт снаружи, тогда придётся повторить плавание, а потом прорываться через тварей. Нехорошо. Лучше бы был открыт. Заодно при свете осмотрел себя. Особых травм у меня нет, куртке досталось, той, что сверху. А нижняя, как и штаны, отлично выглядит, не порвана, не прогорела. Добротная ткань. Рука слегка кровоточит, ссадина на нижнем ребре ладони, от кончика мизинца до запястья, как будто наждачкой прошлись. Колено болит от ушиба, но на этом, кажется, всё. Погоня отстала окончательно, значит, можно валить.

Хотелось бы посидеть и обсушиться, но в таком холоде вряд ли высохнет ткань, нужно идти на поверхность, там тепло. А что происходит с водой при повышенном атмосферном давлении? По идее, испаряться будет медленно. Да и плевать, хоть согреюсь.

К двери подходил, держа обрез на весу, готовый стрелять на любое движение. Фонарь светил вперёд, я засунул его под погон куртки. Пока никого. А что за дверью?

За дверью располагалась лестница, уходящая вверх. У меня вырвался вздох облегчения. Хотя воображение продолжало рисовать наверху мощную стальную дверь, закрытую снаружи. Узнать можно только одним способом. Я вздохнул и начал подниматься. Один пролёт, второй, третий вывел меня на небольшую площадку. Вот и дверь.

Я нажал на кнопку и потушил фонарь, с той стороны пробивался тусклый свет. Дверь в самом деле была стальной, но её никто не закрыл. Может быть, в этих катакомбах прятались люди, которых потом эвакуировали.

Но радость оказалась преждевременной. Дверь была приоткрыта всего сантиметров на двадцать. А открыть её шире я не смог, петли заржавели наглухо. Проблема. Пришлось снять верхнюю куртку, потом выдохнуть и, проклиная себя за любовь к еде, протискиваться наружу. Получилось, хотя и с трудом.

Оказалось, что мои проблемы только начинаются. За этой дверь была вторая, точно такая же, только открывалась наружу. Небольшой шлюз, в котором, как я думаю, вошедшие подвергались бы обработке от ядов и радиоактивной пыли. Вторая дверь была приоткрыта на десять сантиметров, не больше. Вот тут я точно не пролезу. А что с петлями?

Петли тоже были ржавыми, но не настолько, чтобы полностью обездвижить дверь. При сильном нажатии стальная плита сдвинулась на полсантиметра. Выбора всё равно нет. Придётся отодвигать. Я сбросил всё лишнее, ухватился двумя руками за край двери, а ногой упёрся в стену. От напряжения заболело всё, что только может болеть, пальцы готовы были оторваться, а позвоночник подозрительно затрещал. Проклятая железка издала жалобный скрип, потом сдвинулась на сантиметр, потом ещё, потом… потом у меня начало темнеть в глазах от напряжения, пришлось отпустить дверь и рухнуть на бетонный пол, хватая ртом воздух. Нет, такие нагрузки точно не по мне.

Когда дыхание восстановилось, смог взглянуть на результат. Что же, кое-что получилось. Сантиметра четыре у двери я отыграл. В принципе, можно попробовать протиснуться. Тут ведь главное – чтобы

голова прошла, остальное согнётся, сплющится, деформируется, но пролезет. Я ещё не настолько стар, чтобы кости потеряли гибкость.

Начал снимать куртку, нужно максимально уменьшить габариты, хотел сразу выкинуть наружу, но подумал, что там может кто-то быть. Лучше потом просунуть руку и вытащить. Потом, когда я уже стоял полуголым, взял в руку револьвер. На всякий случай. Ещё бы мылом намазаться, ну, да ладно, попробую так.

Всовываю своё тело в щель, голова… голова… голова… Шершавый металл оцарапал кожу на виске, но просунуть голову получилось. Некстати пришла в голову байка о йоге, что сбежал из тюрьмы через окошко в двери камеры. Я не йог, но… грудь у меня широкая, раньше я считал это плюсом. Максимальный выдох, потом нажать, металл скребёт по груди, в одном месте потекла кровь, но капля невелика, просто какой-то заусенец на двери. Ещё немного – вот он я!

Первым делом вскидываю револьвер и осматриваюсь. Ага, никого. Я по-прежнему в подвале, вот только наверху приличная дыра, видимо, от попадания артиллерийского снаряда. Последствия всё той же бойни пять лет назад. Собственно, поэтому тут и светло, хотя свет тусклый, но он тут всегда такой. Ну, одной проблемой меньше. Я на основной территории завода. Правда, так и не понял, какая нужда заставила выносить часть строений отдельно. Теперь стоит произвести разведку и выяснить, почему эта территория раньше была недоступной.

Но сначала одеться. Просовываю руку в недра подвала, выгребаю всё наружу. Одежда даёт хоть какое-то чувство защищённости. И куртку сварщика тоже сверху напялю, пусть жарко, зато так спокойнее.

Ухватив обрез двумя руками, поднимаюсь по лестнице. Можно было попробовать вылезти через пробоину, но после того, как надорвался с дверью, на акробатику не тянет совсем. Пойду через парадный выход. На выходе пришлось остановиться. Свет снаружи, какой бы тусклый он ни был, бил по глазам. Пришлось присесть у стенки и подождать. Так, что имеем? Просторный холл, из которого два выхода. Один ведёт наружу, второй, если я правильно понимаю, в глубины корпуса. Куда?

Решил сначала выглянуть наружу. Ага, завод, как завод, не представляю, что тут производили, но территория обширная.

Огромные корпуса, каждый с пятиэтажный дом, труба до неба из красного кирпича, в одной стороне находится железнодорожный тупик, отсюда видно плохо, но явно рельсы. В двух местах территорию пересекает теплотрасса, с которой местами сорвана изоляция.

Казалось бы, идиллия, мёртвый завод, наверняка, куча полезных ништяков, цветмет там, аппаратура исправная, может быть, станки, которые можно разобрать и вытащить отсюда. Можно было бы, если бы. Это самое «если бы» тут ключевое. Пространство между корпусами затянуто той самой паутиной. Нити, в отличие от прошлых, натянуты туго, при этом никакого порядка не наблюдается. Некоторые натянуты низко, другие – на высоте в два человеческих роста, вдоль и поперёк, вертикально, горизонтально и наискосок. Расстояние между ними немалое, человек пролезет. Пролез бы, если бы это не было смертельно опасно. Отдельный вопрос, который я так и не выяснил: а кто автор всего этого великолепия? Паутина подразумевает паука. Или пауков. Толщину нитей можно экстраполировать на размеры паука. Если обычный плетёт паутину толщиной с волос, то какой делает толщиной в руку?

От таких мыслей слегка передёрнуло. Фантазия богатая, живо представил восьминогое существо с длинными мохнатыми лапами, которое заматывает меня в кокон… Тьфу! Мерзость!

Идти куда-либо в таком месте расхотелось сразу. Что тогда? Тогда попробую подняться выше и осмотреть территорию сверху. Сдаётся мне, что передо мной только малая часть картины, очень может быть, что с большой высоты увижу что-то полезное.

Вернувшись, я отправился вторым путём. Прошёл раздевалки и столовую. Потом вышел в цех. Станки, станки, снова станки. Чуть дальше сборочная линия. Что именно собирали, понять невозможно, но всё оборудование новое. Местами тронуто ржавчиной, но, уверен, стоит подключить электричество, и всё заработает. Стоят ящики с какими-то деталями, опять же, знаний не хватает оценить. Впрочем, может быть, производили только комплектующие, а окончательная сборка была в другом месте. А может быть, делали что-то для оборонной или космической отрасли, тогда тут и инженер не разберётся. Из моего мира инженер.

Прохожу дальше, поневоле восхищаясь великолепием. Ага, есть выход на лестницу. Поднимаюсь уровнем выше. Поворот, дверь с

надписью «Электрощитовая», чуть ниже написано, что за противопожарную безопасность отвечает некто Скляров В.Н. Ну, пожара здесь не было, это ему плюс. Дальше снова цеха, присутствует грузовой лифт, в который при желании можно засунуть малогабаритный автомобиль.

Поднимаюсь выше, третий этаж разделён на несколько кабинетов, понятно, тут инженеры в белых халатах чертили что-то на листах ватмана. Ну, или на досках. Когда вошёл в один такой кабинет, растерялся, не увидев архаики. Два компьютера на двух столах, а на стене какой-то монитор с диагональю в метр. А ещё куча документации, что лежит на столах, папки с бумагами, чертежи. Ладно, при других условиях я бы попробовал компьютер унести, но сейчас самому бы выбраться. Путь до базы я в общих чертах помню, нужно только территорию завода покинуть.

К счастью, тут были окна, большие и светлые, а не те бойницы, что имелись в цехах на первом этаже. Сразу обратил внимание на рамы. Пластик, не тот пластик, к которому мы привыкли, то и не дерево. Прорывные технологии, что говорит в пользу того, что завод построен незадолго до катастрофы. В домах я ничего подобного не видел. Рамы с очень удобным запором, но открывать их не пришлось. Видимо, удары артиллерии не прошли даром, почти половина стекол была разбита, осколки валялись на полу.

Осторожно высунувшись, я выглядываю наружу. Да, так гораздо лучше. Из окна видна другая сторона здания, но вид куда обширнее. Что там? Ага, паутина охватывает здание, перегораживает дорогу к другим, но, в целом, площадь охвата невелика. Достаточно пробраться метров на тридцать от этого здания, как окажусь на свободном пятачке, откуда можно отправляться дальше. А проберусь?

Так, а какова картина в целом? Тупик отсюда видно, рельсы, а над ними почти нет паутины. Огибают трубу, что выходит прямо из недр земли. Если пойти по ним, то попаду к воротам. А куда ведёт дорога? Вот бы узнать. Что-то ещё резануло глаз. А, вот, на противоположном здании стена затянута странным растением, вроде плюща. Вот только настоящий плющ обычно зелёный, а это недоразумение фиолетовое. И ещё, если зрение меня не подводит, стебель и листья немного светятся. Даже сейчас, днём можно это разглядеть, а уж ночью тут иллюминация.

По поводу светящихся растений не могу сказать ничего. Кроме одного: лучше их не трогать. Не просто так эта территория считается закрытой, наверняка уже были попытки пройти, закончившиеся трагично.

Что ещё не так? Растения. То, что на территории завода имеются клумбы, устроенные между асфальтовыми дорожками, это понятно. Какие-то мелкие цветочки, совсем безобидные на вид. А дальше растут деревья, тоже, в общем-то, ничего особенного, ну, посадили на территории парочку, чтобы облагородить индустриальный пейзаж. Но смущает другое: во-первых, деревья странной породы, которую я никак не могу определить, и листва слегка красноватая, а во-вторых, растут они без всякой системы, местами сильно усложняя передвижение по территории. Вон, одно даже посреди асфальта пробилось. Могли деревья вырасти за пять лет? Да, хотя и сомневаюсь, некоторые из них довольно толстые. Вывод: их тоже лучше не трогать.

Продолжаю наблюдать, в одном из углов лежит что-то белое. Достаю бинокль. Так и есть, скелет человека, почти целый с обрывками одежды. Ну, на этот счёт можно не беспокоиться. Зрелище не самое эстетичное, зато опасности не несёт. Надеюсь, что не несёт.

Что в самом деле обрадовало, так это то, что за всё время наблюдения не заметил никакого движения. Животных нет. А я ведь довольно громко шагал по лестнице, ржавая дверь не менее громко скрипела. Будем надеяться, что животных тут нет.

Некоторое время поразмышляв, я решил выбираться. Даже если на базе знают, что я жив (что вряд ли, тогда никто бы не бросил), не смогут провести спасательную операцию. Была бы хоть какая-то связь, мог бы поговорить, описать картину и получить советы. А потом, глядишь, и сам бы выбрался. Тот факт, что на территорию нельзя войти, не говорит о том, что с неё нельзя выйти.

Сунув обрез за пояс, я отправился по лестнице вниз.

Глава восьмая

Чтобы выйти во двор, требовалось немало смелости. Ну, казалось бы, чего стоит пролезть между нитями? Там расстояние почти в метр, я ведь только что в узкую щель пролез, а тут… Вот только дверь не кусается и не грозит потерей конечности.

Подойдя поближе, рассмотрел нить подробно. Сверху налеплено подобие пуха, что-то, напоминающее вату. Прилепили на твёрдую

основу? Нет, если всмотреться ещё внимательнее, можно увидеть, что каждый пучок этого «пуха» вырастает из центральной основы. А сама основа не оставляла сомнений в опасности этой дряни. Что-то похожее на металлическую ленту, не из металла, конечно, но что-то очень на него похожее, серого цвета с острыми краями. Можно подобрать палочку и поэкспериментировать, но что-то не хочется. Вдруг паук всё ещё здесь. Он ведь на добычу реагирует по сотрясению паутины.

Набравшись смелости, делаю шаг вперёд. Нужно отойти от здания, потом завернуть за угол. Нить натянута на уровне пояса. Пригибаюсь, пролезаю, отлично прошло. Дальше две почти вертикальных, расстояние между ними около полуметра, прохожу боком. Следом идёт диагональная нить, которая посередине раздваивается, одна идёт дальше, вторая свисает до земли. Переступаю в низком месте.

Блин, дальше тупик, сразу шесть, которые точно перекрывают проход. Медленно и с большой осторожностью оборачиваюсь и снова перешагиваю диагональ. Сейчас возьму правее, ага, вот тут. Пришлось встать на четвереньки, а потом и вовсе распластаться на земле. Прополз метра три, удачно, а теперь… Будь у меня ноги, как у баскетболиста, я бы перешагнул, да только рост мой весьма умеренный, выше среднего, но не более. Перешагнуть не получится, а подлезть помешает вторая нить, что проходит ниже.

Я остановился, чувствуя, как по спине течёт пот. Вымотался, хотя прошёл только десяток метров, даже меньше. Сейчас устану ещё сильнее и начну совершать ошибки. Впрочем, множественное число тут не нужно, ошибка будет всего одна.

Получилось сместиться в сторону. Это уже опасно, две параллельные нити натянуты под углом к земле. Расстояние – сантиметров сорок. Смогу? А деваться некуда, придётся. С ювелирной точностью протискиваюсь между ними. Теперь небольшой свободный пятак. Дальше снова нити, но можно остановиться и присесть, переводя дух.

Отсюда мне поворачивать за угол, а там ещё метров шесть-семь, после чего окажусь на открытом пространстве. Десяти минут хватило, чтобы дыхание успокоилось, а сердце оставило попытки выскочить наружу, пробив рёбра. Вот не думал, что настолько труслив. Заставляю себя успокоиться, но воображение раз за разом рисует картину, в

которой моя отрезанная голова катится по земле. И хорошо, если голова, это быстро. А если рука? Тогда буду умирать от потери крови, пытаясь пальцами пережать артерию. Впрочем, у меня жгут есть, вот только попробуй его наложи в состоянии шока одной рукой.

Пинками отгоняю мрачные мысли в сторону и иду вперёд. Снова пригибаюсь, перешагиваю, потом отклоняюсь в сторону. Выход уже близок, отсюда отлично вижу, что следовало пойти по другому пути, но переигрывать поздно. Осталось ещё две нити. Вот здесь проползу, потом встану, а потом…

Я замер, когда попытался встать, что-то легонько дёрнуло меня за куртку. Влип? Меня обдало холодом. Только не паниковать. Прилипла только куртка, я её как раз для этого и надевал. Осторожно, медленно расстёгиваю куртку, теперь вынуть руки из рукавов, а потом так же медленно двигаться вперёд.

Попутно разворачиваю голову, чтобы рассмотреть причину своего конфуза. Ага, одна сразу за другой, под первой подлез, а потом начал вставать, не подозревая, что там вторая. Легко отделался. Или обделался. Тьфу!

Подаюсь вперёд, а куртку отбрасываю назад. Смотрю на дальнейшее. Прочный брезент распадается на две половинки. Я теперь воочию вижу, чего только что избежал. А куртка была хорошая. Тут до меня дошло, что ещё ничего не закончилось. Мои движения и падение куртки не прошло бесследно. Нить задрожала, а потом эта дрожь передалась и другим нитям. Не знаю, что это такое, но уверен, что отсюда нужно сваливать как можно быстрее.

Последнюю нить преодолел ползком на спине, смерть разминулась с кончиком моего носа на пару сантиметров. Всё. Свободен.

Боковым зрение уловил движение. Ну точно, как я мог забыть. Паук, здоровый, размером, если не считать лап, с большую собаку. А считать лапы придётся, поскольку на них он не меньше быка. Всё, как нужно. Восемь мохнатых лап, голова с какими-то жвалами и огромная задница. Самка. Но мне от её гендерной принадлежности ни холодно, ни жарко. Встаю на ноги и начинаю медленно пятиться. Мне бы бежать со всех ног, да только ноги плохо слушаются, да и что-то странное замечаю в появлении паучихи. Идёт она не туда, где стою я, а в то место, где валяются половинки куртки. Сработала сигнализация,

нужно проверить. А потом поймёт, что тревога ложная, и… лучше всё-таки убраться. Попутно замечаю, что лапы отличаются от паучьих. Там должны быть коготки, непременно отравленные, а тут что-то, вроде гибких ладоней, которыми тварь цепляется за паутину, перемещаясь в любой плоскости.

Остановившись у разрезанной куртки, тварь спустилась вниз и потрогала ни в чём не повинный брезент. Я при этом продолжал отступать назад, не сводя глаз с объекта повышенной опасности. Тварь поводила головой вправо и влево, после чего бодро припустила в мою сторону.

Я побежал уже всерьёз, не особо рассчитывая дать отпор твари такого размера, бежал в сторону трубы, пока не наткнулся на второго паука, помельче размером, что бодро топал мне навстречу. Самка позади тоже приближалась. Слева от меня находилась паутина, а справа и чуть впереди – та самая труба до неба. Тут я замер, а мои новые знакомые внезапно потеряли меня из вида.

Я даже дышать боялся, пытаясь что-то придумать, чтобы сердце не стучало так громко. Они меня не видят? Обе твари деловито обшаривали окрестности. Рано или поздно найдут, но тот факт, что я незаметен, пока не двигаюсь, даёт некоторые перспективы. Интересно, у них вообще глаз нет? Или только двигающиеся предметы видят? Или эхолокация? Или нюх?

Пошевелил пальцем. Никакой особой реакции, оба монстра пытаются определить след на земле. Значит, на запах? А если так? Достаю из кармана пустую гильзу от ружья и бросаю вперёд.

Оба просто взвились на месте и бросились в ту сторону. Значит, глаза у вас не работают, зато всё слышите. Слух у вас чувствительный. Я это запомню.

Быстро осмотрелся. Так, до трубы всего метров восемь. Там есть лестница из скоб, по ней можно забраться на самый верх, а там опоясывающая трубу площадка, где можно засесть и отстреливать тварей по одной.

Только нужно отвлечь их. У них чувствительный слух? Отлично. Навожу обрез на того, что меньше, прицеливаюсь и жму на спуск. Картечь прилетела кучно, прямо в условную голову, выбив оттуда ошмётки какой-то слизи. При этом оба подпрыгнули и завертелись на месте. Не нравится? А вот ещё! Второй заряд прилетел паучихе, тут

результат был скромнее, но громкий звук снова сделал своё дело. А я в этот момент уже убегал в сторону трубы. В последний момент пришла мысль, что загоняю себя в ловушку, что пауки могут и без скоб по стенам бегать. Но это обычные пауки, а не такие, что больше центнера весом. Тутошние мутанты и по лестницам вряд ли смогут.

Хватаюсь за скобы, вбитые в кирпичную кладку трубы, и быстро лезу наверх. Высота трубы была метров пятьдесят. Не так много, если смотреть с земли. А если перевести в другие единицы и сказать, что это примерно восемнадцатый этаж, всё смотрится совершенно по-другому. Короче, где-то на середине я с удивлением для себя открыл, что боюсь высоты. И вообще, это ненадёжное убежище, и даже скобы кажутся гнилыми, хотя ни одна из них даже не пошевелилась в руке.

Пауки, будь они неладны, бесновались внизу. Уже определили, куда делась добыча, и теперь пытались взобраться, и по стене и по лестнице, получалось плохо. В итоге, собрав волю в кулак, я отправился ещё выше. Когда добрался до помоста, вылез и спрятался за перилами, чувство страха отпустило. Нет, отсюда даже во сне не упаду, держится крепко и перила надёжные. И пауки не заберутся. Правда, от голода помру, но, может быть, свои выручат. Вода у меня есть, на пару дней хватит.

Порывшись в карманах, выудил пачку галет. Бедные хлебцы, наверное, вымокли во время купания в подвале. Нет, только слегка отсырели, вощёная бумага выдержала испытание. Достал одну и сгрыз, запив водой из фляги. От мыслей о голоде сразу захотелось есть.

Итак, что имеем? Я в западне, но пока жив. Внизу две твари, слегка раненые и очень злые. Их можно убить? Можно, как и любое существо. Допустим, я спущусь и расстреляю их. Тогда можно будет двинуться дальше. А если на выстрелы прибегут ещё пауки? А они есть? Если есть, то почему не прибежали?

Снова посмотрел вниз. Нет, не уходят, ждут. Стрелять отсюда имеет смысл? Ну, картечь может ударить за счёт ускорения свободного падения. Стоп, если тут пятьдесят метров, то можно и без картечи. Просто сбросить что-то.

Я стал осматриваться, в поисках чего-то тяжёлого. Тут, прямо как рояль в кустах, под ноги подвернулось ржавое ведро. Оставил его явно сварщик, который здесь когда-то работал. Тут и держак с обрывком

провода, и огрызки электродов, и сгнившая рукавица, что ещё в те времена прогорела в двух местах. И даже волшебный инструмент сварщика со страшным названием «каркалыга».

Тут же, засучив рукава, начал готовить метательные снаряды. Кусок электрода, бумага, проволока. Вот тебе и боевая стрелка, которую можно бросить вниз, тогда упадёт точно острием. Бросил, упала. В двух шагах от цели. Просто ветром немного снесло. Следом полетел простой электрод, потом шарик от подшипника. С шариком повезло, ударил точно в мелкого монстра и, кажется, хорошо пробил. Тварь начала заваливаться набок, учитывая обычную живучесть пауков, можно сказать, что мне несказанно повезло. Повредил какой-то важный нерв. Прикончить мамашу нетрудно, просто спущусь, а потом выстрелю из обреза зажигалкой. Прожжёт насквозь, а я тем временем убегу, пока новые пауки не набежали.

Я встал и приготовился спускаться, потом всё-таки задержался и бросил вниз каркалыгу. Железка завертелась, как томагавк, но ожидаемо прошла мимо. Ладно, трудности нас не пугают.

И тут я поднял глаза наверх. Твою мать! Тот факт, что пауки не могут залезать снаружи трубы, не говорит о том, что и внутри трубы их нет. Прямо из-за края вылез очередной представитель многоногого семейства. Показался и почти сразу прыгнул на меня.

Возможно, тут мне пришёл бы конец, поскольку тварь двигалась быстро, и силы ей хватало, вдобавок она имела двукратное превосходство в количестве конечностей. Но вот с габаритами вышел конфуз, лапы просто не поместились в узкий промежуток между кирпичной стеной и перилами. Но придавить меня к полу получилось и так, несмотря на то, что половина лап беспомощно скорчились в узком проходе. Свалившись сверху, паук потянул ко мне свой омерзительный ротовой аппарат, состоявший из каких-то узких рогов или игл. Тут же я смог рассмотреть глаза, точнее, тот факт, что глаз у твари нет. Вроде бы, они были, но поверх привычных восьми фасеток имелись роговые наросты серого цвета, полностью перекрывавшие зрение. Да, видеть они не могут, но мне это сейчас не поможет.

От нестерпимой вони насекомого тошнило, я начал паниковать, пытался достать оружие, но ни обрез, ни револьвер, ни даже нож были недоступны, тварь крепко лежала на моей нижней половине, перекрывая возможность достать их. В отчаянии я стал бить себя по

карманам, и тут же наткнулся на твёрдый предмет. Откинув клапан кармана единственной свободной рукой (вторая упиралась в условный подбородок твари, пытаясь отодвинуть её пасть от моего лица, получалось плохо), я вынул керамический кастет и тут же просунул в него пальцы. Эта штука словно специально создавалась по моей руке. Впрочем, те, кто меня отправил, могли и примерить несколько образцов. Получив кое-какое оружие, я, несильно размахнувшись, треснул тварь прямо в условный рот. Потом ещё и ещё. С четвёртого удара почувствовал, что под рукой что-то треснуло, на меня выплеснулась порция какой-то серой слизи с острым химическим запахом. Зато и тварь подалась назад.

Теперь уже я, вцепившись в щетинки на голове чудовища, продолжал бить кастетом в рыло, перемешивая хитин с плотью, кровью и слизью. Тварь, поняв, что справиться со мной в этих стеснённых условиях вряд ли сможет, встала на дыбы, после чего ожидаемо перевалилась через перила.

Но праздновать победу было рано, в момент падения лапы освободились и ухватили меня. Я перевалился через перила следом, и мы полетели вниз.

Я даже испугаться не успел, поскольку быстро понял, что наше с тварью свободное падение совсем не свободное, паук не просто падал, он спускался на нити паутины, при этом держал меня, а я, поняв, что падение отменяется, продолжал бить в уже несуществующую голову кастетом. Ему бы меня отпустить, тогда я упаду, разобьюсь, и меня можно будет есть. Но, увы, надглоточный нервный узел, который у него вместо мозгов, на столь сложные умозаключения не способен.

В итоге тварь умерла, когда мы зависли на высоте пяти-шести метров над землёй. Лебёдка в паучьей заднице закономерно дала клина, паутина прекратила вытягиваться, в результате спуск остановился. Внизу активизировалась паучиха, которая вставала на дыбы и даже подпрыгивала, пытаясь достать лакомый кусок. От такой туши кастетом точно не отмахаюсь.

Тут случилась очередная неприятность. Только что я висел в объятиях мёртвого паука на высоте третьего этажа, путь и вниз головой, зато в безопасности. Паучьи лапы держали меня за одежду подобно липучкам. А теперь эти липучки начали одна за другой

отлепляться от меня, секунд через пять я полечу вниз, прямо в объятия их мамаши.

Обрез каким-то чудом удержался у меня за поясом, выхватываю, навожу на тварь и стреляю. Зажигалка в левом стволе. Отдача едва не отрывает руку, из ствола вырывается натуральный столб огня и дыма, а кусок огненной стихии ударяет паучиху прямо в пасть. Отдача разрывает нашу связь с мёртвым пауком, а я падаю вниз, слегка разминувшись с горящим монстром.

Земля была мягкая, поэтому от встречи с ней заработал только ушиб всего тела, больно, но не смертельно. В двух шагах от меня беснуется тварь. Головы нет, на её месте дырка, из которой вырывается столб синего пламени. В голове промелькнули два вопроса. Как *это* помещалось в патроне? Натуральный ядерный взрыв. И почему паучиха ещё жива?

А она была не просто жива, лапы хлестали по сторонам, то ли пытаясь найти меня, то ли от нервных сокращений мускулатуры. Бежать не было сил, от удара всё болело, поэтому я отполз на пару шагов и вынул револьвер. Взвёл курок, навёл ствол на тушу, выстрелил. В отличие от обреза, отдача была совсем небольшой, потом я стрелял ещё и ещё, пока не услышал стук курка по наколотому капсюлю. А услышал я его потому, что паучья королева изволила-таки помереть, отчего вокруг стало тихо. Тихо?

Точно, необычайная тишина, тварь упала замертво и не двигается. Ещё одна висит над землёй. А мне пора. Попытавшись встать, я застонал от боли. Неслабый всё же удар пережил. Ладно, отлежусь минут пять, никто не гонит, в чём я ещё раз убедился, покрутив головой по сторонам.

Пока занялся исследованиями пауков. С мелким всё ясно, шарик прилетел с большой скоростью, шарик тяжёлый, ударил вот сюда и вошёл глубоко внутрь. Видимо, действительно разорвал нервные пути. Удивительно и неправдоподобно, но это факт. Висящую тварь я особо не разглядывал, уделив больше внимания поцарапанной руке. Перчатку оттёр, как смог, кастет очистил пучками травы. Отличная вещь, не зря с собой таскал.

А что с мамашей? Если говорить о нервных узлах, повреждение которых смертельно для восьминогих, тот тут всё выглядит странно. По идее, умереть она должна была сразу после попадания. А она

продолжала шевелиться, когда огонь дошёл до середины груди. А что револьверные пули?

Тварь лежала на боку, можно было рассмотреть. Ага, вот, три пробития, и четыре вмятины. Потом заглянул в то место, через которое вошла зажигательная пуля. Впечатляет. Тут не просто алхимия, тут натуральная магия, нечто, что поместилось в двенадцатый калибр, смогло прожечь такую дыру. Заглянул в ствол обреза. Он до сих пор не остыл, а на стенках ствола нагар толщиной в миллиметр, светло-серого цвета. Вундервафля местного разлива.

Обрез пока сунул за пояс, а револьвер нужно перезарядить. Это не секундное дело, конструкция архаичная, разработанная сто двадцать лет назад. Пришлось по одной вынимать стреляные гильзы, потом так же по одной вставлять новые патроны. Гильзы выбрасывать не стал, вдруг Петрович сможет зарядить.

С кряхтением и матом смог встать на ноги. Нужно идти. Куда? А без разницы, просто покинуть территорию, не вляпавшись в паутину или что похуже. Оглядевшись, нашёл единственное возможное направление, где на довольно широкой поляне между двух цехов стояла небольшая роща странных деревьев. Опасно? Может быть. Но деревья обычно не кусаются, хотя тут ничего нельзя исключать.

С близкого расстояния получилось рассмотреть растения подробно. Ствол толщиной в мою руку или чуть больше. Растут строго прямо, кривых стволов нет. Листья на тонких ветках тёмно-зелёного цвета, а по краям красная кайма, отчего всё дерево кажется красным. Кора странного цвета, светло-коричневый с розовыми прожилками. Таких деревьев я точно не знаю.

Иду дальше. Ноздри щекочет странный аромат. Что-то смолистое и одновременно цветочное, хотя ни одного цветка не вижу. Прислушался к ощущениям, нет, всё нормально, яда точно нет, сознание ясное, руки-ноги шевелятся. Только отбитые места болят, но запах тут ни при чём.

Если с краю деревья росли как попало, то теперь я стал замечать, что они выстроились в систему, образовав небольшой коридор, который сверху прикрывался плотным «потолком» из сплетённых веток. Ох, непростая роща, и коридор непростой. Внутренний голос вякнул что-то о том, что отсюда надо валить, поскольку в конце коридора из деревьев меня ждёт что угодно, только не выход с опасной

территории. Но я его не послушал, как знать, вдруг именно здесь я найду нечто такое…

Свет, и без того тусклый, внезапно померк, я оказался в темноте. Пугаться не стал, лимит страхов на сегодня исчерпан. К тому же темнота неполная, вон, впереди какой-то свет. Осторожно, стараясь не споткнуться, иду в ту сторону. Тут какой-то зал, огромный, стены которого не имеют ничего общего с постройками на территории завода. Какой-то пористый камень белого цвета, обвитый зелёными лианами. Зал круглой формы, в диаметре метров двадцать, пол земляной, а потолка не видно вовсе. Эти подробности я смог разглядеть, поскольку в зале был свет. Более того, это точно был дневной свет, которого и снаружи-то толком нет. А здесь есть, даже зайчики бегают.

Но самое интересное было в середине. Внизу бил мелкий родник, вода из которого образовывала ручей, уходивший куда-то под стену. А над ним возвышалось дерево, которое напоминало дуб, хотя, конечно, дубом не было. Приземистый толстый ствол метра три в обхвате, тёмная кора, мощные ветви, расходившиеся во все стороны, а на одной из веток что-то висит. Плод? Или что-то другое?

Я подошёл поближе. Вода журчала так призывно, что я захотел пить, вот просто невмоготу стало. Пришлось нагнуться и зачерпнуть ладонью. Холодная и чистая, хочется пить ещё и ещё. В результате я упал на четвереньки и стал жадно хлебать. Когда выпил столько, что она едва не полилась обратно, в голове внезапно прояснилось.

Я под чьим-то воздействием? Мне внушили, что я хочу пить? А если отрава? Один раз уже выпил чай. Впрочем, я по-прежнему не чувствовал никаких неприятных последствий, кроме булькающей в желудке воды. Но в тот момент я точно себя не контролировал, кто-то другой управлял мной, когда я пил. Помотал головой, несколько раз сфокусировал зрение на разных предметах. Никаких проблем. Сознание ясное, более того, чувствую себя как никогда бодрым.

Встав на ноги, обнаружил, что боль от ушибов прошла. Стянул перчатку, ссадина на месте, но выглядит старой. Легко сковырнул ногтем запекшуюся кровь, а под ней обнаружил здоровую кожу. Живая вода?

Ладно, оставим пока воду. А что на дереве? Молодильные яблоки? Я не стар, но уже и не мальчик, глядишь, помолодею лет на десять во

всех смыслах.

На ветке дерева висел странный «плод». Размером он был примерно в два кулака, сверху покрыт шкурой, вроде апельсиновой, вот только не оранжевой, а фиолетовой с белыми крапинками. А в одном месте в шкуре разрыв, сквозь который видна розовая сердцевина. Я, набравшись смелости, протянул руку и сорвал плод.

Сразу получил кучу новой информации. Во-первых, плод этот слегка светится, свет даже сквозь мою ладонь проходит. Во-вторых, это ни разу не плод, это что-то другое, органика не может весить так много, в нём килограмма три, будь он целиком из металла, и то не весил бы столько. Вдобавок он очень твёрдый, стало быть, есть я его точно не стану. Ну, что делать? В любом случае, артефакт явно ценный, стало быть, его нужно учёным отдать, а уже они разберутся, а мне за находку дадут пряник.

Я обернулся, снова взглянул на источник, вода убыла, ощутимо убыла. Я всё же нагнулся и зачерпнул ещё пару ладоней. Вкуснее в жизни ничего не пил. А теперь нужно идти.

Вдруг до меня дошло, что я понятия не имею, куда мне идти, где я нахожусь, зачем я здесь и вообще… Дальнейшее я не запомнил, сознание просто выключилось. Последнее, что отложилось в памяти, - это яркий свет, что исходил от артефакта в моей руке.

Глава 2

Глава девятая

- Дмитрий, ты проснулся уже? – голос был знакомый, но говорившего я не видел.

- Да, кажется, - ответил я и открыл глаза. – Где я?

- Дома, где же ещё, - сидевший у кровати Петрович усмехнулся. – Дом, конечно, странный, но другого у нас нет.

Я привстал на кровати. Да, лежу в комнате, в воздухе слабый запах лекарств, но явно не больница. В теле какая-то странная лёгкость, вообще, чувствую себя довольно хорошо. Единственное, что беспокоит, - это как я сюда попал. Надо полагать, сейчас мы в школе, а вырубило меня на территории завода. Они нашли?

- Как вы меня нашли? – спросил я, откидывая одеяло.

- А чего тебя искать? – старик улыбнулся. – Ты сам пришёл.

- Сам?

- Ага, невменяемый слегка, словно бы пьяный. Но сам. В руке «Райское яблоко» держал, оттого тебя так и пёрло.

- Яблоко, да, помню, сорвал какое-то, - признался я.

- А ещё воды живой напился, - добавил Петрович.

- Да, там источник был, у корней.

- Знаю, это всегда так. Считай, жизнь себе лет на двадцать продлил, а то и на тридцать. Если болячки какие были, забудь о них, у людей, слыхал, даже кариес в зубах зарастал и бородавки исчезали.

- Я не знал, что так действует, просто пить хотел.

- При виде источника все пить хотят. Эх, жаль только, что он одноразовый. Как сорвёшь «Яблоко», так и иссякает. Если не срывать, то тоже исчезнет, но позже, два-три человека напиться смогут.

- А что за артефакт такой? Ценный он? – спросил я, вскакивая с кровати, пол был тёплым, ходить без обуви проблемы не составляло.

- Ценный? Да, ценный, такой всего два раза находили, ты третий. Только ценность его неизвестна. Учёные ценят, да, а для нас… Ну, ты вот смог по городу пройти, никто тебя не тронул, но это пока свет от него шёл, твари света этого боятся и разбегаются в стороны. Сейчас он

угас уже, но польза всё равно сохранилась. Будет теперь чем учёных порадовать и себе подарков выпросить.

- В город повезёте?

- Нет, там сложнее всё, военная колонна должна завтра прибыть, с ними весть пошлём, потом пришлют кого-то от науки, он приедет, оценит, ну и, само собой, привезёт чего-нибудь. Соседи бают, что цивилизация расширяется, что когда-нибудь тут блокпост военный поставят, глядишь, и лабораторию. Тогда и нам проще станет.

- А как мужики? – внезапно вспомнил я, натягивая штаны. Форма обнаружилась в тумбочке, отстиранная и выглаженная, а сверху лежал наган в кобуре с ремнём. – Вернулся кто?

- Двоих потеряли, трое ранены, тебя тоже убитым считали. Как я понял, сначала тебя вырубило, а потом тому, кто тебя нёс, голову снесли. Ну и тебя, естественно, никто не подобрал. Сам-то что помнишь?

- Очнулся в темноте, - я начал восстанавливать в памяти тот день. – Вокруг никого, но обрез сохранил. Потом слышу: писаные рядом, ходят со светом, ищут кого-то. Я от них, они за мной. Так и утопал в один из нижних коридоров. Он затоплен, но пройти можно. Так и добрел до выхода на территорию.

- Так значит, есть проход?

- Есть, хоть и не самый удобный. Так вот, там вышел, а кругом паутина, кое-как пролез, чуть надвое не распался. Потом пауки появились. Троих убил…

- Постой, ты правда пауков видел?

- Да, а что такого?

- Они твари редкие, только по ночам выходят, днём, считай, не найти их. А уж убить… как получилось-то?

- Одного мелкого кастетом забил, второго… - я попробовал вспомнить, - второго шариком от подшипника.

- Чего?

- Труба там есть, - объяснил я, - высокая. Я на самый верх забрался, оттуда швырял железками. Попал удачно, в шею, между пластинами. Пробил что-то важное. А вот мамка их никак умирать не хотела, зажигалкой ей прямо в рыло попал, она уже изнутри выгорела, а всё равно шевелилась. Потом из нагана стрелял, а потом всё.

- Сказал бы, что ты заливаешь, - Петрович подозрительно прищурился на меня, - но специалистов по паукам у нас нет, тварь редкая, а потому будем считать, что всё так и было.

- Так можно сходить туда и посмотреть, - предложил я. – Возможно, трупы до сих пор там лежат.

- Обязательно сходим, - кивнул Петрович. – Только сперва поймём, как ты оттуда вышел. Территория завода закрыта паутиной, жгучей плесенью, а ещё ядовитыми растениями. Ни туда, ни оттуда хода нет. Через подземный коридор можно, да там ещё с писаными неясно.

Когда оделся, почувствовал себя ещё лучше, а заодно ощутил зверский голод. Тело стало сильнее, а мускулы требовали работы. Но сперва поесть. Я отправился в сторону столовой, там сегодня сидела миловидная худощавая девушка с короткой стрижкой. Волосы русые, глаза зелёные, на лице грусть. При этом совсем молодая, если она тут с самого начала, то ей тогда было… лет четырнадцать.

- Что есть будете? – спросила она.

- Да… что дадите. А большой выбор?

- Борщ, гречка, могу просто бутербродов с тушёнкой сделать, тоже вкусно. И чай сладкий, - она откинула с глаз чёлку и посмотрела мне в глаза. – Вы недавно здесь?

- Да дня четыре всего, а что, так заметно?

- Конечно, я тут всех знаю, а вас раньше не видела. Вы странный. Как занесло сюда?

- Водителем был, - я решил отделаться полуправдой. – В столовой злоумышленники напоили отравой, а очнулся уже здесь.

- Понятно, - она не стала вдаваться в подробности. - Садитесь, сейчас гречка с подливой будет. Меня Марина зовут, я из санатория.

- Дмитрий. Я в местных реалиях не разбираюсь, - скромно сказал я, присаживаясь за стол, - не знал, что тут и санаторий есть.

- Есть, только там мы живём, - она поставила передо мной большую миску из нержавейки, где горой была навалена гречка, а сверху налита подливка с кусочками мяса. – Женское общежитие. А мужчины к нам в гости ходят. Чаю сколько?

- Один стакан. А как получилось такое общежитие? – спросил я, - Я думал, женщин первыми эвакуировали.

- Эвакуировали, да не всех. – Она положила рядом два кусочка хлеба, после чего присела рядом. – Нас, например, забыли.

- Вас? – спросил я уже с набитым ртом.

- Нас – это заключённых, - она улыбнулась, но в глазах стояла грусть. – Тут колония была, женская, для малолетних. Вот и мы там были. Хорошо помню те дни, нас, может быть, эвакуировали бы потом, да только поздно стало. Когда совсем припекло, и военные не справлялись, администрация просто отпустить нас хотела, чтобы своим ходом из города выбирались.

- Не отпустили? - я продолжал жевать, каша оказалась неожиданно вкусной.

- Никто не пошёл, там снаружи такое творилось, а в зоне хоть колючка была и забор. Охрана в бой вступила, полегли почти все. Потом тварей накрыли с самолётов чем-то, да так, что всё вокруг в огне было, половину зоны снесли. В нашем отряде выжившие собрались, семьдесят девок и одна надзирательница, четыре дня просидели, потом она нас вывела наружу, тут уже мужики местные начали порядки наводить. Хорошо хоть нормальные мужики попались, в других местах не так. Нас они в санаторий сразу поселили, там почти всё цело было, и место такое, что опасности нет. С трёх сторон лагеря поселенцев.

- И как вы там живёте?

- Нормально, надзирательница эта, Любовь Наумовна, она у нас с тех пор старшей. У неё вся семья тогда погибла, теперь мы – её семья. Мы там стараемся помогать, шьём, вяжем, ходим за ранеными, иногда приходим в лагеря работать, как я сейчас. Нас не обижают, иногда кто-то с кем-то поженятся, уходят из санатория.

- А почему потом не выбрались? Есть ведь возможность.

- Большинству идти некуда, родственники погибли, а если живы, то неизвестно, где их искать после эвакуации. Семеро на Большую землю выбрались, а одна обратно вернулась. Не нашла никого, к тому же документов нет, срок, по идее, кончиться должен, да только нахождение здесь в зачёт не пошло. Короче, месяц её по инстанциям гоняли, потом она плюнула на всё и с караваном обратно добралась.

- А сама чего замуж не вышла?

- Не нравится никто, - она широко улыбнулась, - Да и старые тут мужики почти все.

На меня она при этом смотрела каким-то странным взглядом.

- Да я тоже не мальчик.

- А выглядите молодо, чаю ещё подлить?

Чаю она мне подлила, потом снова села и уставилась.

- Как там? На Большой земле?

Вот и что ей отвечать? Про Большую землю я рассказать могу, только не про ту.

- Бардак, теснота в городах, в сёлах тоже, постепенно землю обратно отвоёвывают, глядишь, застанем время, когда город заселится заново.

- Да, а пока можно вокруг сады фруктовые посадить, тварей опасных почти выбили, вот и занялись бы садоводством. Сейчас ведь климат такой, что хоть пальмы выращивай. Зимы-то и нет совсем.

Мы ещё поболтали немного, потом пришло время уходить.

- Ну, вы меня не забывайте, - сказала она. – Марина Еремеева, спросите, если надо. А то в санатории ещё две Марины есть. Глядишь, погуляем вместе.

- А чего ты мне всё выкаешь? – спросил я, уже стоя в дверях. – Вроде, не очень старый.

- Любовь Наумовна приучила, - с гордостью ответила она. – У нас там как в институте благородных девиц, все книги читают и вежливые. Но, если хочешь, буду на ты.

При этом она даже чуть-чуть покраснела.

Я попрощался и вышел. Странная картина. Вот девки, причём, зэчки, из колонии, то есть, антисоциальные. А с ними надзирательница, которая как-то власть удержала, а они её почему-то до сих пор как мать воспринимают. И выбраться не могут, некуда. После катастрофы не пустились во все тяжкие, хотя с таким количеством свободных мужиков даже подобие приличий сохранить сложно. Организовали подобие коммуны. И мужики в гости ходят. Кстати, надо будет навестить. Выясню только сначала, чем сегодня заниматься буду.

Отправился к Рогову, но того на месте не оказалось, бегал куда-то по делам.

- Сядь, подожди, - предложил Петрович, указывая на стул. – А чего хотел-то?

- Да ничего особенного, только узнать, что делать. Состояние у меня нормальное, могу делом заняться.

- Давай так, сегодня больших дел не планировали, потому иди в конец коридора, там спуск на уровень ниже, а там котельная, точнее, электростанция. Там сегодня один человек в смене, тяжко ему, помоги. А ближе к вечеру ко мне возвращайся, посидим над железом, поможешь кое-чем, да и ствол тебе нужно подыскать. Обрез-то свой ты пролюбил.

- Точно, - я и не вспомнил про него. Видимо, выпал, когда я возвращался. Когда с трубы падал, не потерял, а тут выпал. Впрочем, насколько понимаю, гладких стволов на базе навалом.

Я отправился в котельную. Там в самом деле работал один человек – тот самый Коля, с которым мы участвовали в первом походе. Если в тот раз он был одет в подобие военной формы, то теперь на нём был всё тот же брезентовый прикид сварщика или сталевара, в котором он старательно закидывал топливо в топку.

- Здорово, - крикнул я, стараясь перекричать гудение аппарата. – Меня тебе в помощь определили.

- Смотри, - он отставил лопату и стал объяснять. – Есть уголь, есть дрова, - уголь хранился в огромном жестяном ящике, а дрова были сложены в две поленницы у стен, - уголь лучше, но его мало. Печь должна топиться всё время, давление не должно падать ниже… - он постучал по манометру, - вот этой отметки.

Цифры на шкале были почти неразличимы, поэтому нужное давление было отмечено царапиной на стекле.

- Короче, добей до полного, - он указал на пылающую топку, - потом можно отдохнуть. Оденься только, а то искры летят.

Я сбросил верхнюю часть формы, натянул брезент, какового на гвоздях вдоль стены висело комплектов шесть, после чего начал кормить аппарат. Попутно изучал устройство. Генератор, понятно, мне не видно, а вот остальное стоит запомнить. Топка прямоугольной формы, колосник, снизу поддув, кстати, поддув интересный. Вроде бы, от электричества работает, а рядом ручка есть, вроде кривого стартера.

- Это чтобы в самом начале разогнать, - объяснил Коля, затягиваясь самокруткой. – Ну, или просто горение ускорить. А вот это, - он указал на приземистые тележки внизу, - чтобы золу вывозить.

- А куда вывозят? – спросил я, отправляя в топку кусок сухой доски, вообще, дрова были большей частью не из расколотых чурок, а из ненужного деревянного хлама, даже обломки мебели попадались.

- Поначалу на огород вывозили, теперь куда попало, неподалёку болото было, так его засыпали.

Топка быстро забилась, пришлось остановиться. Дерево занималось медленно, поэтому я не поленился и взялся за ручку поддува. Вместо умеренного потока, в топку ворвался настоящий ураган, дрова немедленно вспыхнули, а наружу полетел пепел, от которого я поспешил ретироваться. Стрелка на манометре уверенно перевалила за отметку.

Сменился я в восемь, не особо устал, дрова горели с постоянной скоростью, а потому можно было рассчитать время, сходив в столовую на перекус, или даже подремать часок. Особенно, если кочегаров двое.

Наскоро ополоснувшись в бане (в котельной было относительно чисто, но от копоти открытые участки тела равномерно почернели, сделав меня похожим на африканца), я отправился к Петровичу в мастерскую. Рогов уже был на своём месте, сидел с телефонной трубкой в руке и с недовольным выражением на лице кого-то выслушивал. Увидев меня, он вяло кивнул и снова погрузился в беседу.

- Проходи, - сказал мне Петрович, как только я перешагнул порог мастерской. Здесь царил творческий беспорядок, два больших верстака, тиски, токарный станок, сверлильный станок, а у дальней стены стоял настоящий стол алхимика, уставленный колбами и пробирками. – Садись вот тут. Держи.

Он подвинул мне низкий табурет, а в руки сунул железку, в которой я не сразу узнал затвор от трёхлинейки. Деталь сильно заржавела и, несмотря на частичное отмачивание в нефтепродуктах, требовала чистки.

- Надо отдраить до блеска, - сообщил старик, - потом вставим, куда надо, и получишь винтовку.

Сама винтовка лежала неподалёку, классическая трёхлинейка, дерево тёмное, ствол тоже местами тронут ржавчиной, отчего оружие смотрелось настоящим древним артефактом.

- Ты не смотри, что ствол старый, - сказал Петрович, проследив за моим взглядом. – Там всё работает, внутри он не пострадал. – В

магазине кое-что подшаманить пришлось, да теперь вот затвор отдраить. Держи.

Он дал мне в руки кусок мягкого войлока с абразивной пастой, которой я стал натирать кусок железа. Мелкого абразива хватало, чтобы зачистить ржавые пятна, наждачка тут не требовалась.

- Это из раскопок стволы? – спросил я, видя, как мой собеседник переместился за алхимический стол.

- Ага, соседи передали, четыре штуки, - он вынул из-под стола большую бутыль с нарисованными на стекле черепом и костями, откуда стал переливать прозрачную жидкость в небольшую банку. – Винтовки, конечно, старые, но стреляют. После ремонта будут хорошо стрелять. С патронами, правда… Но ничего, глядишь, у военных разживёмся.

- А что у них вообще есть? – спросил я, - и какие патроны используют.

- Всё, - уверенно заявил Петрович, добавив в налитую жидкость другую, более густую. – Разве что, гаубиц нету, и то, поначалу самоходки ходили в колонне.

- А всё же?

- Ну, смотри, колонна машин на двадцать, пусть не все с личным составом, но защитить себя они должны. А от кого защищать? Вот именно, никто не угадает, откуда опасность придёт, и какая. Против писаных есть автоматы пять сорок пять, а в ближнем бою – дробовик. Один на отделение минимум, да не такой, как у нас, а самозарядный, да патроны разные, в том числе и мини гранаты. Дальше, временами приходится с кучей мелких тварей столкнуться. Для них та же дробь и огнемёт. Один на взвод, ранцевый, да ещё на бронетехнике обычно стоят, чтобы с воздуха опасность отбить. Идём дальше, если твари в укрытии засели? А хоть бы и люди. А близко подходить чревато. Для этого у них «Шмели» имеются с запасом. Я так подробно объясняю, потому как видел их не раз в деле. Как правило, в колонне одна ЗУшка на ходу, зенитка то есть, чтобы крупных тварей валить издали. А для тяжело бронированных, таких, как костяной мастодонт, есть РПГ-7 и кумулятивные гранаты. Само собой, патронов уйма, гранат уйма, огнесмеси уйма, и всего остального тоже. Теперь ещё и беспилотники появились. Простенькие, но для разведки годятся. А вот пулемёты и

снайперки у них как обычно, по одному на роту. А мы попробуем патроны выменять.

- Дурь какая-то, - поморщился я. – Начальство ведь знать должно. Или они слепые?

- Думаю, что не слепые, вот только офицер, что в поле работает, прекрасно знает, как нам тут без боеприпасов живётся, потому и внимания не обращает. А кто-то, может, и долю с того имеет. По-хорошему, давно пора нас приравнять, если не к военным, то к охотникам-промысловикам. Тогда на законных основаниях можно будет оружие нарезное купить и патроны. Ну, или поставить постоянный блокпост с тяжёлым оружием, чтобы хоть от налёта писаных защита была.

Дальше мы занимались каждый своим делом в молчании. Он смешивал какую-то адскую микстуру, которая у меня на глазах трижды сменила цвет и дважды – консистенцию. Конечный результат выглядел, как бесформенный ком чего-то, напоминающего коричневый пластилин, который плавал в тёмно-синем желе. Желе он выплеснул в угол, где оно моментально впиталось в бетон, а из пластилина начал лепить мелкие шарики.

- Закончил? – спросил он, подняв глаз на меня.

Я осмотрел железо, затвор выглядел, если не как новый, то вполне пристойно, а потому я утвердительно кивнул. Отставив лепку, Петрович забрал у меня железо и начал собирать оружие. Собственно, там и собирать было нечего, устройство крайне простое.

- Владей, - он протянул мне собранную винтовку. – Ремень завтра найдём.

- А патроны?

- На кой хрен они тебе сейчас?

- Ну, ночью тревога, а я голый, - пояснил я.

Он недовольно заворчал, но полез в шкаф. Через пару минут активных поисков на стол легли четыре винтовочных патрона с латунными гильзами и самодельными пулями из голого свинца.

- Самодельные, - объяснил он. – Но гильзы у нас есть, в ближайшие дни ещё накрутим. Пока же зажми в тиски и просверли в пулях отверстия. С торца. Не насквозь, а так, миллиметров пять.

- Зачем? – не понял я.

- Зажигательный состав туда засуну, видел, как зажигалки работают? Вот и тут то же самое, только поменьше.

Пуля имела форму простого цилиндра, который к концу слегка сужался, заканчиваясь плоскостью. В этой плоскости я и пробурил углубления ручной дрелью. Сверлить мягкий свинец было легко. После этого я отдал патроны Петровичу, а тот, взяв пластилин, принялся замазывать им углубления. Потом ещё вылепил конический кончик пули, сделав её похожей на настоящую. Я не стал шутить про пулю из дерьма.

- Держи, на тумбочку поставишь, сохнуть будет часа четыре, потом стрелять можно.

Патроны, чтобы не помять, я нёс в руке. В мастерской мне было больше нечего делать, поэтому я отправился в свой «номер», то есть, в кабинет, где на парте была моя кровать.

Вот только в кабинете отчего-то горел свет. Лампочки там не было, это я точно помню, да и свет не электрический. Кто-то свечу принёс?

Осторожно открыв дверь, я заглянул внутрь.

- Не помешаю?

- Нет, конечно, - Марина вскочила со стула и захлопнула книгу. – Я тебя и жду.

- Зачем? – спросил я, понимая, что вопрос идиотский, но не должно ведь быть так сразу.

- Ну, - она опустила глаза. – Так вышло, но я не столько за этим… скучно мне. Если не очень хочешь спать, пойдём, погуляем.

- А здесь гулять можно?

- Ну, если недалеко, от школы, по улице домов пять, а потом назад. Там хорошо, тепло, жаль только, звёзд нету.

Винтовку я поставил за кроватью, если кто и захочет украсть, то сразу не найдёт, особенно в темноте. Наган при мне, в условно безопасном месте должно хватить и его. Она взяла меня под руку и мы отправились наружу, ощущая на себе завистливые взгляды караульных.

Больше всего я боялся, что нам не о чем будет говорить. Раскрывать своё происхождение я не хочу, а в местных реалиях разбираюсь слабо. Но девушка оказалась грамотная, начитанная, и сама постоянно поддерживала разговор. Мы ходили по окрестностям, говорили о литературе, любви и семейных ценностях, она делилась

планами на будущее. Нет, уезжать она не планировала, но семью можно создать и здесь, а когда пойдут дети, уже и цивилизация вернётся, а с ней школы, поликлиники, кинотеатры и библиотеки. Осталось только дикость забороть, тварей отстрелять, да от писаных отбиться.

Расстались мы поздно, около двенадцати. Снаружи стояла темень, звёзд, само собой, было не видно. Марина ночевала у нас в одном из кабинетов, номер я не рассмотрел, поскольку освещение коридора оставляло желать лучшего. Просто запомнил, что он последний в этом коридоре, буду знать. Прощались недолго, но я всё же дотянулся и поцеловал её, в темноте она не сразу поняла мои намерения, встрепенулась и, кажется, испугалась. Но тут же реакция стала обратной, её губы сомкнулись с моими.

А вот попытку форсировать процесс она пресекла, руки мои, рефлекторно направившиеся на разведку, она решительно отмела. Впрочем, и возмущения особого не заметил. Она улыбнулась, поцеловала меня ещё раз, теперь в щеку, после чего пожелала спокойной ночи и скрылась за дверью. Я отправился к себе, пришла запоздалая мысль, что для таких дел стоит побриться. Ладно, всё завтра.

Глава десятая

Утро следующего дня началось поздно. Собственно, меня никто не будил, проснулся сам, услышав суету снаружи. Собираются в рейд? Может быть, нужно узнать.

Оказалось, что рейдов сегодня не будет, да и остальные работы, кроме обязательных, отменяются. Пришла военная колонна, которую давно ждали. Что именно будут делать военные, никто толком не знал, но сам факт нахождения здесь людей с Большой земли мог оказаться полезным.

Меня ещё в коридоре отловил Петрович, сказав, чтобы двигался за ним. Солдат я увидел через десять минут. Однако. В голове у меня рисовалась картинка армии позднего СССР, постоянно забываю, что прогресс на месте не стоит. Вот и здесь стояли бронетранспортёры неизвестной мне модели, вооружённые пушками, один танк, пара тягачей и несколько грузовиков. Колонна, как я понял, была нестандартной. Куда больше обычной.

Солдаты активно выгружали из машин оборудование. Что именно было в больших дощатых ящиках, я не знал, да и не интересовался. Вместо этого рассматривал самих солдат. Все молодые, явно срочники, одеты хорошо, тёмно-зелёный камуфляж, опять же, ничего подобного в моем мире я не видел. На ногах берцы, облегчённые, с тканевыми вставками. На голове каски, современные, не стальные, а из какого-то пластика. Имеется броня, сами жилеты выглядят лёгкими, зато снабжены массой дополнительных щитков. Закрыты бёдра, пах, плечи и локти. Экипировка явно рассчитана на противодействие живучим тварям, которых выстрелом остановить получается не всегда.

А что с оружием? Ага, основная масса с автоматами. Тут ничего нового, стандартные АК-74. Кое-где видны прицелы непонятной конструкции, но подробнее рассмотреть отсюда не получается. Примерно у каждого третьего есть подствольный гранатомёт. Вот два огнемётчика. Что характерно, оба в тяжёлой броне, словно рыцари. За спиной большие баллоны, в руках распылитель. Огонёк не горит, но, думаю, зажигается автоматически.

С брони окрестности контролируют два пулемётчика, пулемёты обычные, ПКМ. А вот боец с дробовиком, чуть постарше других, сверхсрочник. Дробовик занятный, с виду полуавтоматическая помпа, вот только пеналов с патронами внизу не один, а сразу три. Если по шесть в каждом, да один в стволе, но получается ураган свинца за короткое время. Такая штука на ближней дистанции страшнее автомата будет.

Выгрузив оборудование, солдаты направились в ту сторону, куда мы ходили в прошлый раз мародёрствовать. Точно, улица, перекрытая режущей паутиной. И что они будут делать?

Ответ нашёлся быстро. Они начали взрывать паутину. Делалось это так: сапёр подносил палку с крюком на конце, который надевался на нить паутины, не прикасаясь, внутри крюка был заряд взрывчатки, происходил взрыв, направленный внутрь, паутина разрывалась, конец падал на землю. Потом операцию повторяли на другом конце.

Я сперва подумал, что таким образом они оказывают помощь нам, освобождая проходы в город, но потом увидел следующую партию солдат (их вообще прибыло много, чуть ли не батальон). Эти были одеты в самые настоящие кольчуги, судя по блеску, титановые. Куртка и штаны. Подходили по двое, брали оторванный кусок паутины

пассатижами за два конца, осторожно скручивали и складывали в металлические ящики. Вот оно как, заготовка ценного материала, который пойдёт, скажем, на пилы или резцы. Ну, молодцы, как говорится, в хорошем хозяйстве и бычий… пенис – верёвка.

Работали солдаты неторопливо и размеренно. Взрывы гремели один за другим, а ящики наполнялись трофеями. В это время я увидел командира подразделения, он тут единственный не носил брони, а потому получилось разглядеть майорские погоны и шеврон внутренних войск на рукаве. Он как раз говорил о чём-то с Роговым, отдал короткий приказ солдату с дробовиком, а сам направился в сторону школы, явно намереваясь зайти в гости к нашим.

К моему удивлению, Петрович махнул рукой мне, чтобы я пошёл с ними. Выяснить что-то мешали взрывы, что гремели с интервалом в две-три секунды, поэтому я просто пошёл за всеми. Ближе к школе, когда канонада осталась позади, появилась возможность разговаривать. Я, Рогов, Петрович и неизвестный майор остановились во дворе и, пользуясь безлюдьем и относительной тишиной, присели на две лавочки.

- Насчёт завода я вас понял, - сказал майор, продолжая прерванный разговор. – Когда мои орлы здесь закончат, перейдут туда и откроют проход. Вы уверены, что оттуда никто не атакует?

- Уверенным тут быть нельзя, - сказал Рогов. – Территорию никто не зачищал, кроме, вот, Дмитрия Сергеевича. Он там трёх пауков убил, но их могло быть и больше.

- Ясно, если что, отобьёмся. Теперь второе: чтобы я ваших авантюр с подкупом солдат больше не видел.

- Ээээ… - в один голос протянули Рогов и Петрович, явно собираясь включить дурака.

- По возвращении каждого солдата до трусов раздену и все патроны пересчитаю. И не дай бог…

Он потряс у нас перед носом большим жилистым кулаком, вообще, майор этот, будучи небольшого роста обладал очень массивной комплекцией.

- Павел Геннадьевич, - примирительно сказал Рогов. – Ну, сам ведь понимаешь, как мы тут выживаем. Знаешь ведь прекрасно, что нам без боеприпасу…

- Боеприпас – одно дело, а вот автоматическое оружие гражданам иметь не положено, как и патроны к нему.

- Стоп, а к винтовкам можно? – тут же нашёлся Петрович. – Трёхлинейки у нас есть, не скрываю, а патронов к ним с гулькин нос. Вот, полюбуйся, чем с чудовищами воюем.

Старик сунул под нос офицеру кустарный патрон с самодельной пулей.

- Да вижу я, - отмахнулся майор. – И патронов дам, таких дать можно. И вообще, вам премия полагается за истребление сектантов. Правда, рапорта я пока не видел, но людей на место отправлю.

- Отправьте, - вмешался в разговор я. – Только вряд ли что увидите, поле боя за ними осталось.

- Ну, кое-какие трофеи мы принесли, - сказал Рогов. – Достаточно для доказательств.

Вот как, трофеи они принесли, а меня оставили там, понятно, что было не до того, но всё же обидно.

- Гоглидзе! – крикнул он сержанту, что стоял на полпути от нас до работающих сапёров, солдат, что характерно, был абсолютно славянской внешности. – Отправь людей в третий транспорт, пусть притащат ящик пулемётных. Да, сюда. А потом из шестого большой жёлтый ящик, тоже сюда.

Минут через пять прибыли двое солдат, которые поставили перед нами большой ящик. Щелкнув запорами, майор открыл его. Я ожидал увидеть цинки, но патроны лежали в бумажных пачках.

- Значит, смотрите, - начал объяснять он. – Вот это – от меня вам. Полторы тысячи штук, но с условием, что с соседями поделитесь.

- Поделимся, обязательно поделимся, - согласился Петрович, выставляя пачки на асфальт. – Речпортовским дадим и на электростанцию тоже. А у монахов нарезного нет, им бы к дробовикам побольше. Мы поставляем, но объёмы не те, да и качество так себе.

- Дадим, - сказал майор, кажется, уже пожалевший о своей щедрости.

Петрович, продолжая складывать из пачек пирамиду Хеопса, одну бросил мне, я поймал её на лету. Отлично, теперь с винтовкой смогу нормально работать. Тут солдаты под руководством сержанта Гоглидзе принесли следующие подарки, большой жестяной ящик, крашеный в

жёлтый цвет, без каких-либо пометок. А рядом поставили ещё один патронный. Петрович как раз закончил счёт, остатки солдаты унесли.

- А вот это вам от государства, - сказал майор, откидывая крышку. В ящике лежал нечто, пересыпанное стружкой. – Вы всё жалуетесь, что страна о вас забыла, а, между прочим, на вас целые КБ работают.

Петрович заглянул через борт, тут же недовольно скривился.

- Этого добра у нас хватает.

- Уверен? – майор с довольным видом откинулся назад и достал сигарету.

Тут и мне стало интересно, я встал, подошёл к ящику и заглянул внутрь. Ага, ружья. Выглядят, как обычная одноствольная переломка двенадцатого калибра. На первый взгляд. А если присмотреться, бросаются в глаза отличия. Приклад немного другой, система запирания ствола тоже изменена, явно в сторону прочности. Ствол длиннее обычного сантиметров на десять, также длинное цевьё, почти вдвое от обычного. Я вынул оружие, стряхнул стружку и стал осматривать подробно.

- Как это чудо звать?

- ТОЗ-12 Штуцер, завод в эвакуации не переименовали, - с гордостью заявил майор. – Говорю же, специально для вашего брата делали.

- Нарезное? – тут до меня дошло, что ружьё это значительно тяжелее, что стенки ствола очень толстые, да и вместо обычной мушки присутствует мушка от карабина и прицельная планка со шкалой до километра. Только чем такое чудо заряжать?

- Лови, - майор бросил мне патрон, который я смог поймать в воздухе.

Ну, да, заморачиваться новым патроном никто не стал, против крупных тварей подошёл бы короткий патрон с массивной мягкой пулей, чтобы точность и дальность были как у винтовки, а поражающая сила – как у жакана. Вот только перестраивать военпром под такие нужды никто не будет. В руке у меня был патрон от крупнокалиберного пулемёта, калибром двенадцать и семь с бронебойной пулей.

- А плечо не сломает? – спросил я, нажимая на рычаг, оружие переломилось туго, внутри имелись дополнительные стопоры, чтобы казенник выдержал давление.

- Нет, - он махнул рукой. – Проверяли, отдачу терпеть можно. Единственное - лучше подушку подложить. Патроны тут, - он легонько пнул второй ящик. – Не считал, около шести сотен. Ваши шесть стволов, остальные вашим соседям отправим. Патроны им отдельно отгрузим.

- Вот за это спасибо, - сказал Петрович, осматривая следующий экземпляр. – Для наших дел в самый раз.

- Ты не думай, мы не бедные родственники, - тут же сменил тему Рогов, - вот, держи. – Он протянул майору небольшую коробку из твёрдого картона. – Там «Воронок» семь штук, а ещё пять «Сухарей», ну и «Полумесяц». Раз уж, как ты говоришь, государство о нас заботится, то и мы в долгу не останемся.

- Полумесяц-то зачем? – спросил майор, забирая коробку. – Самим бы сгодился.

- Ещё один есть, сдавать будешь, скажи, пусть почаще премии отправляют.

- Скажу. Вам, кроме оружия, ещё что-то нужно?

- Если будет оказия, - задумчиво сказал Петрович, - отправьте саженцы фруктовых деревьев. Яблоки хоть, очень уж еда тут однообразная, витаминов нет. В таком климате круглый год плодоносить будут. Ну, и сладостей тоже, шоколад или печенье, чай тоже нужен. Тот, что из города несут, пить невозможно, лежалый.

- Это не проблема, - с пониманием кивнул Павел Геннадьевич. – Список составьте, в следующем рейде привезу, не вагон, но в разумных пределах.

- Свои пять копеек вставлю, - сказал я. – Насчёт оружия. Вот смотрите, - я вынул наган и показал ему.

- Ты, между прочим, сейчас статью в руках держишь, - напомнил офицер.

- Так арестуй меня, – лениво отмахнулся я. – Смотри, при столкновении с тварью на ближней дистанции, ружьё бесполезно, а нож не спасёт. Тварь сильная, быстрая и с крепкой шкурой. Так?

- Ну, - согласился он, а вместе с ним кивнули Рогов и Петрович.

- И пистолет тут не в помощь, поскольку патрон слабый, тварь такого попадания даже не почувствует. Я из нагана в пауков стрелял, четыре пули из семи даже панцирь не пробили. Здесь предпочитают уродовать ружья, делая обрезы. Тоже выход, но обрез громоздкий, не

всегда получается выстрелить, отдача большая, доставать долго и всего два патрона. Пусть конструкторы разработают револьвер. В Америке такое было, даже понятие есть «медвежий револьвер», может, даже получится образец достать. Короткоствольная дура огромного калибра с хорошим останавливающим действием. Миллиметров одиннадцать или двенадцать, да с длинной гильзой. Тут главная премудрость – не сам револьвер, его на хорошем станке токарь-двоечник выточит, важно ещё патрон к нему сделать. Как я уже сказал, до двенадцати миллиметров, да гильза с закраиной, длина - миллиметров сорок. И пуля тяжёлая, чтобы разрывалась, плющилась или раскрывалась, как цветок. Могу даже пару грубых чертежей набросать.

- Попробуй, но быстро ничего не обещаю. Штуцеры вот эти больше месяца делали, сейчас, вроде, в малую серию пошли.

- Пусть не быстро, - согласился я. – Но сделать обязательно нужно, это, кстати, и вам, военным пригодится. В тесных помещениях может жизнь спасти. Револьвер в производстве дёшев, особых расчётов не нужно, автоматики там нет, порох годится почти любой, и патроны можно перезарядить в полевых условиях. Даже курок одинарного действия можно оставить, всё равно польза будет. Отдача, правда, тоже будет, но с двух рук стрелять можно. В крайнем случае, можно даже не револьвер, а просто двуствольный пистолет сделать, чтобы как переломка заряжался. Всё равно пригодится.

- Задал ты задачку, - задумчиво протянул майор. – Чертёж сделаешь, я отвезу и отправлю, куда следует. Правда, обещать не буду, сам знаешь, тут дело в законность упирается. Хотя можно и по своей линии разогнать, а потом, когда для нас начнут выпускать, для вас партию выпросить.

- Вот и добро, - сказал я.

- И последний вопрос, - Петрович стал подводить разговор к развязке. – Когда вернётесь, сразу, слышишь, сразу отправляй сюда парочку учёных. Не знаю, кто там у вас есть, Савельев или Головин.

- Уехали они уже месяц как, - майор покачал головой. – Сейчас там заправляет Б**а**шкин, молодой, недавно приехал. С ним ещё несколько помельче, вроде, толковый парень, но близко не общался, сказать ничего не могу.

- Вот его и отправляй, пусть возьмёт себе охрану в пару стволов, из постоянного состава, с ними и приедет.

- А что за дело?

- Ты думаешь, чего здесь парень сидит, - Петрович указал на меня. – Он, когда писаных чистили, умудрился в подвале потеряться, потом под землёй прошёл на территорию завода, ту самую, которую вы нам сейчас откроете. А там «выход нашёл», живой воды напился и «Райское яблоко» сорвал.

- Эка, - майор посмотрел на меня с нескрываемым уважением, как будто в случившемся была моя заслуга, а не слепой случай.

- Говорит, в процессе трёх пауков завалил, - добавил Рогов.

- Я с Б**а**шкиным почти не знаком, - проговорил задумчиво майор, - но, подозреваю, он, как про яблоко услышит, пешком сюда побежит, да так, что на машине за ним не угнаться.

- И пусть о премии думает, - добавил Рогов.

На этом разговор свернули, майор отправился подгонять личный состав, а наши, собрав небольшую группу, двинули на завод, куда как раз должны были пробивать вход.

Штуцер я опробовал тем же вечером. Когда на завод всё же вошли, начали выкуривать местную фауну из всех возможных укрытий, используя огнемёты. Пауки, как ни странно, огня особо не боялись, убежище покидали, но не для того, чтобы бежать, а для того, чтобы атаковать нападающих. Один такой (впрочем, не особо крупный, с мамкой не сравнить), выскочив из трансформаторной будки, бросился на огнемётчика. Стрелял я с расстояния в полсотни метров, но, с учётом того, что цель двигалась, а оружие было непривычным, выстрел можно считать мастерским. Отдача чувствительная, но терпеть можно, хотя после десятка таких выстрелов может стать нехорошо. Зато и результат порадовал: твари вынесло внутренности и раскидало их метров на семь. Тут поневоле проникнешься благодарностью к неизвестным конструкторам, которые из той самой субстанции слепили довольно сносную конфетку.

Этот ствол оставили мне, но и про винтовку, что висела в моем номере, Петрович пока не заикался. Скажет – отдам, а пока пусть висит, есть она не просит.

На территории завода обнаружили то, что я называл аномалиями. Классической ловушкой из компьютерной игры это не назвать. В

одном месте были два пятна зыбучих песков, что работали подобно капкану, если наступить, то ногу придётся откапывать часов шесть, хотя целиком и не засасывает. Ещё одной была «Яма», по аналогии с воздушной, область диаметром метров пять, где атмосферное давление снижено до опасных значений. Глаза не лопнут, но свалиться с приступом можно вполне. Вообще, как я понял из объяснений, аномалии эти не распространены повсеместно, имеют места скоплений, их регулярно находят и отмечают.

Работу на заводе закончили уже к темноте. Я думал, что солдаты останутся на ночлег, но они отправились в обратный путь прямо ночью. А мы вернулись в бункер и стали разбирать подарки.

- А что, майор этот сам не мог «Яблоко» отвезти? – спросил я, сидя на стуле в бункере. – И кто вообще артефактами занимается? Все государству сдают? Или частники тоже покупают?

- Артефакты бывают сильно разные, - сказал Рогов, размешивая сахар в стакане с чаем. – Большинство из них частнику применить некуда. «Воронка», например, если её присоединить с двух концов к электрическому проводу длиной до полукилометра, снижает его сопротивление до околонулевых значений. Почти сверхпроводимость. У «Сухаря» несколько областей применения, но основная – в оптике, с его помощью линзы модифицируют. А «Полумесяц» помогает жизнь искать. С расстояния в двадцать метров показывает безошибочно. Но только если жизнь теплокровная.

- А «Яблоко»?

- Тут всё сложнее, артефакт редчайший, только в местах выхода встречается. Что-то с биологической активностью связано, что именно, никто не говорит, но охотятся за ним старательно. Лично я полагаю, что болезни смертельные лечит. Так что, не переживай, примчится учёный. А ты тут нужен, чтобы авторизовать находку.

- Это как?

- А так, тот, кто его с дерева сорвал, как бы отпечаток свой оставил. Без его руки, шарик этот работать не будет. Поэтому учёные с собой аппарат привезут, сунут туда его, а ты руку приложишь.

- Заодно и кристалл им сбагрим, - сказал Петрович.

- Тоже хорошо, - добавил сидевший с нами Седой, мужик уже пошёл на поправку, хотя по-прежнему был бледным и сильно похудел, нелегко далось путешествие в иной мир. – Не зря тогда корячились.

- Думаю, послезавтра с утра заявятся, - сказал Рогов.

Петрович уже вернулся к своим основным занятиям, именно сейчас он отливал пули в форме, а на столике стояли три десятка пустых винтовочных гильз. Он уже успел отнести патроны соседям, а взамен принёс ещё три ствола. Теперь хоть основной актив поселения с дальнобойным оружием будет. А поскольку патронов никогда не бывает много, занялся перезарядкой гильз, что имелись в запасе.

Глава одиннадцатая

Утром следующего дня я отправился на работу. Вообще, кое-что в устройстве этой колонии удивляло. Начальства почти нет, график довольно расплывчатый, но при этом все при деле. Никого даже заставлять не нужно. Когда задал этот вопрос Петровичу, тот сказал, что, во-первых, люди тут советские, тунеядствовать не приучены, во-вторых, каждый свои обязанности сам знает, большинство работает по той специальности, что раньше получена. Ну, а в-третьих, все, кого такой расклад не устраивал, подались на юг, где пополнили отмороженную вольницу, которую по мере продвижения цивилизации в обратном направлении уже начали отстреливать.

Сегодня работа была новой, требовалось, раз уж территория завода теперь наша, вынести оттуда кое-какое оборудование. Самое примитивное, которое там стояло больше для порядка. Станки, типа сверлильного, шлифовального, фрезерного. Некоторое время обсуждали, что надо бы в цех провести электричество и работать там, но такой маневр был признан нецелесообразным. Во времена войны сильно пострадали линии, а потому проще будет взять оттуда станки и вывезти туда, где электричество есть.

Этим мы и занялись, бригада из двух десятков человек, вооружённых, естественно, поскольку нельзя быть уверенным в полной зачистке территории, явились на завод, пригнав с собой автокран и КамАЗ с открытыми бортами.

Всё бы ничего, вот только техника в цех не заедет, по крайней мере, в этом месте ворот для машины не было. А потому наружу всё пришлось выносить руками. А станок весит много, от пары центнеров, до полутора тонн. В итоге, ворочали мы их часов шесть, пока, наконец, последний не оказался снаружи, где его зацепили крючьями «паука», а автокран без всяких проблем поставил в кузов. Когда мы уезжали, я обратил внимание на то, что завод стал почти идеальным

укрепрайоном. Вход только один, через ворота, которые солдаты, чтобы не мелочиться, вынесли зарядом взрывчатки. Всё остальное затянуто паутиной и прочими неприятными вещами, делающими кирпичный забор почти неприступным.

На этом рабочий день закончился, начальство организовало внеочередную помывку для личного состава, после чего вся банда отправилась на ужин.

На стол накрывала Марина, которая, как я понял, решила прописаться тут надолго. А готовкой занималась вторая женщина, имени которой я так и не узнал. Уже вечером, когда я, вымытый, побритый и сытый до тошноты (за ужином даже сто грамм налили, начальник разрешил), вышел погулять в школьный дворик, уже через пять минут рядом стояла она.

- Покоя ищешь? – спросила она, взяв меня под руку.

- Угу, - я кивнул.

- С тобой спокойнее всего, - она улыбнулась. – Прогуляемся?

Справедливости ради, гулять тут было особо негде. Даже та часть города, которая считалась условно чистой, могла стать путём миграции каких-нибудь тварей. И наган, что так и висел у меня на ремне, мог и не помочь.

А ещё быстро темнело, так-то солнце светит, но, из-за проклятых туч всё время сумерки. И духота в воздухе висит. В итоге прогулка наша заняла от силы минут сорок, после чего мы снова вернулись к зданию школы. Уже традиционно сели на лавочку и поцеловались, неподалёку стояла группа работяг, которые курили, поглядывая на меня с завистью. Ну, да, с женщинами тут туго, а те, что есть, недотрог из себя строят.

Долго расслабляться нам не дали, сначала мужики, услышав что-то, резко сорвались с места, затушили окурки и бросились внутрь, потом из крайнего окна выглянул Винокур, который, увидев меня, громко крикнул:

- Димка, давай, завязывай с любовью, быстро к начальству.

Я, естественно, бросился в бункер. Марина, которую приказ непосредственно не касался, отправилась следом. В большом зале бункера было шумно, явно все уже там. Внутри было собрание, мужики сидели на лавках, ящиках и табуретах, кажется, притыренных

из столовой. Всего человек сорок, остальные, надо полагать, на постах или спят. Трибуны здесь не было, поэтому Рогов просто стоял впереди.

- Все собрались? – спросил он.

- Кого смогли от дел оторвать, - развёл руками Винокур. – Давай уже, говори, где чего прорвало?

- Петрович, - сказал Рогов сидевшему в углу технарю. – Включи запись.

Петрович щёлкнул клавишей самодельного магнитофона, раздался треск, через который начали прорываться слова:

- …около шести утра, точно численность не знаю, рыл, наверное, триста, это писаных только. А с ними люди…

Раздался непродолжительный треск, после чего магнитофон снова заговорил:

- …это не кадавры, те тупые и медленные, если химией не накачаны, это настоящие люди, живые, они за писаных воюют. Все с оружием, автоматы, пулемёты, патронов куча, не берегут. И техника, грузовики, стальным листом обшиты, пулю держат, даже танк один есть, но, то ли снарядов нет, то ли пушка неисправна. Про БТР говорили, но я не видел.

Из магнитофона послышалось тяжёлое дыхание, человек этот смертельно устал или тяжело ранен.

- …подошли с юга, увидели их поздно, атаковали сразу по всем постам, даже толком проснуться не дали. Люди огнём давили, а писаные подбирались и в рукопашную… Маги там были, двое точно, сам видел. Остальные гранатами и ножами дрались. Всё, нет больше нас. Я чудом выжил, они рацию сломали, но не сильно, получилось починить. Сейчас в вашу сторону направляются.

На этом запись оборвалась. Мужики в зале негромко матерились.

- Думаю, всем всё ясно, - подытожил Рогов. – Нам повезло, что связь с Прокопьевском в тот момент была.

- Если оттуда ушли, то к нам уже должны прибыть, - заметил Винокур. – Сомневаюсь, что люди на технике, а писаные за ними ножками топают.

- То-то и оно, - сказал Петрович. – Сейчас объявляем тревогу, поднимаем соседей. Я их, собственно, уже поднял.

- Если живы, - сказал кто-то из толпы.

- Если живы, - согласился Петрович.

- Надо военных известить, - добавил Седой. – Пусть с опозданием, но помощь отправят.

- Извести, если сможешь, - раздражённо сказал Рогов. – Сам знаешь, там область повышенной ионизации, связь раз в году работает. А телефон, как второй раз оборвали, так и стоит мёртво.

- А гонца послать? – спросил я.

- Могут перехватить, - заметил Винокур. – Если с юга идут, то… Шурик?

- Я, - отозвался молодой парень в заднем ряду.

- У тебя мопед твой на ходу?

- Да.

- Заводи, прихвати с собой бензина канистру и… Где мост через реку Ночку знаешь?

- Ну.

- За него заедешь, оттуда поворачивай направо и по просёлку, он почти параллельно идёт, в Тишково приедешь, сразу панику поднимай. Кричи, что писаные батальоном напали, нет, лучше полком. Пусть вертолёты поднимут и сюда.

- Нет у них вертолётов, - проворчал Петрович. – Если только из тыла запросят.

- Тогда, три часа туда, полчаса там, три часа обратно, - подсчитал Рогов. – Всё, беги.

Парень сорвался и быстро убежал. Рогов начал отдавать приказания, но тут в помещение вошёл новый человек. Это был молодой мужчина в форме и с короткоствольным автоматом в руках, лет двадцати пяти, в очках и худосочного телосложения, даже под военной формой проглядывал человек интеллигентной профессии.

- Доброй ночи, - сказал он. – Можете объяснить, что у вас творится? Нас по дороге обстреляли, кое-как прорвались.

- Значит, уже здесь, - сделал вывод Рогов. – Короче, вы, я так полагаю, Б**а**шкин?

- Да, старший научный сотрудник, а мы знакомы?

- Военные о вас упоминали, я знаю, зачем вы приехали, но, боюсь, сейчас некогда этим заниматься.

- Так что случилось?

- Нас атакуют, писаные, пополам с людьми. Вам очень повезло, что прорвались, а сейчас они будут здесь. Сколько с вами людей.

- Я сам, помощник и два водителя. Мы груз привезли, там цистерна солярки, продукты, лекарства.

- А патроны? – жадно спросил Петрович.

- Немного.

- Тащи сюда, машины загоняйте во двор, хотя… цистерна… тут стрелять будут.

- А где вообще оборону держать? – спросил я.

- Здесь, где же ещё, здесь для этого всё есть.

- Разрешите, - снова вклинился я в разговор. – Территория завода, туда только один вход, нам ведь продержаться нужно, а потом помощь придёт. Ну, если Шурика не завалят.

Он на секунду задумался, потом посмотрел на Петровича.

- Арсенал унести реально.

- На машинах? Отчего нет? За полчаса всё загрузим, да и их подарки туда загоним. Димка дело говорит.

- Звони речпортовским, девкам и монахам, пусть хватают всё, что только унести можно, потом валом на завод. Продукты и остальное оставить, ещё найдём, только оружие и патроны.

Дальнейшее было делом техники. Как ни странно, но быстрее всего обернулись упомянутые девки и монахи. Девки пришли компактным строем, загрузились в грузовик до отказа, после чего их отправили на завод. Увы, на весь коллектив имелось всего три винтовки, будут балластом, который лучше всего спрятать. Следом прибыли на своём транспорте монахи. Полсотни мужчин разного возраста в чёрных рясах. Эти, в отличие от женщин, нонкомбатантами не были. Каждый держал в руках ружьё, а на поясе имелся приличных размеров патронташ. Видимо, не тот случай, когда следует пацифизмом заниматься. Правда, против автоматов ружьё – это так, мёртвому припарки, не говоря уже о тяжёлой технике.

А наши сейчас занимались погрузкой в кузова военного имущества, Петрович велел выгребать всё, чтобы не досталось противнику. Откуда-то с окраин уже доносилась стрельба. Но это дозорные, их задача – задержать врага, создав побольше шума. В последний момент отойдут.

- А мне что делать? – спросила Марина, которая сейчас пыталась помогать нам тащить большой ящик.

- Почему со своими не уехала? – спросил я, в ящике этом явно свинцовые болванки, весит тонну.

- Не хочу, я вам помогать буду, оружие мне дадут?

Вот бы знать. Так-то оружия на складе полно, а вот хорошего оружия, дальнобойного… Стоп!

- Сбегай в мой номер, там, над кроватью висит винтовка. А патроны в тумбочке, двадцать штук в пачке и четыре россыпью. Забери, это тебе.

Она убежала, а я подумал, что зря кидаю девку под молотки. Толку от неё с этой винтовкой и двадцатью патронами.

Но Петрович в это раз меня удивил. Когда очередной грузовик с ящиками отбыл в направлении завода, мужики выкатили из бокса пушку. Стомиллиметровую противотанковую «Рапиру». Значит, где-то в ящиках были снаряды. Ситуация заиграла новыми красками, с пушкой наше противостояние не будет таким уж безнадёжным.

- Я готова, - за спиной у меня материализовалась Марина, запыхавшаяся, но с решительным видом.

- Раз готова, прыгай в кузов, это последний транспорт, - велел я, указав на откинутый борт.

Сборы заняли у нас почти всю ночь, последняя машина, к которой и прицепили пушку, въехала в ворота уже около пяти утра. А следом заехало подкрепление от речпортовских, тех самых, которые жили по соседству, но с ними я пока не пересекался. Их было довольно много, человек пятьдесят, да плюс ещё те, кто сейчас бьётся с врагом, прикрывая наше отступление. И они тоже прибыли не с пустыми руками. В один из корпусов побежали люди с разобранным миномётом в руках. Потом пронесли ещё один. Надо полагать, установят на крыше, восемьдесят миллиметров – не весть какая артиллерия, но куда лучше, чем ничего. Следом понесли ящики с минами.

У нас одна бригада устанавливала пушку, старательно баррикадируя позицию обломками. Остальные получали боезапас. Автоматов в отряде насчитывалось двенадцать штук, но, с учётом патронного дефицита, нужную плотность огня не создадут. Ещё имелся затёртый до белизны пулемёт Дегтярёва, старый, времён Войны, сейчас пулемётчик, получивший боекомплект первым, старательно набивал диск.

Я встал в очередь, следом стояла Марина, надеясь получить что-то ещё, а следом – Немой, у которого в руках был ППШ. Надо же, раритет откопали, вот только заряжать его чем?

Мне Петрович выдал мешок патронов двенадцать и семь, много, около сотни, весил он немало. Вряд ли из своей берданки смогу столько расстрелять. Часть патронов имела следы переделки, была заряжена самодельными пулями.

- Гранаты вон там бери, - распорядился старик. – Сколько нужно, там, на них написано, какие где.

Гранат, в самом деле, было много, и ассортимент радовал разнообразием. Видимо, колония давно и старательно готовилась к чему-то подобному. Заводских образцов почти не было, а те, что были, разобрали ещё до того, как дошла очередь до меня.

Что имеем? Вот гранаты с ручкой, корпус сделан из толстой алюминиевой трубы. Что за начинка внутри – неизвестно. На корпусе написано фломастером «Фугас. Три сек.» Тут понятно, выдёргиваешь чеку, бросаешь, а через три секунды… маловато, конечно, да и предохранительный рычаг тут не предусмотрен. А вот осколочные. Дизайн похожий, но корпус покрыт стальными осколками из рубленой арматуры. И задержка уже в пять секунд. Беру, две себе и две Марине, всё равно она от меня никуда. Чуть дальше имелись бутылки с коктейлем Молотова. Опять же, разные, да и жидкость, судя по цвету, не избежала алхимических добавок. Вот тёмно-красная, на этикетке надпись «Жид. Гор. Самовоспл.» Звучит, как антисемитская шутка, но понятно, как действует. А в одной из бутылок вовсе был порошок, а в середину воткнута ампула с реагентом. Надпись «Огнесмесь. Выс. Темп.» Это что-то, вроде термита. Брать не буду. В итоге взял себе и Марине по две осколочных и по две бутылки с огнесмесью, те, которые не самовоспламеняются. Не хватало ещё уронить себе под ноги.

Очередь продвигалась быстро, наш немногословный друг нахапал полдюжины гранат и несколько бутылок, а ещё нагрёб патронов к автомату, которые ещё в диски нужно зарядить.

Когда отходили от пункта боепитания, нас поймал Винокур и тоном, не терпящим возражения, отдал приказ:

- Вы трое – четвёртый корпус, вон тот, третий этаж, окна ближе к левому углу.

- Левого отсюда или оттуда?

- Оттуда, отсюда – правый. Вон те окна. Ты со своим штуцером работай по бронетехнике, у них много кустарных поделок, пуля должна взять. Немой прикроет в ближнем бою. Гранаты берегите. Всё, выполнять.

- Есть, - ответил я за всех, после чего мы втроём отправились в указанное место.

Этажом ниже нас разместились монахи, видимо, запрет на использование оружия не распространялся на подобные ситуации. Каждый держал в руках дробовик. Если я правильно понял, то стрелять будут не все, несколько стариков будут заряжающими, они сейчас выставляли ящики с патронами. Даже если этот бой выиграем, останемся без боеприпасов. Впрочем, военные с пониманием отнесутся, глядишь, отсыплют чего.

А выиграем? Из тех скудных обрывков информации я знал, что по людям у нас примерный паритет, возможно, уступаем человек на полсотни. Притом, что у нас часть людей – нонкомбатанты. Плюс крепко проигрываем в оружии, поскольку враг располагает армейскими стволами и неслабым запасом патронов. Ещё техника. Как мы сможем уничтожить современный танк, понятия не имею. Пушка у нас есть, да только она на месте стоит, следовательно, выстрелить сможет раза два или три. Потом её уничтожат вместе с расчётом. Бутылками закидывать? Но ведь и там не идиоты, танк будет пехота прикрывать, а если ещё пушка исправна, то нам однозначно конец. Да что там пушка, пулемёта хватит всем, если стрелок бронёй прикрыт.

Правда, у нас позиция довольно крепкая, всё же кирпичные здания с довольно толстыми стенами. Тут и танковая пушка не факт, что прострелит. Но это если они всё же будут штурмовать. Не понимаю я врага, с одной стороны, говорят, что писаные – они как звери, увидели человека – сразу атакуют. В то же время они вели войну против современной армии, использовали магию и алхимию, а теперь ещё и людей на службу поставили. После такого с трудом верится в их дикость.

Немой моих печалей не разделял, он присел на опрокинутую станину какого-то станка и старательно набивал диски патронами. Делал он это довольно профессионально, из чего я сделал вывод, что оружие ему знакомо. Патроны, кстати, были новые.

- Это из той партии, что мы в ВОхре нашли? – спросил я, всматриваясь в предрассветную дымку, из которой постепенно подтягивались отряды заслона.

Он помотал головой. Потом задумался и изобразил пальцами очки.

- Учёный привёз?

Он кивнул.

Я повернулся к Марине.

- Оно тебе надо?

- Конечно, - с явным возмущением ответила она. – Если не я…

- Другие-то в подвале сидят, - заметил я.

- Ну и пусть сидят, да и не все сидят, Любовь Наумовна сейчас на позиции с автоматом, я её видела. А другие девочки дежурят, чтобы раненых таскать. Ещё им ружья выдавали, за себя постоять смогут.

- Стрелять-то умеешь?

- Конечно, нас учили всех, не из этой винтовки, но умею, - она открыла затвор и стала по одному вставлять патроны. – Метров со ста точно попаду.

Хорошо бы, подумал я, из нового оружия, которое никто не пристреливал. Да и какое оно новое, даже если конкретно из этого ствола стреляли мало, полвека лежания на складе точно на пользу не пойдут.

Он нечего делать стал перебирать свой боезапас. Так, кустарных патронов всего восемь, голая свинцовая пуля с закруглённым кончиком. Надо полагать, не простая, Петрович обязательно что-нибудь вставил. А остальные? Вот эти – бронебойные, их больше всего. Даже не так, бронебойно зажигательные, если правильно помню маркировку, внутри твёрдый сердечник. Другие, с полностью красной пулей – это зажигательные мгновенного действия. Их всего двенадцать. Какие ещё? Без маркировки – это, скорее всего, снайперские, их пока отложу, восемь штук.

Для экономии времени в бою принялся рассовывать патроны по карманам. В нагрудных будут бронебойные – по технике. В левый боковой на штанах положу МДЗшки, вдруг понадобится что-то поджечь, а в правый – с простыми пулями, которые Петрович навертел. Это по живой силе. В целом, мощью оружия после первого знакомства я доволен, а вот скорострельность удручает. Может,

девушку лучше заряжающим поставить? Хотя нет, от такого подхода выгоды никакой, я и сам с той же скоростью заряжать буду.

А они точно пойдут на штурм? Не попытаются обойти с тыла, не пройдут мимо, а будут именно штурмовать укрепления? Не самое разумное поведение, хотя откуда мне знать, что в голове у инопланетян.

Я встал на позицию, всмотрелся вдаль. Заслоны отошли, скоро появятся враги. Стрелять буду из окна, высота подоконника подходящая, но лучше будет отойти вглубь здания, или стрелять наискосок.

Тут со стороны входа появился Винокур и что-то бросил в нашу сторону. Чем-то оказалась портативная рация, которую Немой поймал на лету. Поймал, а потом вопросительно посмотрел на командира.

- Чего? – не понял тот. – А, точно, вон, Дмитрию отдай.

Немой, виновато улыбнувшись, протянул мне рацию.

- Частота там одна, твой позывной – сорок третий, - сказал командир уже удаляясь. – Я – Вышка.

И тут со стороны жилых кварталов раздался шум работающих двигателей. Началось. Я крепко сжал в руках штуцер и приготовился стрелять.

Глава двенадцатая

Враги наши, будь они трижды отмороженными, не атаковали сразу. Они предложили сдаться. Сдаваться, естественно, никто не собирался, но становилось понятно, что явились они сюда за людьми. Наши скудные запасы, артефакты и оружие интересуют их во вторую очередь, если вообще интересуют.

С противоположного конца улицы выехало нечто, что напоминало собой грузовик, обшитый стальными листами. Я стал прикидывать расстояние, даже посмотрел в бинокль. Километра два, точно не достану. Пуля-то долетит, но опасть не получится. Только напугать.

Сверху на броневике имелось подобие башни с открытым верхом. В этот момент оттуда высунулись двое, один был писаным, правда, сильно отличался от виденных мной ранее. Татуировка выглядела не спиральными кругами, а расходилась в виде лучей от носа, а между лучами были какие-то надписи, рассмотреть которые не позволяло разрешение бинокля.

- Жители города Камска! – громогласно обратился мегафон.

Камск? Не Канск, а именно Камск. Это город-миллионник? У нас вообще такой есть? Возможно, где-то есть, на реке Каме. Но не миллионник точно. Сильно разошлись наши миры.

- Слушайте меня, если хотите остаться живы! Мы не хотим убивать вас, у вас есть выбор: погибнуть всем… - тут говоривший сделал паузу, - или пойти на службу великой богине-матери!

Он говорил ещё долго, но остальные мысли были уже повторением сказанного. Они планируют пополнить армию и пойти дальше. Или не дальше, а в сторону, поскольку дальше стоят военные, которые им легко хребет переломят. А мы, стало быть, должны умереть или встать под их знамёна, что подразумевает какое-то зомбирование.

Выбор по принципу «вилку в глаз или…» - это всегда ложная дихотомия, всегда есть третий вариант. В данном случае – навалять им, или дождаться помощи от военных. Будем надеяться, что Шурик на своём мопеде уже близко к цели. А крикунов этих стоит пугнуть. Я поднял штуцер и приложился к прицелу.

Выстрелить я не успел, наша артиллерия сделала те же самые выводы, слегка перекатила пушку и выстрелила. Для «Рапиры» такое расстояние ни о чём, она и делалась, как снайперское орудие, а потому фугасный снаряд прилетел прямо в агитаторский броневик. Зрелище, скажу я вам, было шикарное. Снаряд пробил броню и взорвался внутри, разорвав технику на отдельные листы, естественно, полетела вверх и башня, а те двое, что сидели в ней, приземлились метрах в двадцати. Неплохое начало боя. Надо полагать, в машине той не рядовые бойцы сидели.

Артиллеристы начали откатывать пушку на исходные. Кирпичный забор, будучи неплохим оборонительным рубежом, сильно ограничивал обстрел, за ним оставалась приличных размеров мёртвая зона, где противник будет прятаться, когда пересечёт улицу.

Окружающие дома немедленно взорвались огнём автоматов. Видимо, патронов у них и правда много. Совсем не экономят. Цепочка попаданий прошла немного выше наших окон, заставив спрятаться на стену. Но сидеть в укрытии – это не выход, так бой точно не выиграть. Стрельба беспорядочная, следовательно, попасть куда-то могут только по случаю. Для автомата даже триста метров – это довольно много.

А у меня небольшой плюс в дальнобойности, попробую кого-то достать. Вот, как раз, один из стрелков стоит на балконе второго этажа и бесстрашно поливает из автомата. До него метров двести с гаком, с учётом того, что стрелять придётся наискосок.

Гром выстрела неслабо оглушает. И отдача тоже приличная, подозреваю, имеет смысл в патронах навеску пороха уменьшить, ствол-то всё равно короче, чем у пулемётов. Зато попал. Стрелок опрокинулся назад и упал, так и не поднявшись. Даже если задел вскользь, при таком калибре непринципиально. Переламывая ствол, - экстрактор есть, но гильзу выбрасывает не до конца - приходится хватать пальцами и выбрасывать. Засовываю следующий и ищу новую цель.

С первых этажей небольшого трёхэтажного дома старательно лупит пулемёт. Расстояние приемлемое, вот только стрелка почти не видно. Попробую достать…

Не успел, пушка наша продолжала работать, за секунду до моего выстрела туда прилетел снаряд, сделавший в стене дыру в пару метров диаметром. Само собой, пулемётчика разнесло в пыль.

Сила огня постепенно спадала, в радиоэфире звучали крики, что кому-то нужна помощь, бинты и жгут. Несём потери, но без этого никак, главное, чтобы у врагов люди закончились быстрее.

А враги тем временем, решили атаковать. Из переулков выдвинулись несколько бронемашин. Среди кустарных поделок ехал БТР-70. Старый, ржавый, почти без краски, но исправный. Ехал по диагонали к линии обороны, а за ним пряталась пехота, как человеческая, так и уроды в балахонах. Пулемёт был исправен, но патроны они экономили, изредка стреляя по нам короткими очередями. Да, тут моя винтовка не возьмёт, тут пушка нужна.

Сработала, правда, не пушка, а миномёты. Если противник на закрытых позициях, следует кидать что-то сверху. Вот и кинули две мины. Не совсем точно, разрывы произошли справа и слева от скопления пехоты, но даже так осколки сделали часть работы.

В этот момент среди остальных бронированных гигантов проскочил крошечный беззащитный «Москвич», который на всех парах полетел в сторону стены. Я сообразил, что это такое и чем грозит, поскольку в моём мире слово шахид-мобиль было распространённым. Вот только остановить его было проблематично.

Всё, что я успел сделать, - это выстрелить с упреждением, пробивая капот. Попутно прилетело ещё несколько таких подарков большого калибра, в том числе и зажигательных.

Результат попадания оказался спорным. Взрывчатка, заложенная в машину, взорвалась раньше времени. Но это раньше принципиально ничего не изменило, слишком велик был заряд, стена не выдержала близкого разрыва, кирпичи ввалились внутрь. Впрочем, пока это было преимущество скорее для нас, теперь появился более широкий обзор на улицу, с которой атакуют, а пролезть в получившуюся дыру не так просто, там теперь гора битого кирпича пополам с паутиной.

Я потряс головой, которая гудела после взрыва, стена частично погасила волну, но даже так досталось изрядно. Нужно стрелять. Раз есть броневики… Следующая пуля прилетела по бронемашине, как раз в то место, где, по моим расчётам, сидел водитель. Подействовало, машина встала на месте, изредка огрызаясь автоматными очередями из бойниц.

Работавший из соседнего здания пулемёт остановил вторую кустарно бронированную машину, просто расстреляв колёса, а через пару секунд снова показала себя наша артиллерия, тут всё прошло выше всяких похвал: от попадания БТР просто развалился на две части, попутно досталось и остаткам пехоты за ним.

В эфире раздался чей-то радостный вой, но тут же оборвался. Взрыв раздался внутри территории, а пушка подлетела над землёй, разваливаясь в полёте на части. А виновник торжества, танк противника, (кажется семьдесят второй, хотя в таком состоянии могу перепутать, с танками мне дела иметь не доводилось), пусть не менее убитый, чем БТР, но на ходу и с исправной пушкой шёл в атаку.

Тут мне стало нехорошо. Ничего такого, чем следовало встречать танки, у нас не было. Только бутылки с горючим. Гранатомёты, ПТУРы, да хоть бы противотанковые ружья – всё это недоступно, а единственное орудие стало металлоломом только что.

Странно, что враги не начали с него, бронемашины оказались неудачными, десяток стрелков со штуцерами, вроде моего, уже превратили их в решето, а миномётчики, кладущие уже восьмую пару мин, здорово проредили натупающую пехоту.

Следующий выстрел пушки вынес кусок стены в соседнем корпусе. Не знаю, кто там стоял. После этого танк двинулся вперёд, но,

видимо, снарядов было не так много, поэтому он решил проделать ещё одну брешь в заборе. Развернул башню и, взяв средний разгон, направился к стене. Тут и паутина не поможет, танковую броню ей не разрезать.

Но тут сработали наши, не знаю, планировали они это заранее, или налицо импровизация, но в то место, куда через пару секунд должен был ударить вражеский танк, какой-то отчаянный парень метнул больших размеров свёрток, после чего сам откатился в сторону и нырнул в люк канализации. Следующие события прошли одномоментно. Многотонная бронированная туша проломила кирпичную стенку. Взорвался заряд, лежавший под стеной, а попутно в то же место прилетела мина, ударив прямо перед башней. Взрыв дался нелегко, волна отбросила меня назад, а следом прилетели кирпичные осколки.

Рядом шлёпнулась Марина, выронив винтовку.

- Жива? – спросил я, не слыша собственного голоса.

- Чего? – спросила она, спросила бесшумно, я прочитал по губам.

Этого мне хватило, чтобы понять, что с девушкой всё в порядке, я подхватил штуцер и метнулся к окну, чтобы разглядеть, что случилось с танком. Танк уцелел, но взрывом сорвало гусеницу. Теперь он вертелся на месте, пытаясь навести ствол. Возможно, башню тоже заклинило.

Выстрелить не успел, трое смельчаков из крайнего здания выскочили на дистанцию броска и метнули каждый по две бутылки, среди которых были и самовоспламеняющиеся. Через мгновение танк активно полыхал, полностью скрывшись в облаке пламени, там точно не уцелеет никто и ничто.

Правда, и смельчаки эти попали под удар, прорвавшаяся в основной вход группа вражеских стрелков открыла огонь, до укрытия из троих добежал один. А следом снесли и этих стрелков, поскольку как раз напротив них стояли монахи, которые открыли огонь из трёх десятков ружей картечью. Облако свинца просто снесло всех, кто проник внутрь.

Я стрелял без остановки. Враг атаковал по всем правилам: манёвренная группа двигалась вперёд под прикрытием огня. Стрелять по бегущим врагам мне было не с руки, а вот огневое прикрытие,

бойцы, что прятались за остовами подбитой техники, один за другим падали от попадания бронебойных пуль.

Но плотность нашего огня оставляла желать лучшего, скоро одна из групп прорвалась к бреши, что пробил заминированный автомобиль, ринулась в атаку на корпуса, правда, двое самых быстрых тут же покатились по земле, зажимая культи на месте отрубленных ног. Паутина так и оставалась среди обломков. Но другие прорвались, после чего тут же начали поливать окна огнём, не давая высунуться защитникам.

- Попала! – крикнула Марина сбоку, я обрадовался, что снова могу её слышать. Действительно, попала, один из нападавших повалился набок.

Тут сработал Немой, сообразив, что дистанция как раз для него, высунулся и выдал по атакующей группе длинную, на половину диска, очередь, выкашивая их почти в ноль. Тут же рухнул на пол, я думал, что в него попали, но заметил, что парень цел, но остервенело дёргает затвор. Заклинило, оружие старое. Говорить он не мог, но, что называется, смотрел матом.

А враг, не считаясь с потерями, уже пёр вперёд. Группа из одного человека-автоматчика, за которым прятались двое писаных, оказалась прямо напротив нас. Человек держал перед собой стальной щит, который закрывал его от картечи. Но вот бронебойная пуля двенадцать и семь пробила щит и самого стрелка. А Марина следом всадила пулю в грудь писаного. Тот завалился назад, но тут же вскочил и ринулся вперёд. Пробежал немного, внезапно остановился и стал скрести руками грудь. Тут до меня дошло, обычная пуля его остановить не могла, но умная девочка Марина специально зарядила зажигательную. Теперь в груди нелюдя разгорался небольшой пожар. А тот, что шёл за ним показал себя во всей красе. На плече его сидел небольшой ревун, который немедленно выдал крик такой силы, что меня отбросило назад и едва не размазало по стене. Марина успела укрыться, а Немой продолжал возиться с неисправным автоматом.

Но это было только начало. Тут же тварь выдала все прелести магии. Вскинув руки над головой, писаный выпустил луч света, что немедленно создал защитный купол, в три метра высотой и метров десять диаметром. Пули от него отскакивали, а под этот купол немедленно начали сбегаться враги. Теперь в их рядах почти не было

людей, только писаные, увешанные колюще-режущим инструментом. Штурмовая группа, которая сейчас зайдёт в здание.

Ситуацию спас Немой, который, наконец, разобрался с автоматом, вставил новый диск, выглянул в окно, собираясь стрелять, но увидел нечто ненормальное. Он немедленно кинулся за гранатой, которая, падая сверху, смогла преодолеть защитный купол. Видимо, защита, рассчитанная на пули, не могла останавливать медленно летящие предметы. Следом полетела вторая, потом третья. Маг держал купол до последнего, но и он завалился набок, на куски разорванный взрывами.

Потом нас обстреливали из арбалетов. Это было бы смешно, если бы в стрелах не было магической накачки. Стрела выглядела обычной, но от наконечника разлетались искры, а когда он прилетел в стену, образовалось огненное пятно, которое тут же расползлось по стене змейками, а те заползли в окна, откуда раздались отчаянные крики. Снова у нас потери. Одна из стрел ударила рядом с моим окном, я немедленно подался назад, струйка огня проползла внутрь, нацелившись на меня. Вторая бросилась на Немого, но тот быстро отпрыгнул в сторону, потом снова и снова, пока огонь не стал терять силу. Мне такая прыть была недоступна, пришлось просто бегать, пока пламя не потухнет.

Снизу раздались крики, там явно потасовка, кто-то с кем-то дерётся. Если писаные проникли внутрь, то я на монахов и копейки не поставлю. Но прийти к ним на помощь я не успел. В этот момент вражеская штурмовая группа атаковала и нас. В окно была вставлена лестница, с которой прямо на меня прыгнул писаный с двумя кривыми ножами.

Не долетел. Неразговорчивый боец срезал его в полёте короткой очередью, а когда тот упал на пол, то тут же получил прикладом от Марины, девушка сработала так чётко, словно всю жизнь этим занималась. По лестнице поднимались и другие, но им не суждено было попасть внутрь. В окно вылетела граната, а следом бутылка огнесмеси, отчего вся лестница моментально занялась огнём.

Теперь можно было поддержать святых отцов. Мы ринулись вниз по лестнице, там как раз монахи пытались удержать врага в дверях с помощью деревянного щита, самодельных копий и редких выстрелов. А враг наседал толпой, пытаясь выдавить щит внутрь. С обеих сторон

видно было несколько трупов и лужи крови, а из задних рядов противника уже тащили крупного ревуна, который запросто вынесет своим криком и этот щит и монахов, стоявших за ним.

Не вынес. В который уже раз получается избежать самого худшего. ППШ не зря когда-то считался отличным оружием, окопной метлой, от которой нет спасения. Полный диск – это семьдесят патронов с приличной проникающей силой, которые к тому же создают рикошеты от стен. Толпа писаных тут же поредела, а потом и вовсе отхлынула обратно, а вслед им я бросил гранату. Осколок прилетел и мне, разодрав левый висок, но оно того стоило.

Тут и монахи перешли в наступление, выигранное время они потратили на перезарядку, после чего отправились вниз по лестнице, стреляя залпами на манер пехоты восемнадцатого века. По трое в ряд, стреляли первый и второй ряды, стоя в шахматном порядке.

А враг наседал неистово, не знаю, какой химии объелись писаные, но инстинкт самосохранения у них отключился напрочь. Перепрыгивая через кучи трупов соплеменников и людей, они кидались в бой, размахивая ножами, тесаками, ятаганами, кистенями и даже просто с голыми руками. Прямо на лету получали порцию картечи, после которой продолжали бежать дальше и, уже приблизившись, падали от потери крови.

Снаружи начали рваться гранаты, что временно прекратило напор атакующих, а один из монахов удачно подстрелил ревуна, готового смести защитные порядки святых отцов.

Я уже подумал, что бой выигран, но, стоило нам высунуть нос наружу, как по зданию снова ударили очереди. Та часть вражеского войска, что предпочитала огнестрел, была ещё жива и продолжала сопротивляться. Пришлось ретироваться на исходные. Монахи, оставив пару стрелков на позиции, занялись помощью раненым. Мы же втроём вернулись на свой этаж.

- Сорок третий Вышке, - надрывалась рация, которую я забыл здесь.

Я метнулся к прибору, подхватил с пола и нажал на кнопку.

- На связи сорок третий.

- С конца улицы идёт, сделай что-нибудь, не могу достать из снайперки.

Я сначала не понял, что именно имеет в виду командир, но, стоило выглянуть из окна, разглядел странную конструкцию. Выглядела она, как самоходное орудие большого калибра, чей броневой корпус пришёл в негодность и был воссоздан вручную командой сварщиков-алкоголиков. Тем не менее, ствол у этой махины имелся, и теперь она медленно, но верно ползла на гусеницах в нашу сторону.

А самым неприятным было то, что в машине этой сидел кто-то из магов, поскольку поверх брони разливалось голубоватое свечение. Что это даёт? Сложно сказать, но подозреваю, что чёрта лысого получится их пробить.

Как раз в этот момент откуда-то сверху прилетела пуля, явно из той самой снайперки, а Винокур, полагаю, сидит на той самой трубе, где я когда-то прятался от пауков. Пуля не сделала вмятину в броне, не выбила искры из стального листа, она просто заставила синий свет стать немного ярче, а потом просто исчезла.

- Стреляй! – раздался из рации голос Винокура. – Только ты остался!

Значит, все, кто владел таким оружием, уже мертвы. Только я. Но даже не будь магического прикрытия, вряд ли бы хватило моего калибра, чтобы пробить броню, а тут ещё и это.

Тем не менее, я, стараясь сохранять хладнокровие, потянул из кармана патрон с красно-чёрной пулей, вставил его в патронник, захлопнул ружьё и прицелился. Куда стрелять? Думаю, лучше всего туда, откуда торчит ствол. Глядишь, получится повредить. Приборов наведения совсем не видно.

Отдача едва меня не опрокинула, а о размерах синяка на плече лучше не думать. Пуля точно так же ударила в силовое поле и, хоть и вызвала большую вспышку, навредить ничем не смогла.

- Ищи самодельные патроны, - снова проснулась рация, но на этот раз говорил Петрович, он жив, но, судя по голосу, смертельно устал или ранен. – Там есть, у тебя в запасах. Они помогут.

Самодельные патроны я, к счастью, не расстрелял. Просто не видел в них смысла, если есть заводские, если только отдача поменьше за счёт меньшего порохового заряда. Вот он, простая свинцовая пуля. Переломить, вынуть гильзу, чёрт, горячая, и перчатки надевать некогда, каждая секунда на счету, вставить новую, захлопнуть. Отдача была

чуть меньше, но многострадальное плечо не спешило благодарить. Силовое поле вокруг машины снова вспыхнуло, но не на секунду, как в прошлый раз. Свет стал разгораться, потом сияние охватило уже всю стальную тушу. В этот момент я, поставив рекорд по перезарядке, всадил вторую пулю. Свечение обратилось в смерч синего пламени, потом раздался громкий хлопок, после чего самоходка осталась без защиты.

Но двигатель при этом не отказал, и те, кто сидел внутри, были живы. Машина продолжала двигаться к нам, более того, уже подошла на дистанцию выстрела. Приборов точно нет, наводят по стволу, но мне от этого не легче. Калибр явно сто пятьдесят два, такой снаряд разнесёт весь этаж.

Тут я выстрелил бронебойной пулей, кажется, даже пробил, но на поведение машины это не повлияло. Стальной зверь замер напротив нас и начал наводить орудие. Ствол поднимался, тут до меня дошло, что целится не в нас, куда-то выше. А куда? Видимо, под раздачу попадёт командир. Только он сидит выше нас. Конечно, тратить снаряд гаубицы на одиночного снайпера, когда в зданиях есть неподавленные огневые точки, - это верх идиотизма. Впрочем, и так ясно, что противник у нас не самый адекватный, да и кто знает, может быть, у них там снарядов сотни две, коробка внушительная.

Одновременно с выстрелом Немой сорвался с места и кинулся вперёд, унося последние бутылки с огнесмесью. В целом, могло и получиться, машина от нашего здания в тридцати метрах, если конечно его не достанут с дальних позиций, а в самой машине нет пулемёта.

Как ни крути, а перезарядка столь мощного орудия – задача небыстрая. Тем более, если там внутри всё кустарное и никакой механизации нет. Немой успел сбежать вниз по лестнице, перепрыгнуть через кучу трупов вражеских штурмовиков, после чего, сделав короткий бросок вперёд, метнуть одну за другой две бутылки, а в момент, когда вторая уже летела вперёд, откуда-то из смотровой щели этого броневика раздалась длинная автоматная очередь, парень упал прямо в кучу мертвецов.

А хуже всего было то, что машина не загорелась. Первая бутылка залила густой жидкостью верхний броневой лист, вторая разлетелась облаком чёрной пыли, а следом должна была разбиться пробирка с

реагентом. Видимо, не разбилась, а стальная махина, сообразив, где сидят враги, разворачивала ствол прямо на наше окно. Ещё секунда и…

К счастью, штуцер, хотя и не рекордсмен в скорострельности, заряжается быстрее, нежели гаубичный ствол, а патроны с красными пулями я с начала боя не использовал. Вот они. Один такой патрон успел скользнуть в патронник, после чего я вскинул ствол и, почти не целясь, влепил его в лобовой лист брони.

Пушка выстрелила в тот момент, когда огромное облако пламени поглотило почти весь корпус. Даже по внешнему виду можно было сделать вывод об огромной температуре пламени. Они не успели навести, снаряд ударил сильно правее нас, отбросил в сторону, обдал облаком кирпичной крошки, в очередной раз оглушил, но убить не смог.

На ходу перезаряжая штуцер, я ринулся вниз, вряд ли парень получил все пули из той очереди, скорее, задело одной-двумя, а значит, он может быть жив. А внизу пытались эвакуироваться члены экипажа самоходки. Двое, один из них был человеком в танковом шлеме, а второй – писаный с совсем уж невообразимыми татуировками. Сейчас они вылезли через нижний люк и старательно тушили горящую одежду.

Сорвав с неподвижно лежавшего Немого автомат, я, почти не целясь, выдал длинную очередь, сваливая обоих. Потушить себя они не успели, пусть теперь догорают.

Немой был жив, хотя раны точно не самые приятные. Пробит живот, кажется, навылет, но толку мало. Ещё одна пуля прошла по касательной и, подозреваю, сломала ребро. У него сейчас внутреннее кровотечение должно быть, а если ничего не сделать, точно умрёт. Чёрт, где медики?

Медиков не было, зато подошла Марина. Девушке здорово досталось, из носа стекала кровь, одежда и лицо были серо-коричневого цвета от пыли, тем не менее, она пришла ко мне на помощь.

- Подожди, а его вообще таскать можно? – спросил я.

- Туда посмотри, - она раздражённо указала вперёд, где продолжала полыхать машина.

Я почувствовал себя идиотом. Сообразить, что стальная коробка, в которой уйма снарядов, горит прямо у нас под носом, я не смог. А ведь взрыватели на огонь среагируют, после чего тут будет Хиросима в миниатюре. Парня нужно уносить.

Аккуратно, насколько это вообще возможно в данной ситуации, поднимаем раненого и заносим в здание. Блин, тут и положить его некуда, везде раненые и убитые. Наконец, выбираю место на дощатом поддоне. А медики у нас есть? Должны быть, да только, боюсь, очередь до него не дойдёт.

От боли Немой приходит в себя, открывает глаза и беззвучно шевелит губами. Потом, вспомнив, что сказать ничего не сможет, приподнимает руку и указывает пальцем в окно. Что там?

Тут до меня доходит, что стрельба снаружи разгорелась с новой силой. Без остановки звучат очереди, гремит что-то крупнокалиберное, бухают взрывы.

- Снова в атаку пошли? – растерянно спрашиваю я, сжимая штуцер.

Он едва заметно качает головой, потом дотягивается рукой до плеча и двумя растопыренными пальцами стукает по нему. Через пару секунд до меня доходит, что он имел в виду. Погоны, погоны со звёздами. Военные. Шурик на своём мопеде всё-таки добрался до опорного пункта, оттуда выслали помощь. Учитывая, что врагов и так оставалось не больше нескольких десятков, можно сказать, что мы спасены. Я спасён, Марина тоже, а вот парень…

- Кому совсем плохо? – раздаётся позади меня громкий молодой голос.

Оборачиваюсь и вижу того учёного, что так некстати прибыл в ночь перед нападением. Точно, Башкин его фамилия. Тоже успел повоевать, его автомат закинут за спину, а один рукав куртки залит кровью. Впрочем, выглядит бодро, возможно, кровь не его. В руке держит какой-то громоздкий прибор, напоминающий пластиковое ведро, на котором закреплены странные пластиковые крылья, обмотанные проводами.

- Вот, - указываю на Немого, что опять впал в беспамятство. – Живот прострелен, внутреннее кровотечение.

Он согласно кивает, а я не могу понять, чем именно он собрался помочь. Он, конечно, учёный, но не медик, а даже будь он медиком, без оборудования не сможет оперировать.

- Хорошо, что вас не убили, - озвучивает он очевидную (для меня) мысль, присаживаясь рядом. – Можете его подвинуть.

- Куда? – не понял я.

- Вот сюда, к краю поддона, так, чтобы крыло доставало.

Я, продолжая не понимать ничего, двигаю раненого к краю поддона. Тот от боли стонет, но не приходит в себя. Учёный ставит рядом своё «ведро», потом поворачивает одно из крыльев так, чтобы оно находилось прямо над раной.

- Теперь суйте сюда руку, - командует он, открывая крышку «ведра».

Кое-что становится понятно. В этом сосуде на нескольких блестящих стержнях висит то самое «яблоко», от меня требуется его авторизовать, после чего оно будет лечить. Наверное.

- Возьмитесь за него рукой, - командует учёный. – Да, вот так. Дальше можно и без вас, но лучше так и держите, если постоянно держать, выход больше. Точный механизм неизвестен, но ваша сила соединяется с силой артефакта. Знаете что, - он осмотрелся и остановил свой взгляд на Марине. – А вот вы, да, вы, возьмите за руку его. Не факт, что будет лучше, технология не обкатана, но возьмите, хуже точно не будет.

Я чувствую под пальцами лёгкое покалывание, «яблоко» начинает светиться, а по штырям, что его удерживают, пробегают едва заметные искорки.

- Начинается, - проговорил сосредоточенно Башкин, сжимая в руке электронный секундомер. – Около десяти секунд, больше не требуется. Пошло!

Под крылом неизвестного прибора появилось какое-то свечение, вроде подсвеченного пара, который опускался точно на рану, впитываясь в неё. Мы выждали десять секунд, после чего Башкин щёлкнул тумблером сбоку и полез проверять состояние. Разорвав рубаху на месте раны, он стёр кровь, под которой виднелся старый шрам. Немой так и не пришёл в себя, но теперь дышал ровнее, а с лица ушла смертельная бледность.

- А пуля? – спросил я.

- Скорее всего, где-то в брюшной полости, её вытолкнуло из органов, если будет мешать, можно потом удалить. Всё, несите его в сторону, следующий.

Следующим был монах, под распоротой рясой которого была резаная рана. Не представляю, каким оружием её нанесли, тело распорото от плеча до бедра наискосок, лезвие прошло по костям,

полностью разрезав плоть, потеря крови огромная, внутренности выпирают наружу, а монах уже сильно немолод, явно вот-вот умрёт.

Теперь требуется уже двадцать секунд, а раненого протаскивают под крылом так, чтобы вся рана попала под свет. И снова вижу то, что назвать можно только магией. Рана на глазах затягивается, а сам раненый глубоко вздыхает и даже открывает глаза.

- Следующий! – громко командует Башкин. – Несите со всех участков.

Раненых несут одного за другим, с простреленными внутренностями, с рублеными и колотыми ранами. Одного не успевают донести, умирает за секунду до спасения. У другого проломлен череп, но его успеваем спасти, кость на глазах срастается, а раненая плоть заживёт потом. Артефакт в моей руке нагревается, я чувствую, как на меня накатывает усталость, словно держу неподъёмный груз. Но держать нужно, поскольку тяжёлых тут ещё много, даже с полноценной медициной их не спасти.

Чувствую, как разжалась рука Марины. Девушка упала без чувств, два крепких монаха немедленно оттаскивают её в сторону и укладывают на одеяло. Откуда здесь одеяла? Точно, пока я смотрел перед собой, в помещении уже оборудовали временный госпиталь, где уже суетятся медики, наши и военные, перевязывая тех, кто ранен не смертельно.

В глазах начинает темнеть, артефакт уже ощутимо жжёт руку, чувствую, что материал его уже крошится под пальцами, скоро должен рассыпаться в прах.

- Потерпите, ещё немного, - голос учёного слышится как будто издалека. – Один человек, сейчас принесут.

Одним человеком оказывается женщина лет сорока в военной форме, блондинка, коротко стрижена, вроде бы, красивая, но точно разглядеть не получается. Половина лица и часть шеи покрыта страшным ожогом, словно к ней приложили факел. Даже если выживет, уродство будет страшное. Нужно вылечить, чего бы это ни стоило.

Чувствую себя губкой, которую выжимают досуха, руку обжигает, артефакт просто взрывается в руке, после чего сознание гаснет. Последним кадром, что впечатывается в сознание, становится лицо женщины, с которого на глазах слезает изуродованная плоть, под

которой появляется чистая белая кожа. Кажется, я ударился головой при падении, но меня это уже не волновало.

Глава тринадцатая

Я открыл глаза, в небольшом помещении с белыми стенами светила тусклая лампочка. Я лежу на кровати, накрытый одеялом. Зря накрыли, жарко здесь, душно, а под одеялом я основательно взмок. Не мешало бы помыться. Сегодня банный день? Или… где я вообще?

Голову повернуть получается, перед глазами всё немного плывёт, но получается кое-как сфокусировать взгляд на фигуре, что сидит напротив. Ожидаю увидеть Марину, но нет. Это та самая женщина, что исцелилась последней. Я хорошо её запомнил. Только сейчас она одета не в военную форму, а в нормальное платье, белое в синий горошек, обтягивает фигуру, выгодно подчёркивая все выпуклости.

- Доброе утро, хотя уже далеко не утро, - голос негромкий, мягкий, с какой-то материнской заботой. - Рада, что с вами всё хорошо. Меня Люба зовут.

- Люба… - я пытаюсь вспомнить что-то из ранее услышанного. – Любовь Наумовна?

- Просто Люба, - она улыбается и гладит меня по голой груди, жест этот можно трактовать неоднозначно, хотя для меня сейчас это значения не имеет. – Помните, вы спасли меня?

- Да, вас я запомнил, - я попытался встать, но тут нарисовались две проблемы. Во-первых, во всём теле была жуткая слабость, вряд ли смогу на ноги встать, а во-вторых, я был голый, как-то не хотелось сверкать перед дамой голым задом. Хотя, при других обстоятельствах…

Она словно прочитала мои мысли.

- Давайте я помогу вам одеться, не нужно стесняться, я, да будет вам известно, голых мужчин видела, в обморок не упаду. Вот, держите.

Она открыла тумбочку и извлекла оттуда больничную пижаму.

Пришлось отбросить стеснительность, поскольку сам бы я ни за что не смог натянуть штаны и рубаху. Теперь, в одежде, я почувствовал себя гораздо увереннее. Правда, слабость никуда не делась, а ещё сильно хотелось пить. И снова Любовь Наумовна пришла на помощь. В руке её откуда-то появился большой стеклянный стакан, наполненный странной серой жидкостью.

- Белково-углеводный концентрат из солдатских пайков, - объяснила она. – Сразу питьё и еда. Можно в таблетках употреблять, но лучше вот так, в растворе.

Я взял стакан трясущейся рукой и начал пить. На вкус, конечно, так себе. Немного сладкое, немного отдаёт чем-то, вроде муки, слегка кислит. Но выбирать особо не приходилось. Хоть и с трудом, но я допил стакан. Не меньше полулитра. Сердце забилось чаще, меня снова повело, но негативные ощущения быстро пропали, в тело начала возвращаться сила.

- Теперь я вас оставлю, - сказала Люба и посмотрела на меня самым многозначительным взглядом. На меня уже смотрели так женщины, как раз перед страстным сексом. – Разумеется, мы могли бы…

- Что? – я старательно косил под дурака.

- То самое, - она усмехнулась. – Но вы не в том состоянии, а кроме того, Марина… знаете, у неё такая влюблённость. Не хочу расстраивать, она хорошая девочка. Неопытная, с неоднозначным прошлым, но… не обижайте её.

- А где она?

- Здесь, неподалёку, в одной из палат. Но ей уже гораздо лучше, в себя пришла ещё ночью, сразу спросила о вас. Думаю, скоро вы с ней увидитесь. А пока… - она показала мне на большой графин. – Допейте всё, туалет сразу за дверью. Пока.

Она встала и повернулась, дав возможность ещё раз оценить фигуру и прозрачность платья, под которым было очень небогато с бельём. Да, ладно, пока не до того.

Стоило ей выйти, как в палату вихрем ворвалась Марина собственной весьма недовольной персоной. Немедленно уселась со мной рядом и посмотрела на меня так, как прокурор смотрит на подследственного.

- Что она тут делала?

- Зашла справиться о здоровье, - спокойно ответил я. – Я вообще-то её спас, высказала благодарность, дала попить, помогла переодеться.

- То есть, ты при ней голым задом сверкал? – зрачки её сузились, вот-вот выпустит когти.

- Солнышко, - я откинулся на подушке. – Давай определимся, у нас с тобой таки что-то есть, или мы просто знакомые?

- Как это, просто знакомые? – она, кажется, растерялась.

- Понимаешь, котёнок, чтобы ревновать, нужно определиться, что да, это твой мужчина, и другие женщины на него претендовать не могут. А у нас не только записи в паспорте нет, мы с тобой даже… А вот теперь подумай, вот есть мужик, - я похлопал себя по груди, - ему нужна женщина, на примете есть ты, с разговорами и нежными поцелуями. А есть взрослая женщина, которая знает, чего хочет. Я ведь не мальчик, к романтике не склонен.

- И? Что?

- То, что если я твой мужчина, то предлагаю начать… - я попытался вспомнить формулировку, - фактические брачные отношения. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я?

- Понимаю, просто…

- Что?

Она некоторое время мялась, но потом, делая над собой усилие, произнесла:

- Ты не спрашивал, как я в колонии оказалась.

- Не счёл нужным, думаю, это никак не изменит моего к тебе отношения. Ну, расскажи, если это важно.

- Я там всего месяц пробыла, меня из суда отвезли, до того на свободе была, под подпиской.

- Ну, а статья?

- Убийство. Отчима убила, ножом… в шею.

- Умница, ну, то есть, плохо конечно, а как умудрилась? И что сподвигло?

- Он меня… - на глаза навернулись слёзы.

- Изнасиловал?

Она кивнула.

- Начинаю понимать, теперь ты в каждом мужчине видишь его, тебе трудно расслабиться, сразу начинается паника, стало быть, никакая половая связь для тебя невозможна. Так?

- Нет, - она удивлённо подняла глаза. – Не так. В тебе я вижу тебя, ты мне нравишься, я тебя люблю, просто я думала, что ты меня… после такого…

Дальнейшие слова потонули в рыданиях. Случай тяжёлый, тут несколько сеансов психотерапии потребны. Ну, да ладно, справлюсь. Терпение и труд…

- Давай уже, завязывай реветь. Это… короче, непринципиально. Я уже был женат, и у жены своей был не первый. И ничего, жили как-то, расстались по другим причинам.

- Значит, ты со мной?..

- Что за привычка обрывать фразы на полуслове? Чтобы я додумывал? Да, я с тобой всё, как положено. Не прямо сейчас, оклемаюсь немного и, считай, что ты моя жена. Расписываться тут негде, будем так жить.

Она на меня посмотрела странным взглядом, но слёзы моментально испарились. Открыла рот, чтобы ещё что-то сказать, но тут кто-то постучал в открытую дверь.

- Извините, что беспокоим, - сказал Башкин, просунув голову в палату, - но нам сказали, что вы очнулись, есть разговор.

- Зайдёшь попозже, - я взял девушку за руку.

- Угу, - она кивнула и немедленно убежала, будет читать пейджер и много думать.

А в палату, предусмотрительно прихватив стулья, вошла целая делегация. Первым прошёл учёный, следом – Рогов, после него неизвестный в военной форме, погоны рассмотреть мешал наброшенный сверху халат, но по возрасту – не меньше майора, скорее всего, больше. Последним был высокий худой мужчина лет пятидесяти с небольшим, одетый в не первой свежести пиджак. На носу висели очки, но смотрел он поверх них.

Расставив стулья вокруг моей кровати, они чинно расселись. Разговор начал Б**а**шкин:

- Итак, Дмитрий Сергеевич, давайте знакомиться. Меня вы уже знаете, Бориса Аристарховича тоже, а вот это, - он указал на военного, - полковник Верещагин, он с сегодняшнего дня будет комендантом города. Потом объясню, что это значит.

Третьего человека он не представил.

- Так вот, первым делом выражаю вам благодарность за спасение раненых. Двадцать три человека обязаны вам жизнью. Сказать по правде, я не рассчитывал на такой результат. Обычно исцелить можно не больше семи-восьми человек. Вы просто феномен, надо запомнить

на будущее. Мне сказали, что незадолго до событий вы пили живую воду, но даже она не объясняет такого успеха.

- Я рад, что так получилось, - я посмотрел на графин с питательным раствором, учёный всё понял и немедленно наполнил стакан. – Но лучше расскажите мне другое. Что случилось там, чем закончилась история с нападением?

- Нападение почти полностью было отбито силами поселенцев, - вступает в разговор военный. – Вы уничтожили процентов восемьдесят нападавших и всю их технику. Признаться, не ожидал.

- А вы раньше не могли прийти? – укоризненно спросил я.

- Мы просчитались, - признаёт он. – У нас была информация о большой группе сектантов, но мы ждали их в другом месте. Нам в голову не пришло, что они двинут сюда. Отряд ждал их примерно в ста километрах отсюда. Сами понимаете, возможности спутникового наблюдения крайне ограничены. Когда стало ясно, пришлось сворачивать засаду, именно в этот момент прибыл ваш связной.

- Вы их добили?

- Разумеется, а ещё взяли в плен десяток людей и двух сектантов. Последние не особо разговорчивы, но и те и другие в один голос твердят, что их королева жива.

- А людей они что, в свою веру перекрестили?

- Не до конца, те полностью поддерживали сектантов, которые, как известно, огнестрельным оружием не пользуются. Каждый участвовал в омерзительных обрядах, каждый уверен, что должен сражаться на их стороне. Правда, королеву лично никто из попавших к нам живыми не видел. Ещё в их обозе было несколько пленных, которых они не успели обратить в свою веру.

- А среди пленных был я, - вступил в разговор безымянный мужик в очках. – Разрешите представиться, Коростин Эдуард Фёдорович.

- Аааа… - только и сказал я.

- Да, я всё знаю, мне передали ваше послание, не скажу, что это прорыв, но теперь цель моя гораздо ближе, чем была раньше. Собственно, всё уже понятно, но создание установки упирается в ресурсную базу.

- Скажите, а…

- Потом, - перебил меня Коростин. – Поговорим отдельно.

- Пока же доведём до вас следующее, - снова заговорил военный. – С этого дня город переходит под власть армии. Так уж вышло, тревожные события заставили правительство ускорить возвращение пустых земель. На местном аэродроме уже высаживается воздушно-десантный полк. Будем отодвигать фронтир.

- Здесь аэродром есть? – удивлённо спросил я.

- Гражданский сейчас недоступен, но в пригороде есть военный, куда могут приземляться транспортники. После выгрузки они начнут зачистку города. Думаю, управимся за пару месяцев, потом начнётся возвращение жителей. Должно начаться, если всё пойдёт по плану.

- А мне-то что делать?

- Вам сейчас следует отлежаться, потом поступите в распоряжение к Эдуарду Фёдоровичу. У вас ведь свои задачи, мы о них знаем, но мешать вам незачем, а помочь ничем не можем. Со своей стороны также объявляю вам благодарность за героизм при отражении атаки сектантов, а также спасение раненых.

- А что с местными будет? – спросил я. – Армия сюда придёт, а их куда?

- Кто-то останется, кого-то пристроим, кого-то отправим на Большую землю, - начал объяснять полковник, - есть, правда, те, по ком тюрьма плачет. С другой стороны, сажать их нецелесообразно, куда лучше использовать их навыки борьбы с нечистью. Глядишь, потом объявят им какую-нибудь амнистию.

После этого трое встали и ушли, остался только Коростин, который сидел напротив меня и многозначительно молчал.

- Сказать по правде, - начал я. – Я думал, что, как только вас увижу, сразу схвачу за хобот и потребую вернуть меня обратно. Будь я сейчас покрепче, так бы и поступил.

- Я догадываюсь, что вы здесь не по своей воле, но, увы, хватать меня за хобот, равно как и за другие части тела, совершенно бесполезно. Вопрос вашего возвращения, как, впрочем, и моего, лежит совсем в другой плоскости.

- Но ведь сюда послать получилось, - напомнил я.

- В том-то и дело, отправить сюда получилось вас, а чуть раньше – меня, некоторое время получалось обмениваться информацией, но вот создать устойчивый канал мы пока не можем. Установка, стоящая в

этом мире, не работает в полную силу. Теперь, после внесения изменений, можно надеяться на прогресс, но обещать ничего не могу.

- Так давайте попробуем, - я встрепенулся, но новый приступ слабости придавил меня к кровати. – Где ваша установка?

- Как вам объяснить, - он поморщился, видно было, что хочет послать меня подальше, но в то же время понимает, что право спрашивать у меня есть. – Представьте, что у вас есть рабочая установка, делающая то, что вам нужно. Но установка эта работает только тогда, когда оператор стоит за пультом без штанов, в первый день новолуния, спрятав за щеку пятак и напевая «Бхагавадгиту» на мелодию Моцарта.

- Всё так плохо?

- Всё ещё хуже, в описанной мной ситуации хотя бы известны все входящие факторы, которые способствуют успешной работе. В нашем случае половина из них неизвестна. Машина создана, откалибрована и готова к работе, даже необходимый источник энергии имеется, вот только откроет ли она проход?

- Хорошо, - я сделал вид, что смирился и отступил на прежние позиции. – Начнём сначала: откуда всё это взялось? Опять же, вы постоянно говорите «мы», а мы – это кто? Спецслужбы? Но каким спецслужбам придёт в голову отлавливать случайных прохожих и отправлять их в пекло?

- Хорошо, раз уж вы с нами, так сказать, недобровольный союзник…

- Свой своему поневоле брат, - вставил я фразу из фильма.

- Напрасно вы паясничаете, - он зачем-то снял очки. – Я и так прекрасно понимаю, что вы ни ко мне, ни к моим коллегам тёплых чувств не испытываете. Но так уж вышло, что ваш единственный шанс вернуться назад завязан на сотрудничество со мной. Так вот, объясняю. Проект межмировых переходов разрабатывался давно, лет… точно не скажу, где-то с конца девяностых. Потом лавочку свернули, лишили финансирования. И надо было такому случиться, что именно в этот момент учёные смогли нащупать ключ к проблеме. Разумеется, это никого не убедило. Но потом учёные продолжили опыты, что называется, в гараже, благо, матбаза имелась, такое оборудование больше ни для чего не нужно, а потому завладеть им оказалось просто.

Кроме того, нашлась парочка спонсоров, которая преследовала свои интересы.

- А почему не доложили об успехе, когда всё получилось?

- Проблема в том, что успеха не было. Собственно, успехом своим группа исследователей обязана тому, что началось в этом мире. Открылся проход (и не один) в мир иного порядка, в этот момент создалась идеальная ситуация для запуска установки.

- А потом проходы позакрывали, - напомнил я.

- Да, а установку до ума не довели. Полноценных сеансов связи было всего пять, отправили сюда недоделанную установку, потом некоторые приборы, потом меня, потом… А на этом контакт был разорван. Связь стала односторонней, всё, что знали там, - это то, что я жив и работаю над открытием прохода. Само собой, группа пыталась мне помогать, отправляя сюда… добровольцев, увы, не нашлось, а проход оттуда очень капризный, вы, наверное, заметили, что он не пропускает металл?

- Да.

- Он много чего ещё не пропускает, а главное – при этом проходить должен живой организм. А идея отправить собаку с письмом в ошейнике показалась ненадёжной, особенно с учётом того, что я не сидел на месте.

- Ладно, - я понял, что пытать его дальше непродуктивно, - будем считать, что я вас понял. Следующий вопрос: что теперь делать-то?

- Вам? Так уже сказали, восстанавливать работоспособность. В ближайшее время тут будет много работы. Что же до нашего общего дела, то придётся подождать, потом я получу важные комплектующие.

- Откуда? Ещё одного бедолагу зашлют?

- Нет, что вы, на той стороне и не знают, что нужно прислать именно это. Детали будут присланы с так называемой Большой земли. Местная власть знает обо мне, более того, помогает по мере сил. Потом, когда опыты завершатся удачно, проще будет устанавливать контакт.

- Это долго?

- Две недели. Или три, зависит больше от доставки, изготовление займёт пару часов.

- Ясно, буду ждать.

- Ждать просто так не выйдет, нам ещё понадобится некоторое количество артефактов… не люблю это слово, но пусть будет так.

- Машина без них не работает?

- Некоторые предметы, как я понимаю, принесённые из третьего мира, могут менять законы физики. Если правильно их применить, то получится сильно упростить работу прибора. Подумайте, что проще, вставить огромные магнитные катушки, весом в четверть тонны каждая, или четыре кристалла, размером с мой кулак?

- И где мы их возьмём?

- Есть места, не забывайте, что огромные территории страны до сих пор безлюдны, но кое-где есть поселения мародёров. Часть занимается чистым мародёрством, но таковых немного. Видите ли, в мелких поселениях ловить нечего, а в крупных ситуация такова, что заходить туда можно только танковым полком. Куда продуктивнее охота на монстров и поиск так называемых выходов. Но тут стоит помнить, что любое сталкерство возможно только при наличии контакта с Большой землёй. Артефакты нужно кому-то сбывать, получая взамен необходимые товары. Здесь, в этом городе, ситуация простая, база военных находится на разумном расстоянии, более того, там же присутствуют учёные, которые дают за находки приличную цену.

- А в других местах?

- Представьте себе Московскую область, или Киев, или Волгоград. Там, где плотность населения была большой, сейчас практически не осталось людей. Стоят какие-то остроги, их построили военные для временных нужд, а потом поселенцы приспособили для своих нужд. Оттуда делают рейды, туда свозят добычу, там происходит обмен. Но источник товаров для обмена лежит в цивилизованных землях, следовательно, между городами ходят караваны. Группы машин с охраной, в конечном итоге добыча попадает куда надо, а обратно отправляются пряники от цивилизации. Насколько я понимаю, для обмена годятся даже продукты, в некоторых местах те же консервы проще купить, чем добывать из городских запасов.

- Но основной товар – патроны, - предположил я.

- Да, патроны, оружие, взрывчатка, горючее. Разумеется, купцы (а это полноценный класс, сложившийся в последние годы) не могут не контактировать со спецслужбами. Запасов оружия и патронов на

пустых землях не так много, тут власть постаралась на славу, а потому идёт поступление из центра. По моим наблюдениям, власть позволяет отправлять на заражённые территории ровно столько, чтобы можно было истреблять нечисть, но нельзя было поднять восстание. Впрочем, никто в здравом уме его и не поднимет. Даже этот вопиющий случай с недобитыми сектантами подавили быстро и качественно.

- Так мы отправимся в путешествие?

- Мы в него обязательно отправимся, установка находится далеко на юге. Но до того, как всё будет готово, придётся поездить по городам и весям, доставая всё необходимое. Часть, думаю, получится купить, товары для обмена мне предоставят, патроны в первую очередь. Часть, подозреваю, придётся добывать самим. Возможно, силой. Это, кстати, аргумент в вашу пользу. Человек, умеющий стрелять, на диких землях будет незаменим. Я попробую выпросить сопровождение от военных, но они его дают крайне неохотно. Возможно, кто-то из живших здесь сталкеров согласится пойти с нами.

- Винокур?

- Да, я тоже о нём думал, у него всё плохо, временно прячется, но теперь, когда военные осядут здесь, ему придётся искать новое место. Попробую предложить.

- Договорились, собирайтесь, думаю, через пару дней буду готов.

- Хорошо.

Он пожал мне руку и вышел, а в палату снова проскользнула Марина.

- Мне тут учёный про тебя рассказал, я ничего не поняла, только то, что ты из другого мира. Это правда?

- Да, - я вздохнул. – И ищу способ вернуться обратно.

- А я?

- Понимаешь, далеко не факт, что у меня получится, но, если калитку откроем, то я возьму тебя с собой. Проблемы будут, паспорт там получить, но у тебя и здесь всё то же самое.

- Правда? – она посмотрела на меня подозрительно.

- Да.

- А как там, в твоём мире? – она ловко пристроилась на кровати рядом со мной.

- Да всё то же самое, люди, как видишь, те же, страна другая, время вперёд ушло лет на десять, капитализм, но терпимо, жить

можно. С деньгами, думаю, проблем не будет, глядишь, тут чего ценного прихватим, - тут у меня заработала мародёрская смекалка, металлы проносить нельзя, а камни? Допустим, найду ювелирный магазин, выпотрошу, золото отдельно, а камни заберу себе. Штук десять решат большинство моих проблем. Впрочем, подозреваю, ювелирные магазины, до которых можно добраться, давно обчищены под метёлку.

- А женщины там какие?

- Такие… красивые, красиво одеваются, любят драгоценности, косметику используют. Некоторые даже пластику делают.

- А что за пластика? – она всё сильнее прижималась ко мне.

- Ну, есть какой изъян, его хирург удаляет. Например, грудь маленькая.

- И грудь удаляют? – спросила она в ужасе, зачем-то посмотрев на свою грудь.

Мне стало смешно.

- Что, у вас пластической хирургии не было?

- Ну, слышала что-то такое, бывало, что уродство какое или шрам, тогда врачи исправляют. Помню, что на такие операции большая очередь была.

- А у нас популярно, и очереди нет, только стоит дорого. А насчёт груди, там гель специальный закачивают, отчего она больше становится.

- Ужас.

- Да нет, некоторым идёт. А теперь ещё мода пошла губы накачивать. Внутрь гель заливают, губы становятся, как вареники. – Я изобразил губами подобие утиного клюва.

- И что в этом красивого?

- Ну, опять же, в отдельных случаях получается неплохо, но чаще всего… фигня получается, короче. Ну, стандарты красоты такие, что делать. Вообще, если там окажешься, для тебя многое дикостью покажется. Например, телефоны.

- Я знаю, что такое телефон, - возмутилась она. – И даже радиотелефон, у нас были хорошие.

- А сотовый?

- Ну, слышала, что такие есть. Используют на Большой земле. Сама не видела, но в журнале читала.

- А теперь представь, что в телефоне том, что размером… - я показал пальцами, - с шоколадку, есть фотоаппарат, видеокамера, а ещё связь с любой точкой мира. Отсюда всякие выверты сознания, нужно непременно сфотографировать свой ужин, голую попу, кота и новое платье, выложить на странице и набрать побольше лайков.

- Чего набрать?

- Так не объясню, вот выкладывает человек на свою страницу то, что сфотографировал, его сразу куча людей видит. А под фотографией на экране есть значок «нравится».

- И что это даёт?

- Ничего. Потом сама разберёшься, глядишь, тоже станешь фотки выкладывать.

- А попу голую зачем?

- Затем, что красиво, особенно, если в неё куча труда вложена, своего или хирурга, сделать себе красивый зад и никому не показывать – это неправильно.

Она задумалась, ничего, если всё так получится, то привыкнет, наш мир, при всех его недостатках, всё же лучше. Хотя бы тем, что там нет тварей, плюющихся кислотой.

- А ваши женщины, они…

- Договаривай, - настойчиво сказал я.

- Ну, как они с мужчинами это делают?

- У тебя вообще никакого опыта нет?

- Ну, кроме как… - она опустила глаза.

- Ясно, значит, никакого. Да, женщины у нас гораздо более раскованы, могут позволить себе всё, включая то, что у вас считается страшным извращением. Особенно, если любят своего мужчину.

- Ну, нам вообще-то Любовь Наумовна рассказывала многое, говорила, что в жизни пригодится. А ещё говорила, что скромность нужна в обществе, а со своим мужчиной стесняться не нужно.

- Умная тётенька, - заметил я.

- А давай свет погасим, - предложила она. – Сегодня по больнице Полина дежурит, я её попросила, чтобы нас не беспокоили.

Я покосился на окно. Шторы частично закрывали свет, но и так было понятно, что снаружи вечер. Если сейчас потушить свет, то через час уже ничего не будет видно. Но и в темноте мне сидеть не хотелось, поскольку впереди интересные события. Я пришёл к компромиссу,

соорудил светильник из своего фонаря и пустого стакана. Стакан был вычурный, возможно, даже хрустальный. Свет, проходя через него, много раз преломлялся, отчего по палате бегали зайчики. У фонаря регулировалась мощность, установил самую маленькую.

- Так пойдёт? – спросил я.

- Угу, - она кивнула и присела рядом, а потом и прилегла, свернувшись калачиком.

- Так не пойдёт, - я погладил её по спине. – Переворачивайся.

- Боюсь.

- Не нужно, ты красивая, скрывать это смысла нет.

Она послушно перевернулась на спину, а я начал по одной расстёгивать пуговки халата. Халат, вроде бы, больничный, но довольно нарядный и ткань мягкая. Когда последняя пуговица сдалась, развязал пояс, отбрасывая ткань в сторону. Нежная белая кожа (в этом мире с загаром туго) покрылась пупырками, но явно не от холода. Марина закрыла глаза и предоставила себя в моё полное распоряжение. Ну и хорошо, торопить события я не намерен, тем более что сам ещё не до конца восстановился. Акт любви, если и будет, то короткий и скомканный. Пусть тогда она получит больше ласк.

Провёл кончиками пальцев по коже, соски на небольшой груди немедленно вскочили, а дыхание её стало сбиваться. Поглаживания перешли на живот, потом вернулись к груди, переместились на шею. Реакция становилась всё более явной, когда перешёл к ласкам сосков, она открыла глаза.

- Дима…

- Марина?

- Ничего, продолжай.

Вдоволь наигравшись с её верхней половиной, я переместился ниже. Подцепил пальцами простые хлопковые трусики, после чего медленно стянул их. Сопротивления не было, хотя лицо её залила краска, видная даже в слабом свете светильника. Глаза её были закрыты, а на лице она всеми силами старалась сохранить выражение невозмутимости. Получалось плохо. Небольшого усилия хватило, чтобы развести её ноги в стороны. Ноги худые, но, в целом, фигура неплохая. А промежность заросла волосами, с эпиляцией незнакома, да тут и условий нет. Впрочем, кому это когда мешало.

- Что ты делаешь? – спросила она встревоженно, открыв глаза, когда я перешёл к более откровенным ласкам.

- Не думай о том, что я делаю, названия всего этого я тебе потом перечислю, будет небольшой разбор полётов. Пока думай о том, нравится тебе это или нет. Можешь снова закрыть глаза.

Она вняла моему совету, а я занялся ей вплотную. Не скажу, что пришлось много стараться, уже через пару минут девочка застонала и несколько раз вздрогнула, стиснув бёдра. Глаза открылись, она смотрела на меня испуганным взглядом.

- Вот видишь, ничего страшного, - сказал я с улыбкой и поцеловал её в губы. – Но процесс этим не исчерпывается, я собираюсь многому тебя научить. Приступим?

- Начинай, - едва слышно произнесла она, обхватывая меня руками и прижимая к себе.

Глава четырнадцатая

Отлёживался я ещё два дня. Не скажу, что так уж тяжело было после работы с артефактом, хотя и слабость не сразу ушла, просто лежал я теперь не один, Марину как-то очень удачно освободили от работ, предоставив нас друг другу. В таких условиях желание вылезать из постели в голову не приходит. Больницу мы покинули утром следующего дня. Перебрались ко мне в номер, каковым оставался класс английского языка.

А на третий день в нашу обитель постучался Коростин, сказав, что есть дело. Натянув портки, я отправился открывать. Марина, которой одеваться было лень, просто нырнула под одеяло.

- Добрый день, - я открыл дверь и впустил инженера внутрь.

- Добрый, - он огляделся, нашёл стул и присел на него. – Не хотел тебя отрывать, но есть дело.

- По нашему вопросу?

- Да. Если в двух словах, то отправляемся с караваном на запад. Сегодня вечером.

- А если в трёх словах?

- Надо добраться до города Котельнич, это недалеко от Кирова. Там, не в самом городе, а рядом, где большой укрепрайон, есть поселение. Народ лихой, не совсем разбойники, но опасные. Туда караван пойдёт, с товаром, само собой. Есть мнение, что, если мы попадём туда одновременно с ними, удастся что-то перекупить.

- Вопрос первый: возьмёт ли караван конкурентов? Вопрос второй: если народ лихой, что мешает им просто завалить нас и забрать плату, оставив товар у себя? Вопрос третий: что именно там можно купить, и чем ты собрался расплачиваться?

- Отвечаю, - он вынул из кармана очки и надел на нос. – С караваном нас возьмут потому, что местное начальство попросит. Им не отказывают, кроме того, транспорт у нас свой, харчи свои, а что в торбах везём, про то знать не надо. Второе: в том поселении за всем смотрит один человек, который меня знает и кое-чем мне обязан. А ценностей у нас будет не настолько много, чтобы на старые обещания наплевать. И третье: купить нам нужно три артефакта. Вот, гляди.

Он вынул из кармана конверт, в котором нашлись три хорошо сделанные фотографии непонятных предметов. Первый выглядел, как двойная спираль, слепленная из сахара. Второй представлял собой объёмный эллипс фиолетового цвета, покрытый крошечными отростками. Насчёт материала сказать ничего не могу, напоминает стекло, но может быть и холодцом. Третий выглядел, как небольшая тряпочка ромбовидной формы, по краям обрамлённая жемчугом. Жемчуг, правда, был чёрным, а тряпочка напоминала резину, но в целом, изображение было достаточно чётким, чтобы запомнить внешний вид и не перепутать.

- Вот это, - начал он объяснять, - «спираль». Позволяет управлять магнитным полем, всех возможностей пока не выяснили, но и того, что известно, хватит вполне. Второй - это «огурец». Вообще, используется в лечебных целях, местные воспаления снимает быстро, правда, колется больно. Но мне от него другое нужно, долго объяснять. Ну, а третий – это «бахрома». Изолятор стопроцентный. Куда ни положишь, всё диэлектриком становится. Если в руке её держать, можно по линиям ЛЭП ходить спокойно, электричество никак на тебя не действует.

- И там всё это есть?

- Даже если найдём что-то одно, - это уже победа.

- А платить чем?

- По-разному. Вообще, возьмём с собой тысячи две автоматных патронов. Винтовочных тоже сотни три. Автоматы там редкость, как и здесь, но всё же есть, патроны берут охотно. Мы их, собственно, для себя возьмём, отбиваться от нечисти. Ну, а излишки продадим. Кроме

того, в таких местах гладкоствольное оружие популярно, так что захватим пороха и капсюлей, сколько унесём, товар ходовой, за него заплатят щедро. Ну и по мелочи, лекарства, книги, приборы, батарейки. Товар компактный, а стоит неплохо. Ещё концентратов армейских прихватим. Здесь их до чёрта, солдаты их не любят, а вот у бродяг они в цене, на крайний случай, если застрянешь там, где еды нет.

- В каком составе поедем? – тут же спросил я.

- Я – обязательно, ты – желательно. Винокуру деваться некуда, а ещё парнишка тот, Немой, высказал желание ехать.

- Немой – парень толковый, - одобрил я, вспомнив его поведение во время боя. – Итого, вчетвером.

- И я с вами, - решительно заявила Марина, высунувшись из-под одеяла.

- Видишь ли, солнышко, - я постарался ответить дипломатично. – Наличие рядом тебя в таком месте – лишний повод нас убить.

- Ну, в этот раз всё должно пройти нормально, - Коростин почесал затылок. – Если очень хочет, можем взять. Ещё один ствол не помешает, а место в машине есть.

- Ладно, - я вздохнул. – Думаю, самое время грузиться.

Машину нам выделили самую… не хочу ругаться, но это был УАЗ-буханка. Нет, я знаю, что машина неплохая, но вот комфорт… кроме того, авто было старое, местами битое, с неработающей фарой и неизвестно ещё, что там с двигателем. Увидев мой скептический взгляд, инженер тут же сообщил:

- Ты не смотри так, машина не новая, зато крепкая, сам проверял. А самое главное – кузов. Чтоб ты знал, туда титановые пластины вставлены, такие, что винтовка не пробивает. Почти везде, причём, вставлены не вертикально, а под углом, что увеличивает вероятность рикошета.

- Так надо было танк брать, - скептически заметил я. – Чем это нам поможет, если колёса прострелят?

- Ничем не поможет, - признал он. – А вот от шальной пули спасёт и отбиться позволит. Не привередничай, скажи спасибо, что хоть такую нашли.

- А что с грузом? – спросил я, смирившись с машиной.

Стоявший рядом Немой показал пальцем внутрь, я наклонился и заглянул. Ага, сзади стоят ящики. Это, видимо, товары для обмена. А остальное?

Тут же подошла Марина, в военной форме, пусть не такой, как на солдатах, но тоже вполне современной. Брюки и куртка в цвете «лиственного» камуфляжа. На плече висела всё та же винтовка, которая обзавелась какой-то допотопной оптикой. Для этого ещё и рукоять затвора отогнули вниз стараниями местных кузнецов.

- Я готова, - заявила она, вытянувшись передо мной, как перед генералом.

- К чему? – скептически спросил я. – Воевать будешь?

- Она, между прочим, стреляет намного лучше среднего, - сказал Коростин, вынимая с водительского места карабин СКС. – Вот, кстати, начали выдавать охотникам. Не всем, но лучше, чем раньше. И патронов теперь вдоволь, только гильзы нужно сдавать.

Тут же рядом Немой продолжил загрузку, вставив в крепление на стене кабины тот самый ППШ, с которым участвовал в бою.

- А это? – спросил я, указав на его оружие. – Тоже разрешено?

- С бумагой от коменданта, - пояснил Коростин, - я выпросил, но только на эту поездку.

- И то хлеб, - согласился я, глядя, как к нам приближается офицер, которого я раньше не видел.

Офицер оказался майором и, судя по въедливому взгляду, отнюдь не простым.

- Собираетесь? – задал он вопрос с очевидным ответом, тут же обратил взгляд на штуцер в моей руке. – Как вам экспериментальное оружие? Просто вы – единственный, кто использовал его в бою и остался жив.

- Оружие? – я вздохнул, - оружие неплохое, по бронепробиваемости претензий нет, летальное действие пули тоже на уровне, дальнобойность и точность попадания отличные.

- Но? – мой унылый тон сказал много больше слов.

В ответ я просто расстегнул куртку, что была накинута на голое тело, и продемонстрировал всем огромный фиолетовый синяк, что расползался от плеча до лопатки. Выстрелил я в том бою раз шестьдесят, притом, что такой калибр для стрельбы с плеча вообще не предназначен. Просто чудо, что кости целы.

- Мощность патрона избыточна. А противники, как я понимаю, далеко не всегда спрятаны за броневым листом. Если нет возможности доработать патрон, уменьшив калибр и размер гильзы, то хоть навеску пороха уменьшить. Всё равно, длина ствола меньше, часть сгорает зря. Ну и пулю сделать мягкой, а лучше разрывной. Нам ведь важнее поражающее действие. А тут пуля насквозь будет пролетать.

- Я вас понял, - кивнул майор. – Конкретно это оружие сделали за неделю на коленке по многочисленным заявкам пограничных жителей. Недостатки, само собой, имеются. В будущем планируем выпускать карабины калибром около десяти миллиметров, многозарядные и с оптикой. Пулю тоже доработаем. Пока же, местный кулибин, как его… Гриценко, может поработать с имеющимися патронами, в том числе и путём добавления алхимической начинки. Кстати, вы ведь отправляли заявку на крупнокалиберный револьвер?

- Заявку? - я даже растерялся. – Да там не заявка была, там просто пожелание, высказанное военным, ну и чертёж кое-какой приложил.

- Инженеры ваш чертёж высмеяли и выбросили, - майор усмехнулся. – Но идея признана здравой, да подобные идеи и раньше возникали, в столичных КБ сейчас разрабатывают специальный крупнокалиберный пистолет. Для армии, естественно, а вот поселенцам можно предоставить и наспех сконструированные револьверы. Соответствующее решение командование приняло. Короче, вашу идею взяли в разработку. Думаю, через пару недель предоставят образец.

- Так или за деньги? – с подозрением спросил я.

- Вам в подарок, - с улыбкой сказал он. – А вообще планируем снабжать оружием и боеприпасами в виде вознаграждения за успешную охоту с предъявлением трофеев. Так уж вышло, что сил армии не хватает, а подготовленные поселенцы с оружием всегда пригодятся.

На этом майор удалился, насвистывая какую-то мелодию, которую я никак не смог распознать. А Коростин с Немым закинули оставшееся снаряжение. Питаться в дороге предстояло всё теми же консервами, но, к счастью, не столетними, найденными в квартирах, а новыми, что привезли военные. Имелся набор одежды для боевых действий (всё та же брезентуха с алюминиевыми вставками), имелся запас воды, как оказалось, кое-где с питьевой водой проблемы. Мне ещё выдали запас

патронов. К нагану отсыпали два десятка, причём, новых, недавно с завода, явно свежие поступления. А попутно я получил ещё один подарок от Петровича – брезентовый патронташ, напоминающий пулемётную ленту, что полагалось носить спереди на груди, как революционный матрос. Вмещалось туда три десятка, отчего весил этот девайс немало. Зато видны были пули, позволяя выбрать нужную. Бронебойные я воткнул отдельно, десять штук, МДЗ мне не дали совсем, а остальные были доработаны оружейником, имели мягкую пулю с закруглённым концом. На этом конце была нацарапана буква «З» или «Р», видимо, разрывные и зажигательные. Вообще, огневая мощь отряда была приличной, ещё потом Винокур прибудет, и тоже не с пустыми руками. Впрочем, я ведь не знаю, какие твари встретятся на пути. Да и двуногие в количестве больше десятка могут быть смертельно опасны. Вся надежда на караван.

Впрочем, после того, как мы собрались, пришлось ждать ещё почти два часа. Мы успели перекусить в столовой, а Немой даже вздремнул, развалившись на ящиках у входа в школу. Потом прибыл караван. Зрелище было внушительное, отчего я проникся надеждой на успех нашего мероприятия. Восемь кустарно бронированных грузовиков, которые, как я понял, тяжёлое вооружение убрали уже на подъезде к городу, когда выяснили, кто тут стоит. В кузовах имелся запас товаров, а ещё в каждом сидели вооружённые люди, всего примерно полсотни стволов. В глаза бросилось то, что у многих бойцов имелось холодное оружие, вроде сабель и коротких копий с перекрестием, видимо, при наличии навыка, некоторых монстров лучше убивать в рукопашной, экономя таким образом дефицитные патроны.

Разумеется, тот факт, что в городе поменялась власть, у караванщиков восторга не вызвал. Впрочем, и военные не стали тут же вытряхивать товары и ставить караванщиков враскоряку, обыскивая на предмет запрещённых вещей. Так уж вышло, законы, даже странные, должны соблюдаться, хотя бы внешне. Поэтому торговцы не вываливали особо важные товары и не ходили по городу с автоматами, благоразумно оставляя их в транспорте. В итоге получалось сохранить видимость мира и благополучия.

Коростин немедленно отправился беседовать с караван-баши, объясняя ему, что нас нужно непременно взять с собой, на что тот

недовольно морщился и что-то втолковывал инженеру, периодически поглядывая на солдат. Ещё один мужик, невысокий, толстый и уже немолодой, стал «жертвой» Башкина. Учёный, материализовавшись из ниоткуда, тут же взял торговца в оборот, что-то шёпотом ему объяснял, активно при этом жестикулируя. Мужик сперва отмахивался, как от назойливой мухи, потом, когда учёный сообщил ему что-то шёпотом на ухо, удивлённо на него посмотрел и медленно кивнул.

Учёный моментально испарился, а минут через десять вернулся. Следом шли два солдата, которые несли небольшой, но очень тяжёлый ящик с неизвестным содержимым. Проверять товар на месте они не стали, солдаты поставили ящик в кузов, куда потом залезли оба участника сделки. После пятиминутных переговоров Башкин с довольным видом спрыгнул вниз, пряча за пазуху какой-то свёрток. Как у них всё гладко. Вот учёный, непосредственно работающий с артефактами. Пользуется услугами мутных личностей, чтобы эти артефакты раздобыть, явно передаёт им армейское добро, а военные смотрят на это ровно. Или такое простительно, поскольку он не для себя старается, а для пользы государственного дела?

Впрочем, бурная деятельность учёного этим не ограничилась. Совершив выгодный обмен, он отправился к Коростину и начальнику каравана, бесцеремонно влезая в их беседу. Беседа от этого стала ещё более оживлённой, потом участники стали тыкать друг в друга пальцами и что-то высказывать, явно переходя на личности. Наконец, Коростин махнул рукой и отправился ко мне.

- Плохие новости? – спросил я, глядя на его недовольное лицо.

- Не то, чтобы совсем, - он поморщился. – Короче, первое: у каравана вышла накладка с маршрутом, пришлось изменить по причине военных действий. Поэтому вместе проедем только половину дороги, а дальше сами. Но я насчёт маршрута подумал, должно пройти гладко. Второе: вон тот учёный болван, - он указал пальцем на болтавшегося вдалеке Башкина, - поедет с нами.

- Это плохо?

- Скажем так, наличие человека, работающего не правительство, будет негативным фактором при разговоре с тамошним начальством. Впрочем, он утверждает, что поедет, как частное лицо, просто купит то, что ему нужно, после чего вернётся и будет дальше жить своей

жизнью. Вот только глаза ему никто завязывать не станет, а там негативно относятся к утечкам информации.

- Ну, он ведь тоже не идиот, - высказал я своё предположение, - как и его начальство, думаю, сообразит, как себя вести.

Башкин вернулся минут через двадцать, когда караван уже начал грузиться в дорогу. Весь товарооборот свёлся к выгрузке трёх ящиков и погрузке четырёх. Видимо, не желали светить товаром перед ненужными свидетелями, да и теперь, с появлением военных, многие товары стали просто не нужны, всё поступало через них.

Учёного было не узнать, о его профессии напоминали только очки и тощая комплекция. В остальном был прикинут, как матёрый спецназовец. Камуфляж странного серо-зелёного цвета, при том отдельных пятен не различить, цвета переходят один в другой постепенно. Имеются наколенники, налокотники и крепкие берцы с очень толстой подошвой. Поверх надета разгрузка, в которой виден патронташ с патронами двенадцатого калибра. Там же воткнуты пистолетные обоймы к «Стечкину» с глушителем, и сам пистолет пристёгнут апереди. На боку висит нож в стиле Рэмбо, а на плече - дробовик, но не навороченный армейский, а тот самый, импортный, которым пользовались местные охотники. Последним элементом экипировки был компактный, но явно тяжёлый рюкзак.

- Я не опоздал? – спросил он, оглядев нас.

- Почти, – Коростин сморщился так, словно разжевал лимон. – Садись в машину, караван уже выдвигается.

Караван в самом деле уже тронулся с места, выезжая по одной из улиц на разбитую междугородную трассу. Впрочем, машины в одном месте остановились, видимо, руководство каравана захотело посмотреть, как работают военные.

А посмотреть было на что. Солдаты как раз зачищали какое-то административное здание, названия я прочитать не смог, поскольку табличка валялась недалеко от входа. Солдаты, закованные в настоящую броню, собирались выкуривать оттуда неких монстров. Но сначала собрались убедиться в их наличии. К входу подошёл кинолог, ведущий на поводках трёх огромных волкодавов, не знаю, что это была за порода, напоминают немецкого дога, но тот почти лысый, а эти покрыты короткой серой шерстью. Псы, немного постояв у входа,

разразились отчаянным лаем, а как только внутри раздалось шевеление, тут же рванули назад, утаскивая с собой кинолога.

Когда свора скрылась за стеной щитов, наружу показались твари. Что-то, похожее на чёрного, как смоль, медведя, только длинного и тощего, а ещё с длинным хвостом, который украшала нелепая рыжая кисточка. Их было трое, но все они оказались абсолютно безмозглыми. Имея хоть толику разума, странно было бы нападать на противника, превосходящего тебя числом в семь раз.

Но твари, разинув огромные пасти (при этом сходство с медведями разом исчезло), кинулись на стену щитов. В них ударили автоматные очереди и хлопки полдюжины дробовиков, а потом, когда все трое уже упали, так и не достигнув противника, накрыла волна огня из огнемёта. Не дожидаясь, пока трупы догорят, группа солдат, прикрывая друг друга, вошла в здание для полной зачистки. В каждом движении солдат виден отменный профессионализм, явно не первый раз таким занимаются. Даже собаки показали себя отлично.

Колонна двинулась дальше. Следующую сцену мы наблюдали мельком из окна машины. Ещё одна группа солдат пыталась выкурить врага из подвала жилого дома, для чего кидала туда газовые гранаты. Сами бойцы были в противогазах. Развязки мы не увидели, но потом далеко за спиной слышны были автоматные очереди. Хорошо работают, глядишь, в ближайшее время город и людьми заселят.

Когда отъехали от города километров на пять, Коростин сказал что-то в рацию, после чего колонна затормозила. Выглянув в окно, я понял, в чём причина остановки, выбравшись из придорожных кустов, в нашу сторону бодро шагал Винокур с автоматом и тяжёлым рюкзаком за плечами.

- Славик, ждать себя заставляешь? – укоризненно сказал Коростин с переднего сидения. – Я же сказал: у дороги будь.

- А если патруль армейский поедет? – проворчал недовольно тот.

- Можно подумать, тебя тут каждый в лицо знает, - фыркнул Коростин. – А с патрулём всегда прокурор катается.

- А вы и есть тот самый… - спросил Башкин, точнее, попытался спросить, но осёкся на полуслове, поскольку рука Винокура с ножом оказалась у его горла.

- Фёдорыч? Какого беса с нами этот очкарик?

- Пришлось, - Коростин пожал плечами, не отрываясь от управления. – Он по своим делам, съездит и вернётся.

- Давайте определимся, - учёный аккуратно двумя пальцами отвёл от себя нож. – Так уж вышло, что ваша история мне известна в подробностях, кроме того, лично я считаю, что сам в той ситуации поступил бы так же, у вас просто выбора не было. Кроме того, даже если бы я считал вас виновным, то это не моё дело, я не военный прокурор, не судья и не палач, а потому обещаю никому не рассказывать о том, что видел вас. В данный момент вы для меня – ещё один хорошо подготовленный боец, который поможет мне выполнить задание.

Винокур буркнул в ответ что-то невразумительное, но нож убрал.

- Задание? – уточнил я. – Я думал, вы туда по своей воле двинули. Вообще, глядя на вашу контору со стороны, местами вижу натуральную анархию.

- Всё так и есть, - согласился Башкин. – По крайней мере, в том, что касается меня. Государственная власть в нынешних условиях не может контролировать всё и везде, часть функций приходится отдавать на откуп таким, как я. Сверху мне спускают задание, более того, часто результат этого задания до конца не ясен. А в том, что касается путей его выполнения, я обладаю большой степенью свободы. Например, могу отправиться в рейд с мутными личностями, чтобы достать недостающие компоненты. Могу также расплачиваться казённым добром, хотя потом придётся писать пространный рапорт. Или не придётся, поскольку я в хороших отношениях с военными, а потому можно надеяться, что они это имущество тихонько спишут.

Слово «рапорт» меня насторожило, учёный-то наш в погонах.

Винокур сидел молча, поставив автомат между ногами. Я заметил, что в разгрузке у него сплошь длинные пулемётные магазины, да и сам автомат подозрительно новый, без единой царапины. Тут Коростин, не поворачиваясь, протянул ему карту, открытую на нужной странице.

- Славик, глянь, как нам поступить. С караваном накладка вышла, они только до Раковки доедут, а дальше повернут на север, оттуда придётся самим.

Винокур уставился на карту.

- В Раковке перекрёсток?

- Угу, но там вдоль идёт трасса, а вправо и влево – козьи тропы.

- Тогда поворачиваем направо, по козьей тропе выезжаем на параллельную, оттуда уже следуем дальше. Вот этот участок должен быть безопасен, - он обвёл пальцем большой овал. – Да и дальше места относительно знакомые. Люди там бывают, и мне доводилось. Единственное – вот этот мост.

- А что там?

- Чёрный мох, весь зарос им, проезжать с закрытыми окнами и желательно в противогазах.

- Ну, противогазов нет, а вот респираторы найдутся.

- А что такое чёрный мох? – спросил я.

- Не эндемичное растение, - витиевато объяснил Башкин. – Сам я его не видел ни разу, но представление имею. Очень ядовито.

- Оно дважды ядовито, – сообщил Винокур. – Над зарослями постоянно летают его споры, которые, попадая в лёгкие, вызывают кровавый кашель. А ещё он выделяет ядовитые испарения, которые действует, как нервнопаралитический яд. Концентрация отравы небольшая, ветром его сдувает, да и вещество нестабильно, быстро распадается на воздухе. Но сами заросли при этом очень опасны. Думаю, если проскочить на скорости, а потом, километра через три-четыре остановиться и помыть машину, опасности нет.

- Ещё момент: есть вторичная опасность, - добавил Башкин. – Иногда у зарослей чёрного мха селится колючий прыгун. Существо мерзкое, падальщик, но не брезгует живой добычей, даже если она крупнее его. Сам он размером с большую собаку, покрыт колючками и, как следует из названия, способен высоко и далеко прыгать. А ещё он совершенно невосприимчив к яду. У зарослей постоянно гибнут животные, от мышей до оленей, прыгун их потом с удовольствием ест, для него это отличное место проживания.

- Опасен? – спросил я.

- Может машину попортить.

Сидевшая рядом Марина поёжилась и крепче сжала винтовку, того и гляди, станет жалеть, что со мной увязалась.

Дорога с караваном заняла четыре часа с небольшим. Покрытие на этом участке оказалась относительно приличной, поэтому скорость почти постоянно держали под сто, я даже не знал, что старая буханка на такое способна. А потом, посреди небольшой деревеньки, мы

отвернули в сторону, а караван продолжил путь вперёд по главной дороге, сразу за деревней сворачивая на север.

Глава пятнадцатая

Перед тем, как свернуть направо, мы устроили привал. Ехать ещё долго, лучше сейчас остановиться и перевести дух. Коростин вылез из кабины и прошёлся по кругу, разминая ноги. Его примеру последовали остальные, при этом каждый держал в руках оружие и внимательно озирался по сторонам.

- Помню, на жаб тут охотились, в болоте, метров сто отсюда, - сказал Винокур. – Здоровые, с собаку размером, с каждой по двести грамм слизи соскребли.

- Слизи? – спросил я. – Для галлюцинаций?

- Нет, там всё сложнее, - начал объяснять офицер, но Башкин его перебил:

- Слизь гигантских жаб – это кладезь фармакологии, куча готовых лекарств, способных исцелять самые разные болезни, в первую очередь, мозговые. Часть веществ мы научились получать в лаборатории, а остальные – только так, из жаб, которых ловят на заражённых территориях.

- А если их в неволе развести?

- Насколько мне известно, такие эксперименты были, - сказал учёный, но, поскольку за слизь охотникам всё ещё неплохо платят, думаю, успеха не принесли.

- Предлагаю перекусить, - сказал Коростин.

Предложение было признано своевременным, мы завтракали ещё в крепости, а с тех пор прошло уже часов восемь. Немедленно из машины был извлечён примус, а минут через двадцать на нём уже булькало густое варево из тушёнки, картофеля и риса. Попутно инженер с довольным видом нарезал хлеб, теперь эту проблему смогли решить, у военных имелась небольшая пекарня.

- Успеем до темна мост проскочить? – спросил я с набитым ртом, суп из подручных продуктов после долгой голодовки показался необычайно вкусным.

- Думаю, да, - Коростин активно изучал карту, не забывая работать ложкой. – По моим расчётам, ночевать будем вот здесь, а завтра к обеду уже приедем на место.

- Там что, деревня? – спросил я, заглядывая через плечо.

- Угу, безлюдная деревня, каких тут множество. Там есть крепкие дома, колодец с водой, дрова и, может быть, свежие овощи. Они растут иногда сами по себе.

Несмотря на активный процесс поглощения пищи, никто не расслаблялся. Немой активно патрулировал окрестности, временами возвращаясь, чтобы закинуть в рот очередную ложку супа из котелка. Башкин и вовсе вынул странный прибор, которым сканировал окрестности. Марина старалась не отходить от меня.

- Странно тут, - сказала она шёпотом. – И страшно.

Я открыл было рот, чтобы напомнить, что её никто не тащил сюда насильно, но она тут же объяснила свою тревогу:

- Это ведь лес, самый обычный, а тут тишина гробовая, только и слышно, как мы ложками стучим. Птицы не поют, белок нет. Даже комары куда-то делись.

Я промолчал, а ведь замечание было к месту. Не знаю насчёт птиц и белок, но комаров не видно, а это странно. Круглый год плюсовые температуры, высокая влажность, а где-то рядом есть болото. А комаров нет. В болоте, кстати, жабы живут, а что они едят.

- Слушай, Слава, - позвал я Винокура. – А эти жабы в болоте, они чем питаются?

- При наличии возможности, съедят даже тебя. А вообще едят мелких зверьков, птиц, рыб, с голодухи могут и растительность щипать. Там очень неприхотливая пищеварительная система. А почему интересуешься?

- Заметил, что комаров нет.

- Комары для них не еда, комарами такую тварь не накормить.

- С насекомыми нашего мира случилась беда, - объяснил Башкин. – Не скажу, что вымерли совсем, но в местах, где прошлась нечисть, их почти не осталось, я имею в виду наших, земных насекомых. В местах применения магии, происходило что-то, что заставляло их собираться тучами, особенно летающих. Некоторые маги даже использовали, скажем, пчёл или муравьёв в своих нападениях. Недолго использовали, потому как огнемёты – это серьёзно. В итоге, численность членистоногого поголовья упала до критической отметки, теперь, вроде бы, понемногу восстанавливается. А из-за гибели насекомых нарушились пищевые цепочки, в результате пострадали ещё многие

существа, вроде птиц или обычных лягушек. Их численность тоже упала до критической и теперь…

Его лекцию прервал Немой, который тронул его за плечо и указал куда-то в глубину леса.

- Там кто-то есть? – спросил учёный, а потом, не дожидаясь ответа (что правильно) поднёс к глазам свой прибор, напоминающий слегка переделанный микроскоп, и посмотрел в указанном направлении.

- Ага, фиксирую движение, тварь приличных размеров, холоднокровная, судя по габаритам… щитковая змея.

- Готовьте стволы, - скомандовал Винокур, отставляя в сторону опустевший котелок.

Отряд немедленно занял позиции справа и слева от машины. Не знаю, какова скорость змеи, но лучше встать так, чтобы не попасть под первый бросок.

- Дима, постарайся сразу в голову, - негромко сказал Винокур.

Я и так уже понял, что ставка на меня. Как бы не хаял я свой штуцер, а в пробивной силе ему не откажешь. А тварь совершенно точно имеет защиту, иначе бы её не называли щитковой.

Через пару минут раздался скрежет змеиного тела по сухим листьям, после чего на дорогу высунулась змеиная морда. Размером она была с десятилитровую канистру, в каких мы перевозили запас воды, а сверху вместо чешуи, её покрывали костяные щитки, которые шли дальше, видимо, защищая всё тело.

Расстояние было всего метров восемь, тут и слепой не промажет, тем более что цель на пару секунд замерла и осматривалась вокруг, выбирая добычу.

Снова выстрел оглушительно ударил по ушам, яркая вспышка заслонила цель, а многострадальное плечо отозвалось болью, хотя я подложил под него самодельную подушку из ткани. Не разглядев результата, я быстро сместился назад, чтобы перезаряжать оружие под прикрытием машины.

- Отличный выстрел, - раздался голос Башкина, судя по направлению, он уже стоял возле змеи. – Ещё и железу не повредил. Сейчас я её…

Учёный сунул руки в карман рюкзака и вынул странный инструмент, весьма зловещего вида, помесь стамески со скальпелем.

- Ты сейчас целый час будешь возиться, - возразил Коростин. – А нам выдвигаться пора.

- Нууу… - учёный едва не заскулил. – Вам ведь всё равно нужно котелки помыть, погрузиться. Двадцать минут, обещаю, что справлюсь.

Инженер поморщился, но возражать не стал. Я подошёл поближе, чтобы рассмотреть результат своего выстрела. Неплохо, костяные щитки, какими бы толстыми ни были, а защитить от бронебойной пули не способны. Да и расположены они не единым монолитом, а в виде множества наползающих друг на друга кусков. Пуля пробила условный затылок твари и пошла дальше, вырвав большой кусок из шеи вместе с позвоночником.

Башкин активно ковырял голову монстра, когда я попытался оценить размеры. Тридцать восемь попугаев. А каждый попугай размером со страуса. Как-то так. Рулетки у меня нет, но тварь просто огромная.

- А она съедобная? – зачем-то спросил я.

- Ну, с голодухи, наверное, можно съесть, - проговорил он, вскрывая голову. – Да только зачем? Лично мне от неё яд нужен и больше ничего.

- Кладезь фармакологии?

- Куда там, просто яд, хорош тем, что химически устойчив и сохраняет свойства больше года. А ещё убивает всё живое при попадании в кровь микродоз. Насколько знаю, его уже пытались синтетически получить. Вроде, даже что-то там получилось, но я не в курсе, пригодится, как химическое оружие.

Надо отдать должное учёному, он умел работать не только языком. Голову гигантской змеи он вскрыл минут за восемь, а потом еще минут пять сцеживал яд в пробирку, стараясь при этом не дышать. Потом протёр руки каким-то раствором и, с довольным видом убрав пробирку в рюкзак, запрыгнул в машину.

Движение по основательно заросшей проселочной дороге не затянулось. Мы выбрались на широкую асфальтированную трассу. Состояние покрытия меня, кстати, приятно удивило. Никак не скажешь, что за дорогой уже пять лет никто не смотрит. Даже трещин немного. Свои замечания я изложил инженеру, который теперь сидел с нами, доверив руль Винокуру.

- Это положительный эффект от изменения климата, - сообщил он. – За последние четыре года температура воздуха ни разу не упала ниже ноля. Понимаешь?

- Ну.

- Так вот, дороги портятся от перепада температур. Зимой всё время холодно, летом – жарко, но есть два больших периода весной и осенью, когда температура в течение суток прыгает выше и ниже ноля. Утром солнце пригрело, снег растаял, вода собралась в трещинах, вечером она замёрзла, лёд сделал трещину глубже. На утро он растаял, и всё по новой. И таких циклов в отдельные годы насчитывали до двухсот. Вода и лёд грызли асфальт, как отбойный молоток. А теперь этого нет, что очень радует. Глядишь, возвращение в эти места цивилизации пройдёт не так болезненно. В городах, кстати, водопроводы и канализация большей частью целы, восстанавливать меньше придётся. Разумеется, в том случае, если сам город цел.

Замечание насчёт целостности городов было к месту. Например, здесь, пока мы ехали, попались два десятка деревень, больше половины из которых были сожжены, да и оставшиеся несли следы боевых действий. В последней моему взору предстала ржавая гаубица, вроде бы, Д-20, пострадавшая от удара неизвестного оружия. Что это было, я не понял, но ствол был разрублен вдоль почти до середины, при этом края разруба были идеально ровные. Его точно не разорвало изнутри. А разрезать так толстую сталь можно только чем-то, вроде лазера.

Я хотел спросить у знающих людей, но тут в салоне началась суета, народ спешно надевал респираторы и задраивал окна. Приближался тот самый злополучный мост. Я тоже надел защиту, более того, когда расстояние сократилось до ста метров, сделал вдох и задержал дыхание. Мост мы пролетели быстро, я даже не рассмотрел, что собой представляет тот мох. Ну и ладно, не жалко, ботаник из меня так себе, главное - оказаться подальше, раз он настолько опасен.

Мост проскочили на скорости при закрытых окнах, потом проехали ещё километра три, после чего остановились у какого-то мелкого ручья, что протекал под дорогой в бетонной трубе. Коростин и Винокур, не снимая респираторов, выскочили наружу с вёдрами в руках и принялись набирать воду и окатывать ей машину. Только когда споры чёрного мха по всеобщему мнению были полностью смыты,

остальным разрешили покинуть машину, объявив двухминутный привал.

- Прыгуна кто-нибудь видел? – спросил Винокур, глядя вдоль дороги, в сторону, откуда приехали.

- Нет, я не видел, - заявил Башкин. – Впрочем, можно подождать, прыгун – тварь упрямая, если сразу машину не потерял, может и сюда добежать.

Я вынул бинокль и посмотрел вдаль. В самом деле, на грани видимости по дороге двигалось какое-то тёмное пятно, двигалось быстро, перепрыгивая с места на место.

- Это что ли ваш прыгун? – спросил я, передавая бинокль учёному.

- Ага, - сказал он, быстро заглянув в окуляры. – Он. Сейчас догонит, тогда и конец ему.

- А он нам нужен? – мрачно спросил Винокур.

- Не очень, - ответил учёный, - просто хочу одну штуку проверить, новая разработка для охоты на мелких тварей.

Из своего рюкзака он вынул странный предмет, напоминающий завёрнутую в брезент теннисную ракетку. Ожидая приближения твари, он снял чехол, под которым оказалась мешанина тонких металлических тросов и грузов. Потом нажал кнопку, на рукоятке, вспыхнула лампочка. Прыгун приближался, как мне показалось, уже выбирая цель для атаки. Существо, как я понял, тупое, сообразить, что добыча превосходит его числом и размерами, было выше его сил.

Когда расстояние сократилось до двух прыжков (при этом учёный стоял впереди, а остальные благоразумно спрятались за машину, ощетинившись стволами), Башкин метнул устройство навстречу зверю. В полёте оно раскрылось в виде стальной сети, в которую и влетел прыгун. Сеть немедленно обернулась вокруг его тела, грузы замкнули её позади, а в довершение бед глупого падальщика по тросам проскочил электрический разряд, вызвавший тучу искр.

Башкин с торжествующим видом подошёл к поверженному прыгуну, что бился в конвульсиях после разряда и объявил:

- Одна из новых разработок, этот вариант против мелочи, но есть и такие, что могут сектантов вязать, даже под стимулятором тросы не разорвёт, да и пытаться не станет, поскольку разряд тока всех делает

смирными. Вот, – он легонько пнул носком ботинка связанную тварь, - прямо милашка, дрессировать можно.

Тварь, говоря откровенно, была отвратной, что-то, вроде мелкой лысой обезьяны с коричневой кожей, которую хаотично усеивали иголки длиной от сантиметра до пяти-шести. Крошечная голова состояла в основном из пасти, полной острых зубов, похожих на пилу, а над ней торчали два крошечных глаза.

Но долго разглядывать не пришлось, учёный вынул свой бесшумный пистолет, выстрелил твари в голову, после чего с чувством выполненного долга начал распутывать тросы. Справился быстро, после чего метательная сеть снова стала подобием ракетки, которую он убрал в чехол. Труп прыгуна аккуратно отпинали на обочину (прикасаться к нему руками никто не хотел, боялись иголок, да и смрад от него исходил знатный), после чего погрузились в машину и отправились дальше.

Больше с нами ничего не происходило до той самой деревни, где пришлось остановиться на ночлег. Темнело быстро, мы загнали машину в один из дворов с крепким домом, который не тронуло разрушение. Если ещё ставни закрыть, но можно не опасаться нападения чудовищ. Впрочем, напасть могут и лихие люди.

Но, стоило нам выйти, как Немой, что-то заподозрив, потащил меня через улицу, указывая куда-то за забор.

- Ну, и что? – спросил я, глядя на огород.

Немой наградил меня таким взглядом, что я обрадовался его неумению говорить. Без слов обвинил меня в глупости. Тут до меня дошла очевидная вещь, деревня брошенная, а передо мной огород, где растёт ровными рядами картошка, которую к тому же кто-то недавно окучивал.

- Мужики, - позвал я. – Тут новости.

- Что такое? – спросил Винокур, вскидывая автомат.

- Деревня-то обитаемая, - я показал за забор. – Кто-то огородничеством занимается.

Долго искать неизвестного огородника не пришлось, сообразив, что его раскрыли, он показался сам. Открылась калитка в заборе ещё одного дома, откуда шагнул высокий худой старик лет семидесяти с длинной седой бородой. Одет просто, тёплая рубаха и выцветшие до белизны трико, босой, зато в руках антикварная двустволка.

- Зачем прибыли? – глухо спросил он, обведя нас грозным взглядом из-под косматых бровей.

- Переночевать хотим, - ответил за всех Коростин. – Пустишь к себе?

- Смотря с чем пришли, - старик явно набивал себе цену. – Да и не поместитесь все, машину здесь ставьте, а сами идите ко мне и в соседний дом, - он указал на дом с возделанным огородом.

Такое гостеприимство обрадовало нас (хотя мы бы и без старика обошлись), после чего закипела работа. Ещё раз помыли машину, потом протопили баню, помылись, при этом все мылись вместе, но оставили воды нам с Мариной, чтобы смогли побыть наедине. А через час, когда окончательно стемнело, мы сидели в доме старика, что представился Савелием Романовичем и с аппетитом ужинали варёной картошкой с речной рыбой. Свет исходил от керосиновой лампы. Старик выставил и бутыль самогона, но на спиртное никто не налегал. По стопке выпили только я и Винокур. Сам старик на правах хозяина расспрашивал о жизни в большом мире. Тот факт, что цивилизация уже довольно близко, его несколько взбодрил, он даже высказал надежду, что доживёт до возвращения людей. А уже потом, когда вопросы закончились, Винокур спросил о том, о чём мы все думали с тех пор, как его увидели:

- А если честно, Савелий Романович, как так сделал, что тебя не съели? Это ведь с людьми договориться можно, но не с тварями. А ты здесь давно живёшь и даже из дому выходишь свободно. И ружьё твоё – так, для порядку больше.

- Человек когда-то умел с природой уживаться, - философски заметил старик, уходя от ответа. – Теперь природа другая, но она тоже с пониманием. Если к ней по-доброму, то и она…

- Это ты кому другому расскажи, - фыркнул офицер. – Да и не похож ты на лесовика, что с природой дружит. Скажи прямо: когда-то сделал добро атланту, он тебя амулетом наградил, теперь твари не трогают. Так?

- На кой чёрт спрашиваешь, коли такой умный? – сварливо проворчал дед.

- Интересно послушать, - усмехнулся Слава, протянув мне стопку. – Дим, налей ещё стопаря.

Я плеснул ему граммов двадцать крепкого самогона, капнул и себе.

- А с людьми как? – не унимался Винокур. – На них-то амулет не подействует.

- Если люди лихие, то прячусь. Это если их сразу много заявится. Видят они, что дом жилой, а искать меня недосуг, потому как взять нечего. А если мало, то… вон, за околицей четыре холмика уже. Ружьё, хоть и старое, а стреляет.

- А с патронами как?

- Есть мало-мало, - уклончиво ответил дед.

На этих словах Башкин встал и отправился к своему рюкзаку. Порывшись там, извлёк картонную банку с порохом, а ещё пачку капсюлей, всё это он передал хозяину, тот принял едва не с поклоном.

- Свинец сами найдёте?

Старик кинул.

- Благодарствуйте, такой подарок к месту пришёлся.

После ужина отправились спать, снова нам, как семейной паре, выделили отдельный дом, где мы и прилегли, предварительно заперев ставни и дверь на засовы. Понятно, что выломать его можно, но сделать это бесшумно не получится ни у кого. Да и нет здесь тварей, старик потом неохотно признался, что его «чудо» действует в радиусе примерно ста метров.

Прилегли на большом диване, постельное нашлось в шкафу. Пользоваться чужим бельём удовольствие сомнительное, но в походных условиях куда лучше, чем спать на земле. Я даже рискнул раздеться, хотя оружие держал при себе, а наган даже сунул под подушку. Поймал себя на мысли, что уже свыкся с оружием и без него чувствую себя голым. Марина тоже не стала особо стесняться, сбросила одежду и, потушив фонарь, нырнула под одеяло. Попеняв мне за запах спиртного, дальше, однако, вела себя, как примерная девочка. А я, как старый развратник, продолжил обучение интимным тайнам.

Глава 3

Глава шестнадцатая

Дальнейший путь ничем особым не запомнился. Распрощавшись с добрым, хотя и немного странным отшельником, мы продолжили путь, а во второй половине дня достигли цели.

Назвать это поселением можно было с большой натяжкой. Точнее, поселение присутствовало, некий довольно современный посёлок домов на сто-сто двадцать. Вокруг присутствовали возделанные огороды, а кое-где слышалось мычание коров. Народ, хоть и не особо многочисленный, сновал туда-сюда по своим делам, не обращая никакого внимания на подъехавший транспорт.

А в центре этой идиллии стоял бетонный бастион с бойницами, капонирами и даже какой-то локатор на крыше имелся. Крепость имела форму овала, с одной стороны которого находились ворота из броневых листов. Когда подъехали ближе, я отметил, что не все человеческие поселения страдают от нехватки оружия, примерно в половине амбразур торчали стволы крупнокалиберных пулемётов, а наверху даже имелась 23-миллиметровая ЗУшка о двух стволах.

Высотой это сооружение не превышало трёх этажей, но можно легко представить, что здесь имеется и подземная часть, уходящая минимум на три этажа вниз. Вблизи сооружение оказалось ещё больше, там, внутри, можно было, сильно потеснившись, поставить все окружающие дома.

Машина затормозила прямо у ворот, никакой реакции не последовало, но я отметил, что стволы в амбразурах слегка повернулись в нашу сторону. Коростин, оставив оружие, вышел наружу и, пару раз присев, чтобы размять затекшие ноги, подошёл к воротам. Постучал в стальной лист, а через полминуты в нём открылось небольшое окошко, в которое выглянула небритая и весьма недовольная рожа.

Подробностей переговорного процесса мы не расслышали, но результат порадовал. Небритый привратник кивнул и закрыл окно, а инженер повернулся в нашу сторону и махнул рукой, приказывая заезжать. Одновременно с этим стальные створки начали разъезжаться

в стороны. Винокур перелез на место водителя и завёл двигатель. Сразу за воротами машина заехала в небольшой бокс, судя по размерам, предназначавшийся для БТРа или танка. Рядом тут же нарисовался молодой парень в рабочем комбинезоне поверх тельняшки.

- Стволы длинные сдавайте, потом в проходите в салон.

Сдавать полагалось в железный ящик, взамен получили номерки. Машину опечатали, сказав, что за сохранность вещей администрация несёт ответственность. А мы прошли в помещение, которое техник назвал салоном. Ну, да, такого я в этом мире пока не видел, а должен был. Никак не может существовать постапокалиптическое общество без кабака для сталкеров. Тут и был кабак. Чтобы попасть в него, пришлось спуститься на этаж ниже уровня земли, после чего техник предложил нам располагаться, а сам испарился.

- А что хозяин? – спросил я, присаживаясь за длинный стол, словно специально сделанный под нашу компанию.

- Думаю, примет, - пожал плечами Коростин, присаживаясь рядом. – Пока отдохнём с дороги, тут кормят вкусно, и напитки тоже…

Тут его перебил подошедший официант:

- Что заказывать будете?

- Какая валюта в ходу? – спросил инженер.

- Эээээ… любая, - официант, казалось, не понял вопроса. – Можно даже деньгами. Только новыми.

Вместо ответа инженер положил на край стола увесистый мешок с патронами. Навскидку, там было штук сто.

- Семёрка? – уточнил официант.

- Автоматные, семь шестьдесят две, новьё, - объяснил Коростин.

Официант выудил из мешка один патрон, посмотрел маркировку на донце, после чего, улыбнувшись до ушей, продолжил:

- К вашим услугам, рекомендую стейк из мастодонта, сейчас как раз жарят, минут пятнадцать подождать придётся. К нему картофель отварной, грибы маринованные, салат огурцы-помидоры, хлеб свежий, сами печём. Из напитков есть чай, морс, самогон выдержанный, несколько видов настоек, пиво домашнее.

- Несите всё, - Винокуру надоело слушать, поэтому он прервал словоохотливого официанта.

- А что за мастодонт? – спросил я у Винокура, оглядывая помещение. Тут было почти безлюдно, только в противоположном углу сидели двое немолодых мужиков в выцветшей военной форме, которые неторопливо закусывали, вполголоса что-то обсуждая. Ещё имелась стойка, что характерно, там стояли не только самогон и пиво, но и вполне магазинные напитки, ну, да, мародёрство пока кормит.

- Панцирный, или костяной мастодонт, - объяснил он. – Такая тварь, вроде слона, только чуть меньше и хобот покороче, ну и клыки другой формы, бивни то есть. Панцирный потому, что весь покрыт костяными пластинами, как чешуя, размером с тарелку. Тварь не то, чтобы опасная, но нервная. Специально убивать не станет, он травоядный, ему мясо без надобности. Но, встретив человека, может испугаться и для профилактики растоптать его или на бивни поднять. От себя добавлю, что это единственное существо, против которого твоя пушка в самый раз будет. Пластины его иногда даже в качестве бронежилетов используют, не такие прочные, как сталь, но две-три штуки смогут пулю удержать, а весят немного.

- А мясо как?

- Ну, жестковато, хотя, если зверь не старый, то есть можно. Замариновать опять же, отбивную сделать, так и вовсе отлично. Тут готовить умеют, не сомневайся.

Скоро появилось обещанное мясо. Куски размером с ладонь разложили по отдельным тарелкам, а картошку предлагалось накладывать самим из большой эмалированной кастрюли. Тут же поставили большую миску с маслятами, два тазика с салатом и отдельно – нарубленную зелень, лук-петрушка-укроп, чтобы тот, кто хочет, мог сам себе посыпать на блюдо. Хлеб, ещё тёплый, лежал в отдельной корзине. Венчала это великолепие четверть наполненная коричневой жидкостью и два графина с ягодным морсом.

Беседа как-то сама собой сошла на нет, все набросились на еду, а Коростин сказал, что и алкоголь не возбраняется, поскольку мы на дружественной территории. Впрочем, мне он сказал не напиваться, поскольку именно я пойду с ним на переговоры. Ну, я напиваться и не собирался, так, выпью разок за компанию.

Винокур начал разливать спиртное по стопкам.

- Мне немножко, - тут же воспротивилась Марина, в итоге офицер капнул на донышке.

Мы сдвинули стопки, после чего выпили. Самогон оказался крепким, но заходил на удивление легко, чувствовались дубовые нотки, явно держали в бочке или просто настаивали на дубовых щепках. Ещё уловил привкус каких-то трав и изюма. Следом оценил мясо. Мясо как мясо, специй добавили много, а так и не отличил бы от говядины.

Сеанс чревоугодия длился недолго. Из-за стойки показался немолодой мужчина в пиджаке. Он подошёл к столу и оглядел собравшихся, потом протянул руку Коростину:

- Эдуард Фёдорович, рад видеть, - потом скользнул взглядом по собравшимся, оглядел меня, Немого и Марину, - новые лица, - тут наткнулся на Винокура, - Славик, привет, сто лет не видел.

Башкина он и вовсе не удостоил комментарием.

- Я так понимаю, дело у вас ко мне, - сказал он.

- Ещё какое, Валерий Палыч, - Коростин встал из-за стола. – Дмитрий, пойдём со мной.

И мы втроём проследовали в апартаменты местного начальника. Кабинет располагался в конце длинного коридора, и ту не было бетонных стен и стальных дверей. Дверь была из толстого дерева, внутри наклеены обои, потолок выкрашен в оранжевый цвет, а прямо над столом висит роскошная люстра.

- Присаживайтесь, – он кивнул на стулья, которые мы тут же пододвинули к столу, потом повернулся куда-то в сторону, - Людмила, приготовь кофе, мне и гостям.

Мы уселись напротив него. Мужик лет пятидесяти с гаком, ещё крепкий, ладони, как и кузнеца, даже, кажется, стальная пыль въелась, хотя вряд ли начальник станет нагружать себя работой. Отдельного внимания заслуживали характерные татуировки на пальцах, бывал в местах заключения, но никаких блатных повадок в его поведении я не заметил. Когда он улыбнулся, появилась возможность оценить зубы, они были почти полностью железными.

- Молодого человека зовут Дмитрий, - представил меня Коростин. – Он… такой же, как я.

- Я так и подумал, - кивнул хозяин. – Валерий Павлович Решетов, для своих просто Железяка. Слушаю вас. Хотя нет, прежде, чем перейдёте к основному вопросу, расскажите, что за порядки у вас там теперь. Какие-то очень странные слухи доходят.

- Это не слухи, - грустно сказал инженер. – Теперь там и правда военные рулят, пришлось высадить целый полк, там атака писаных была. Тебя, наверно, интересует, пойдут ли сюда?

- Ну.

- Думаю, что нет, им и туда не особо хотелось, вынужденная мера, приходится силы растягивать.

- А что за херня у вас с писаными? Мне сказали, что те с людьми были, воевали вместе? Так это?

- Так и было, вот, можешь у Дмитрия спросить, люди с огнестрелом, а писаные со своими каркалыгами. Народу положили уйму. Говорят: королева их жива.

Железяка шумно выпустил из себя воздух, снова вдохнул, потом сказал:

- Ты так не шути, Эдуард Фёдорович, только начали обустраиваться, а тут…

- Увы, проверить информацию не можем, но пленные показали.

- Допустим, впрочем, я о таком уже слышал. Что люди по своей воле с тварями этими дружили. Ладно, зарубку на память сделаем, если к нам сунутся, сумеем отбиться. А у вас что?

Коростин молча протянул ему листок бумаги. Тот взял, положил перед собой, достал из внутреннего кармана пиджака очки и водрузил на нос.

- У тебя губа не дура, - заявил он после прочтения.

- Так я цену нормальную дам, товаром хорошим, теперь, когда вояки у нас стоят, добыть проще.

- Не в цене дело, - он вдруг погрустнел. – Я бы с тебя много и не взял по старой памяти. Вот только артефакты из воздуха не появляются.

- Вот не заливай, - фыркнул Коростин. – У любой банды общак есть, а там всё самое ценное, не только золото и патроны. Артефакты тоже. И у тебя он есть, и то, что мне нужно…

- Давай не будем, - перебил его Решетов, после чего замолчал и погрузился в раздумья.

- Об оплате думаешь? – спросил Коростин после минутного ожидания.

- Раз уж пошла такая пьянка, - медленно проговорил Железяка, - то смотри: общак у нас есть, и добро, что тебе потребно, достанем.

Проблема в другом.

- Говори, - инженер даже придвинулся, чтобы лучше слышать.

Тут пришлось замолчать, поскольку в комнату вошла молодая девушка упитанной комплекции, поставила на стол поднос с тремя чашками кофе и удалилась, покачивая бёдрами, обтянутыми тёмным платьем.

- Так вот, дело в следующем, - начал рассказывать хозяин, - общак наш находится в укромном месте, неважно где, важно то, что там сейчас нашей власти нет.

- Враги отжали? – с пониманием спросил Коростин.

- Не просто враги, с любым врагом договориться можно, а тут настоящие твари. Нет, не писаные, с теми разговор короткий. Есть среди людей такие… Короче, очень может быть, что скоро ни меня, ни этой крепости не будет. Точнее, крепость, может, и останется, а нас всех под нож пустят.

- Так тебе защита нужна? Люди? Стволы?

- Не совсем, как бы вам объяснить. Обычно группировки, что на руинах заправляют, - это полсотни стволов и три-четыре толковых мужика, что всем заправляют. Там руководство не единоличное, любой высказываться может, даже простые бойцы. И если кого-то из руководства убьют, его место другой займёт, и всего делов. А здесь ситуация иная: в банде Пасечника изначально было около ста рыл, почти все из мест заключения, плюс дезертиры. Вооружены так себе, базы полноценной нет, не было до сих пор, транспорт едва живой, они раньше кочевали. А потом появился Пасечник.

- Слыхал я про него, - сказал Коростин. – С юга он, совсем плохой человек.

- Вот именно, появился давно, сперва одиночкой был, уже тогда прославился, да так, что за его голову двадцать тысяч предлагали, прикинь. Новыми. Наличкой. Вот только те, кто на них позарился, теперь в земле лежат. А потом он эту группу нашёл и под себя подмял. Теперь они большую силу набрали, соседи теперь у нах вассалами ходят, вот только держится их власть на магических штучках, которыми его люди владеют, и на самом главаре.

- То есть?

- То есть, если его убить, то всё, группировка развалится.

- Только что сказал, что убить его нельзя.

- Я такого не говорил, я сказал, что те, кто пытался, не смогли. А убить его можно и нужно, потому как его гонцы уже являлись и недвусмысленно давали понять, что мне следует под него пойти, а если я откажусь, они не расстроятся, потому как им не я нужен, а место выгодное.

- И вы хотите, чтобы его убили мы? – спросил я в лоб.

- Да, - он повернулся ко мне и отхлебнул кофе. – Именно так. С моей стороны будет наводка, если нужно, обеспечу боеприпасами, а после выполнения всё, что есть в списке, получите даром. Услуга за услугу.

Мы некоторое время помолчали, потом я осторожно спросил:

- В чём подвох? И почему вы не можете его сами… того?

- Во-первых, группировка рухнет не сразу, а спустя пару недель, так я думаю. Нужно от себя отвести, не обязательно, но желательно, чтобы люди со стороны. Тут неплохо даже живым кого-то из свиты отпустить. Я уж не говорю про то, что покушение может не получиться. Ну, а подвох… есть мнение, что тварь эта неуязвима. От пуль заговоренный. Не берёт его пуля и всё тут. Есть другие варианты, но не факт, что и они подействуют.

Я не нашёл, что ответить, но Коростин тут же задумчиво произнёс:

- Тут бы яйцеголового нашего спросить, он в этих делах точно понимает.

- Кто таков? – спросил Железяка.

- Ты видел, за столом сидел, очкарик. Учёный он, как раз для таких дел учился.

- Учёный? От того учёного за версту погонами несёт, если бы не с вами был, его бы и на порог не пустили.

- Такие у нас нынче учёные, - развёл руками Коростин. – Ему тоже что-то нужно в ваших краях, думаю, если ему это пообещать, то он нам поможет.

- Давайте так сделаем, - сказал он. – Вы сейчас идите к своему учёному, обсудите, если сможет что-то толковое предложить, то завтра с утра я вам обеспечу полный информационный расклад.

Мы допили кофе и отправились к своим, там, закончив ужин, разошлись по комнатам, которые нам предоставили. Что характерно, пока другие ужинали, Башкин, проглотив свою порцию, как удав,

отправился разговаривать с людьми, пытаясь выяснить, где найти интересующие его вещи. Выяснил или нет, осталось загадкой. Когда ему объяснили, что все его проблемы будут решены местным начальством, тут же отправился уточнять. Не знаю, как его пропустили к хозяину, но вернулся он через десять минут, довольный, но несколько озадаченный.

Откровенно говоря, я думал, что наш учёный, будучи высокоморальным человеком, да ещё в погонах, немедленно откажется от заказного убийства, более того, начнёт чинить препоны нам, а по возвращении напишет кляузу своему начальству. Ничуть не бывало. Вернувшись от Железяки, он первым делом спросил:

- Ну что? Как будем валить урода?

- Тебе и карты в руки, - инженер присел у окна на стуле, комната была просторная, с четырьмя кроватями. – Расскажи для начала, что знаешь по теме?

- Ну, смотрите, - Башкин уселся на стул и принялся рассуждать, активно при этом жестикулируя. Причиной такого возбуждения явно был самогон, но от спиртного голова его работать не перестала. – Магия в этом мире есть. Она пришла сюда через врата, как неземные существа или тёплый климат. Другое дело, что людям магия почти недоступна. Источником магии могут быть либо писаные, либо атланты. Но вторые никогда не дадут человеку способность, позволяющую убивать других людей. Даже защитную способность. Кроме того, нам неизвестны случаи, когда атланты обращались за помощью к подобным людям.

- Подобным – это каким? – уточнил я.

- Насчёт того, кто такой Пасечник, даже я знаю, это головорез лютый, и да, его убить пытались, в том числе и государство. Безуспешно. Так вот, даже единственный зафиксированный случай насилия атланта над человеком, выглядел, как акт справедливости. Великан покарал убийцу. Увидел, как тот вырезал семью, догнал его и оторвал голову.

- Значит, его способности не от атлантов, - подвел я итог. – И что нам это даёт?

- Я же сказал, кто, кроме атлантов может давать магические способности.

- Так значит, он…

- Очень может быть, что ему это досталось опосредованно и давно. Вообще, есть гипотеза, что вся магия писаных держалась на их королеве, а когда той не стало, магия захирела. Справедливости ради, в последнем бою сектанты больше на оружие полагались, а не на заклинания. Собрать банду смогли, а магов толковых не нашлось.

- Может быть, у него артефакт есть? – выдвинул идею Винокур.

- А ты знаешь такой артефакт, который отведёт автоматную очередь?

- Я – нет, но мало ли, всё время новые находят.

- Есть кое-что, что работает похожим образом, но – и я специально уточнял – здесь явно не тот случай. Человек владеет магией. Магией защиты от пуль. И нам нужно его убить.

- Ножом зарезать? – вдруг выдвинула идею Марина, я раньше не подозревал её в кровожадности.

- Во-первых, - возразил Башкин, - для этого к нему нужно подобраться близко, а он, как правило, без свиты не передвигается, во-вторых, не факт, что его достанет холодное оружие, очень может быть, что заговор касается и этого вопроса. Наконец, он может просто отбить нападение заклинанием. Уважаемый Железяка мне говорил, что тот активно пользуется «глушилкой», что тоже указывает на происхождение его умений.

- Да слышали мы уже, - раздражённо бросил Коростин. – Говори, как его убить?

- Взрыв, - тут же выдел идею учёный. – Мощный взрыв, поражение огнём, взрывной волной и, может быть, вторичными осколками, которые летят медленно. Вторая идея – яд, у меня он как раз есть, да только тут снова нужно будет подойти близко. Ну и, наконец, заговор от пуль имеет массу ограничений. Например, масса снаряда. У нас как раз есть человек с большим калибром, - он посмотрел на меня. – А для надёжности можно будет модифицировать пулю, кое-что я умею и средства есть.

- А взрывчатку где взять? – спросил я, идея с взрывом показалась мне наиболее продуктивной.

- Пока вы там беседовали, я пообщался с людьми, - с нотками высокомерия в голосе заявил Башкин. – В том числе, заглянул в оружейную лавку, а там в продаже есть порох на вес, артиллерийский, макаронами. Не знаю, как они его используют, но там, где есть такой

порох, есть и снаряды, а в снарядах взрывчатка, которая стоит денег. Должен быть запас, точно говорю. В крайнем случае, можно того же пороха взять в большом количестве.

- Допустим, а с пулями что?

- Есть способы, - уклончиво ответил он, - мастерская нужна, а ещё кое-какие расходники.

В здешнюю мастерскую мы отправились вместе, а предварительно учёный отыскал местного завхоза, оказавшегося средних лет толстым мужиком в телогрейке (серьёзно, другой бы уже от теплового удара умер), у которого потребовал «Чёрную соль». Тот, хоть и сбегал для уточнения к самому хозяину, но потом вернулся и выложил мешочек с добром и тюбик клея.

Мастерская была оборудована по последнему слову техники, имелись несколько современных станков, да и ручного инструмента было предостаточно. Например, имелся ручной гравёр, позволяющий вырезать узоры на металле.

- Так, вот, – начал Башкин, выбирая из моего патронташа подходящий патрон. – Заговоры от пуль могут иметь разную природу.

- Этому вас в институтах учат? – ехидно поинтересовался Винокур, сидевший неподалёку.

- Чтобы вы знали, - не менее ехидно ответил учёный, - для этих целей задействован крупнейший НИИ. Там собрана вся наука, появившаяся в нашем мире с приходом… с приходом.

Выбрав снайперский патрон, он зажал его в тиски, стараясь не помять гильзу, после чего вставил в гравёр диск и аккуратно отпилил кончик пули, получив плоский пятачок около пяти миллиметров диаметром.

- А от этого баллистика не пострадает? – спросил я. – Одно дело, когда пуля остроконечная, и совсем другое, когда…

- При таком калибре не так важно, - перебил меня Винокур.

- Дело не в калибре, - поправил его Башкин. – Дело в том, что на пулю следует нанести несколько знаков, которые нивелируют магическую защиту. Способы эти изучены и опробованы в лабораторных условиях. Энергия пули тоже имеет значение, а потому стрелять придётся в упор или почти в упор. Следовательно, нет смысла переживать за баллистику.

Заменив диск, он принялся вырезать какой-то знак на срезе, закончив, поднёс пулю к свету, после чего занялся вырезанием похожих знаков на остальной поверхности пули. Получалось красиво, видимо, учёный, вопреки мифам об интеллигенции, умел работать руками.

Когда вся поверхность пули напоминала арабскую азбуку, учёный сдул с неё пыль, после чего взялся за тюбик клея. Клей был прозрачным, а по консистенции напоминал кисель. Для его нанесения учёный воспользовался спичкой с заточенным кончиком. Он тщательно промазал все вырезанные значки, как на боках, так и на торце пули. Потом бумажной салфеткой промокнул лишнее, после чего развязал мешочек.

Внутри обнаружился тёмный порошок, похожий на смесь железных опилок с толчёным углём. Точнее, масса была однородная, но выглядела именно так, чёрный порошок с металлическим блеском. Я думал, Башкин станет посыпать пулю этим составом, но он просто макнул туда патрон и покрутил им, потом вынул и сдул налипшие не к месту крупинки зелья. Теперь знаки на пуле были не просто вырезаны, а выкрашены чёрным порошком.

Но на этом процесс не закончился, учёный снова вставил патрон в тиски, обхватил ладонью пулю и начал шептать слова на непонятном языке. Нет, я уже привык, что в этом мире всякая чертовщина присутствует, но чтобы так. Учёный, мать его, заклинание говорит. А дальше что? С бубном плясать будет?

А потом он разжал руку, и я увидел, как по пуле бегут дорожки огня, что выжигают нарисованные гравером символы. Секунд через десять огонь погас, а символы остались выжженными поверх свинца. Башкин раскрутил тиски и протянул патрон мне.

- Держи, магия включена. Если это не сработает, тогда… попробуем что-то другое.

- Это и есть магия отмены? – спросил Коростин.

- Вроде того, сейчас разрабатывают способы заставить её работать по площадям. Тогда писаные и прочая магическая дрянь останутся без преимущества.

Потом мы в полном составе явились к местному начальнику. Коротко изложили план и попросили содействия. Нам, помимо большого количества взрывчатки, требовалась информационная

поддержка, грубо говоря, нужно было дать наводку на место, где объект будет присутствовать в оговоренное время.

- Мысль толковая, информацию я вам дам, - проговорил Железяка, не разжимая зубов, видно, что вопрос для него важен. – Точно место укажу, есть у меня такая возможность. Способ ваш… не знаю, по идее, должно сработать, а уж взрыв и подавно. Ну, - он недовольно покосился на учёного, - чего ты спросить хочешь?

- Мне арбалет нужен, не обязательно мощный, но точный.

- Зачем?

- Ядовитую стрелу хочу пустить, есть мнение, что медленно летящий предмет его защита не отклонит.

- Есть мнение, что его не раз пытались ножом убить, впрочем, подробностей не знаю. – Проворчал Решетов. – Но, дело твоё. Найдём арбалет, пацаны птицу стреляли из таких.

- Взрывчатка? – напомнил Коростин.

- Килограмм двадцать тротила и порох артиллерийский, с артскладов добыли, что есть. Аммонал ещё, но с ним возни больше.

- Должно хватить, - сказал инженер.

- Ну, раз так, сейчас отдыхайте, вино, карты, женщины, а как будет информация, так я вам сообщу. Так, чтобы успели подготовиться.

Глава семнадцатая

- Место неудобное, - проворчал Винокур, делая себе небольшой окоп с помощью саперной лопатки. – По-хорошему, надо их встречать у того холма, там заросли гуще и стрелять со склона проще.

- Видишь ли, Славик, - менторским тоном сказал Коростин. – Нам прямо и недвусмысленно сказали, что автобус с интересующими нас персонажами пойдёт здесь, потом по бездорожью свернёт на параллельную. Свернёт, понимаешь? И стрелять с холма ты будешь в деревья, поскольку видеть их транспорт не сможешь.

- Да понял я, - недовольно отозвался он.

Выбранная нами позиция была по-своему хороша. Если информаторы ничего не напутали, то их машина непременно угодит в ловушку, устроенную таким образом, чтобы два самодельных фугаса большой мощности, связанные тросом, сработали одновременно справа и слева от машины. А после взрыва, покинув окоп, который уже выкопали, я подбегу ближе, готовый выстрелить с близкого расстояния

в противника, если тот выживет. Магическая пуля и огромный калибр должны сделать своё дело. При этом я не верил, что моё участие вообще понадобится, взрыв планировался грандиозный, настолько, что автобус (а это будет именно автобус, пусть и слегка переделанный) должно было разнести на молекулы. Но этот мир умеет удивлять, а потому лучше быть готовым.

Поблизости от меня расположился Башкин. Его задумка была в стрельбе отравленной стрелой из арбалета. Так себе идея, но учёный уверял, что малая скорость стрелы может обмануть защиту, а ему достаточно, чтобы наконечник только слегка оцарапал жертву.

Остальные залягут дальше и будут просто стрелять по противнику из всего, что есть, в надежде перенасытить его систему защиты. Такой вот немудрёный план, с одной стороны, простой, как топор, но в то же время средства задействованы такие, что просто не может не сработать.

Больше всего меня пугало то, что их машина объедет ловушку, но на этот случай были предусмотрены дистанционные взрыватели, а мощность зарядов такова, что, сработает он впритык или на расстоянии двух метров – разница невелика. Объехать же на безопасном расстоянии невозможно, заросший травой коридор между параллельными дорогами слишком узок.

До событий оставался ещё час, я засел в окопе, на всякий случай проверил револьвер в кобуре. Заряжен и готов к бою. И штуцер готов. И я сам тоже готов, хотя и нервничаю, что понять можно, никогда раньше с волшебниками воевать не приходилось. До места предполагаемого взрыва метров сто пятьдесят, услышав звук взрыва, сосчитать до пяти и бежать вперёд с винтовкой наперевес, остальные начнут стрелять раньше, как только увидят цель. Что они там увидят? Там воронка будет мне по макушку.

Чего сейчас остро не хватало, так это рации. Вообще, в этом мире они имелись, даже такие, которые можно от машины заряжать, компактные и берут далеко. Но не у нас, это имущество военные раздавать были не склонны. Поэтому связь у нас примитивная, на передней позиции сидит Немой, он, увидев объект, сделает знак Винокуру, а тот махнёт мне. Его я вижу отсюда.

Дальше всех сидела Марина, девушка, так уж вышло, обладала самым дальнобойным оружием, а потому на неё возложили функции

снайпера. Кроме того, она ведь женщина, а потому желательно убрать её подальше от опасности. Если и сделает пару выстрелов, это ничего не изменит.

Ждать пришлось долго, я, кажется, даже немного подремал. Проснулся от звука мотора где-то вдалеке. Ага, едут. Впрочем, суетиться пока рано, звук где-то далеко, хотя нет, вон Славик мне из кустов машет, готовность.

Я выглянул наверх, в высокой траве разглядеть чью-то голову невозможно, да и не привыкли эти люди беречься, всегда и везде чувствуют себя хозяевами жизни. В нашу сторону двигался автобус неизвестной мне модели, что-то, вроде хорошо отделанного ПАЗа с завешенными изнутри окнами. Как я понял, хозяин ценил комфорт, а потому переделанный автобус был одновременно баром, гостиной и даже спальней. Имелись там и собутыльники, и даже девицы лёгкого поведения. Тут в голове мелькнула мысль, что, собираясь убрать этого Пасечника (это фамилия или погоняло?), мы попутно угробим кучу народа. Впрочем, мысль эта тут же и пропала. То, что я краем уха слышал про главаря, распространялось и на его банду. Нормальных людей там просто нет.

Пока всё шло ровно, машина приближалась к условленному месту. Ещё немного и свернут на нужный участок. Должны свернуть. У меня уже вспотели ладони, нехорошо, пришлось вытереть их об куртку. Вот, ещё немного.

Я едва не выматерился в голос, когда автобус проехал мимо. Твою мать! Значит, им сюда не надо. Но тут же облегчённо выдохнул, поскольку водитель резко дал по тормозам, а изнутри салона донеслась едва слышная ругань. Дорогу забыл, бывает такое. Машина сдала задним ходом и стала съезжать с дороги.

Вот они приблизились к заветному участку, спрятанный в траве трос с хитрой цеплялкой был уже перед ними. Сейчас они зацепятся, проедут пару метров вперёд, потянув трос, оба фугаса притянутся к бортам машины, и одновременно сработают взрыватели. Я успел нырнуть на дно окопа, осколков будет много, и лететь они будут далеко, не помешало бы ещё каску надеть.

Но додумать эту мысль я не успел. Два взрыва, слившись в один, потрясли землю, словно при мощнейшем землетрясении. Меня

натуральным образом выбросило из окопа, к счастью, когда полетели осколки, я под действием силы тяготения закатился обратно.

В отбитом мозгу сквозила мысль, что надо куда-то бежать и в кого-то стрелять, но я сейчас больше всего хотел грохнуться в обморок. Чувство долга победило. Сжимая слабеющими руками штуцер, я вылез наружу.

Ага, вон там стоит столб дыма, нужно успеть подбежать. При ближайшем рассмотрении можно было сделать вывод, что автобус перестал существовать, на молекулы не распылило, но осталось очень мало. Кусок обшивки, задний мост, часть кабины, теперь всё это было покрыто копотью и активно горело, распространяя удушливый чёрный дым.

Собственно, делать тут было больше нечего, работа сделана. Я опустил винтовку, но тут же снова её поднял. Кусок жести отлетел от удара изнутри. Изнутри, оттуда, где сейчас бушевало пламя. А потом из пламени вышел человек. Было ему около сорока лет, высок, худощав. Одет в брюки и голубую рубашку с коротким рукавом. Голова гладко выбрита, а на лице брезгливая гримаса, словно он не взрыв только что пережил, а наступил в кучу дерьма.

Но это всё было не главным, главное – он был жив, даже не поцарапан, не обожжён. Да чего там, даже одежда его была почти чистой. Он отошёл на несколько метров от пожарища, где дым не мешал обзору, а потом огляделся. Взгляд его, естественно, остановился на мне. И мне стало страшно.

Выстрелить я успел, даже попал. То есть, не попал, конечно, но пуля точно прилетела в проекцию его тела, после чего с визгом ушла в сторону. А потом меня поразил приступ слабости, руки разжались, выронив штуцер, в глазах поплыло, и я завалился набок, отчаянно царапая ногтями кобуру с револьвером.

Где-то вдалеке кто-то стрелял, даже очередь автоматная была слышна, но выстрелы быстро стихли. Неужели, он всех так? Меня слегка отпустило, я смог расстегнуть кобуру и потянуть наган наружу. А враг уже стоял радом с глумливым видом. Думаю, он специально ослабил своё влияние, чтобы поиграть со мной, как кот с мышкой.

Сил чтобы вскочить на ноги не было, всё, что я мог, - это отползать на спине, попутно отстреливаясь из револьвера. Выстрелил четыре или пять раз, но добился этим только сумасшедшего хохота от

Пасечника. Пули уходили куда угодно, только не в него. В итоге я бросил оружие и посмотрел ему в глаза. Этого хватило, чтобы понять, что мне конец. Нам конец. Мои товарищи сейчас лежат в том же состоянии, он расправится со мной и возьмётся за них. В этих глазах отражалось могущество, перемешанное с сумасшествием. Могучий волшебник спятил, но всё ещё остался могучим волшебником. Он теперь упивается своей мощью, играя с пойманным тараканом.

Нависнув надо мной, он ещё раз хохотнул, после чего вытянул руку вперёд, словно хватая меня за горло. Но горло моё далеко…

Тело моё сработало против моей воли, я даже не встал, вскочил на ноги, и моя шея оказалась в железном захвате его руки.

- Меня нельзя убить, - голос его напоминал змеиное шипение, тут я почувствовал, что он поднимает меня над землёй. – Ни огонь, ни металл мне не страшны, яды не действуют, а сила моя равна силе пяти человек.

С последним я был полностью согласен, тощий долговязый мужик легко держал мои почти девяносто килограмм над землёй.

- Ты убил моих людей, - на лице его отразилась притворная печаль. – Они верно служили мне, а ты их убил. Где я возьму новых? – тут он расплылся в улыбке, - ты будешь новым! Будешь верно мне служить. И вот тебе первый мой приказ: сейчас ты пойдёшь к своим людям и убьёшь их, всех.

И, как ни тошно мне было это признавать, он был прав, тело моё было почти полностью в его власти, я даже пальцем не смог бы пошевелить без его приказа.

- И для тебя будет лучше сделать это самому, а не под управлением… Аааа…

И на старуху бывает проруха, он сглупил, понадеявшись на свою неуязвимость. Стоило ему ослабить контроль и вернуть мне способность двигаться самостоятельно, как я вынул свой кинжал и всадил ему между рёбер справа, печень точно насквозь. Рука разжалась, я упал на землю, а противник мой сложился пополам. Нож застрял в нём, но у меня были и другие средства. Контроль над телом возвращался медленно, но простые движения я производить мог. Например, вынуть кастет из кармана. В этот момент он, пересилив боль, поднял голову и снова попытался взять меня под контроль, но было поздно. Кулак мой, усиленный кастетом, уже летел к его виску.

Бац! Твёрдая керамика врезалась в висок. Огонь и металл, говоришь? А вот так? Ещё три удара в голову заставили его рухнуть лицом вниз в глубоком нокауте, а я, навалившись ему на спину, обмотал шею удавкой и, уперев колено ему между лопаток, потянул за ручки. Те самые люди, которых я не уставал материть, умудрились снабдить меня оружием против волшебников. Металл, мать его, огонь и металл! Не нужно никаких магических знаков, не нужно медленно летящих стрел, даже яд не нужен. Простая деревянная пуля, не такая грозная, как свинцовая, но этого хватит, чтобы пробить его тело. И никто не додумался.

Удавка врезалась в шею всё глубже, он хрипел и пытался вырваться. Не выходило, сила у него оставалась, а вот с координацией движений было не очень. Один из моих ударов проломил черепную кость, на лысине хорошо видна кровавая вмятина, там, скорее всего, мозг повреждён. Нужно было нож вырвать, зарезать всё же быстрее, чем задушить.

Наконец, судорожные рывки, от которых меня подбрасывало, как на родео, стали затихать, лицо его приобрело бледный оттенок, а глаза остекленели. Я выждал ещё минуту, после чего отпустил ручки. От слабости хотелось грохнуться в обморок, но оставлять дело так я не стал. Он мёртв, но в этом мире бывают чудеса, а я не врач и не профессиональный убийца, уж лучше… Я перевернул тело, с упором ногой вырвал из него кинжал, после чего снова погрузил керамический клинок в сердце. Теперь точно всё. Не оживёт.

Теперь следовало задать вопрос: а я-то как? На адреналине смог задушить супостата, но теперь переживал откат. Колени тряслись, руки едва могли сматывать удавку, а голова кружилась так, словно это по ней били кастетом. А ещё остальные, их он, скорее всего, накрыл точно так же, если не сильнее, они ему были не нужны.

Минут через пять, когда меня слегка отпустило, я смог осмотреться. Неподалёку без признаков жизни валялся упавший с дерева Башкин. Ну, да, он ближе всех был, на дерево влез уже после взрыва, иначе его бы там осколками порвало.

С трудом поднявшись на ноги, я отправился к нему. Ноги передвигались с таким трудом, словно на каждой висела пудовая гиря. Учёный лежал лицом вниз, а чуть дальше валялся сломанный арбалет. Успел выстрелить? Хотя, какая разница. Вот если бы наконечник был

костяной… впрочем, яд бы тоже не подействовал, а все повреждения свелись бы к небольшой царапине. Арбалет не отличался большой силой натяжения, детская игрушка, немногим опаснее рогатки.

Присев рядом, я попытался нащупать пульс на шее. Есть, значит, просто в нокауте. Несмотря на тщедушную комплекцию Башкина, на то, чтобы его перевернуть, у меня ушло минуты две, потом, путём похлопывания по щекам и поливания водой из фляги, мне удалось добиться какой-то реакции. Он приоткрыл один глаз и застонал.

- Пить? – донеслось едва слышно.

- Пей, - я вставил горлышко фляги ему между зубами и влил немного воды, столько, чтобы смочить рот, но не дать захлебнуться. Он судорожно глотнул, после чего открыл глаза.

- Что? Что было? – в глаза его было страшно смотреть, сосуды полопались, отчего белки приобрели кровавый цвет. – Он мёртв?

- Можешь посмотреть, - предложил я, но смотреть он не спешил, наоборот, закрыл глаза, чтобы не травмировать их ещё больше. – Не сработала твоя антимагия.

- Не сработала… дай ещё воды.

Я дал ему флягу в руку, рука, хоть и тряслась, но могла удержать полупустой сосуд, а я начал объяснять:

- Взрыв ему не навредил, пули тоже отскакивали, а он всех накрыл «глушилкой», ну или как это называется. Но меня не до конца добил, взял под контроль и сказал, что мне придётся убить вас всех. Попутно похвастался, что огонь и металл ему не вредят, а яды не действуют. Так что, ты со своим арбалетом слегка пролетел.

- А потом? – спросил он, оторвавшись от фляги, в которой не осталось воды.

- А потом он слегка контроль ослабил, сказал, что мне придётся самостоятельно вас убивать, своей волей. Ну, я ему нож и всадил.

- Он же сказал, что металл…

В ответ я продемонстрировал ему свой кинжал, который плохо оттер от крови.

- Керамика.

- И что, он вот так сразу и помер? – учёный попытался сесть, и ему это почти удалось.

- Пришлось ещё кастетом бить по лысине, он у меня тоже керамический, так уж вышло, а потом удавкой.

- Ну, ты варвар, – сказал он, но посмотрел на меня с уважением.

- Ещё какой, - я не стал спорить. – Вставай уже, пойдём остальных спасать.

Остальных мы нашли на позициях. Винокур свернулся калачиком на дне окопа. Ему, видимо, в силу большего расстояния, досталось меньше. По крайней мере, когда мы подошли, он самостоятельно открыл глаза и сдавленным голосом выдал длиннющую матерную тираду, смысл которой сводился к тому, что Железяка – старый мудак, гораздый загребать жар чужими руками, который нас кинул под молотки, ничего не объяснив. Тут он, надо сказать, был несправедлив, поскольку Решетов как раз всё объяснил, умолчав, разве что, о масштабе проблемы, а на риск мы пошли осознанно, ради своих корыстных интересов.

Немой пострадал чуть сильнее, поскольку дальнобойность его оружия предполагала меньшую дистанцию боя. Он тоже с трудом пришёл в себя, а глаза были такие же красные, как у Башкина. Правда он, в отличие от Винокура, своё состояние никак не комментировал.

Коростин тоже оклемался сам, выслушал мой короткий доклад и, удовлетворённо кивнув, стал отряхиваться от грязи, куда упал после пси-удара. Меньше всех пострадала Марина, но она и находилась далеко, с головой всё было в порядке, а последствия удара свелись к кратковременной потере сознания и ссадине на щеке, которую она получила при падении с дерева. Девушка, как ни странно, придя в себя, первым делом поинтересовалась сохранностью оптики на винтовке, мол, дядя Ефим мне её под честное слово дал, а я… Такое отношение к оружию было, безусловно, похвальным.

В итоге, мы впятером собрались у трупа Пасечника, Башкин тут же занялся осмотром, а мы совещались, как быть дальше.

- После такого с Железяки причитается, - заявил Коростин.

- Ещё как, - хрипло отозвался Винокур. – За такое полцарства отдать надо.

- Нам вообще, что от него требуется? – уточнил я. – Ну, кроме артефактов.

- Денег точно возьмём, - сказал Винокур. – Не двадцать, но по тысяче на рыло точно.

- Деньги – это хорошо, - согласился инженер, - но основной бонус тут – политическое влияние.

Немой, не имея возможности переспросить, уставился на него непонимающим взглядом.

- Ну, смотрите, - начал объяснять инженер, - на юго-запад отсюда лежали земли, куда зайти могли только военные и только большими силами. Те, кто там правил, или напрямую служили Пасечнику, или признавали его старшинство и платили дань. Говорят, он при желании мог выставить целую армию в тысячу стволов, да ещё с техникой и тяжёлым оружием. В ближайшие пару месяцев следует ожидать дележа власти, но человека с таким авторитетом и способностями больше нет, а потому всё вернётся к тому, что было.

- Каждый да держит вотчину свою, - пробубнил учёный, продолжая осматривать труп.

- Типа того, - согласился Коростин. – Стало быть, места эти снова станут относительно мирными, что даёт возможность путешествий вглубь диких территорий.

- Буду рад, если мне расскажут, куда и зачем ещё нужно ехать, - сообщил ему я.

- Чуть позже объясню, тем более что я пока не всё знаю, - он поглядел на учёного, который расстёгивал рубашку на мёртвом. – Ты его вскрывать собрался?

- Что? Нет, вскрывать необходимости нет, а вот… - он распахнул рубашку на трупе, - посмотрите сами.

На груди у мёртвого Пасечника, как раз напротив сердца, располагался странный знак. Татуировка или клеймо. Две полосы наискосок, снизу полумесяц, а сверху ветка неизвестного растения. И всё это вписано в восьмиконечную звезду.

- И что это значит? – спросил Винокур.

- Есть информация из мутных источников, - Башкин даже голос понизил, - источники очень мутные, подтверждения нет, но кое-что указывает…

- Короче! – оборвал его я.

- Это знак королевы.

- И? – не понял я.

- Что и? – огрызнулся он. – Сказал, что знаю, выводы делайте сами. Знак этот можно перевести, как «личный раб королевы».

- Выводы? – спросил Коростин. – Ну, можно и выводы сделать. Королеву убили (если убили) три года назад. Так?

- Угу, - кивнул Винокур.

- А Пасечник в своей ипостаси неубиваемого колдуна заявил о себе тогда же.

- Насколько знаю, чуть позже, примерно через полгода. Ну, или просто информация об этом запоздала, - объяснил учёный. – Но мысль верная, магия такой силы вообще никогда раньше у людей не встречалась. Это не банальный заговор от пуль, которого хватает на пару автоматных очередей, это сверхспособности, выданные лично ему. Кем? А кто у нас самый главный колдун?

- Итого имеем, - сказал я. – Мы только что завалили мега колдуна, получившего свои способности от королевы, которая в области магии была где-то на уровне бога. Если эта самая королева мертва, на что я очень надеюсь, то всё отлично. Если же она жива, то нас всех ждут проблемы. Или нет?

- Думаю, что уничтожение твари такого уровня, как ни крути, пойдёт на пользу нам и во вред им, - добавил Башкин, оставивший труп в покое и теперь протиравший руки спиртовой салфеткой. – А насчёт королевы, как это ни прискорбно, но она, скорее всего, жива. Насколько мне известно, передача магии невозможна иным путём, как через амулет. Чтобы человек мог подобное вытворять, ему нужно при себе держать накопитель. У него ничего нет, даже карманы пустые. Следовательно…

- Что? – спросили мы хором, даже Немой вопросительно взглянул.

- Это не его магия, он напрямую использовал силу своей богини, стало быть, она жива, но, либо тяжело ранена, либо находится очень далеко. Возможно, и не очень, поскольку у нас снова активизировались писаные сектанты.

- Тогда советую закончить все дела, и поскорее доложить обо всём кому следует, - сделал я окончательный вывод. – А пока предлагаю валить отсюда, пока кто-то нехороший не нагрянул, потому как из нас сейчас плохие бойцы.

Это моё предложение было единогласно принято, мы, всей своей инвалидной толпой, отправились к спрятанной в нескольких километрах машине. За руль пришлось сесть мне, как наименее пострадавшему. Теперь самое время явиться к Решетову и потребовать платы. А в качестве аванса неплохо бы отоспаться. По пути возникла мысль о подтверждении нашего подвига, например, Винокур высказал

мысль, что стоило бы прихватить труп, ну, или, хотя бы, его голову. В итоге мы решили, что смерть такого персонажа незамеченной точно не останется, а потому и доказывать никому ничего не нужно. Собственно, так и вышло.

Глава восемнадцатая

В крепости нас встретили, как героев. Не знаю, откуда Железяка знал о нашем успехе, но, к тому моменту, когда мы въехали в ворота, в кабаке уже заканчивали накрывать стол.

Руководил процессом наш железнозубый друг, сам объяснял официантке, куда и что ставить. Что характерно, местного самогона на столе не было, зато присутствовало шампанское, вина нескольких сортов, коньяк и водка «Столичная».

- Проходите, гости дорогие, - тут же заговорил он, увидев нас, - присаживайтесь, всё уже готово, закуски горячие, всё по высшему разряду. Кто хочет, потом в баню с девочками, сейчас топят. Проходите.

- Нам бы отлежаться… - начал я, но за стол всё-таки сел. Как ни крути, а восстановление сил подразумевает и питание. А вот от алкоголя, пожалуй, откажусь. Ну, если только чуть-чуть.

В итоге, за стол мы засели на пару часов. На спиртное по понятным причинам никто не налегал, предпочитая обходиться вином. А вот беседа шла и интересная. По такому случаю всех случайных людей обслуживали в другом зале, а потому здесь можно было говорить без стеснения.

- Вы своё дело выполнили на сто процентов, - заявил Железяка в перерыве между тостами. – А потому с меня причитается. Все ваши заявки, включая и то, что уважаемый учёный хотел, будут исполнены. Кое-что добавлю от себя. Ещё выделю из казны денег и золота, того и другого хватает, дело наживное, зато теперь можно не бояться…

- Я бы на твоём месте не расслаблялся, - перебил его Коростин.

- Совершенно верно, – добавил Башкин. – Если королева в самом деле жива, то впереди ещё очень трудные годы. Лучше готовьте крепость к обороне и разведку усиливайте.

Насчёт разведки я бы поспорил. Пасечник, даже если не брать в расчёт его способности, был правителем приличной территории, обладал немалой армией и большими финансовыми возможностями. А люди Железяки его вычислили и за сутки выдали информацию о том,

где и как окажется местный король. Уже это говорит о том, что старик, хоть и кажется простым, как три копейки, на самом деле изворотливый, как уж, который без мыла знамо куда пролезет.

Выпив ещё по разу и закусив местными деликатесами (весьма недурными, кстати), мы отправились в номера, если можно так назвать тесные комнатки в бетонной крепости, которые слегка отделали, чтобы сделать похожими на жилые помещения.

Нам с Мариной, само собой, выделили одну коробку на двоих. Собственно, номера эти служили не только гостиницей, но и местом развлечения. Как ни крути, а людям, живущим на диких территориях, без женского внимания никак, в подобных условиях нашлись и проститутки. Впрочем, женщин этих я видел, и на рабынь они нисколько не походили. Каждый зарабатывает, как может.

Вот и сейчас за стеной слышались стоны и оханья, казалось бы, крепость, бетон толстенный, а звукоизоляция никакая. Но нам это не мешало, так уж вышло, что каждый из нас был вымотан до крайности, настолько, что оба подумывали пренебречь супружескими обязанностями. Марина, тем не менее, прильнула ко мне и крепко поцеловала в губы.

- Я боюсь, - сказала она, посмотрев мне в глаза.

- Чего? – не понял я, девушка улыбалась, но тон был серьёзным.

- Того, что будет. Нет, я очень хочу с тобой пойти, но это будет ещё нескоро, и потребуется много усилий. Мы сегодня чуть все не погибли.

- Ну, не погибли ведь, - я попытался её успокоить, получилось плохо.

- В следующий раз погибнем, - едва не плача сказала она. – Сегодня повезло, а потом не повезёт.

- Ну откуда такие мысли? И вообще, я предлагал тебе дома сидеть?

- Дома? – сквозь слёзы спросила она. – Нет у меня дома, и не было никогда. Только теперь появился. И то, не дом это, просто место рядом с тобой.

- Прости.

- Ты меня прости, - она промокнула слёзы уголком подушки, полушка у нас была одна на двоих. – Но я тебя не отпущу. Везде буду с

тобой. Я больше боюсь того, что когда ты умрёшь, меня не будет рядом. Если так будет, я умру вместе с тобой.

- Ладно тебе про смерть, - я снова её поцеловал. – Иди лучше ко мне. Будем верить в лучшее.

Она немного расслабилась, видимо, выговорившись, сняла часть груза с себя. Её тёплое тело прижалось ко мне, а я стал понимать, что не так уж сильно устал. Не размыкая губ, мы начали раздевать друг друга (в постель легли, едва разувшись), а руки мои уже шарили по её интимным местам.

- Не надо, - она попыталась сопротивляться. – Прекрати.

- Что прекратить? – не понял я, продолжая манипуляции.

- Я стесняюсь, давай хоть свет погасим.

- Это разве свет? – я усмехнулся. – Лампочка еле светит. Хочу тебя видеть. Мужчина любит глазами, привыкай.

- А я думала другим местом, - она засмеялась и встала с кровати. – Ну, смотри.

Из одежды на ней оставались только майка и трусы, сначала она стянула верх, прикрылась руками, потом убрала их. Потом, преодолевая стеснительность, потянула вниз трусы. Некоторое время постояла так, внимательно глядя за моей реакцией, потом подошла ближе. Ухватив её за руку, я подтянул к себе и усадил на себя верхом.

- Такая техника тоже хороша.

- Ой! – только и сказала она, а я уже начал работать, поднимая и опуская её. Секс в новой позе её удивил, но не расстроил, более того, возможность самой на что-то влиять в процессе, была признана полезной, и она этим пользовалась.

А концовку нам чуть не испортили. Когда Марина уже билась на мне в судорогах оргазма (у неё это почему-то происходило именно так), а я был готов вот-вот, в дверь постучали.

- Две минуты, - крикнул я в ту сторону и задвигался быстрее.

Получилось, успел. Накрыв простыней мало что соображавшую Марину, я натянул исподние штаны и отправился открывать. За дверью стоял Коростин.

- Дима, извини, что отрываю, но надо поговорить, пойдём наверх.

Я подумал, что стоит одеться, но в итоге просто натянул ботинки. Мы вышли сперва на лестницу, а потом поднялись на одну из башен крепости. Что это за сооружение, я не понял, просто башня, высотой

где-то до четвёртого этажа с небольшой площадкой наверху. Там никого не было, зато стояла маленькая лавочка, а к бетонной стене была прибита консервная банка, наполненная окурками. В руках у инженера был термос, крышку которого он тут же открутил и разлил чай в два стакана. Вот за это спасибо, пить алкоголь не хотелось, мы оба не курим, а сидеть просто так не очень удобно.

- О чём поговорить-то? – спросил я, отхлебнув чай, крепкий и сладкий, люблю такой.

- О том, что дальше делать.

- Я думал, найдёшь то, что искал, потом поедем на юг, запустим установку и вернёмся домой. Или нет?

- Примерно так и есть, - согласился он. – Только во времени это будет растянуто, да и у меня ещё нет всего, что требуется. Возможно, придётся сгонять ещё в пару мест.

- Ну, я готов.

- Да, я благодарен парням, что тебя прислали, сегодня всё на волоске висело, так что…

- А можно в общих чертах описать процесс работы установки? Ну, как это будет выглядеть?

- Мы выдвинемся далеко на юг, расчёты я уже произвёл, место установлено точно. Вот только я не знаю об этом месте ничего, кроме координат.

- А по карте посмотреть? Или там всё настолько изменилось?

- Нечего по карте смотреть, там и не было ничего. Пустыня. Не совсем пустыня, но около того. Плато Устюрт, западный Казахстан.

- Там сейчас установка?

- Нет, установка под Астраханью, недалеко от города. Город очень опасен, человеческих поселений там нет, даже мародёры не суются, там в своё время погибла целая дивизия. Хотя и тварей перебили много. На окраине города два ядерных заряда подорвали. Зато гарантия от того, что установку сопрут, - он как-то невесело улыбнулся.

- То есть, мы набираем комплектующие, едем в Астрахань, там берём установку… она большая?

- В КамАЗ влезет, - он отхлебнул чай и замолчал.

- А с энергией что?

- Есть генератор и запас горючки.

- Значит, берём установку, валим в это самый… Устюрт, там включаем и проходим к себе. Сработает?

- Пятьдесят на пятьдесят.

- Или сработает или нет?

- Вроде того. По идее, все вводные сходятся. Место, нагрузка, устройство, показатели поля… Но нельзя быть уверенным. Главная проблема в том, что в основе работы установки лежит не физика, точнее, не только физика.

- Магия?

- Именно, в этот мир пришла магия, настолько сильно изменила его природу, что даже из того мира получилось открыть окно сюда. А обратно получается хуже.

- Вообще, стоит надеяться?

- Ну, смотри, допустим, все комплектующие у меня. Ехать туда надо с опаской, закладывая большие виражи, поскольку часть земель по Волге совершенно непроходимы из-за стай монстров, писаных, бандитов и просто экологической обстановки. В идеале, можно было по самой реке двинуть, но там плотины, мосты, а ещё в воде водятся твари. Да и не получится установку везти. Итого, поедем на грузовике. Местами пробиваться будем с боем. Находим тайник, забираем установку. Потом на Устюрт. Что там, я понятия не имею. Говорят, туда часть писаных отступила после гибели их королевы. Но их, судя по докладам военных, добили с воздуха. И крупных врат там нет, их и не могло быть в местах, где нет людей. Теперь уже выяснили, что для открытия требуется такая-то площадь с такой-то плотностью населения.

- Но они туда отступали.

- Вот именно, хотя были и другие пути, более того, этот путь был самым гиблым из всех, поскольку отряды были, как на ладони. Что-то им было нужно.

- И установка работает только там?

- Угу, там сложная система расчётов, на Земле есть несколько таких мест, но самое удачное там. Есть ещё Аляска, Патагония, Намибия и Сальвадор. Выбор невелик, сюда хоть по суше попасть можно.

- Согласен. То есть, миссия невыполнима?

- Если бы мы с тобой вдвоём были, тогда и браться не стоило.

- А что, парни с нами едут? Им-то зачем?

- Ну, у каждого что-то своё. Славик, например, с той стороны не совершал никаких преступлений, стало быть, ему там лучше будет. Марина твоя от тебя ни на шаг, а это тоже, как ни крути, плюс один ствол, особенно, если её обучить как следует. Немой ничего не сказал, у него вообще не пойми что в голове, но, думаю, тоже не усидит. Отдельный вопрос, что учёный наш тоже в ту сторону смотрит, мнения своего не высказывал, но, уверен, обязательно увяжется.

- А зачем ему?

- Кто бы знал, может, послом хочет быть, типа, посланник мира и всё такое. Он ведь на службе, если прикажут или попросят, то пойдёт.

- А он нам нужен?

- Сам по себе – не особенно. Другое дело, что с его помощью можно от государства какие-то плюшки получить. Через военных. Я тоже могу, но если он попросит, всё будет гораздо быстрее.

- А сопроводить нас они не смогут? – спросил я. – Ну, чтобы кортеж военный, танк и пара БМП?

- Во-первых, гонять своим ходом военную технику даже на тысячу километров – это перебор, а во-вторых, в те места наземные войска ещё не забирались, а авиация нынче, в силу понятных причин, малоэффективна. Поначалу могут сопроводить, дальше можем с караваном пробраться, а где-то южнее Самары уже нет ни цивилизованных поселений, ни крепостей, только кочующие банды, которых становится всё меньше.

Я помолчал, ситуация, в самом деле, вырисовывалась непростая, тут, на близком расстоянии от цивилизации, и то стрельба и разборки. Там, где власть сто лет не показывалась, вообще мрак. А нам нужно попасть туда и не просто попасть, а построить сложную техническую штуку и запустить с неизвестным результатом.

- Я это заранее говорю, чтобы ты готов был, - сказал он.

- Ясно, значит, в таком составе и двинем. Я, ты, Марина, Славик, Немой и, может быть, Башкин.

- Именно.

- А если не секрет, что такого натворил Винокур, что теперь прячется?

- Да там… - инженер поморщился. – Там не преступление, он, по сути, государственную задачу решил, так, как смог, а его объявили

крайним.

- Как везде, - я вздохнул, думая, что на этом рассказ закончится.

- Есть такая зараза, - продолжил рассказ Коростин, - называется «мозговой слизень», не самое правильное название, но так прижилось. Человек им заражается, потом начинает на других бросаться, но до того момента ведёт себя, как нормальный.

- Бешенство?

- Не совсем, это, кстати, один из способов, которым писаные превращали людей в кадавры. Только другие кадавры у них были тупыми зомби, а те, кого слизнем заразили, куда умнее. Они даже оружие использовать могли, правда, только самое простое. Так вот, путей заражения этим слизнем было два: либо укус, либо вдыхание спор. Был такой гриб, который взрывался и образовывал облако.

- И?

- Группа военных двигалась с юга, - это, кстати, тоже плюс в копилку Славика, он на юге бывал уже после того, как оттуда всех живых вывезли. - С собой у них был некий груз, не знаю, что именно, но очень важный. Дело было на контроле у министра. В итоге, груз был доставлен.

- И что было не так?

- Они с боями прорывались, там в то время столько нечисти скопилось, что впору танковую дивизию отправлять вперёд. У них было два грузовика. Так вот, в процессе вся группа попала в это облако, гриб не всегда заметить можно. Вероятность заражения – где-то в пределах семидесяти процентов. Процессы в мозгу протекают медленно, но неадекватность появляется уже на третий день. И вот, представь, машина, в ней груз, вокруг десять человек со стволами, до цели ещё километров восемьсот. Все друг друга подозревают, более того, если заражённые одновременно нападут, всё предприятие накроется известно чем, они перекусают остальных, более того, в первое время такой кадавр мог некоторое время стрелять из автомата. Подробностей я не знаю, но Славик принял решение. Он мог быть уверен только в себе. Поэтому вся группа была им убита, он сел за руль и больше суток гнал машину, в итоге груз был доставлен вовремя и целым.

- Но об этом узнали.

- Более того, даже какие-то свидетели нашлись, которые видели, как он расстрелял группу из пулемёта. Потом и трупы нашли, выяснили, что заражённых было всего трое. Вот и вышло, что сперва ему капитана дали, представление на Звезду Героя ушло, а потом… Говорят, его не арестовали, потому что своё же начальство всё поняло и дало сбежать.

- Ну, это же бред, - сказал я своё мнение. – Как ни крути, а он о стране думал, и решение принял правильное.

- Все это понимают и тем не менее… Кроме прочего, даже если ему сейчас амнистию выписать, вряд ли он в строй вернётся. Разочаровался он в службе, привык быть бродягой. В итоге имеем то, что имеем. Кстати, слышал, что на нас местное КГБ ядом дышит, но военные заступаются. Просто имей в виду.

- А они разве не заодно?

- Многое перемешалось после Катастрофы, но отвоёвыванием территорий занимаются военные, соответственно, их спецслужбы работают с населением. И это к лучшему, поскольку они лучше знают, что нужно для дела, а потому преследуют практическую пользу, не оглядываясь на соблюдение законности. Если бы по-другому было, нас всех бы уже пересажали.

- Хорошо, что не они рулят.

- Да, хотя в будущем, возможно, придётся и с ними дело иметь. Но это после того, как врата откроем.

- Ясно, - я встал и одним глотком допил оставшийся чай. – Идём спать, завтра в дорогу.

Когда вернулся, Марина уже спала, я осторожно приподнял простынь и прилёг к ней под бок. Потом, правда, отодвинулся, жарко. Завтра у нас трудный день.

Глава девятнадцатая

Утро выдалось туманным. В местном климате я разбираюсь плохо, но он уже успел мне надоесть. Очень хочется солнышко увидеть. И влажность дикая успела основательно подзадолбать.

Прощание вышло недолгим, вообще, на базе Железяки наблюдалось нездоровое оживление, кто-то куда-то бежал, кто-то таскал оружие, из боксов выгоняли технику. Старик явно решил прибрать к рукам наследие безвременно почившего Пасечника. Ну, что

же, похвальное желание. Будет править большой территорией, пока сюда военные не дотянутся.

Весь хабар, что смогли получить, поместился в большой ящик из стального листа, сам я артефакты рассматривать не рвался. Есть и есть, пусть будут, всё равно ничего не понимаю. Попутно Коростин мне выдал мешочек с золотом и триста рублей наличными. Наличные могут пригодиться здесь, а золото – потом, когда окажусь в своём мире. Если окажусь. Будем считать, что компенсация за насильственную отправку сюда. Если прикинуть, то набор цепочек, колец и серег в мешочке стоил примерно три моих зарплаты в том мире. Неплохо, особенно если придётся новую работу искать.

Дорогу в этот раз выбрали другую, Коростин перед выездом тщательно разузнал у местных, как лучше добираться. Те набросали карту, где большая часть маршрута проходила по проселкам, которые и в лучшие годы шириной не отличались, а теперь и вовсе заросли до состояния козьих троп. Как бы то ни было, а первую половину дня наш псевдоброневик уверенно двигался в нужную сторону. Самым сложным было не пропустить повороты.

Зато по пути и не встретили никого, засады, если таковые и имели место, невозможно расставить на всех путях. Хуже стало после обеда, когда возникла нужда выехать на трассу.

- Не понял, - хмуро сказал Винокур, останавливая машину. – Что за…

Не дожидаясь ответа, врубил заднюю скорость и рванул обратно. Собственно, тут и ждать нечего. Поперёк дороги, как раз в месте, где она вливалась в широкополосную дорогу с хорошо сохранившимся асфальтом, лежало поваленное дерево, хорошее такое дерево, метра два в обхвате. Казалось бы, что странного в том, что дерево перегородило заброшенную дорогу шириной в два аршина? Дело было не в самом дереве, а в свежем срубе, кто-то свалил это дерево буквально несколько часов назад, а если учитывать, что свалено оно топором, а не пилой, то работа была проделана титаническая. Осталось понять её цель. Впрочем, это можно было сделать в другом месте и в другое время, а сейчас лучше свалить отсюда подальше и побыстрее.

- Давай назад, а там налево! – скомандовал Коростин, сжимая в руках карабин.

- Знаю я! – огрызнулся Винокур, выворачивая руль.

Развернуться на узкой дороге не получилось бы, пришлось ехать задом. Врагов мы пока не видели, но никто не сомневался, что они рядом. В этот момент над машиной пролетела тень.

- Летуны! – крикнул Башкин, одновременно с этим крылатая тварь, отдалённо похожая на летучую мышь, вцепилась в угол машины и попыталась просунуть голову. Я отчётливо слышал, как когти сминают металл.

Учёный, надо сказать, проявил себя хорошо. Как только показалась отвратительная морда твари, немедленно упёр её в пятак глушитель пистолета и трижды нажал на спуск. А в следующий момент Винокур заложил удачный вираж, припечатав тушу твари к вековому дубу. Мы быстро уезжали, но я успел увидеть, что существо не умерло, оно медленно ковыляло по дороге, опираясь на землю условными локтями.

- Что там, слева? – спросил Винокур, выруливая на ещё более узкую дорогу.

- Деревня какая-то, - сказал Коростин уже спокойнее. – Там можно оборону держать.

Как по мне, так лучше было бы просто уехать из опасного места, хотя скорость у нас сейчас такая, что даже бегущий человек догонит. Да и ещё одно дерево в тылу свалить нетрудно. Если бы я устраивал засаду, то так бы и поступил.

Деревня, само собой, была крошечной, но тут присутствовали несколько больших и крепких домов. Один из них, построенный в виде буквы Г, послужил пунктом, где мы решили обороняться. Машину загнали в угол, теперь она была открыта только с одной стороны, с двух её прикрывали стены дома, а с третьей имелась поленница высотой около двух метров, слабая защита от огнестрела, но от монстров прикроет.

- Рассредоточиться, занять позиции, - скомандовал Винокур. – Марина, ты - в дом, в идеале – на чердак.

Стоило нам открыть дверь, как с неба метнулась новая крылатая тварь, остановленная выстрелом из дробовика Башкина. Ещё одна заходила на бреющем, но размах крыльев сыграл с ней злую шутку, крыло зацепилось за поленницу, отчего тварь рухнула на землю, где её добил короткой очередью Немой.

- Быстрее! Занимайте оборону! – продолжал Винокур. Сам он присел за поленницей, направив ствол автомата в сторону леса, откуда, по его мнению, должна прийти опасность.

Я в очередной раз пожалел, что не имею автомата. У нас только Славик располагает автоматическим оружием, да ещё Немой, но у того дальнобойность хромает, да и надёжность у столетнего автомата должна быть соответствующая.

Стрелять первым начал инженер, он высмотрел кого-то в зарослях и дважды нажал на спуск. Ага, попал, какая-то фигура там взмахнула руками и завалилась назад. Следом открыл огонь учёный, спрятавшись у высокого крыльца, где для надёжности поставил перед собой алюминиевый бидон литров на полста. Зарады картечи били по листве, вряд ли кого-то задевали, но точно сбили врагу наступательный порыв.

Я пока не видел цели, а с учётом моей скорострельности вообще не видел смысла палить впустую.

- Дима! Смотри за тылом! – крикнул Винокур, выдав короткую очередь.

Тыл? Что это? В голове всплыло определение, выученное в армии «Тыл – сторона строя, противоположная фронту». У нас в тылу бревенчатая стена. Ага, враги ведь могут в дом забраться через окно с той стороны, а потом выпасть нам на загривок. Я кивнул и бросился в дом. Уже у двери дёрнулся от попадания странного короткого дротика в косяк. Оружие напоминало толстую стрелу без оперения, с которой я разминулся буквально на пару сантиметров. Писаные, их работа.

К счастью, достать меня они не успели, я скрылся внутри дома и бросился к противоположному окну. Пол был покрыт толстым слоем пыли, на котором отчётливо были видны следы ботинок малого размера. Марина. Следы вели к лестнице на чердак. Отлично, самая подходящая для неё позиция, враг с холодным оружием не достанет. Или достанет? Дротик, что едва не убил меня, пролетел метров сорок и впился в дерево сантиметра на три. Эти сволочи и на расстоянии опасны.

Оказавшись у окна, я увидел врага. И растерялся. В нашу сторону шли люди, обычные люди, разве что, одежда их была сильно поношенной и грязной, а лица были сильно похудевшими. Шли ровной походкой, а в руках держали плотницкие топоры, молотки и ножи. Я даже бинокль схватил, чтобы рассмотреть их лица. Зомби.

Никаких следов разложения, бледных лиц или дёрганой походки, шли обычным шагом, более того, инструмент в руках держали уверенно, думаю, все моторные навыки они сохранили. Единственное, что отличало их от людей, - остановившийся взгляд, казалось, что смотрят они строго себе под ноги.

Рассматривать дальше было некогда, их больше двух десятков, а из леса ещё выходят новые. Надо стрелять, пока не подошли вплотную. Идут медленно, но всё же идут. Стрелять таких следует в голову, да только с моим калибром это не так важно.

Вскинув свой штуцер, я совместил прорезь прицела с мушкой, а ту - с грудью идущего впереди худого мужика с топором в разорванной рубахе. Приклад толкнул в плечо, куда я ещё в дороге повесил сложенное полотенце, придавив его курткой. Помогло слабо, тело пронзила боль, но и результат выстрела был виден отчётливо. Здоровенный кусок груди с левой рукой просто вырвало из тела, которое потом медленно завалилось набок. С такими ранами даже зомби не живут.

Быстро переломил оружие, заменил патрон. Расстояние уже меньше полусотни метров, тут и целиться особо не нужно. Второй остался без головы, третий сложился пополам, а внутренности его разбросало на несколько метров. Всё же для такой охоты патрон избыточен.

Позади меня гремели выстрелы, наши били отчаянно, трещал короткими очередями автомат Винокура, изредка так же скупо огрызался ППШ, бахал дробовик учёного, но он был где-то в стороне, явно тот сменил позицию. Над головой время от времени сухо щёлкала винтовка Марины, молодец, девочка, с такой не пропадёшь.

А я не успевал, враг просто давил массой, убитых уже насчитывалось два десятка, я ни разу не промахнулся, но передние уже подошли к дому и начали крушить топорами окна. Одному я выстрелил прямо в лицо, пуля оторвала голову и полетела дальше, зацепив следующего, сделала его однoруким. Впрочем, тот не растерялся, хотя кровь из раны лилась, как из крана, нагнулся и подобрал лежавший на земле топор.

Не успеваю! Отчаянно матерясь, я снова вставил патрон и выстрелил в зомбака, что при жизни был низкорослым крепким

пенсионером, неудачно, пуля вырвала кусок мяса из шеи, он выронил молоток, но сам при этом ввалился внутрь дома.

На ходу заряжая винтовку, я подскочил поближе и обрушил на его голову удар ботинка. Ощущения, скажу я вам незабываемые. Писаные – это другое, их как людей не воспринимаешь, а тут ведь человек, с виду, по крайней мере. Череп треснул, а на полу растеклась лужа бурого цвета. Следующего встретил уже выстрелом. В передних карманах патроны закончились, достал из бокового. Это те, что Петрович заряжал. Эффект соответствующий, высокого тощего интеллигента (поскольку с галстуком) вышвырнуло обратно, попутно повалив на землю несколько его товарищей, что дало мне ещё пару секунд форы.

Они столпились под окнами, гранату бы, да нет её у меня. Вот следующий полез в окно, зарядить штуцер уже не успеваю, пришлось просто ударить ногой в лицо, благо, руки у него заняты. Голова мотнулась назад, нос просто перестал существовать, а на пол потекли струи крови. Вот только его это нисколько не смутило, он продолжил втискивать своё тело внутрь, а в соседнем окне показался ещё один. Я всё же зарядил патрон и выстрелил в того, что с разбитой мордой. Помогло, туловище буквально разорвало пополам, Петрович своё дело знал.

Дальше пришлось забросить винтовку за спину (бросать не решился, так можно хоть приклад использовать) и отступать вглубь дома, попутно вынимая из кобуры револьвер. В голову, только в голову. Вот мужик в красной майке, явно бывший раньше спортсменом, поднимает топор, расстояние – два шага. Пуля прилетела ему точно в переносицу. По идее, теперь он, как всякий зомбак, должен был благополучно помереть второй раз.

Чёрта лысого! Он даже топор не уронил, единственным плюсом было то, что пуля повредила глаза, отчего он потерял ориентацию в пространстве и, вместо того, чтобы рубить меня, зацепил топором своего, сбив тому атаку. Я стрелял почти не целясь, пули пробивали головы, и, хоть твари и не спешили дохнуть, это мешало им продолжать бой.

Вот только семь патронов закончились быстро, а больше отбиваться нечем, теперь только отступать обратно, в надежде, что парни снаружи прикроют. Последнее, что я сделал, - это отпихнул

ногой очередного зомбака с молотком, который прошёл в нескольких сантиметрах от моей головы, и, подбежав к стене, отодвинул в сторону лестницу. Та упала на пол, лишив их возможности подняться на чердак. Вряд ли догадаются поставить её на место.

Я собирался сигануть в окно и укрыться где-то у машины, но тут в это окно влетела стрела, что пробила мне плечо. Ранение, как я потом понял, было относительно безопасным, стрела прошла через мясо, но от боли и неожиданности я выронил револьвер с опустевшим барабаном, а потом просто вывалился в разбитое окно, что и спасло меня от встречи с топором очередного зомбака.

Мертвецы стали подходить к окнам, но ту, на моё счастье, рядом оказался Немой, который скупыми очередями из автомата, стал бить их по головам. Я заметил, что рядом с ним лежат уже три пустых диска, а всего у него было шесть.

Пользуясь случаем, стал перезаряжать штуцер, совершенно забыв при этом о ранении. Больно. Ещё и кровь ручьём течёт, к счастью, кровь тёмная, значит, артерия цела. Впрочем, можно и из вен кровью истечь, а перевязываться некогда. Стрелу бы вытащить, но наконечник с зазубриной. Проклиная всё на свете, вынул нож и срезал наискосок древко стрелы, отделив наконечник. Потом, дотянувшись левой рукой, вырвал стрелу в противоположную сторону. От боли прикусил язык, но стрела вышла, отчего стало немного легче. Кровь потекла с удвоенной силой, но пока я чувствовал себя бодрым.

Тут пришлось вскочить, я увидел, как внутри дома зомбак спокойно ставит на место лестницу и собирается лезть на чердак. Сука! Марина наверху продолжала стрелять, а за грохотом выстрелов я не смогу её предупредить. Ухватив штуцер левой рукой, я снова кинулся в дом. Первого врага встретил на крыльце, свалив его ударом приклада, действовать приходилось одной рукой, но ярость придавала мне сил. Убил или нет – неважно. Важно прорваться вперёд. Следующий попытался связать меня боем. Связал. К счастью, у него была сильно повреждена рука, так что силы оказались равны. Ударить прикладом не получилось, зато я смог дотянуться до кастета и несколько раз двинул его в лицо, пробив кость едва не до затылка.

Тут я увидел, что умный зомбак, поставивший лестницу, уже просовывает голову на чердак. Впрочем, наверху снова прогремел

выстрел, после чего он свалился вниз, с простреленной головой. Марина не забывала оглядываться. Умница.

А вот моё положение из нормального резко стало критическим. Зомбаков оставалось всего двое или трое, точнее сказать было нельзя, поскольку некоторые «убитые» шевелились и продолжали представлять какую-то опасность. А в дом уже лезли писаные в балахонах. Эти в отличие от безмозглого мяса, воевать умели. От смерти меня спасла хорошая реакция, я просто рухнул на пол, а в следующую секунду в стену, где я только что стоял, вонзились сразу три метательных ножа.

Подхватив штуцер, я выстрелил. Попал вскользь, в левую скулу, да только при таком калибре пули и такое ранение надёжно вывело его из строя, сорвав половину лица.

Следующие двое сектантов буквально запрыгнули в окна, посрамив олимпийских прыгунов в высоту. Стрелять было нечем, где-то тут лежит револьвер, но в нём нет патронов. Спас меня Немой. Что в этот момент ввалился в дверь и выдал длинную очередь. Одного прошил в нескольких местах, хотя тот ещё некоторое время стоял на ногах и скалил зубы. Второй же успел спрятаться за некстати вставшего на ноги зомби с оторванной рукой. То принял в себя пули, а сектант из-за его спины метнул какие-то подобия сюрикенов. Заточенные железки ударили в оба плеча парня с такой силой, что то повалился на спину, роняя автомат.

После этого расписной враг кинулся добивать Немого, но я успел подставить ногу, отчего тот споткнулся и упал вперёд. Я прыгнул ему на спину, собираясь придавить к полу. Не тут-то было, мразотный сектант немедленно поднялся, так, словно меня и не было, после чего едва заметным движением полоснул меня по руке коротким ножом, рука, и без того раненая, разжалась, я едва не упал, а он с хохотом пошёл на меня, вынимая из ножен кинжал, вроде кавказского.

Но и Немого рано было списывать со счетов, руки у него почти не действовали, зато ногой он умудрился ударить врага сзади под колено, снова его уронив. Тут уже я повторил свой прыжок, а встать он не успел, поскольку моя здоровая рука с кастетом несколько раз опустилась ему не голову, проломив кость. В этот момент в бок меня что-то кольнуло, и я потерял сознание…

- … одиннадцать, двенадцать, тринадцать, - считал кто-то неподалёку, сознание возвращалось медленно, глаза стали видеть свет, а потом появились образы людей. – Восемнадцать. Ещё двое там лежат, и троих в доме убили. Лихо мы их.

Винокур закончил подсчитывать потери противника, а я разглядел заплаканное лицо Марины, что сидела надо мной.

- Я жив? – спросил я, с трудом осознавая происходящее.

- Угу, - откуда-то сбоку ответил Башкин. – Правда, если бы промедлили ещё минут двадцать, ты был бы мёртв. А так всё прекрасно, если не считать слегка испорченной шкуры.

- Что это было?

- Яды, - объяснил он. – Они любят отравлять оружие. По крайней мере, тот кинжал, что тебе воткнули в бок, точно был отравлен. Есть антидот, но он в дефиците.

- Для меня нашли?

- И для тебя, и для меня, и для остальных. Нам всем чертовски повезло, что я прихватил с собой специальную аптечку.

Только тут я рассмотрел, что одна рука у него на перевязи. Винокур, вопреки его бодрому виду, тоже был ранен, и теперь стирал кровь с лица носовым платком. Немой лежал рядом со мной, но пока был без сознания, сквозь бинты уже пропиталась кровь.

- Я думала, ты убит, - всхлипнула Марина. – Испугалась очень.

- Перестань, - я протянул левую руку (правая не слушалась совсем) и погладил её по щеке. – Всё хорошо закончилось.

- Девочка – молодец, - сообщил Коростин, протирая тряпочкой кровь, что залила дверцу машины. – Из тех убитых больше половины – её.

- Да ты и сам хорошо поработал, – похвалил меня Винокур. – Кадавры только с виду тупые и медленные, но когда их такая толпа, справиться трудно даже с автоматом. Пули их почти не берут, а потом, когда ты будешь заряжаться, окружат и разорвут на части. Силы у них хватает.

- Ну, мой калибр всех берёт, - я попытался встать, получилось, хоть и с трудом.

- Не факт, – возразил Винокур. – Там больше десятка добивать пришлось, руки-ноги оторваны, а они продолжали вперёд ползти. К тому же, не забывай, они не сами по себе действовали, кто-то из

писаных их контролировал и направлял. Скорее всего, тот, которого ты завалил.

- Ясно, дальше что делать будем?

- Поедем вперёд, попробуем отодвинуть дерево и вернёмся домой, - объяснил Коростин. – Сейчас наш учёный трупы врагов сфотографирует для отчётности, чтобы нам награду получить.

Учёный действительно вынул компактный фотоаппарат и принялся обходить кучи трупов, делая снимки, так, чтобы видны были все. Это правильно, отчётность нужна, не головы же им отрезать, а на слово не поверят. Насколько я понимаю, перебить два десятка писаных, да ещё с зомбаками – великий подвиг. Отдельного внимания заслуживали трупы сектантов, убитые из автомата. Некоторые имели по семь-десять попаданий в корпус, но при этом продолжали атаковать. Сдаётся мне, конструкторам впору автоматы делать под двенадцать и семь, правда, выдавать их придётся железным дровосекам.

Сборы заняли немного времени, тут, собственно, и собирать было нечего, разве что, гильзы от штуцера, которые пойдут Петровичу на перезарядку. Погрузив в машину так и не пришедшего в себя Немого, мы отправились обратно. Сдвинуть бревно получилось, хотя и стоило нашей инвалидной команде немалых усилий, у меня даже раны от напряжения снова начали кровоточить.

Больше мы никого не встретили, дорога показалась нам тихой и спокойной, а примерно в три часа ночи уже подъезжали к школе.

Глава двадцатая

Мало того, что приехали поздно, так ещё пришлось ждать врача в местном медпункте, который осмотрел наши раны, похвалил Башкина за оперативную помощь, а потом велел медбрату наложить свежие повязки. Всё это отняло у нас ещё около часа, в результате спать мы отправились уже под утро. Отсыпаться утром мне долго не дали, около десяти часов утра заявился некий военный в сержантских погонах, сказав, что меня вызывает капитан такой-то, для выяснения чего-то там. Ну, надо, значит, надо.

- Сейчас приду, - сказал я, с неохотой вставая с кровати.

- Мне приказано сопроводить, - заявил сержант, встав у двери.

- Ну, приказано, значит, сопроводите, - тон сержанта мне не понравился. Кстати, значки у него странные, он вообще, откуда?

Пока я надевал штаны и рубаху, в кабинет просунул голову Коростин, как и я имевший весьма помятый вид.

- Дима, тебя ГБ вызывает.

- Ну, - кивнул я.

- Вот и ну, не их это дело, ни о чём не говори, ничего не подписывай, я сейчас до Верещагина прогуляюсь.

Он тут же исчез, а сержант проводил его ненавидящим взглядом. Ну, ты-то куда, это большим погонам переживать нужно, а твоя работа – меня отвести. Оружие брать не стал, здесь теперь почти безопасно, а если надумают арестовать, наган не поможет, тем более что я его после боя так и не зарядил.

Сержант проводил меня в одно из зданий на зачищенной территории, где располагалось нечто, вроде временной администрации. Здесь, в просторном кабинете меня встретил худощавый мужчина лет тридцати, одетый в коричневый пиджак. Осмотрев меня с головы до ног, он взглядом велел сержанту убраться, после чего кивнул на стул. Я присел и приготовился слушать.

- Дмитрий Сергеевич, - то ли спросил, то ли просто сказал он.

- Я.

- Так вот, Дмитрий Сергеевич, мы с вами пока не знакомы, разрешите представиться: капитан Тарасов, должность моя вам ничего не скажет, в данный момент я - уполномоченный от госбезопасности, временно прикомандирован сюда.

Он достал удостоверение, развернул его и на секунду сунул мне под нос, я успел разглядеть только фамилию и фото.

- Ну, поздравляю, - сказал я недоумённо. – А я чем могу помочь?

- Насчёт того, кто вы и откуда, меня уже просветили, - он как-то нехорошо улыбнулся. – Однако, это не даёт вам иммунитета, вы точно так же обязаны соблюдать закон.

- И? Я что-то нарушил? – я изобразил невинный взгляд, а собеседник вызывал всё большее отторжение.

- Ну, вы ведь понимаете, что законов много, жизнь человека отрегулирована до мелочей. Например, оружие. Насколько мне известно, вы хранили у себя револьвер.

- И что? – захотелось послать его и отправиться по своим делам. Впрочем, он этого и ждёт, намеренно провоцирует. – Тут у половины жителей стволы есть. Их всех надо срочно посадить?

- Я сказал это для примера, чтобы вы поняли, что нельзя быть чистым, как говорится, была бы шея… - он даже не стеснялся, очень неприятный тип. – Сюда пришла государственная власть, пришла всерьёз и надолго, а потому будет наведён порядок. А вы мне в этом поможете. Ну, или стоит вспомнить ещё незаконный сбор артефактов и торговлю ими, мародёрство в домах советских граждан, дружбу с уголовниками, вроде Винокура. Что, скажете, не было? А где дружба, там и соучастие.

- Вы в своём уме, товарищ капитан? – лениво спросил я, беседа начинала напоминать сумасшедший дом.

- Вон вы как заговорили, - он уже буквально шипел, как змея. – Думаете, вас военная контрразведка спасёт? Может, и спасёт. Вот только заказанные вашим инженером детали будут сюда месяц добираться, а то и два. И ещё, - он вдруг расплылся в улыбке, - ваша сожительница, Еремеева Марина Владимировна, у неё ведь срок не закончился, осталась самая малость, шесть или семь лет, точно не помню. Придётся срочно отконвоировать её в колонию, знаете ли, во всём порядок должен быть. Что, не нравится, так не вынуждайте…

Я уже прикинул, что успею свернуть ему шею прежде, чем из-за двери появится сержант, но тут дверь распахнулась, и в неё заглянул мужчина в военной форме и майорских погонах, был он примерно моих лет, с выбритой головой, крепкий и высокого роста. Таких обычно в роте почётного караула держат.

- Не помешаю? – спросил он и, не дожидаясь ответа, перешагнул порог, где-то позади мелькнуло сконфуженное лицо сержанта.

- Помешаете! – огрызнулся Тарасов.

- И тем не менее, - майор взял у стены ещё один стул, поставил к столу и присел на него задом наперёд, как на коня. – До меня дошли слухи, что вы тут занимаетесь вещами, что лежат за пределами вашей компетенции.

- С каких пор борьба с преступностью ушла из моей компетенции? – с вызовом спросил гэбист.

- Вам постановление правительства зачитать? – с издевкой спросил майор. – Или вы его помните? И приказ, касающийся данного гражданина, вам тоже доводили. И кому он подчиняется, вы прекрасно знаете.

- А я с ним ничего делать не собираюсь, - внезапно заявил Тарасов.

- Не смешно, - майор скорчил презрительную гримасу. – Здесь не место для допросов, акустика такая, что я в коридоре половину вашего разговора услышал. И вот что я вам скажу: если хоть один из ваших к этой девочке приблизится, погоны с вас слетят.

- А вот это уже… - Тарасов попробовал возразить, но майор тут же его перебил:

- Что?!! – от резкого тона я даже вздрогнул. – Вам напомнить, сколько людей в полку осталось? Меньше тысячи, а задачи стоят космические. И приказ сами знаете кого над нами висит. Где мне людей взять?

- При чём тут?..

- Притом, отправьте мне ваших людей сотни полторы, тогда и сможете на местных отрываться. Вам непонятно, что брать и зачищать города мы сможем только с опорой на местных? Здесь больше сотни активных штыков, а подготовка у них получше, чем у моих парней. Всех пересажать хотите? Ну, попробуйте.

- Причём тут осуждённые? – Тарасов не сдавался. – Или их вы тоже в бой отправите? И оружие дадите?

- Между прочим, эти самые девки в последнем бою больше десятка сектантов порешили. Сделали мою работу. И вашу, кстати. А ещё есть распоряжение министра, согласно которому временная военная администрация вправе (и должна) гарантировать амнистию тем, кто на момент катастрофы находился в местах заключения при отсутствии дополнительных компрометирующих материалов. Если это до вас не довели, то попробуйте по логике рассудить: государство, заключив человека под стражу, обязуется, среди прочего, его охранять. Слышите? Мы своё обязательство не выполнили, заключённые выживали, как могли. Девок этих надзирательница спасла. Опять же, нашу работу сделала. Вы их по новой посадить хотите? Ну,

попробуйте. Вот только когда местные вас на вилы поднимут, наши люди в сторону отойдут.

- По-вашему, люди, жившие здесь до прихода законной власти, могут творить, что хотят?

- А что вас не устраивает? Я пока вижу, как местные активно сотрудничают с армией, оказывают помощь, воюют, выступают проводниками, сами организовали полноценный госпиталь и даже исследовательскую лабораторию. И когда пойдём дальше, будем точно так же опираться на них, тех, кто выживал в этих анклавах все эти годы. А конкретно этот человек, - майор снова кивнул на меня. – Вы в курсе, куда он ездил с друзьями? И что там делал?

- Насчёт занятий у меня некоторые сомнения, а ездили они к рецидивисту Решетову, более известному, как Железяка. Что касается занятий, тут я, впрочем, уверен, это была спекуляция артефактами, – капитан снова сел на своего конька. - Кстати, потрудитесь объяснить, что там делал научный сотрудник Башкин? – следователь снова попытался посмотреть на майора с тенью превосходства. – Ещё, несколько мне известно, там же был некто Винокур, бывший офицер, которого разыскивают за совершение тяжких преступлений.

- Какая однобокая у вас осведомлённость, только вешать лапшу на уши можете другим. Решетов, согласно моей информации, был судим один раз, за кражу, отбыл шесть лет, освободился за два года до Катастрофы. Когда он успел стать рецидивистом? Насчёт Винокура я даже объяснять не буду, сами всё прекрасно знаете. То, что он совершил, достойно награды. Звезды Героя. Напомните, кто в итоге её получил? Ага. А Винокура преступником объявили. Молодцы, поздравляю. А насчёт спекуляции артефактами попридержите язык, поскольку иного способа получения их пока нет даже у нас. Но это всё не главное. Главное в другом. Вам фамилия Пасечник о чём-нибудь говорит?

Гэбист ощутимо переменился в лице.

- Пасечник… тот самый?

- Ага, тот самый. Не знаю, как у вас, а у нас при попытках его ликвидации погибли три группы общей численностью в девятнадцать человек. Ваших, думаю, полегло не меньше.

- И что с ним?

- Вот этот человек его упокоил, - майор кивнул в мою сторону. – Просто взял и задушил удавкой. Нет больше Пасечника, а его группировка, которая в будущем потребовала бы проведения военной операции силами пары дивизий, в данный момент распалась на массу мелких, которые уже сцепились между собой. Более того скажу, на обратном пути эти «преступники» и «враги народа» встретили отряд сектантов, двадцать три рыла и при них полсотни вооружённых кадавров. Они положили всех. Дошло теперь, какое значение имеет добровольная поддержка местного населения, и какую свинью вы нам подкладываете своими интригами?

Информация о смерти Пасечника окончательно выбила Тарасова из колеи. Теперь точно ничего мне предъявлять не станет. Хотя, ему ведь нужно стукачей навербовать. Со мной не вышло, других найдёт. Глядишь, через год тут на каждого добротный компромат найдётся. Потом, когда ситуация улучшится, власть военных ослабнет, тогда и делам ход дадут.

- Пойдёмте, - сказал майор в мою сторону. – А вы, Тарасов, опомнитесь, пока не поздно. Все люди, что живут на диких территориях и не впали в безумие и разбой, все они – наша опора. Впереди десятилетия борьбы, и надеяться нам больше не на кого.

Мы вышли, некоторое время шли молча, потом майор остановил меня и, пристально посмотрев в глаза, представился:

- Матвеев моя фамилия, майор Матвеев. Так меня зовут, я представляю военную контрразведку. В настоящее время вся власть у нас, так уж вышло. Если будут проблемы, ищите в штабе полка.

Мы собирались разойтись в разные стороны, но он вдруг обернулся и сказал:

- Зайдите к полковнику Верещагину, у него для вас награда.

Сон мне всё равно перебили, да и осадок после визита к Тарасову остался нехороший, тварь ещё та, он не забудет. Лучше поскорее отсюда свалить. И Марину с собой прихватить.

Штаб армии (если можно назвать так один полк неполного состава) находился в помещении бывшего детского сада, на недавно освобождённой территории. Вообще, зачистка городских кварталов шла довольно быстро, когда мы уезжали, армейцы работали совсем рядом, а теперь выстрелы гремят уже за пять кварталов отсюда.

- Разрешите, товарищ полковник, - я с позволения часового просунул голову в кабинет.

- Таранов? – полковник подслеповато прищурился. – Проходите, ждал вас. Слышал, вас там следователь пытался в оборот взять?

- Пытался, - признал я. – Но не смог, майор Матвеев вовремя прибыл и выручил меня. Но всё равно, приятного мало, очень хочется поскорее отсюда убыть.

- Увы, убыть быстрее, чем есть, у вас не получится. Терпение нужно, а вас никто больше не потревожит, это я обещаю. Пока присаживайтесь и слушайте.

Я присел, в отличие от кабинета следователя, стулья здесь были мягкие, явно из кабинета какого-то большого начальника. Полковник немедленно полез в шкаф и принялся что-то искать.

- С утра ваш Коростин был, - сообщил он. – Ну и рассказал занятную историю, а потом и рапорт от Башкина принесли, где он всё подтверждает. Могу сказать одно: вы герои. Все. И, как настоящие герои, заслуживаете награду. В первую очередь именно вы, Дмитрий Сергеевич, как человек, избавивший нас от многолетнего геморроя в лице этой твари Пасечника. Командование в будущем на полном серьёзе допускало проведение в тех местах полноценной военной операции, но обошлось. Благодаря вам.

Тут он замолчал и вынул из шкафа длинный чехол, в котором обычно таскают охотничьи ружья.

- Так уж вышло, что вам регулярно достаётся экспериментальное оружие, - он положил чехол на стол, но открывать не спешил. – Вы говорили, что штуцер ТОЗовский тяжеловат? Отдача сильная?

- Очень, – не стал я спорить. – Если с сошек стрелять, то, наверное, сойдёт. А стоя и с плеча, да много раз – это пытка.

- Согласен, а автоматным или даже винтовочным калибром стрелять в тех же сектантов – это несерьёзно. Практика показала, что они с кучей дырок в шкуре успевают до стрелка добежать и голову ему отрезать. Солдаты проблему решают ураганом огня и применением дробовиков. Ещё конструкторы с пулями мудрят, чтобы летальность повысить. Что же до ополченцев - так я называю милиционные формирования, отряды людей, что выживают на дикой территории, - то им больше подойдёт дальнобойный карабин большого калибра. У нас их делали раньше, но мало и редко, а теперь почти все

производственные мощности остались на территории, оккупированной нечистью, придётся линейку с нуля делать.

- Сделали?

- Ну, как всегда, экспериментальная партия. Но я вам хочу выдать то, что образцом послужило.

Он расстегнул чехол и вынул охотничий карабин с ручной перезарядкой.

- Вот, - объяснил полковник. – Во время одного из визитов в Европу, нашли в богатом особняке. Австрийский карабин «Манлихер», калибром девять и три, как понимаю, для охоты на крупного африканского зверя. Слоны, там, буйволы или носороги. Таких всего три было, два оружейникам ушли, а этот у меня остался. Только запас патронов невелик, всего меньше сотни, но их у нас уже в производство пустили, думаю, через месяц завезут партию.

Я протянул руку и взял оружие. Дерево приклада давало приятное ощущение теплоты, без лакового покрытия, чем-то пропитано. По сюжету должна была присутствовать оптика, но её не было, только открытый прицел, к тому же нерегулируемый. Взялся за рукоять затвора, поднял, отвёл назад, поразившись лёгкости хода, щёлкнул курком. Отличное оружие, теперь осталось разобраться с механизмом и пристрелять. Тут же были патроны, я поднял один, длинная латунная гильза и пуля со срезанным кончиком. У других были пули острые, закруглённые, полуоболочечные. Набор на все случаи жизни.

- А их перезаряжать можно? – спросил я у полковника, который присел за рабочий стол.

- Не уверен, - он пожал плечами. – Если и можно, то результат, скорее всего, на точности скажется. Впрочем, спросите у Гриценко, он тут за оружейника, к нему даже мои парни с проблемами идут. Ну, или подождите заводских, вам ещё и револьвер обещали.

Повесив на плечо карабин, я ещё раз поблагодарил полковника за подарок, после чего вышел на улицу, где сразу же нос у носу столкнулся с Башкиным.

- Дмитрий Сергеевич? – он немедленно взял меня в оборот. – Я вас уже давно ищу, срочно нужна ваша помощь.

Ухватив меня за локоть, потащил вдоль улицы. Блин, всем я нужен. А я поспать хотел.

- Что случилось-то?

- Для начала: как ваша рука?

- Рука? – я задумался, с вечера, когда отходил ко сну, рана в руке адски болела, несмотря даже на уколы, а теперь осталась только слабая ноющая боль. Надо бы под повязку заглянуть, как там. При этом подвижность полностью восстановилась. Временами даже забывал, что ранен. – Вроде, нормально.

Я показал ему кисть правой руки и несколько раз сжал кулак.

- И как вы считаете, это нормально, что с вашей рукой всё нормально? После сквозного-то ранения, да ещё холодным оружием?

- Что-то не так?

- Наоборот, всё так, даже больше того. Вы не забыли, что пили живую воду? Так вот, она ещё действует.

- Ну, я рад.

- И я рад, а потому хочу вас использовать в своих целях.

- Может, ну его? – неуверенно спросил я.

- Смотрите, вы показали феноменальную выносливость при работе с «яблоком», до этого пили живую воду, а теперь у вас заживают раны быстрее, чем на собаке. Лучшего кандидата не найти.

- Во-первых, для чего? Во-вторых, мы, вроде, на «ты» общались?

- Насчёт общения, тут вы правы, да только я разделяю понятие «боевая обстановка», где общаться лучше всего матом, даже если вы интеллигент в надцатом поколении, и рабочий процесс, когда стоит помнить о вежливости и такте. Поэтому, сейчас на «вы». Что же до моей цели, то тут всё просто: из центра подвезли нужное оборудование, теперь кому-то стоит заглянуть в разведанный вами же «выход».

- Это то место, куда Седой голову сунул?

- Да, по нашим расчётам там можно пошарить на предмет ценностей. Любых.

- Хм. Допустим, Седой через пять секунд отрубился, я выдержу десять. Какие ценности я за это время отыщу?

- В Политбюро не дураки сидят, - гордо заявил учёный. – Оборудование уже прислали, теперь я его до ума доведу, а дальше вы наденете скафандр и пойдёте туда. По косвенным признакам, там несколько помещений, очень может быть, что внутри есть ценности. Впрочем, поверьте мне на слово, что даже простой булыжник из того мира имеет некоторую ценность для науки.

- Ну, если для науки, - обречённым тоном проговорил я. – Тогда согласен. Несите ваш скафандр.

- Не готов ещё, ориентировочно, сегодня вечером. Ну, не вечером, а часов в пять. Устроит вас?

- Да, - я прикинул, что заниматься всё равно нечем.

- Хорошо, отдыхайте пока, я вас найду.

Башкин немедленно убежал в направлении штаба, а я отправился в школу. Надо проверить, как там Марина, не исключено, что товарищи из органов уже и к ней наведались.

Так и вышло, когда я прибыл, Марина сидела у меня в кабинете в слезах.

- У тебя тоже были? – спросил я, уже зная ответ.

- Угу, - она кивнула и вытерла слёзы. – Они сказали…

- Я знаю, - перебил я её, пытаясь избежать нового приступа рыданий. – Мне они тоже многое говорили. А потом пришёл местный военный начальник и ловко посадил следака на жопу. Среди прочего, сказал ему, что за какие-то действия против тебя тот отправится на Крайний Север поднимать целину. А даже если конкурирующая фирма придумает гадость, мы скоро будем далеко отсюда.

- Как скоро? – она почти успокоилась.

- Ну, думаю, через месяц, не больше. Фёдорыч всё ещё ждёт комплектующие, как привезут, так и поедем.

- Ты есть хочешь? – спросила она, меняя тему, может быть, сама не хотела говорить о неприятных вещах. – Я прихватила в столовой.

Не знаю, можно ли в столовой прихватывать еду, но две приличных размеров тарелки с варёной картошкой, а также несколько кусков жареного мяса напомнили мне, что я зверски голоден. В следующие минут десять я только и делал, что работал челюстями. Уже потом, отвалившись от стола, снова обратил внимание на жену. Возникла мысль обнять её, наговорить ласковых слов и завалить на брачное ложе, но кровь отлила к желудку, а потому, вместо слов любви, я сыто рыгнул.

- Фу, - немедленно высказалась Марина, но на лицо её вернулась улыбка. – А что ты принёс?

- Винтовка, подарок от полковника, - объяснил я. – Кстати, могу тебе отдать, она крупнокалиберная, но не такая мощная, как мой штуцер.

- Нет, меня моя устраивает, - отмахнулась она, - а вот потренироваться стоит. Я в последнем бою половину патронов мимо расстреляла, хотя расстояние было смешным. Не могу упреждение брать, когда враги постоянно перемещаются.

- Предлагаю… - я прикинул, что сейчас только утро, ну, пусть часов одиннадцать, а работа мне предстоит только в пять. – Давай на стрельбище сходим. Патронов-то у нас хватает.

- А где тут стрельбище?

- Ты же местная, - я усмехнулся. – Но вообще, стреляют на стадионе, там есть рубеж на сто и двести метров.

- Тогда пойдём.

Глава двадцать первая

Справедливости ради, футбольное поле в длину едва превышает сто метров, а потому стрелять на нём на двести – задача нерешаемая. Впрочем, тут её решили, поскольку стадион, будучи изначально стандартным, был сильно повреждён во времена БП, а потому с одного торца стенка и большой кусок трибуны просто отсутствовали, а дальше начинался пустырь, что давало ещё около ста метров открытого пространства. Тот самый стадион, где я появился, и где нашёл свою смерть Водолей.

Местные активисты даже успели разметить местность на сто, сто пятьдесят и двести метров, заодно убрав обломки с прохода и установив щиты на противоположном конце стадиона. По понятным причинам, занятия по стрельбе раньше проводились редко, теперь же, когда дальнобойного оружия у местных стало достаточно, а патроны напрямую поставлялись из государственной заначки, пришлось даже отстоять небольшую очередь. Двое парней пристреливали карабины СКС.

Чтобы скоротать время, я занялся изучением карабина. Вещица была красивой, но вот немецкий (ну, пусть австрийский, разница невелика) оружейный гений, насколько я знал, склонен был усложнять конструкцию. Разборка незнакомого механизма грозила некоторыми последствиями, поскольку потом требовалось его как-то собрать. Впрочем, я рукожопостью никогда не страдал, а в молодости даже работал слесарем третьего разряда по ремонту… короче, неважно.

Разобраться с механизмом труда не составило, всё оказалось просто, даже гениальности австрийцев не хватило, чтобы усложнить

механизм болтовой винтовки. Удивило устройство магазина. Во-первых, он съёмный, во-вторых, всего на три патрона, что, конечно, поднимет мою скорострельность относительно штуцера, но совсем не намного. Ну, а в третьих, оказалось, что магазин этот можно вставлять на полшишки. Непонятно, да? Ну, короче, у него два положения, при одном он вставлен, как положено и патроны из него подаются в патронник, при втором он вставлен для вида, а заряжать полагается по одному сверху, как берданку. Для чего такое придумали, понятия не имею, наверное, чтобы менять тип боеприпаса в разгар боя. Не боя, конечно, охоты, хотя, когда охотишься на льва, от боя это мало чем отличается. Лев не стреляет? Так и писаные не стреляют, зато режут здорово.

Больше всего проблем доставил предохранитель, с которым я до конца так и не разобрался, единственное, что выяснил, - это то, что вот в таком положении оружие стреляет.

В процессе изучения поймал себя на мысли, что руки чешутся достать телефон и погуглить видео с разборкой такого ствола. Но, увы, телефона тут нет, Интернета тоже, всё это осталось в нашем мире. И, кстати, не факт, что том мире такие карабины делали. Впрочем, любители сафари были и у нас, а значит, оружейники за большие деньги удовлетворяли их капризы.

Когда огневой рубеж освободился, мы установили там свои мишени (бумажных листов с ними в городе хранилось много, правда, за эти годы бумага слегка подгнила), после чего залегли для стрельбы. Экспериментировать с магазином я не стал, просто зарядил три патрона, дослал один в ствол и прицелился.

Оружие удобно лежало в руке, не отличалось большой длиной, да и вес распределялся так, что усилий для ровного удержания прилагать не приходилось. Прицелившись на сто метров, я поймал момент, когда мушка замерла в нужном положении, и нажал на спуск.

Отдача серьёзная, но со штуцером не сравнить, более того, приклад тут покрыт таким материалом, что кость точно не сломает. Поднимаю рукоять затвора, двигаю назад. Блестящая латунная гильза падает на землю. Надо будет их все потом собрать и отнести Петровичу. Потом, уже не раздумывая, всаживаю в мишень вторую и третью пулю.

После меня работает Марина. Ей, собственно, на ста метрах делать нечего, поскольку на винтовке стоит оптика. Впрочем, прицел настолько старый, что я начинаю подозревать, что он Войну застал, и именно с его помощью Василий Зайцев в Сталинграде фашистов валил.

Она один за другим отстреливает все пять патронов, после чего кладёт винтовку и смотрит на меня. Отмечаю её спокойствие и механические движения рук. Откуда что берётся, была домашняя (относительно) девочка, а теперь – профессиональный снайпер.

Отправляемся к мишеням. Вот это – моя работа. Все три пули в десятку, ну, это неудивительно, я, хоть и не имел большой практики, на меткость не жаловался никогда, а тут ещё и оружие повышенной точности. Единственное – все три пули ударили в верхний край, надо будет чуть ниже брать, поскольку с увеличением расстояния эта погрешность будет возрастать. У Марины тоже успех (я бы удивился, будь результат иным). Самое время увеличить дистанцию.

В итоге, я расстрелял ещё шесть патронов (злобная жаба уже сцепила лапы у меня на шее), чтобы убедиться в точности работы оружия. Даже на двести метров пули легли не дальше восьмёрки, будь у меня оптика, справился бы и на триста. Марина смазала только один выстрел, как она сама призналась: чихнула в момент выстрела, пуля ушла в молоко. Что же, меня это обрадовало, в нынешних условиях, стрелковые умения жены куда важнее, чем умение варить борщ.

По возвращению домой, я первым делом вычистил до блеска все детали винтовки, после чего прихватил гильзы и отправился к оружейнику.

- Петрович, - позвал я, входя в мастерскую, оружейник сидел на высоком стуле за верстаком и старательно перебирал гору металлического хлама. – Извини, если отрываю, но у меня дело важное.

- Говори, - он покосился на меня, после чего сдвинул очки со лба на переносицу.

- Мне полковник карабин подарил, - сообщил я. – У него калибр редкий, а потому патронов мало. Вот такая гильза, мне интересно, можно её перезарядить?

Я поставил перед ним на стол гильзу. Ухватив её двумя пальцами, оружейник некоторое время всматривался, потом, что-то едва слышно

прошептав, снова поднял взгляд на меня.

- Можно, только качество будет хуже, и ствол потом чистить придётся тщательно. Может быть, износ этого ствола возрастёт. Короче, лучше стреляй родными. Моя работа понадобится, чтобы какие-то особенные пули вставлять. Но тогда принеси мне один целый.

- Вот, - я поставил патрон перед ним, специально взял для примера. – А зачем?

- Разобрать и посмотреть, сорт пороха, массу пули, ещё кое-что, потом уже поработаю. Дня через два зайди, получишь результат.

Вечер наступил как-то незаметно, я едва не забыл, что обещал учёному, когда приблизился к штабу, он уже бодро двигался мне навстречу.

- А, вот и вы, - Башкин облегчённо вздохнул, - я думал, забыли или заняты чем-то важным, всё уже готово, сейчас захватим оборудование и отправимся на место.

На место следовало отправляться в сопровождении четверых бойцов, которые отчего-то были в полной броне, а один даже держал пулемёт. Двое несли ящик с оборудованием, а самое главное, видимо, тот самый скафандр, Башкин не доверил никому, сложил в мешок и взвалил себе на спину.

На место прибыли быстро, эта часть города уже считалась условно безопасной, поэтому передвигаться можно было свободно, кроме обязательной зачистки монстров, солдаты кое-где обвалили заборы, наверное, чтобы техника проезжала свободнее. Поэтому нам даже через забор скакать не пришлось.

«Выход» был на прежнем месте, теперь, при относительно ярком свете, я мог разглядеть его подробнее. Да, прямо на рельсах стояло некое чудо, два пенька по бокам, в центре чёрное пылевое облако, а вокруг него, как бы ограничивая и не давая расползаться, виднелась тонкая радуга. Красиво, если издали наблюдать, вблизи как-то не очень, веет от этой дряни чем-то нехорошим.

Трое автоматчиков заняли позиции вокруг с таким расчётом, чтобы прикрывать нас со всех сторон, пулемётчик и вовсе встал почти вплотную к чёрному облаку и направил ствол внутрь. Я не стал спрашивать, зачем он это делает.

Учёный начал распаковывать оборудование, на небольшом поддоне установил нечто, вроде ноутбука, совмещённого с полевым

телефоном. Пощёлкал клавишами, экран загорелся, а из маленькой колонки сбоку раздались щелчки.

- Счётчик Гейгера? – с опаской спросил я.

- Что? А, нет, не волнуйтесь, просто система чувствительная, реагирует на всё. Собственно, мне колонка нужна для связи с вами. Скафандр устаревшей конструкции, видеокамерой не оснащён. Тут не всякая камера подойдёт, поэтому… придётся вам по связи сообщать мне, что видите и слышите.

Закончив с аппаратурой, он выложил два свободных штекера, которые, как я понимаю, собирался подключить ко мне. Судя по длине проводов, намотанных на приличных размеров барабаны, отойти я смогу на километр, не меньше.

- Снимите куртку, - приказал он, вынимая костюм для меня.

Куртку я снял, видимо, размер костюма не позволял разгуляться. Штаны и куртка с капюшоном, увешанные странного вида датчиками и опутанные проводами. Прежде, чем я его надел, Башкин ухватил несколько проводов, которые приклеил пластырем к моему телу в разных местах.

- Датчики жизнедеятельности, - объяснил он, подключая провода к стальной коробочке, что крепилась спереди на куртке. – Будут выводить информацию на монитор.

Когда я, наконец, надел скафандр, почувствовал, что весит он немало. Неудивительно, учитывая количество металла на нём. Больше всего металла было в голове, там, в капюшоне, имелись встроенные наушники, а ещё микрофон, что удобно раскладывался, располагаясь у самого рта.

- Итак, смотрите, - он начал инструктаж, - в наушниках слышите мой голос, через микрофон говорите, звук выводится мне сюда. Помимо прочего, в капюшоне встроен экран, не самый надёжный, но нагрузку на нервную систему снизит, что позволит вам пробыть там… - он задумался, - минут двадцать, не меньше. Я буду следить за вашим состоянием, как только замечу неладное, сразу подам сигнал выходить. Если что-то забудете или не сможете унести, то нестрашно, заберёте в следующий раз. Предметы брать только и исключительно в перчатках.

Он протянул мне перчатки, сплетённые из тончайших проводков в прозрачной изоляции.

- Вообще, старайтесь прикасаться к предметам как можно реже, для вашей же безопасности. Всё, что найдёте, берите аккуратно, двумя пальцами, а потом кладите сюда.

Он протянул мне предмет, который наши родители знали, как авоську, то есть, сумку в виде сетки. Правда, эта сетка была размером, как два стандартных мешка для муки, а в нитках, из которых она состояла, я также заметил вплетённые проводки.

- Оружие у вас есть? – спросил он.

Я хлопнул по кобуре револьвера.

- Отлично, в подобных местах пока не встречали живых существ, но стопроцентной гарантии никто дать не может, лучше быть готовым.

Я перевесил кобуру так, чтобы легко было добраться до оружия.

- Так, последнее, - он выудил из своего мешка огромный термос, отвинтил крышку и налил в неё горячий напиток, судя по запаху, тот самый концентрат, что мне в больнице давала Любовь Наумовна. – Выпить нужно всё, вам понадобятся силы.

Вы не пробовали зараз выпить добрых два литра горячего напитка, и не чая, а густой питательной бурды, которую организм воспринимает, как пищу? Я, конечно, смог, на вместительность желудка никогда не жаловался, но это было нелегко, в перерыве между кружками Башкин давал мне какие-то таблетки разных цветов, последние две велел положить под язык. Дальше наступила очередь глаз, он капнул с пипетки туда какие-то капли, после чего надел мне на голову очки-консервы, а потом ещё и респиратор заставил надеть.

- Очки нужны, чтобы лучше видеть, – объяснил он очевидную вещь, - там могут быть оптические иллюзии, выглядящие, как искривление пространства, очки должны их купировать. Что до респиратора, то он необязателен, но, чем меньше вы вдохнёте пыли, тем лучше для вас, так что старайтесь не снимать. Всё. Можете заходить.

Последнее, что он сделал, - это присоединил провода от своей аппаратуры к выходам скафандра, после этого я, отдуваясь и стараясь удержать в себе выпитое, шагнул в темноту.

- Что видите? – раздался в наушниках голос учёного.

- Пока ничего, - пробубнил я из-под респиратора.

В самом деле, пока что, кроме черноты ничего не было видно. Сделав вперёд ещё один шаг, я внезапно увидел свет. Слегка помотав

головой, я попытался определить его источник, ага, вон то окно под потолком. Вот только свет был странным, похожим на дневной, но отчего-то я точно знал, что за этим окном ничего нет. Помещение провалилось в наш мир с этим светом, а сам его источник остался на той стороне.

Итак, я стою в небольшом помещении, потолок на высоте примерно четырёх метров, стены из каменных плит, плоских и тонких, длина каждой около метра, а толщина не превышает десяти сантиметров. Пыли здесь действительно много, после первых шагов на полу остался след, как у космонавта на луне. Свет, что приникал сверху, помог разглядеть, что это помещение – короткий коридор, оба конца которого ведут в куда более объёмные помещения.

- Что-то появилось? – снова спросил Башкин.

Я коротко описал ему, где нахожусь.

- Не задерживайтесь, - сказал он. – Если ничего интересного нет, следуйте дальше, времени не так много.

Он был прав, заходил я сюда в бодром настроении, а, стоило оказаться внутри, как на плечи словно легла каменная плита, кусок чужого мира высасывал силы, не факт, что продержусь двадцать минут. Приборы, что были встроены в капюшон, негромко жужжали, видимо, работают, спасая меня от обморока.

С направлением долго не думал, сразу повернул налево, шагов через десять оказался у узкого прохода, куда протиснулся с трудом, в соседнем помещении места было куда больше, потолок уходил в высоту метров на семь. Его поддерживали красивые каменные колонны с резьбой, изображавшей сказочных существ, какие-то подобия кентавров, змеи с человеческими головами, а ещё те самые сектанты, каменотёс умудрился передать изображение так, что видны были татуировки и серьги в ушах. При этом в глаза бросился тот факт, что сектантов на изображениях били, топтали, рвали на части. Так обычно врагов изображают. Не знаю, кто всё это построил, но писаным он точно не друг.

Но скоро я забыл о колоннах, поскольку в центре зала был бассейн, который, собственно, эти колонны и ограждали по углам. Бассейн имел узкую каменную лестницу для спуска, явно в нём когда-то купались. Вот только сейчас в нём была какая-то густая чёрная жижа, напоминающая даже не мазут, а гудрон. Жидкость была

совершенно непрозрачная, поэтому я даже примерно не смог определить глубину.

- Здесь бассейн, – сообщил я Башкину, сняв респиратор, чтобы говорить отчётливо. – В нём какая-то чёрная жижа.

- Ни в коем случае не пейте её, - едва не выкрикнул он. Ага, а я ведь как раз собрался отхлебнуть пару литров. Справедливости ради, будь там даже двадцатилетний коньяк, выпить его я бы не смог, некуда. – На обратном пути возьмите образец. Можете обмакнуть палец перчатки, этого хватит. Но потом, двигайтесь дальше.

С противоположной стороны бассейна я заметил нечто, что мне напомнило туалетный столик. Только каменный, как и всё здесь. Я бы его проигнорировал, но на нём стояли металлические предметы. Пришлось обойти бассейн и рассмотреть подробнее. Так и есть. Чаша из блестящего металла, я подумал о стали, но, взяв его в руку, удивился лёгкости, титан, может быть. Рядом лежал ещё один предмет, который напоминил помесь опасной бритвы и кавказского кинжала. Трудно такое представить, в общем, рукоять, как у того самого кинжала, а дальше начинается бритвенное лезвие длиной около двадцати сантиметров. Только у бритвы режущая кромка прямая, а тут она слегка изгибалась. Рядом обнаружились ножны, это порадовало, поскольку такой предмет запросто прорежет основу сетки. В сетку же отправилась чаша. Оглядевшись, я нашел ещё зеркало на стене. Оно было сделано из полированной бронзы, хотя я понятия не имел о составе металла, кроме того, стоило мне это зеркало снять, как я снова почувствовал ту самую лёгкость. Бронза, насколько я знаю, весит больше.

В этот момент снова накатила усталость, пришлось помотать головой и надеть респиратор обратно, всё, здесь мне делать больше нечего, пробы чёрного дерьма возьму, когда буду уходить. Развернувшись, я снова отправился в коридор.

Переступать ногами было всё труднее, а воздух, втягиваемый через респиратор, словно бы не содержал кислорода вовсе. Коридор показался мне невероятно длинным, но в итоге я всё же прошёл в дверной проём.

Тут мне открылось такое, что я даже рот разинул от удивления. Зал с бассейном был большим, но в этом он бы просто потерялся. Потолка я не видел, настолько высоко он располагался, до

противоположной стены было метров сорок, а в длину этот зал был около ста.

- Дмитрий Сергеевич, - спросил в наушнике едва слышный голос Башкина. – Вы молчите, с вами всё в порядке?

- Да, я в порядке, - прохрипел я в микрофон, для чего пришлось снова снять респиратор.

- По голосу слышу, что всё плохо, - настойчиво сказал он. – Вы там уже больше десяти минут, у вас пульс – сто восемьдесят, для первого раза достаточно, возвращайтесь.

- Сейчас, ещё минутку, - ответил я и пошёл в один из концов зала.

Собственно, зал этот раньше был местом собраний, о чём свидетельствовали лавки, стоящие поперёк и занимающие левую половину. Стало быть, тут сидели люди и что-то слушали. Или смотрели, сидели они лицом туда, следовательно… Я отправился вдоль сидений, чтобы лучше рассмотреть то, что находилось на условной трибуне.

Там стояло огромное кресло, вроде бы, деревянное, но такого размера, что я при всём желании его не унесу, также имелись несколько столиков, они были небольшими и вполне подъёмными, но ножки оказались вмонтированы в пол, тут серьёзно подходили к защите от мародёров. Наконец, над всем возвышалась кафедра, которую я сперва посчитал каменной, а потом понял, что материал подобен пластику или слоновой кости. Сама кафедра ничем особым не отличалась, зато на ней стояла небольшая подставка, в которую был воткнут огромный кристалл. Чёрный камень с несимметричной огранкой. Длина его достигала сантиметров тридцати, а в диаметре этот полуромб-полуэллипс был около пятнадцати.

- Ничего не понял, но очень интересно,- пробурчал я себе под нос и, не слушая вопросы напуганного учёного, подошёл ближе и ухватил кристалл двумя руками.

Оправа, напоминающая кубок, оказалась закреплена на кафедре, а сам кристалл, хоть и не без усилий, оказался у меня в руках. Вот теперь точно всё, Башкин на том конце провода уже верещит от ужаса. Правильно, надо было роботов засылать, ну, или придумать, как вытащить отключившегося исследователя наружу. За провода вряд ли получится, хлюпкие они.

- Я в порядке, - голос мой был едва слышен.

Но чувство долга и тут взяло верх, уже шатаясь, как после второй бутылки, я вернулся в комнату с бассейном, где обмакнул ручку авоськи в чёрную жижу, за образец сойдёт. Перед глазами всё плыло, я с трудом соображал, где пол, а где потолок, но тёмный проход всё же разглядел. Последнее, что я увидел перед тем, как выйти обратно в свой мир, - это то, что кристалл оказался вовсе не кристаллом, а подобием чёрного льда, он начал таять у меня в руках, а по рукам стекала всё та же чёрная жидкость. Или другая. А потом я шагнул в темноту, после чего выпал на руки солдатам, стараясь не заляпать их жидкостью.

Башкин тоже об этом подумал, поэтому, как только меня уложили на землю, немедленно подскочил, уже будучи одетым в костюм химзащиты. Находки немедленно перекочевали в ящик из блестящего металла, потом он поднял кристалл, потерявший уже две трети от своего первоначального объёма, и посмотрел его на свет.

- Потрясающе, - сказал он едва слышно под противогазом. – Просто потрясающе.

Я лежал на земле и хватал ртом воздух, тут было прохладно, ветерок охлаждал вспотевшее лицо, я хотел снять капюшон, но руки едва слушались, к тому же сделать это, не испачкавшись чёрной жижей, было невозможно. А потом стало темно.

Глава двадцать вторая

Очнулся я уже в больнице, в палате горел тусклый свет, а рядом сидела Марина, державшая меня за руку.

- Я тебя больше никуда не пущу, - заявила она. – А если бы ты там в обморок упал? Как бы тебя доставали?

Отчитывала она меня, как нерадивого школьника, что без разрешения залез на крышу.

- Всё было под контролем, - заявил я и попытался встать.

Марина меня остановила и сунула в руки огромную кружку из нержавейки, наполненную всё тем же концентратом, от одного запаха которого меня уже начинало подташнивать.

- Пей, - безапелляционно заявила она, - сейчас ещё витаминов дам, их в нашу аптеку целую тонну завезли. А ещё там этот учёный к тебе рвётся, а я его не пускаю.

- Дмитрий Сергеевич, - сдавленно крикнул Башкин из коридора, а я вовремя перехватил руку Марины, что потянулась к лежавшему на

тумбочке нагану. – Я буквально на пару минут.

- Спокойно, - я попытался придать голосу командный тон. – Пусть придёт и расскажет всё. Проходите… не знаю до сих пор, как вас по имени.

- Виктор Аркадьевич, - быстро сказал он, оказываясь внутри палаты и присаживаясь на край кровати.

- Так вот, Виктор Аркадьевич, я требую объяснений. Думаю, что хоть какие-то ответы заслужил.

- Я готов, - не стал спорить он. - Что именно вас интересует?

- Всё, хотя бы вкратце расскажите, что именно я достал, и стоило ли так рисковать из-за этих находок? Думаю, можно это сделать, не раскрывая государственных тайн.

- Собственно, тайны из этого никто не делает, - начал рассказывать Башкин. А я тем временем, чтобы задобрить Марину, которая всё ещё косилась на револьвер, принялся большими глотками хлебать отвар. – Смотрите сами: чаша, которую вы принесли, сама по себе, конечно, не несёт пользы, это именно чаша, а вот сплав, из которого она состоит, содержит тридцать два элемента, свойства сейчас изучают в Академии Наук СССР, то есть, будут изучать, когда её туда привезут. Насколько я понимаю, такая находка уникальна.

- Если её не довезли до Академии Наук, как удалось подсчитать эти элементы?

- Спектральным анализом, - он посмотрел на меня с удивлением. - У нас тут аппаратуры море, масса научных открытий делается прямо здесь, на переднем крае, на стыке двух цивилизаций.

- Цивилизаций? – я усмехнулся. - Что-то мне писаные особо цивилизованными не показались.

Он вдруг стал серьёзным.

- Мы не знаем точно, кто такие эти сектанты, не знаем, какое место они занимали в своём мире, но те редкие находки, что мы делаем, ясно указывают, что там, на той стороне, существовало нечто большее, чем просто степь и дикая орда.

- А вы не пробовали сами во врата шагнуть? В целые, чтобы там оказаться, с той стороны?

- Увы, те врата, что мы знаем, работают только в одну сторону. Если бы было возможно пройти обратно, я первый бы туда пошёл, не взирая ни на какие опасности. Что же до косвенных признаков

развитой цивилизации, судите сами: сплав, в состав которого входят редкие металлы, получить не так просто, даже просто перемешать их в плавильной печи трудно, нужна особая центрифуга. Кроме того, масса компонент очень редко встречается в природе, и выделить их из руды невероятно сложно, человеческая наука ещё лет семьдесят назад такого не умела. А ещё эту руду требуется найти, добыть и обогатить. Для всего этого нужна продвинутая наука и техника, которая никак не вяжется с откровенным примитивизмом сектантов.

- Вот кстати, хотел спросить: сектанты перед боем делают уколы какой-то гадостью, для этого у них при себе шприцы. Шприцы ведь наши, местные?

- Совершенно верно, они многое переняли в самом начале, в том числе и кое-что из медицины, к счастью, огнестрельное оружие у них под каким-то запретом, кроме алхимических гранат. Правда, теперь они используют людей с огнестрелом. Добавлю ещё, что большая часть их холодного оружия сделана уже здесь, из нашего железа, притом, чаще всего эти образцы даже не ковали, а просто вытачивали.

- Ясно, а что ещё я нашёл?

- Нож, что был вместе с чашей, устроен попроще, но сплав, опять же, не имеет аналогов в нашем мире, твёрдость очень велика, заточку держит отменно, притом очень лёгкий.

- А чёрная дрянь?

- Вот тут можно только строить догадки, раньше такое уже находили, но там жидкость была испорчена. А в нашем случае имеется целый бассейн, притом, что она в полной кондиции. Сейчас образцы отправлены всё туда же, в Академию Наук, жидкость биологически активна, но, к счастью, совсем не летучая, так что отравление никому из нас не грозило. Что-то, вроде мощного мутагена, который меняет геном живого организма. Вроде бы, им можно управлять, делать мутации направленными, но пока это тайна за семью печатями, я бы её вам открыл, но сам не знаю.

- А кристалл? Тот, что потом растаял?

- Тут всё ещё интереснее, кристалл состоял из той же жидкости, вот только ей каким-то образом придали кристаллическую структуру. Вы ведь его с подставки сняли?

Я кивнул.

- Вот, после этого структура стала разрушаться, а жидкость вернулась к своей первоначальной консистенции. Наша теория: кристалл этот служил защитой от воров, тот, кто попытался бы его спереть, получил бы проблемы со здоровьем.

- А зачем его защищать, если он всё равно растает?

- Защищали не сам кристалл, а то, что спрятано в нём. Вы на этом месте как раз потеряли сознание, так вот, это государственная тайна, но вам я покажу.

Он вынул из внутреннего кармана пиджака фотографию и протянул мне. Марина попыталась заглянуть, но учёный тут же прижал её к себе, девушка мгновенно надулась и сделала вид, что ей совсем не интересно. На фотографии был изображён кинжал, небольшой – для понимания размеров он лежал на человеческой ладони, возможно, самого Башкина – рукоять состояла из двух стержней жёлтого металла, скрученных в двойную спираль, гарда была из чего-то, вроде кости или пластика, а клинок из белого металла блестел, как серебро. Он имел форму сильно вытянутого равнобедренного треугольника, разделённого на две половинки узким долом. А на гранях были вырезаны знаки, я назвал бы их буквами, но уверен, что на Земле такими буквами никто не писал. Три с одной стороны и четыре с другой. А ещё они слабо светились, словно бы в бороздках была подсветка красного цвета.

- С этой штукой всё плохо, - сказал Башкин, убирая снимок. – Сфотографировать мы её смогли, а что-то большее он не позволил.

- Не позволил? – я удивился, учёный говорил так, словно этот кинжал живой.

- Именно, аппаратура начинала барахлить, часть проводки едва не сгорела, видимо, он просто не хочет, чтобы его исследовали.

- Вы его тоже отправили?

- Нет, пока оставили здесь, с посылкой нужно отправлять описание, а нам сказать нечего. Попробую провести несколько натурных экспериментов. Кстати, нам обещали прислать робота, теперь вам не придётся снова нырять в иной мир, робот вытащит всё, что там осталось.

- Наконец-то, - сварливо проговорила Марина. – Сразу нельзя было?

- А всё-таки, - спросил я, - есть какая-то теория, которая хоть приблизительно всё объясняет?

- Только догадки, подтвердить или опровергнуть их мы не можем. Логика нам в помощь.

- Я слушаю.

- Основная теория в том, что в противоположном мире изначально существовали две разумных расы, одна из них была правящей, а вторая угнеталась. Первая создавала новые вещи, занималась наукой и, возможно, магией. Второй же отводился тяжёлый неквалифицированный труд.

- Атланты?

- Именно, но потом правящая раса отчего-то засбоила, причины не ясны, мы предпочитаем думать, что виной тому банальная депопуляция. Причин может быть уйма, например, их могла поразить эпидемия, которая не затронула низший класс в силу генетических отличий, или же некий генетический дефект лишил их возможности полноценно размножаться. Даже при условии долгой жизни отдельных индивидов это когда-нибудь скажется. Или причины депопуляции были социальными. В их среде, кстати, совсем не видели женщин. В итоге численность расы господствующей сильно сократилась, а раса угнетаемая захватила власть и жизненные блага. Это совпало с распространением в их среде агрессивного культа, вряд ли бы атланты, будучи в силе, стали терпеть такое поведение своих подданных. Вот только пользоваться плодами науки полноценно они не смогли, а потому их мир постигла некая катастрофа (это уже не мои домыслы, это удалось получить из допроса писаного, одного из немногих), в результате, с помощью технологий атлантов они начали открывать ворота сюда. Экспансия, при всей своей успешности, была сумбурной, чаще всего они просто давили числом и немногочисленными магическими умениями, которые становились тем слабее, чем дальше маг находился от богини. Сыграл свою роль и тот факт, что врата открывались почти повсеместно, не давая людям создать полноценный фронт. Нашу страну спасли обширные безлюдные пространства, куда смогли вывезти большую часть людей.

- А атланты пришли вслед за ними?

- Сложно сказать, кто был первым, наше мнение таково, что врата, вроде этих, оставили атланты, врата писаных – просто проходы, не

имеющие куска пространства за собой. И ещё один момент: всё, что мы находим в таких «выходах» имеет какое-то отношение к медицине и биоразработкам. Атланты пытаются что-то сделать, возможно, исцелить себя, получить новый шанс в новом мире. Допускаю, что изменение климата в нашем мире – их рук дело. Мы бы им помогли, но они крайне редко прибегают к нашей помощи, и никогда не просили её у государства.

- А королева писаных? Кто она?

- Вопрос открытый, тут мнения расходятся. Описывают её, как очень красивую женщину, молодую с огненно-рыжими волосами. Высокого роста, одета в лёгкое платье и, как правило, босиком, впрочем, последнее в среде писаных – это норма.

- И что она может?

- Практически всё, можно сказать, что вся магия, на которую опираются сектанты, завязана на неё. Стоило её убрать с поля боя, как их сила моментально упала до минимума, а маги, как правило, пользуются накопителями, или пьют специальные препараты, дающие возможность колдовать. Но даже так, без своей королевы они ничего особенного не показывают. Думаю, лет за десять люди вернут себе землю, потом, разумеется, будет долгая зачистка, отлов тварей, изоляция аномальных мест, но это мелочи при отсутствии полноценной армии врага. В других странах всё гораздо хуже, допускаю, что придётся оказывать помощь оставшимся под контролем людей территориям.

- А вы не допускаете, - задумчиво спросил я, - что после того, как королева будет мертва (если она жива сейчас) магия полностью исчезнет? Ну, если всё держится на ней, то…

- Вы переживаете за работу установки? Сомнительно, как минимум, есть ещё магия атлантов, есть магия, накопленная в артефактах, вроде того, что на фото. Богиня в этом случае – не столько источник магии, сколько её проводник. Я бы даже сказал, сверхпроводник. Она вытягивает магическую энергию из мира и направляет по своему разумению. По отдельным данным, может даже делегировать часть своей силы кому-то из подданных, но в этом случае, если этот счастливчик погибает, погибает и часть самой королевы, она слабеет. Зато такой человек может передавать силу

дальше, создавая свой отряд, возможно, их суммарная сила будет даже выше той, что дана изначально.

- Например, таким был Пасечник?

- Сложно сказать, какова была природа его дара, но по силе это нечто необыкновенное. Склоняюсь к мысли, что да, так и было. Отсюда следует непреложный вывод, что, убив его, вы серьёзно ослабили её. Впрочем, большая часть этих умозаключений держится на домыслах, с одной стороны имеем человека с едва не божественным даром, но тут же видим досадный просчёт, который его и погубил. Это странно и, как минимум, нелогично. Впрочем, логика иномирных существ для нас – тёмный лес.

- Ясно с этим, а что слышно о нас? Коростин говорил, что придётся ждать ещё месяц.

- Думаю, меньше, я по своим каналам несколько ускорил процесс, там ведь не само производство занимает время, просто одни детали делает одно предприятие, вторые – другое, собирают их на третьем, а расстояние между ними – пара тысяч километров. Само собой, скорость поставки зависит от логистики, а это можно регулировать.

- Просто гэбист этот, Тарасов, он меня пугал, что посылка будет ехать долго. И ещё…

- Не стоит беспокоиться, - Башкин примирительно поднял руку. – Так уж вышло, что его власть распространяется недалеко, наверху сидят отнюдь не дураки, прекрасно понимают, что с людьми на дикой территории следует обращаться мягче, поскольку это и дополнительные штыки и, как ни крути, надежда будущей демографии. Военные это понимают.

- Вот уж от кого доброты не ждал, - я невесело улыбнулся, но тут же снова загрустил, поскольку Марина сунула мне в руки полную кружку напитка.

- Это не доброта, это рациональность. Кстати, тех, кого поймают при совершении тяжких преступлений, без сантиментов расстреливают на месте. Ну, не совсем на месте, а после разбирательства, которое редко занимает меньше часа. Страна всё ещё на военном положении. Также короткий разговор с бандами. Или всем составом идут на службу в качестве иррегулярных частей, или под нож. При этом каждый из таких «партизан» остаётся на подозрении, по нему проводятся проверки, бывает, что о грехах узнают с опозданием,

иногда с большим опозданием, когда преступник уже успевает заслужить помилование. Опять же, судьбу решает командир подразделения своей властью.

- То есть, вы главнее его? – уточнил я, намекая на погоны самого Башкина. – Или не вы, а ваше ведомство.

- Дмитрий Сергеевич, - он укоризненно посмотрел на меня. – Некоторые вещи лучше не знать. Опишу ситуацию в общем: есть такое понятие, как межведомственная работа. Есть также понятие межведомственной конкуренции, когда полномочия двух или более ведомств частично перекрываются. Иногда это делают специально, например, изучением биооружия раньше занимался КГБ, теперь аналогичное ведомство создано в Министерстве Обороны. Это, кстати, весьма полезно, поскольку заставляет работать усерднее, да и с точки зрения госбезопасности (в широком смысле) несёт свой смысл, мешая одному ведомству забрать слишком большую власть. Также в наличии такой фактор, как служба… неофициальная, секретная. То есть, человек может служить в одном ведомстве и одновременно с этим иметь должность в другом. Понимаете? Так вот, благодаря этому и сохраняется хрупкий баланс, который высшее руководство страны всегда может качнуть в ту или иную сторону, руководствуясь здравым смыслом.

- Кажется, понял, - сказал я.

- Вот и отлично, поэтому я, будучи сотрудником одного ведомства, могу нажать на кнопки в другом. Но даже так я бы не стал полностью игнорировать Комитет, при большом желании, жизнь нам они испортить смогут, хотя, уверен, желания этого у них не будет, поскольку нужные люди скажут слово.

Я некоторое время помолчал, да и учёный, видимо, иссяк на разговоры.

- Ладно, - сказал он, наконец, - не буду больше вас утомлять, вы и так сегодня пострадали во имя науки. Отдыхайте, отъедайтесь, в ближайшие дни вас никто не побеспокоит, да и потом сможете принимать участие в работе только по желанию.

Я пожал ему руку, учёный напоследок извинился перед Мариной и выскользнул в дверь.

- Не могу больше, - с несчастным видом я протянул ей кружку с недопитым раствором, – поставь, потом допью. Или лучше ко мне.

Я ухватил её за руку и потянул к себе.

- Как ты можешь? – возмутилась она, но сопротивляться не стала. – Ты ведь болен.

- Ничего я не болен, - сказал я, прижимая её к себе. – Просто устал немного, но на тебя силы всегда найдутся.

- Дай хоть свет выключу…

- Не надо, люблю делать это при свете, хочу видеть твои… глаза.

- Глаза? – хитро уточнила она, когда я расстегнул её халат.

Отвечать я не стал, просто закрыл ей рот поцелуем, как по мне, это лучший способ прекращения спора.

Глава двадцать третья

Следующие восемнадцать дней можно было описать одним ёмким словом: рутина. Вокруг просто ничего не происходило. Продолжалась зачистка города, в которой я иногда принимал участие. Иррегуляров временами ставили, чтобы перекрыть направление возможного бегства тварей. Иногда при этом доводилось пострелять, иногда просто отбывали номер.

Также до нас доходили слухи с Большой земли. Так уж вышло, что фронтир в стране выглядел не как простая линия, а как несколько выступов Большой земли, которые постепенно расширялись. Вот и доходили известия о том, что начали чистить Свердловск, а ещё – Новосибирск. Люди постепенно возвращали себе то, что отняли пришельцы. Собственно, сделать это было несложно, всего-то очистить жильё от монстров, определить и изолировать аномалии, да разогнать немногочисленные банды писаных, которые без своей магии были слабы. Правда, ещё требовалось обеспечить безопасность логистики, что увеличивало трудозатраты, требуя куда больше штыков, чем для простой зачистки. А в стране с демографией и так было не очень, да и отрывать от хозяйства рабочие руки для армии было очень нелегко.

А в город постепенно возвращалась жизнь, прибывали специалисты, что разбирались с коммуникациями, оценивали возможность восстановления энергоснабжения и водоснабжения. Как-то даже объявили, что через полгода начнут возвращаться первые жители, не абы какие, а семьи тех самых специалистов. А где семьи, там, разумеется, школы, больницы, детские сады, общепит. Короче,

полностью город не заселят, но какое-то подобие большого ПГТ в центре образуется.

Но при этом радужные перспективы омрачали новости с диких территорий. С совсем диких, тех, куда даже торговые караваны не добирались, поскольку делать там особо нечего. Эти территории были во власти сектантов и совсем уж отмороженных банд. А плохие новости говорили о том, что те и другие в данный момент активно объединялись в какое-то подобие единой армии.

Чем это грозило? Например, тем, что писаные, частично лишённые своей былой магической мощи, теперь получили возможность воевать с армией и передвигаться, используя автотранспорт. Само собой, что банды с автоматами не могут соперничать с армией, у которой есть танки, артиллерия и авиация. Но вот партизанить и нарушать логистику могут вполне, что сильно замедлит наступление на их земли. Писаные, возможно, до такого бы не догадались, а вот люди, пошедшие к ним на службу, очень даже могут дать совет.

Что же касается моих личных интересов, то подобная ситуация могла сильно затруднить мою поездку в Казахстан с последующим возвращением в свой мир. Теоретически, можно было прорваться через Урал в Сибирь, а уже оттуда через относительно цивилизованные места посетить плато Устюрт. Вот только проблему это не решит, поскольку установка спрятана недалеко от Астрахани, соответственно, как ни крути, а придётся сунуть голову в пекло.

Само собой, мы готовились, например, запаслись транспортом. Буханку решено было передать на нужды местного автопарка, вместо неё мы разжились КамАЗом с будкой, этакий гибрид жилого трейлера и броневика, достойный фильмов про Безумного Макса. Авто обшили броневыми листами, сзади и с боков сделали бойницы, а над кабиной устроили подобие башенки, гнездо, куда можно было высунуться и вести огонь в любом направлении, прикрывшись броневыми щитками. Уязвимым местом оставались колёса, но их тоже, как смогли, прикрыли краями броневых листов, а на случай пробития имелось аж четыре запасных, которые занимали чуть не половину места в кунге. В довершение картины спереди наварили отбойник из толстых листов стали, теперь можно было сносить с дороги автомобили, не сбавляя хода.

Если учесть, что наши потенциальные враги не располагают артиллерией и танками, а если и располагают, то в гомеопатических количествах, такой грузовик с полудюжиной автоматчиков внутри вполне сможет проехать вражескую армию насквозь.

Но тут же выяснилось, что такой прогноз слишком оптимистичен. В тот день, когда все приготовления были закончены, а последнюю посылку ждали со дня на день, ко мне явился Башкин, который был зол, как чёрт и крыл капитана Тарасова такой отборной матерщиной, что сразу становилось видно образованного человека.

Прервав поток ругательств, я попробовал уточнить, какого рода козью морду сделал гэбист. Оказалось, что тот, затаив злобу на военное руководство, не нашёл ничего лучше, чем натравить на них собственное начальство. Зашёл прямо с козырей, мол, местное командование разбазаривает военное имущество и даже, о, ужас, передаёт кое-что на сторону, вооружая подозрительных типов из не приручённых пока группировок.

Само собой, такую телегу наверху проигнорировать не смогли, а потому прислали инспекторов, которые тут же начали копать. Накопали немного, раздача тех же карабинов местным охотникам, пусть и с многочисленными юридическими нарушениями, вопросов не вызвала. А вот с автоматическим оружием всё было куда хуже, как и с патронами к нему. Отсюда следовало, что взять с собой автомат может только сам Башкин, и более никто.

В итоге получалось, что огневая мощь нашей группы упадёт едва не до нуля, а наш мощный броневик на базе КамАЗа окажется совершенно беззубым.

Конечно, найти автоматы мы можем и своими средствами, например, тот же Винокур, что скрывался в окрестностях и изредка заглядывал к нам, проявляя недюжинные навыки диверсанта, имел собственный автомат, возможно, не один. Но основная проблема была в патронах. Мало того, что нам в пути придётся частенько пробиваться с боем, так ещё и желательно будет договориться с теми из местных, с кем можно договориться, чтобы пропустили и оказали помощь. А для таких договоров желательна ответная услуга, например, полезный подарок. А лучшая валюта на опасных землях – боеприпасы. Башкин к автомату получит четыреста патронов, обладатели карабинов – тоже немного, сотни по две. К своей гаубице-переломке я заранее запас

около трёх сотен, включая самодельные. К карабину пока пополнения не получил, зато часть потратил в зачистках, теперь на руках были всего полсотни штук, а карабин мне нравился всё больше, выбрасывать его будет жаль. При этом гранат у нас вообще ноль (если не считать самоделки от Петровича), пулемётов нет, о гранатомётах можем только мечтать. Один хороший бой, а после мы останемся без зубов. А потом и без голов.

Само собой, учёного это дико выбесило, а потому он, сидя у меня, натурально пускал пену и порывался пойти к Тарасову и набить ему морду (не знаю, как, Тарасов – мужик крепкий, а Башкин – типичный задрот-очкарик). Пришлось даже извлечь из своих запасов смародёренный коньяк (азербайджанский, пять звёзд) и налить бедолаге пятьдесят грамм в железную кружку.

- Ты представляешь, что за падла? – продолжал учёный, опрокинув коньяк, словно воду. – Он ведь знал прекрасно, что я этот вопрос решу, а потому подгадал момент, чтобы к отъезду. Мстительная тварь. Стоит мне нажать на нужные кнопки, как… но не выйдет. На обмен информацией уйдёт несколько дней, а нам послезавтра выезжать.

- А других вариантов нет? – спросил я, подыскивая в запасах закуску, дабы учёный муж не окосел раньше времени. Не найдя ничего путного, достал плитку шоколада и компот из алычи. – Как-то ещё раздобыть, купить у мирных индейцев?

- Стволы да, купим без проблем, - сообщил он уже спокойнее, видимо, коньяк начал действовать. – А вот с патронами… мирные индейцы, даже если и найдут что-то, заломят такую цену, что проще в штыковую ходить. Почти все анклавы, цивилизованные и не очень, загибаются именно от нехватки патронов. А теперь даже к карабинам дают под отчёт.

Я налил ему вторую порцию, потом, немного подумав, вынул из тумбочки вторую кружку и плеснул себе тоже.

- С Петровичем не говорил? У него ведь что-то есть?

Калибр не тот, он с пятёркой вообще не работает, а с семёркой – единичные образцы специализированных пуль. Теоретически, можно запастись АКМами, а потом пустить шапку по кругу, местным ведь выдают кое-что для охоты. Но тоже много не наберём. А я ведь хотел и тяжёлым разжиться. Блин, и есть, кому заступиться, а сроки…

Он внезапно застыл и посмотрел на меня.

- Подавился? – спросил я с тревогой.

Он очнулся, кивнул своим мыслям, опрокинул коньяк и выудил из банки ягодку, которой с удовольствием закусил напиток. Выпил и я, надо же, какой хороший коньяк, проваливается, как родной.

- Придумал, придётся попотеть, но проблему мы решим, да так, что никто нам указывать не станет. Вот только отсюда… Так, хорош напиваться, сегодня я еду в штаб, а оттуда, впрочем, вам об этом знать пока рано.

Он снова перешёл на «вы», знаменуя этим конец истерики и начало делового процесса.

- А когда обратно вернусь, со мной будут недостающие детали вашей установки и всё прочее. Там и ваша посылка пришла.

- Патроны? – с надеждой спросил я, обещанные револьверы были не так важны, куда важнее боезапас к карабину, к которому я привык и не раз испытал в деле.

- Насколько мне известно, там посылка в небольшом деревянном ящике, - он развёл руки сантиметров на сорок. – Там может быть то и другое, проверю, выясню.

С этими словами он выбежал из кабинета и, громко топоча по лестнице, отправился по делам. Не знаю, что там у него за связи, но, судя по уверенности, ситуацию он планирует спасти.

Ну, удачи ему, а мне коньяк допивать в одиночестве.

К счастью, не пришлось. Пришёл другой гость, на этот раз инженер Коростин, который временно оторвался от своих чертежей и расчётов и решил проветрить мозги. Как он сам признался, первоначальной его идеей было сагитировать меня на охоту. Не на монстров, от которых всех уже тошнит, а на обычных уток, которые в этих местах водились в избытке. Правда, для этого требовалось выехать за город, а машина наша всё ещё на ТО, да и не стоило гонять её по пустякам. Увидев у меня на столе коньяк, он тут же поменял взгляды, решив, что проветривать мозги можно и так. Технический гений тут же смотался к себе, принёс вторую бутылку коньяка, на этот раз грузинский со странным названием «Варцихе», но явно добротный. Принёс он и новой закуски, тоже большей частью из сладостей. Время было уже к вечеру, так что посидеть можно было

спокойно и вдумчиво. Марина сегодня допоздна дежурит в госпитале, поэтому нагоняя от жены можно не бояться.

- Так что там с установкой? – спросил я, разливая напиток в посуду (у инженера нашлись два гранёных стакана, что избавило нас от кощунства в виде распития отличного напитка из кружек).

- С установкой всё отлично, - он выпил и закусил конфетой. – Большие катушки я получил ещё позавчера, проверил на тестах, совпадает до тысячных долей. Кстати, ещё раз спасибо тебе за листок с подсказкой. Осталось ещё несколько… деталей, второстепенных, но от их работы зависит конечный результат. Как только придут, надеюсь, это будет завтра, после обеда, можно будет двигать.

- Слышал, что Башкин про оружие рассказал? – среди закуски я обнаружил пакетик с изюмом, отсыпал себе полгорсти и отправил в рот.

- Это весь город слышал, - инженер усмехнулся. – А может, и за городом. Все уже обрадовались, что патронов стало много, тут такой облом. У Тарасова, небось, до сих пор уши горят.

- Учёный наш сегодня на Большую землю поехал, ну, или как оно там называется, сказал что будет звонить чуть ли не Генеральному… кстати, а кто у них во главе страны?

- Если не ошибаюсь, Юрий Прокофьев, не помню точно, был такой у нас или нет, может, и был, да ничем не отметился. Да, собственно, какая разница? Сидит на посту какой-то функционер, да и пусть сидит, система-то работает, как это ни смешно, а такие вот испытания систему укрепляют ещё больше.

- А вообще, много отличий в мирах? Или только России касаются?

- Подробно этот вопрос не изучал, но попадались учебники истории, пролистав их, сделал вывод, что точка бифуркации где-то в тридцатых годах находится.

- Точка чего? – не понял я, хотя слово было знакомое.

- Ну, - он сложил вместе два указательных пальца, а потом развёл их в стороны, - то место во времени, где наши миры разошлись. Их миру, если можно так сказать, повезло. Часть исторических деятелей второй половины двадцатого века другая, Хрущёв, представляешь, погиб на войне, как-то случайно получилось. Сталин прожил на год дольше. После Сталина правил Маленков, а негласно – Берия, который, правда, очень подозрительно умер в шестьдесят первом году.

Ну и остальных потрясений не было, Афганская война обошлась малой кровью и финансовой помощью, Чернобыльской катастрофы не было, правда, была катастрофа в Спитаке. Интересно, что и в Америке никакого Рэйгана не было, в это время правил какой-то другой президент, не помню фамилию. И в мире всё иначе было, с проблемами, но легче.

- А нынешнее руководство в курсе, что и как в нашем мире? – спросил я, разливая коньяк.

- А ты думал, - он посмотрел на меня снисходительно, - что мне бы помогали официальные лица, если бы я не написал подробный отчёт о мире с моей стороны? Написал всё, без утайки, в подробностях, долго беседовал с высокопоставленным человеком из Комитета. – Он выпил коньяк, слегка поморщившись, и продолжил: - не знаю, какой они из этого сделали вывод, но на ус намотали точно.

Беседовали мы ещё долго, осмысливая причудливость исторического пути человечества, потом пришла Марина, в грубой форме вытолкала Коростина, а потом и меня отправила спать, лишив на сегодня исполнения супружеского долга. Правда, я не возражал, и даже саму воспитательную беседу запомнил плохо.

Утро было… тяжёлым, коньяк, который так хорошо заходил с вечера, теперь просился обратно, мелькнула мысль полечиться, но запасов спиртного не осталось, а искать новые не было сил. Пришлось обходиться водой и чаем. Жена моя, сменив гнев на милость, раздобыла даже огуречный рассол. Смысл его я не особо понимал, но на всякий случай выпил два стакана, после чего отправился отлёживаться.

Но лежать долго мне не дали, уже часам к одиннадцати в кабинет ввалился Коростин, что характерно, чисто одетый, выбритый и настолько бодрый, что захотелось дать ему в морду.

- Дмитрий, вставай, там уже всё готово, - заявил он, встряхнув меня за плечо.

- Что готово? – не понял я, а от сотрясения голова взорвалась приступом боли.

- Посылки пришли, - напомнил он. – И для тебя кое-что есть, военные обещали. Вставай, если что, потом поспишь.

Проклиная всё и всех, я встал, натянул штаны и майку, после чего отправился с инженером в сторону штаба. Там как раз солдаты

выгружали грузы из нескольких машин. Стоило мне появиться в поле зрения, как из ближайшего дома, что использовали под свои нужды военные, мне помахал рукой Башкин. Учёный выглядел странно озадаченным.

Собрались мы в большой квартире, присутствовал тут и местный главком, полковник Верещагин. Собственно, и собрание участников экспедиции открывал он. Начали с посылок для инженера.

-Вот тут всё, - полковник похлопал по стенке большого ящика из досок, крашеных в зелёный цвет. – Катушки, приборы и отражатели, хрупкое упаковали и засыпали в стружку, но проверяли на станции, там всё цело.

Коростин немедленно открыл крышку и едва не по пояс залез в ящик, где немедленно начал звенеть металлическими предметами, что-то бормоча себе под нос. Минут через десять он вылез обратно, отряхнулся от стружки и удовлетворённо кивнул.

- Всё на месте, остальное у меня есть, осталось добраться.

- Ну и добро, - сказал удовлетворённо полковник. – Теперь вы, Дмитрий Сергеевич. Как и обещали, прислали вам подарок, собственно, таких подарков у охотников на нечисть скоро будет много, изделия запустили в серию. Но вам дали первому за заслуги. Держите для начала.

На стол легли пачки с патронами к карабину. Отлично, если в каждой по двадцать штук, а всего их двенадцать, получается двести сорок, итого почти триста. С учётом невеликой скорострельности, потрачу небыстро. Кроме того, полковник ещё не закончил, на стол легли ещё две пачки, как мне показалось, длиннее обычных. Я немедленно схватил одну и распечатал. Точно, гильза стандартная, а вот пуля почти в полтора раза длиннее, да и выглядит странно. Нижняя треть покрыта стандартной медной оболочкой, дальше идёт голый свинец, а на самом кончике блестящее хромовое покрытие.

- А это что за пули? – спросил я, подняв взгляд.

- А пёс его знает, - честно ответил полковник. – Там не написано?

Я покачал головой, на коробке был указан калибр, количество в двадцать шесть то, что изготовлены они на Норильском Патронном Заводе. Издалека же пришлось везти. Ладно, потрачу пару штук на пристрелку (надо бы больше, да жаба давит, патроны явно ценные), в процессе выясню свойства. А Верещагин продолжал доставать из

ящика бумажные пачки, на этот раз короткие, почти кубической формы, явно для пистолетных патронов. Взяв одну в руку, я разорвал обёртку.

- Револьверные, – объяснил полковник, положив передо мной увесистые вороненый револьвер. – Первая партия.

Отставив пачку, я взял в руку само оружие. Вес немалый, килограмма полтора или немного меньше. Рукоять удобная, залита в твёрдый пластик с выступами для пальцев. Немного повозившись, нашёл, как откинуть барабан, для этого требовалось повернуть тугой рычажок слева. А шток барабана служил экстрактором, если на него нажать, то выпадают сразу все пять стреляных гильз. Пять, в этом он нагану проигрывает, но иначе и быть не могло, поскольку калибр слоновий. А вот ствол, на мой дилетантский взгляд, коротковат, всего сантиметров десять-двенадцать. Что характерно, основа ствола – прямоугольник, в прямоугольной железке высверлен канал.

- Может, стоило ствол подлиннее сделать? – спросил я.

- Насколько я знаю, порох тут пистолетный, сгорает быстро, а потому максимальная начальная скорость пули достигается при такой длине. Ствол испытывали, особых нареканий не вызвал. – Он взял разорванную пачку патронов и выковырял один. – С патроном особо не мудрили, взяли ружейную гильзу тридцать второго калибра, укоротили до тридцати семи миллиметров и вставили пулю. В инструкции сказано, что патроны можно перезаряжать при наличии пороха нужного сорта и стандартного капсюля, а прочность ствола такова, что его динамитом не разорвать. Пули разрывные, - он пощёлкал ногтем по пуле, которая имела вид нераспустившегося цветка, - отверстие оставляют с кулак. Отдача сильная, так что лучше с двух рук стрелять.

Следом полковник вынул второй револьвер и отдал Коростину. Будем первыми счастливыми обладателями. Я прикинул оружие в руке, прицелился в угол. Тяжёлый, но не критично, удержать смогу. Целик простой, мушка тоже ничем не удивила. Если дальнобойность соответствует хоть тому же нагану, то этот вариант лучше, а если сравнивать с обрезом ружья, то лучше в разы. И калибр не подкачал. Тридцать второй – это что-то около всё тех же двенадцати с гаком. Неслабо.

- Теперь о грустном, - полковник поспешил всех расстроить, - вам уже, думаю, товарищ Башкин сообщил, что намечаются проблемы с оружием?

- И с патронами, - угрюмо кивнул я.

- Увы, не всё мне подвластно, - полковник развёл руками. – Карабинов можете взять хоть по пять на брата, а вот патронов… « в целях пресечения подпольного оборота боеприпасов и передачи их в руки незаконных вооружённых формирований», так это звучит. Могу, конечно, предложить вам подождать, через неделю комиссия уедет, тогда вздохнём свободно, кое-что спишем, боевые действия, как-никак идут.

- Нет, мы поедем завтра, - решительно заявил Башкин, который всё это время сидел на табуретке в углу и о чём-то сосредоточенно думал. – У нас всё готово, так что поедем, как положено, с карабинами, во избежание этой самой «незаконной передачи кому-то там».

- Ну, раз так, собирайтесь. – Вздохнул полковник. – Машина ваша в полном порядке, горючка загружена давно, припасы тоже.

- Выезжаем в пять утра, - подвёл итог Коростин. – А вам, товарищ полковник, спасибо огромное от всех нас.

- Не за что, - ответил тот, поднимаясь со стула. – Очень надеюсь, что ваше мероприятие завершится успехом. Тогда у нас появятся союзники, а восстановление мира пойдёт быстрее.

Мы пожали друг другу руки и разошлись, я вернулся к себе в номер и застал там Марину, которая, как ни в чём не бывало, готовила обед.

- У тебя всё готово? – я подошёл сзади и обнял её.

- На завтра? – зачем-то спросила она, не оборачиваясь. – Да, готово. Там и готовить нечего, бельё запасное, мыльные принадлежности и патроны. Продукты в машину ещё три дня назад загрузили.

- Патронов много?

- Сто восемь, но я стреляю метко, мне хватит. Правда, не дальше трёхсот метров. Ефим Петрович говорит, что это в стволе дело, старая слишком винтовка.

- Вот, держи, – я протянул ей наган. – Для самообороны, пользоваться ты умеешь.

- Да, умею, - сказала она, ухватив подарок.

Я вздохнул. Женщина ведь, ей бы колечку радоваться, платью новому или надцатому айфону, а она револьвер увидела и глаза загорелись. К ней по наследству перешла кобура и ремень со встроенным патронташем. А мне, соответственно, понадобится новая. Успеет Петрович за ночь сшить? Вообще, с ним о многом перетереть нужно.

- Сиди здесь, я скоро вернусь, - сказал я, подхватывая новое оружие.

- Поешь хоть, - Марина попыталась меня перехватить, но я увернулся.

- Потом поем, я ненадолго.

Глава двадцать четвёртая

В день перед отъездом я успел многое. Озадачил Петровича, который успел не только сшить мне кобуру к револьверу, но и выточить форму для отлива пуль к револьверу. Последнее сделать было несложно, поскольку в распоряжении престарелого кулибина имелся современный станок, способный из легированной стали вырезать кружева.

Пока он этим занимался, я сбегал на стрельбище и опробовал оружие. Дальнобойность револьвера впечатлила, с пятидесяти метров (примерно) я попадал в грудную мишень, а с двадцати легко садил в голову. Отдача была сильная, но частично гасилась массой оружия. Поскольку мишень была закреплена на досках, то смог убедиться, какого размера дыру оставляет в них такая пуля. Думаю, противнику, будь он человек или нет, такое попадание точно здоровья не прибавит.

Потом испытал и новые патроны к карабину. Для пристрелки, слегка придушив назойливую жабу, потратил четыре штуки. Результат нормальный, видимо, масса длинной пули оказалась не настолько велика, она не целиком из свинца, внутри некая начинка. Что именно делает эта начинка, я выяснил позже, когда осматривал мишень. Трёхсантиметровая доска размолота в труху, края огромной дыры горят, а лежавший за ней мешок с песком имеет входное отверстие. Какой-то гибрид разрывной и бронебойной пули.

А после этого вернулся домой, где, скидав немудрёные пожитки в мешок, решил провести последний вечер в кругу семьи. Семья моя, понятно, невелика, но другой нет. Будем надеяться, что скоро я окажусь в своём мире, где, после решения кучи бюрократических

проблем, буду жить, как прежде, поженимся, заведём детей и состаримся вместе.

Вечер не затянулся, посидели при свечах (с электричеством сегодня было туго), держа друг друга за руки и изредка перебрасываясь простыми, ничего не значащими фразами. Я хотел открыть бутылку вина, но Марина не пила, а меня ещё вчерашнее не отпустило. В итоге, уже в половине одиннадцатого мы отправились спать. Акт любви вышел каким-то скомканным, но никто от этого не расстроился, просто обняли друг друга и заснули.

А в половине пятого зазвонил будильник. Я, хлопнув зловредную механику по макушке, вскочил и начал одеваться. Время есть, но лучше, если выйдем раньше. Через пять минут мы оба вышли навстречу остальным участникам группы.

Бронированная машина, загруженная всем необходимым, уже ждала нас на окраине. За рулём сидел Коростин, неподалёку вертелся Немой, который отчего-то не спешил залезать в кузов. Учёного пока не было, зато присутствовали Рогов, Петрович и полковник Верещагин. Я поприветствовал всех.

- Уже пора?

- Угу, - сказал инженер из кабины, - только наш великий ум задерживается, проспал что ли.

- Смотрите, - Петрович протянул мне небольшой мешок. – Вы ведь с карабинами все, так мужики наши шапку по кругу пустили, всё легче вам будет. Там места такие, что только с боем прорываться.

Я принял из его рук мешок, оказавшийся необычайно тяжёлым. Внутри лежали патроны к карабинам. Не так много, сотни четыре, но, как и сказал старый мастер, в пути и это будет большим подспорьем. Я собрался его поблагодарить, но на мешок тут же легла рука интеллигентного вида.

- Не надо, - Башкин подкрался незаметно, но явно слышал, о чём мы говорили.

- То есть? – хором спросили я и Петрович.

- То есть, верните мужикам и передайте от нас благодарность, - он завязал мешок и вернул его старику. – Мы справимся, а их разорять не нужно, им и так с выдачи теперь отсыпают, а скоро велят рапорт писать за каждый.

- Ну, им-то проще, - пытался парировать Петрович.

- Мы справимся, - уверенно заявил учёный. – Заберите, честное слово, мы решим этот вопрос. Давайте грузиться.

Сопротивляться никто не стал, видимо, учёный муж в самом деле как-то собрался вопрос вооружения группы решить. Не зря же он ездил в штаб или куда-то ещё. Сам он, кстати, был без автомата, современный армейский дробовик и пистолет с глушителем. Зато за спиной огромный мешок, явно тяжёлый, с его комплекцией такой долго носить не получится. А ещё странный чемоданчик в руке, сделанный из блестящего металла и с кодовым замком. Так и тянет назвать его ядерным.

В итоге, мешок с патронами отправился обратно к Петровичу, а я забросил свой рюкзак в кунг, попрощался с провожатыми и полез следом, после чего помог забраться Марине. Вообще-то, у нас имелась лесенка, но спуск её был делом хлопотным, поэтому проще было залезть так, калек и слабаков среди нас не водилось, даже инженер, несмотря на преклонные годы, выглядел бодрым и подтянутым.

- Виктор Аркадьевич, - обратился я к учёному, когда машина выезжала за черту города. – Потрудитесь объяснить, что и как у нас с боеприпасами?

- Всё в порядке, - он выглядел усталым, явно давит груз полученных знаний. Знать бы ещё, каких. – Я же сказал, проблема решена.

На него даже Немой посмотрел с непониманием.

- Смотрите, - он развязал свой необъятный рюкзак. – Вот здесь – три сотни патронов к моему дробовику. Перезаряжать в пути будет некогда, поэтому взял больше готовых. К пистолету почти сто. Теперь считаем у вас: к карабину примерно двести, или даже больше. Револьверных около полутора сотен, к двум СКС и трёхлинейке – примерно двести, ещё сколько-то принесёт с собой Винокур. Чтобы проехать ближайшие четыреста километров… ну, чуть меньше, этого хватит, даже если встретим отряд сектантов. Плюс у нас есть несколько гранат, пусть самодельных, но очень эффективных. Товарищу Гриценко в этом вопросе доверять можно. Ах, да, ваш штуцер слоновьего калибра тоже никто не выбросил, и к нему полсотни штук наберётся. Теперь вопрос: зачем вам патроны, и какого лешего вы на них так зациклены?

- Может быть, потому, что ехать нам чуть дальше и по более опасным территориям? – спросил из-за руля Коростин, сидения для личного состава находились близко к кабине, поэтому он слышал весь наш разговор. – Опять же, наличие небольшого запаса патронов не решает вопрос скорострельности. И даже вы автомат не взяли.

- Я же сказал, вопрос этот решён, точнее, будет решён на определённом этапе.

- Где-то есть тайник? – догадался я.

- Где-то есть, - нехотя признал он.

Стало немного легче, как я понял, ближайшие несколько сотен километров будут относительно безопасными. Хотя, и это не факт, в прошлый раз отъезжали не так далеко, а нарвались на отряд писаных. Это редкость? Наверное, но и исключать нельзя.

Постепенно, когда народ слегка успокоился, стало возможно заняться бытовыми вопросами. Итак, имеем бронированную машину. Внутренний объём большой, но сейчас он частично занят бочками с горючим. Четыре по двести литров и полдюжины двадцатилитровых канистр. Хватит? Вот бы узнать. По идее, КамАЗ тратит на сто километров меньше сорока литров. Наш, с учётом возросшей массы, тратит, пускай, сорок пять-пятьдесят. Итого, на тысячу километров уйдёт четыреста пятьдесят. Проехать нужно примерно две тысячи. Хватает впритык, а ведь, скорее всего, придётся петлять, уклоняясь от нежелательных встреч и огибая заражённые участки. Своими сомнениями я поделился с Башкиным. Ответ его оригинальностью не отличался:

- Решим вопрос, обещаю, - после этого учёный снова погрузился в раздумья.

Ладно, допустим, горючее хранится там же, где и патроны. Насчёт еды вопросов нет, запас консервов, крупы, галет и прочего шоколада приличный. С питьевой водой тоже проблем нет, три пятидесятилитровых бочки стоят в ряд, это питьевая, ещё есть фильтры, что сделают питьевой воду из лужи, тут ведь не Сахара, и далеко не все водоёмы заражены.

На очередном повороте машина затормозила. Я привстал и выглянул наружу через боковую бойницу, что сейчас была приоткрыта. Так и есть, на обочине стоял Винокур, одетый по-походному. У него, к счастью, имелся автомат. Он запрыгнул на свободное место в кабину,

буркнул назад что-то, вроде приветствия, после чего машина тронулась вперёд.

Башкин, словно бы проснувшись ото сна, вскочил с места и, стараясь не упасть, начал рыться в своём рюкзаке. В итоге он извлёк оттуда армейскую разгрузку, в которой так удобно хранить магазины. Просунувшись в кабину, он протянул её Винокуру.

- Держите, вам пригодится.

Офицер взял в руки подарок и придирчиво осмотрел.

- Спасибо.

- У меня ещё три таких есть, – зачем-то проговорил он и снова сел на место.

Тут же снова вскочил.

- Эдуард Фёдорович, куда вы свернули?

- Налево, - инженер притормозил и указал рукой направление.

- Пожалуйста, вернитесь и поверните направо. Я ведь набросал маршрут на карте.

- Так без разницы, - вступился Винокур. – Потом вернёмся на ту же дорогу.

- Разница есть, – раздражённо сказал учёный, - простите, но я не могу рассказать вам всего, просто нужно в точности следовать по этому маршруту. Так будет безопасней.

- Зато придётся мимо болота ехать, - напомнил Винокур.

- Ну, расскажите мне, какая из болотных тварей сможет навредить вооружённым людям, сидящим в бронированной машине?

Никто ему не ответил, а инженеру пришлось-таки вернуться и пойти правильным курсом. Ещё километров через сто мы оказались посреди того самого болота. Не знаю, существовало ли оно раньше, или образовалось по причине изменения климата, но болото внушительное, огромное по площади, с редкими островками, на которых росли чахлые деревья.

Была здесь и живность. Несколько раз за нами увязывались странные существа, напоминающие очень худых бобров, потом в стороне кто-то так громко охнул, что у нас бронелисты на машине задрожали. Под конец, когда болото уже осталось позади, я, выглянув в заднюю бойницу, разглядел какое-то подобие человека, бегущего за нами. С тем отличием, что люди обычно с такой скоростью не бегают.

- А это кто? – спросил я, подзывая учёного.

- Бармаглот, - ответил он, едва взглянув на это чудо-юдо.

- Опасен?

- Если догонит, может порвать покрышку. Но, скорее всего, не догонит. Если беспокоитесь, можете застрелить. Только тут вашего калибра не хватит, возьмите штуцер.

- Нет, я попробую свой, - решил я, - попросите, чтобы притормозили.

Машина оторвалась от чудовища примерно на полкилометра, но упрямый монстр продолжал преследовать. Нужно было подпустить его ближе, а пока он, обрадованный остановкой транспорта, бежал к нам, я смог разглядеть существо в бинокль.

Ростом это существо было около трёх метров, антропоморфное строение, две руки, две ноги, голова. Но на этом сходство с человеком заканчивалось, голова была вытянута назад, словно у «чужого» из фильма, на руках имелись когти, причём, на указательных пальцах они были длиной сантиметров тридцать. Кожа серая, как у трупа, ещё и густо вымазана грязью и болотной растительностью, ноги напоминают ласты, довольно большие, что, по идее, должно снижать скорость бега. Будь у него копыта, давно бы нас догнал.

Я поднял карабин и прицелился ему в грудь. Машина теперь стояла на месте, что позволяло не отвлекаться на тряску. Монстр бежал по прямой, не закладывая виражей. Вставив магазин до первого щелчка, я дослал в ствол тот самый патрон с длинной пулей. Если уж испытывать, то на таком существе.

Бегущая тварь наткнулась на невидимую преграду, согнувшись пополам. Потом монстр, что удивительно, разогнулся, тем самым дав мне возможность увидеть результат попадания. И результат этот впечатлял: в нижней половине груди виднелась сквозная дыра, сквозь которую при желании можно было разглядеть полотно дороги. А края этой раны дымились. Однако. Такие патроны стоит приберечь.

- Прекрасный выстрел, – похвалил Башкин и вернулся на место.

Учёный своим странным поведением вносил какой-то разлад в коллектив, из-за чего мы почти всё время ехали молча. После обеда остановились, чтобы дозаправиться, поесть и привести себя в порядок. Местом остановки выбрали небольшую деревню на полтора десятка домов, что стояли на единственной улице.

Остановка планировалась длительная, требовалось приготовить обед, а потому началась суета. Я попытался набрать дрова из поленницы, но Винокур меня остановил.

- Вон там башня, - он указал на кабину нашего броневика. – Из кабины залезешь, в бинокль смотри по сторонам. Если что, стреляй сразу, мы по звуку поймём.

- Вообще-то, здесь безопасно, - сказал Башкин, но тут же поправился, - но лучше быть бдительными.

Я забрался в кабину. Между водителем и пассажиром висела стальная пластина, которую можно было развернуть горизонтально. Это подставка для ног того, кто в башне. Встав на неё ногами, я оказался наверху. Устройство простейшее: четыре изогнутых стальных щитка, между которыми есть промежутки, куда можно просунуть ствол. Вся конструкция поворачивается, но для этого нужно приложить усилия. Собственно, хоть карабин у меня с собой, выставлять его я не стану. Моё дело смотреть по сторонам, чем я и займусь.

Лес здесь был редкий, поэтому бинокль давал приличный обзор, километра на три точно. В это время остальная часть коллектива активно трудилась внизу. Немой носил дрова, Винокур поднимал ведром воду из колодца, Марина готовила кастрюлю. Только Башкин отчего-то отпросился по нужде, при этом прихватил с собой пистолет и заветный чемоданчик. Да ещё пошёл на другой конец деревни, хотя поблизости имелся, хоть и ветхий, но вполне исправный деревенский туалет. Собственно, тут и думать нечего. Чемоданчик нужен для связи с центром. Отправляет донесение. А что нам с того? Да ничего. Пусть отправляет, глядишь, ему там что-то особенное присоветуют. Или он там выясняет безопасную дорогу? Вон как взвился, стоило инженеру свернуть не туда. С другой стороны, кто может знать, где тут опасность? Спутники? При такой облачности вряд ли что-то можно увидеть. Или у них наблюдатели есть? Тоже сомнительно, информаторы на диких землях просто обязаны быть, но вот поддержание постоянной связи с ними – вопрос сложный.

Минут через пять он вернулся, оставаясь всё таким же озадаченным.

Обед сварился быстро, а съели его ещё быстрее. Когда меня сменил Немой, я присел за стол, что стоял прямо во дворе небогатого

дома, с одной стороны сидел Башкин, с другой – инженер, а напротив присел Винокур. Доев последние ложки супа, он откинулся на стуле и, воткнув в рот сигарету, спросил:

- Виктор Аркадьич, давай без тайн. Куда бегал?

Учёный едва не подавился галетой.

- Вам обязательно это знать?

- Ну, смотри. Тот факт, что ты на связи с командованием, нас не смущает. Странно то, что связь подразумевает отчёт каждые два часа. Как думаешь?

- Это не отчёт, - он странно поморщился. – Хотя, и отчёт тоже. Но я редко отправляю информацию, больше получаю. И наш маршрут я закладываю с учётом того, что узнаю по связи.

- А если не секрет, что за связь такая? – Винокур не собирался сильно пытать учёного, скорее, просто хотел удовлетворить своё любопытство. – Тут в соседнее село, бывает, не достать с рации, а у тебя что-то мощное.

- Секрет, – отрезал учёный. – Извините, но я подписки давал. Никому ничего не покажу и не расскажу. И присутствовать вам при сеансе связи не разрешу. Связь самая современная, можно сказать, экспериментальная. Таких чемоданов в стране… не знаю, три или четыре.

- И что, нашему путешествию уделяют так много внимания, что выдали такой чемодан? – удивлённо спросил Коростин. – Или у него какие-то другие функции?

- Функций очень много, скажу только, что связь через спутники осуществляется, и облачность тут не помеха, наука за эти годы шагнула вперёд. Всё! – он бросил ложку в тарелку. – Можно отправляться.

И мы отправились, надеясь, что хоть в первый день обойдёмся без столкновений.

Глава 4

Глава двадцать пятая

- Слева заходят! – крикнул Винокур, выдав короткую очередь, после которой ему пришлось откатиться в сторону, а в то место, откуда он стрелял, прилетели две арбалетных стрелы.

Тут отставной офицер ошибся, враг был в единственном числе. Один сектант, вооружённый коротким копьём, пробрался через кустарник и собирался это копьё метнуть. Мне сверху это было отлично видно, а потому я успел опередить татуированного копьеметателя, всадив пулю ему в грудь. Надо сказать, он и так был залит кровью, успев словить несколько пуль во время первой атаки, вот только попасть и убить – вещи разные. Башкин, при всей своей учёности и с внешностью сутулого ботана, отчего-то виртуозно управлялся с пистолетом, всаживая пули двойками в любую цель за доли секунды. Видать, в аспирантуре научили. Но роковой для сектанта стала моя пуля, сделавшая в его груди дыру с кулак размером.

Где-то внизу застонал Винокур, достали всё-таки, но тут выстрел Марины оборвал жизнь ещё одного сектанта, тут уже препараты не в помощь, дыра в голове любого остановит.

А потом бой как-то резко сошёл на нет. Атаки прекратились, наши выстрелы тоже, только в зарослях у окраины крошечной деревни кто-то громко стонал.

Шёл четвёртый день нашего увлекательного путешествия (в гробу бы я видел такие приключения), когда группа, остановившись на отдых во второй половине дня, внезапно поняла, что к ней подкрадываются враги. К счастью, караул несла Марина, которая наравне со всеми тянула лямку. Так вот, она и разглядела, как вдали пошевелились кусты. Возможно, писаные умеют при желании хорошо прятаться, но в этот раз первым шёл человек, причём, явно городской.

В итоге, Марина успела окликнуть нас, мужик, что вышел из леса, пальнул в неё из ружья, но промазал, а потом, поняв, что прятаться уже поздно, атаковали остальные. Рывок был резкий, но разбился о строения, которыми мы благоразумно прикрылись, а потом был отбит слаженным огнём команды. Двоих я завалил из револьвера. От отдачи

слегка болело запястье, но результат того стоил: два сектанта, которые только что пустили тучу сюрикенов, отлетели назад с огромными дырами в груди и больше не поднимались. Те враги, что являлись человеками, попытались открыть огонь из ружей, спрятавшись за кустами. Но их угомонил Винокур, выдав одну длинную очередь. Люди попались без боевого опыта, явно не знали, что кусты от пуль не защищают.

Ещё минут пятнадцать продолжалась вялая перестрелка, но люди с огнестрелом на той стороне быстро закончились, а писаные старались постоянно сокращать дистанцию, что закончилось для них плачевно.

- Мельчает народ, - проворчал Винокур, вылезая откуда-то из под завала. – Вот раньше писаные, бывало, от пуль уворачивались, прыгали на десять метров, а эти… шпана какая-то, видать, кончились бойцы, пришлось их мобилизовать.

- Тебя зацепило? – спросил я, спрыгивая на землю, в качестве огневой точки пришлось использовать первое же строение, каковым оказался сельский туалет.

- Стрела с разрядом, - он показал мне сломанную стрелу, где в наконечник был встроен мелкий фиолетовый кристалл.

- И что она делает? – не понял я. - Током бьёт?

- Не совсем, в ней заряд боли, если в тело вопьётся, то сразу наступает болевой шок, от которого каждый второй умирает. В моём случае попала только в разгрузку, заряд, само собой, пропал зря. Почти, где-то пятая часть мне досталась.

- Товарищи, - из-за небольшого пня вылез Башкин, который менял опустевший магазин пистолета. – Предлагаю обсудить подробности потом, а пока взять в плен последнего врага. Если будем медлить, он умрёт или уползёт подальше.

И мы отправились брать пленного. Пленный, к счастью, оказался человеком, а потому, вместо яростного сопротивления, просто принял свою судьбу. Это был мужик лет сорока, худощавый, с большой залысиной, лицо покрыто щетиной, которая через пару дней уже сможет считаться бородой. Ранение не позволило ему продолжить бой, и даже не дало покинуть это место.

Рана была серьёзной. Собственно, это был мой первый выстрел с расстояния примерно метров шесть. Пуля прилетела ему в подмышку,

вырвав кусок рёбер из спины. Огромная рана, из которой торчат обломки кости, кровь ручьём, а где-то там открытое лёгкое. Жить ему осталось немного.

- Ну, давай, родной, облегчи душу, - предложил Винокур, присев рядом на корточки.

- Мне всё равно, - отозвался пленник, изо рта выплеснулась кровь, но говорил на удивление твёрдо. – Я умру и так.

- Не надо нас обманывать, - возразил ему Башкин, присаживаясь рядом. – Ты – человек, а потому чувствуешь боль, как все. Могу предложить тебе спасение.

- А потом?

- А потом оставим тебя здесь, найдёшь еду и воду, а дальше всё в твоих руках.

Не знаю, правду ли говорил учёный, но пленник ему поверил, в глазах зажегся огонёк надежды.

- Я буду говорить, остановите кровь.

Башкин молча вынул из кармана коробочку чуть больше пачки сигарет, открыл и высыпал на ладонь порошок, напоминающий жёлтые металлические опилки. Ладонь с порошком он прижал прямо к ране. Глаза раненого от боли распахнулись, но он тут же облегчённо вздохнул.

- Спасибо.

- Я не гарантирую, что ты выживешь, ранение слишком обширно, - честно сказал Башкин. – Когда потеряешь сознание, оставим тебя в одном из домов, поставим воду, пару банок тушёнки и… одно из ваших ружей с патронами. Отлежишься, потом сам знаешь, что делать. А теперь отвечай: кто вы такие и какого чёрта тут делаете.

- Богиня приказала рассылать отряды, люди и горки, небольшие отряды, которые проложат путь большой армии.

- Где сейчас армия?

- На юге, точно не скажу, от Саратова отходили, по обоим берегам.

- Сколько там человек?

- Людей? Не знаю, тысяч десять-пятнадцать, подходят новые, часть из Средней Азии пригнали, их там раньше в рабстве держали, а теперь призвали в армию. Ещё горки, их много, но воинов мало. Каждый пятый, да и тот слаб и неопытен. Больше всего низших, тоже

рабов, тех, кто еду выращивал на плантациях, они без татуировок, их узнать легко.

- Теперь скажи, богиня жива?

- Жива, я видел её, её все видели, она теперь вступила в союз с людьми. Не так, она снизошла до принятия людей в войско, после того, как её спас человек. Великий воин.

- С этого места подробнее.

- Ну, тогда, когда богиню накрыли ядерными взрывами. Они не могли её убить, она бессмертна, но они её ранили. А он, великий воин, спас её, утащил из того места и вылечил. И она назначила его главнокомандующим, открыла возможность для союза людей и горков, а ещё наделила великой силой. Воин мог подчинять людей своей воле, а сам был неуязвим. Он собирал вторую армию на западе, но кто-то подло убил его. Гнев богини…

Его речь оборвалась одышкой, а я счёл нужным вставить свои пять копеек:

- Мне это что-то напоминает.

- Слушай, а воина того, случаем, не Пасечник звали? – спросил Башкин, когда раненый отдышался.

- Так его звали раньше, а теперь его имя…

- Да мне плевать, как вы там его обозвали, - перебил его учёный. – Важно то, что тварь эта теперь мертва, никакой второй армии на западе не будет, а убил его вот этот человек, - он указал на меня. – Просто, как щенка, задушил удавкой. Так и передай своей богине, её та же участь ждёт.

Я с удивлением посмотрел на учёного, значит, он не собирался оставлять пленного в живых. А Башкин, как ни в чём не бывало, достал шприц, вколол раненому какой-то препарат, от которого он быстро заснул, после чего полил рану чёрной жидкостью из пластикового флакона.

- Отнесите в дом, - велел он.

Мы отнесли бесчувственное тело в крайний дом, честно, как и обещал учёный, положили рядом две банки мясных консервов и поставили ведро с водой из колодца. Потом он выбрал из трофеев самое плохое ружьё, каковым оказалась одностволка шестнадцатого калибра, отыскал к нему пяток патронов и всё это бросил рядом с телом.

- Может, его пристрелить? – осторожно спросил я.

- Лучше не надо.

- Почему? Он ведь расскажет, а их богиня…

- Именно этого я и добиваюсь.

- ???

- Всего объяснить не могу, там, южнее, собирается армия, точно не скажу, но тысяч сто верных. И теперь они, пусть и не имеют такого количества магов, и сами рубаки сильно сдали, зато соединились с людьми, что дало им огнестрел и транспорт. Не знаю, насколько успешен будет их поход, но лучше внести разлад.

- Какой разлад, они ведь нас ловить будут всей армией?

- Да, но мы будем на шаг впереди. Всегда.

- Из-за твоего чемодана?

- И это тоже, - учёный, посчитав разговор завершённым, отправился к машине. Да, отдыхать здесь, в компании трупов, не очень хотелось. Да и на запах крови кто-то прийти может.

- Если это кому-то интересно, - сообщил Коростин, когда мы садились в машину, - у меня к карабину осталось двенадцать патронов. И, если кто-то думает, что с таким боезапасом можно прорваться через кордоны на пути, которые обязательно будут, то он ошибается.

- У меня - полтора рожка, - добавил Винокур, пристально глядя в спину учёному.

- У меня - сорок четыре, - добавила Марина.

Немой, понятно, ничего не сказал, но тоже смотрел укоризненно. Собственно, с патронами только у меня было хорошо, и то, по причине большого начального запаса и низкой скорострельности. Башкин, чувствуя, что взгляды сейчас прожгут ему спину, обернулся.

- Я там, на карте, отметил место, за полчаса доедем. Пополним запасы горючего. И… - он сделал загадочное лицо. – Что-нибудь ещё.

Обстановка в коллективе грозила взорваться, что закончилось бы коллективным битьём учёной морды, но пока решили подождать те самые полчаса. Теперь машина встала на окраине большого ПГТ, точнее, это место было когда-то таковым, даже с приличным количеством высотных домов. А потом пришла война, и дома эти срыли под ноль. Не все, часть просто зияла дырами от снарядов и чёрными пятнами от огня, возможно, магического, но знать это я не мог.

- Встаньте здесь и смотрите по сторонам, - отдал приказ Башкин, хотя главным его никто не назначал. Главный у нас Коростин, а по военной части – Винокур. – А со мной пойдёт…

Он пристально осмотрел наш скромный коллектив, после чего остановил взгляд на Немом.

- Простите, как вас зовут? Неудобно по прозвищу.

Немой посмотрел на него, как на идиота.

- Понимаю, а так? – учёный протянул ему блокнот и карандаш.

Немой скорчил недовольную гримасу, но всё же написал.

- Никита? Вот и отлично, товарищ Никита, берите канистры и отправляйтесь за мной, остальным не рекомендую, там часть дороги заминирована, можно подорваться, если не знаешь ключа.

Никита молча взял канистры, после чего оба удалились в близлежащий лесок.

- Мутит что-то учёный муж, - заметил Винокур.

- Это давно понятно, – не стал спорить Коростин. – Мне только его конечная цель не ясна. Вроде бы, наш эксперимент с открытием ворот одобрен на высшем уровне, если бы там были против, то просто оставили бы меня без комплектующих.

- И, тем не менее, он делает странные вещи, словно нарочно толкая нас в пекло, - заметил я, но тут же сменил тему. – Давайте хоть поедим?

Предложение было признано своевременным, вот только огонь разводить никто не стал, решили обойтись сухомяткой. А чтобы лучше заходила, приняли по пятьдесят граммов коньяка, что смародёрили в одном магазине. Некоторые населённые пункты, что попались нам по пути, вообще не трогала рука мародёра, всё стояло так, словно город вчера покинут.

- Я вот чего хотел спросить, – я намазывал ножом колбасный фарш на галету, - тот мужик говорил о рабах, плантациях. Я так понимаю, у них экономика своя есть?

- Логично, писаные, хоть и не совсем люди, а жрать обязаны, - рассказал Коростин. - Жрут они всё, но основной источник питания – это мясо мастодонтов и крупа, которую они принесли из своего мира. Очень питательная, быстро зреет, урожайность с гектара заруливает в минуса любую другую культуру. На вкус – что-то, вроде сои или чечевицы, не понять, короче, вроде бы, её даже начали культивировать,

благо, теперь почти вся страна под посевы годится, холода только от берега Ледовитого Океана начинаются. Это всё известно, а вот социальные отношения в их обществе были секретом. Даже женщин тамошних никто поначалу не видел. Потом выяснили, что есть женщины, есть рабы, которых на войну не берут, а если берут, то они перестают быть рабами. И пленных людей они в рабство обращали, тех, кому сложных работ делать не надо, зомбировали, остальные трудились под принуждением. Возможно, били кнутами, а может быть, и гипнозом, как тот же Пасечник. Теперь решили повторить завоевание, мобилизовали всех, включая рабов, наносят им татуировки и зачисляют в военное сословие. Не исключаю, что и женщины тоже идут. В последний бой, так сказать.

- А люди? – спросил я, отправив в рот последний кусочек бутерброда.

- С людьми по-разному, - он подал плечами. – Те, кто остался на диких землях, сильно на власть обижены. Могли и добровольно под них пойти, как только возможность появилась. А кто-то просто хотел рабский ошейник снять.

- Ну и дурень, - сказал Винокур, опрокидывая в рот коньяк. – Ничего им не светит. Да и силы у них не те. Вчерашнего раба можно научить железкой махать, а вот магии его уже не обучишь. Да и драконов новых никто не родит. А я ещё слышал, что на такой случай, когда крупные силы будут подходить к освобождённым территориям, будут химию применять. Отравляющие газы. Уже сделали запасы, просто баллонами с газом закидают.

- Так это же запрещено, – вдруг очнулась Марина, которая до того просто прижималась ко мне. – Есть какие-то законы…

- Окстись, девушка, - Винокур едва не захохотал. – Какие законы, три четверти мира в руинах лежат, некому про законы помнить.

- Но… там ведь люди, - упавшим голосом напомнила Марина.

- Угу, а ещё эти люди собираются убивать других людей. Уж лучше так.

- Мне вот ещё что интересно, - несмотря на мизерность порции, коньяк подействовал, меня потянуло на разговоры. – А богиня эта – она одна, или их несколько?

- Насколько известно, одна, - сказал Коростин.

- Просто, если скопления врат тяготели к наиболее людным местам, то чего их главная в России появилась? Почему не в Европе, ну, или Бангладеш?

- Ну, справедливости ради, появилась она не в России, а где-то в Иране. Оттуда шли первые волны пришельцев, по побережью Каспия. Надо полагать, принцип тот же, что и у моей установки, не каждое место подходит. Богиня, если правильно понимаю, явилась первой, с отрядом самых сильных магов, а следом начали открываться другие врата, которые действительно тяготели к густонаселённым местам.

- И что, сейчас других стран нет?

- Ну, кое-что есть, всё же и там войска были, и оружие ядерное. Но таких запасов, как у нас, не имелось. И, что более важно, не было свободных мест, куда можно перебросить население. Теперь там анклавы, кое-где поддерживается относительно цивилизованная жизнь, но остальное – процентов, этак, девяносто - сплошной мрак.

- Китай, например, частично уцелел, – добавил Винокур. – Южная часть, где большинство проживало, почти исчез, а север, вместе с Монголией, выжил. В США кое-где ещё остались поселения, часть людей в Канаду перебралась, Европа почти полностью исчезла, я сам там не был, но те, кто возвращались, говорят, что смотреть страшно, разруха, пожарища и безлюдье. При этом писаные были и там разгромлены, но уже после того, как покончили с человечеством. Теперь только редкие крепости под охраной военных, часть людей, кстати, наши эвакуировали, когда руки дошли.

Мы уже закончили обед, когда появился Немой, сгибаясь под тяжестью двух полных канистр. Мы вскочили, Винокур сразу забрал у него канистры и передал новые, а сам бросился выливать содержимое в бочки.

- Откуда горючка? – немедленно задал вопрос Коростин.

Немой с глубокомысленным видом показал пальцем в ту сторону, откуда пришёл. Нда.

- Нет, в смысле, как её получили?

Немой пару секунд подумал, после чего изобразил пантомиму, где он открывает кран и подставляет канистру.

- Очень информативно, - съязвил Винокур из машины.

Немой с виноватой улыбкой развёл руками.

Он сделал ещё несколько ходок, в итоге наш запас горючего пополнился до максимального. Происхождение так и осталось загадкой. Когда он принёс последние канистры, с ним вернулся и Башкин.

- Всё в порядке? – он обвёл нас взглядом.

- В порядке, - ответил за всех Коростин. – Но у коллектива появились некоторые вопросы.

- Да, сейчас всё объясню. Не всё, конечно, но, если вкратце: товарищи, шутки кончились. Дальше нас ждут полноценные боевые действия, пробиваться придётся со стрельбой и взрывами. Враг велик числом, хитёр и коварен. А нас мало. Но, скажу я вам, шансы есть. Ставку сделаем на скорость.

Винокур многозначительно покатал между пальцами патрон, намекая, что стрельба и взрывы требуют расходников.

- Всё есть, - загадочно сказал учёный, - даже больше, чем нужно. Идите за мной, теперь все.

Он пошёл в лес, а мы отправились следом, с машиной остался только Немой, который сильно вымотался, пока носил канистры. Пройдя извилистой тропой, мы вышли на странную поляну, где под слоями дёрна и свежей травой проглядывала бетонная поверхность. А на этой поляне нас ждал сюрприз: гора оружия. Надо полагать, учёный вскрыл некий схрон, который был замаскирован от посторонних.

- Итак, смотрите, - начал объяснять он. – Три автомата и магазины.

Он взял из кучи три автомата АКС, полностью новых, явно никогда не использовавшихся, положил рядом с нами и стал выкладывать магазины. Последние, кстати, были либо пулемётными на сорок пять, либо «бубнами» на сто. Даже не знал, что в Союзе такие выпускали. Один из автоматов имел подствольный гранатомёт.

- Пулемёт, - продолжил он. – ПКМ я брать не стал, его тяжело перемещать, а вот это, - он напрягся и вынул из кучи тяжёлую тушу ДШК, нам очень даже пригодится. Насколько я знаю, установить его в башне труда не составит.

- Установим, - кивнул Винокур.

- Патронов больше пяти тысяч к автомату, в цинках, и чуть больше тысячи к ДШК, правда, эти россыпью, бронебойные и МДЗ.

Он снова полез в кучу и вытащил на свет очередной цинк с патронами.

- А это вам, уважаемая Марина, семь шестьдесят две, снайперские, четыреста сорок штук. Есть ещё несколько пачек бронебойных и трассирующих, всего почти шестьсот.

Марина растерялась.

- Да мне столько и не нужно, я ведь не расстреляю.

- Не уверен, - он покачал головой. – Поскольку вашу трёхлинейку, что застала, как я думаю, ещё Гражданскую войну, мы сейчас утилизируем.

В руке его появилась винтовка СВД, тоже новая и с каким-то нестандартным прицелом.

- Только пристрелять нужно, – сообщил учёный. – Прицел экспериментальный, восьмикратный, только начали обкатывать.

Марина, несколько растерявшись, приняла неожиданный подарок и с интересом его рассматривала.

- Теперь те, у кого нет оружия ближнего боя, - он вынул из небольшого мешка два пистолета Стечкина. – Берите, вооружайтесь, по два запасных магазина и запас патронов, патроны не считал, но около двух сотен на каждый.

- Гранаты? – спросил Винокур, ковыряясь в пулемёте.

- Вон те два ящика, - сообщил Башкин, указав в противоположный конец поляны. – Сорок РГД-5 и двадцать Ф-1. Запалы отдельно. Ещё есть взрывчатка, но немного, килограммов десять. Тротил. Гранаты к подствольному гранатомёту в количестве сорока штук. И вот это ещё.

Он показал нам гранатомёт РПГ-7 с оптическим прицелом, а на подстилке из старой мешковины лежали гранаты.

- Восемь кумулятивных, шесть термобарических, и вот такие.

Гранат последнего типа было целых десять, по виду они напоминали термобарических «поросят», но на корпусе имелась красная полоса и какие-то надписи мелким шрифтом.

- Химические, - объяснил он. – Создают облако газа, смертельный яд, стрелять строго по ветру, антидот в запасе есть, но его очень мало и применять нужно заранее. Вещество нестабильно на воздухе, уже через десять-двенадцать часов после применения распадается на безобидные вещества. Но в момент разрыва гранаты, убивает всё живое, с чем соприкоснётся в радиусе пятнадцати метров и дальше по

ветру, по консистенции это летучая жидкость, оседает на поверхностях, противогаз не помогает.

- Карабины можно выбросить, - сделал вывод Винокур.

- Пожалуй, оставьте штуцер, он точно пригодится, тем более что патроны есть. Остальное, кроме ваших револьверов и карабина Дмитрия Сергеевича, лучше отправить на свалку. В другое время я не столь расточителен, но теперь потребуются усилия, чтобы впихнуть такой объём в нашу машину.

Глава двадцать шестая

Спать в тот день мы легли поздно, помимо чистки и пристрелки оружия, пришлось потратить время и силы на установку пулемёта в башенке, но это того стоило, оружие встало, как влитое, более того, отлично управлялось, как по горизонтали, так и по вертикали. Когда делали башенку, кто-то поспособствовал установлению креплений, регулируемых, в том числе и под такой ствол. С подачи Винокура Башкин сбегал в свой секретный лабаз ещё несколько раз, увеличив боекомплект к пулемёту до двух с половиной тысяч, а автоматный – до тринадцати. Теперь наш самопальный броневик можно было уверенно относить к легкой бронетехнике.

- А что, у врага танки есть? – спросил Винокур, привинчивая к гранате пороховой заряд.

- Вряд ли, - объяснил учёный, - слишком большая инфраструктура к танку прилагается. А вот БТР вполне могли найти и восстановить.

- А кто стрелять из него умеет? – спросил офицер, обводя взглядом собравшихся.

- Ну, я стрелял на полигоне, - сообщил я, видя, что других желающих нет. – Три раза, по учебной цели.

- Уже хорошо, - сказал Винокур. – А то мне не разорваться, я за пулемётом буду.

Марина старательно надраивала потроха винтовки. Оружие явно ей понравилось, так и подмывало сказать классическое «ты же девочка».

Когда с сортировкой и заряжанием оружия было покончено, Башкин снова начал доводить ситуацию. Расстелив на земле карту, он водил по дорогам кончиком своего огромного ножа.

- Противник передвигается по нескольким дорогам, группы насчитывают до ста пятидесяти рыл, обычно соотношение людей и

нелюдей один к одному, то есть, около семидесяти стволов, но ураган огня маловероятен, у них проблемы с боеприпасами. Даже в случае лобового столкновения мы имеем все шансы проскочить. Они не ждут прорыва с севера, баррикад не возводят, а людскую массу легко снести отбойником или расстрелять издали.

- А если всё-таки поставят? – спросил Коростин.

- Вопрос: из чего будет баррикада? Если машины до того же КамАЗа включительно, то прорвёмся, установка бетонных блоков требует техники и времени, а их потребуется куда больше одного.

- Могут «ежа» кинуть, - напомнил Винокур.

- Это проблема, - согласился учёный, - но вряд ли «ежи» у них всегда под рукой, к тому же, я рассчитываю прорваться на скорости, раньше, чем передние предупредят задних. Какая-то система передачи информации у них есть, но работает она медленно, а человеческие рации в наших условиях ненадёжны.

- Придётся ехать без остановки, - заметил я.

- Придётся, – согласился он. – Но, при всех вывертах дороги, это займёт не больше двух суток, если на каждом перекрёстке вступать в бой, то трое-четверо. Водители у нас есть, будем друг друга сменять и есть на ходу. Всем ясно?

Мы кивнули и нестройно ответили, что ясно. Последним его приобретением были лёгкие бронекостюмы. Материал оставался загадкой, но выглядели они, как толстые куртки с рукавами, внутри имелись какие-то твёрдые вставки, но, судя по весу, это был даже не металл. При этом учёный уверял, что они спасают от холодного оружия, осколков, дроби и даже пистолетной пули, хотя последняя сломает кости и вызовет болевой шок. При этом почему-то захватил только две каски, одну надел сам, вторую отдал Коростину. Ещё имелись два прибора ночного видения, архаичные, но вполне рабочие.

Ехать решили в ночь, фары не включали, за руль сел инженер, надев при этом ПНВ, второй прибор был у Винокура, который засел с пулемётом в башенке. Внутри жилого отсека теперь было тесно, спальное место осталось только одно, остальное завалили оружием и боеприпасами.

Этот участок дороги считался относительно безопасным, впереди даже имелись относительно цивилизованные поселения, впрочем, с учётом того, что группа писаных встретилась на пятьдесят километров

севернее, существование этих анклавов сейчас под большим вопросом. Люди, что там проживали, имели небогатый выбор. Или покориться наступающей армии Тьмы, или спрятаться на время (наверняка у всех подготовлены схроны в глуши на такой случай), предоставив армии перебить всех сектантов, или двинуть на север, чтобы спрятаться за широкой спиной той самой армии, заодно вернувшись в лоно цивилизации.

Увы, ближе к утру мы выяснили, что эти, казалось бы, логичные ходы, остались недоступными для людей с дикой территории. Как раз на рассвете один такой анклав, напоминающий небольшой посёлок за стеной из бетона, старательно отбивал осаду.

Отбивал – это громко сказано. С обеих сторон гремели редкие выстрелы, а маги писаных отрабатывали по стенам магией. То тут, то там, вспыхивало синее пламя, которое быстро опадало, но, судя по крикам из-за стены, кое-какой урон наносить получалось.

Звук нашего двигателя они услышали слишком поздно, а потому подлетевшая на полной скорости многотонная машина буквально смела ряды атакующих вместе с их хилыми укрытиями. Оставшихся перемололи ураганом огня из автоматов через бойницы, выжили только пять или шесть человек, которые быстро убегали в лес, прячась за складками местности. Башкин, который сидел за рулём, подкатил к самым воротам, которые закрывал стальной лист.

Некоторое время стояла тишина, потом хриплый голос с той стороны стены крикнул:

- Кто там, в машине?

- Люди, - отозвался Башкин, открыв лобовой бронещит.

- Вижу, что люди, - сказал бородатый мужик в заношенной военной форме с автоматом в руках. – Откуда взялись? Я думал, что тут уже нет никого.

- Я тоже так думал, но теперь вас увидел, - сообщил учёный, открыв дверь и спрыгнув вниз. – Почему не сбежали?

- Так не успели мы, - виновато развёл руками мужик. – Основные силы два дня, как ушли, я тут на хозяйстве остался, прихватить нужное, да тоже бежать. А они нагрянули.

- Давно напали?

- Да часа два назад, они время тянули, я знаю, что следом большая орда идёт. Вот и перекрыли нам выезд. Нам полчаса не хватило, а то

бы уже в пути были.

- Ну, раз готовы, то и валите, пока поздно не стало. Патроны есть у вас?

- Десятка три осталось, - мужик скептически посмотрел на свой автомат. - Ну, и к ружьям полсотни.

- Ещё автоматы есть? – спросил сверху Винокур.

- С десяток, а толку-то?

- Дима, - офицер постучал по верхнему бронелисту. – Сбрось им пачек пять-шесть. А то не пробьются.

Отсчитав семь бумажных пачек с патронами к автомату, я протянул их в окно, отдав подскочившему худощавому пареньку. Тот бережно завернул их в мешковину и унёс обратно. Обитатели лагеря, надо отдать им должное, тянуть не стали, ворота открылись, наружу выехал автобус, слегка укреплённый листами жести. Опять же, женщин и детей внутри не было, видимо, их эвакуировали в первой волне. Зато имелись раненые, человек пять тяжёлых, понятно было, что до безопасного места довезут не всех.

- Откуда про орду знаешь? – спросил Башкин у вожака, то ехал отдельно, на мотоцикле «Урал» с коляской, где сидел автоматчик.

- Разведка передала по рации, твари сейчас у Брода, километров сорок, ну, теперь-то ближе. Орда большая, рыл, наверное, с тысячу. Писаные там, и люди тоже.

- Пешие?

- Да, пешие, только телеги с собой, оружие есть, но немного, думаю, с патронами у них тоже плохо. На такой махине прорвётесь. Наверное.

- Ну, спасибо, – Башкин бросил ему ещё две пачки патронов, тот с благодарностью принял их и сунул в карман куртки. – Поторопитесь, их группы на севере есть, можно нарваться.

- Да знаю я, - отмахнулся мужик. – Прорвёмся как-нибудь, и вам того желаю.

Он махнул рукой на прощание, после чего дал газ и отправился догонять автобус.

- Все всё слышали? – уточнил Башкин. – Теперь так: Эдуард Фёдорович садится за руль, водитель нужен свежий. Вам, Вячеслав Игоревич, предлагаю смениться тоже или выпить таблетку для бодрости, по моим подсчётам, вы уже двадцать восемь часов на ногах.

- Таблетку, - решил Винокур.

- Ну, а остальные - к бойницам, нужен будет ураган огня.

Бойницы в бортах позволяли вести огонь по диагонали вперёд, к ним встали Немой и я, пришлось сменить свой карабин на автомат. К задним встали Марина и Башкин, первый приготовил дробовик, вторая собиралась отстреливать погоню из снайперки, благо, размер бойницы позволял это. Помимо дроби, учёный приготовил несколько гранат, вкрутив в них запалы. Со стороны могло показаться, что машина наша несокрушима, но при столкновении с ордой в тысячу человек ни в чём нельзя быть уверенным. А от мысли, что нам могут пробить колесо прямо посреди толпы врагов, становилось дурно.

Относительно спокойная поездка длилась около часа, что, даже с учётом многочисленных поворотов, было гораздо больше озвученных сорока километров. Я уже подумал, что орда пошла другой дорогой, а мы проскочим незамеченными, но тут раздалась громкая команда Коростина:

- Приготовиться!

Я выдохнул. Как говорят, ожидание праздника хуже самого праздника. Пальцем переключил переводчик в среднее положение и приготовился нажать на спуск. Орда встретила нас сразу за поворотом. Двигатель они, наверное, слышали, но среагировать почему-то не успели.

Столкновение с массой живых тел (которые при этом быстро становились мёртвыми) ощущалось, как средней силы толчок, после которого машина начала слегка буксовать, перемалывая колёсами подобие грязи, хотя все мы знали, что это не грязь. Даже в узкую бойницу я разглядел, как во все стороны брызжет кровь.

В этот момент сверху ударил пулемёт, да и передо мной появились цели, фигуры в мешковатых балахонах, что разбегались в стороны. Возблагодарив судьбу, что передо мной не люди, а писаные, более того, их воины, полностью покрытые татуировками, я вдавил спусковой крючок. Длинная очередь прошлась по спинам, часть падала сразу, часть только дёргалась и продолжала бежать. Отбежав на приличное расстояние, они разворачивались и пытались стрелять из арбалетов и кастовать что-то магическое.

Но машина продолжала двигаться вперёд, теперь уже не приходилось ехать по телам, те, кто шёл в задних рядах, расступились.

Длинный магазин упал вниз, больно ударив по ноге, второй я перед этим засунул в карман, а теперь вставил его в автомат. Передёрнуть затвор и снова стрелять. Передо мной сплошная цель, даже наводить не нужно. Писаные, при всей своей отмороженности, отнюдь не бессмертные. Получив пулю, они имеют обыкновение умирать, несмотря на то, что делают это далеко не сразу, и до смерти успевают многое.

В итоге, орду мы проскочили, как я понял, всего секунд за тридцать-сорок, успев положить до сотни бойцов противника. Со стороны Немого имелись стрелки из людей, но никто из них не смог попасть в него. Слишком быстро двигалась машина.

Сзади ещё какое-то время стрелял и бросал гранаты Башкин, отправляя возможной погоне заряды картечи, а потом пару раз выстрелила Марина, уже вдаль. Вряд ли в кого-то попала, машина тряслась на ухабах.

Коростин продолжал жать на газ, что я целиком одобрял, поскольку требовалось поскорее покинуть опасное место. Враги явно не последние, но, чем быстрее прорвёмся, тем меньше их встретим.

От резкого удара по тормозам я едва не упал, спасло то, что падать было особо некуда, в будке была ужасная теснота. Зато ударился о бочку с горючим.

- Что случилось? – спросил я как можно спокойнее, хотя на язык просились неприличные слова.

- Сам посмотри, - сказал Коростин, указывая вперёд.

То ли писаные, предвидя развитие событий, сделали нам козью морду, то ли это случилось это раньше, задолго до их появления. Небольшой мост, что пересекал овраг шириной в пять метров, по дну которого протекал ручей метровой ширины. Он здесь был, добротный мост из бетона на две полосы. А теперь в виде обломков валялся внизу. И это плёвое расстояние наш мощный транспорт преодолеть не мог. Будь мы на танке, можно было бы попытаться, но танка не было.

- Можно рвануть по целине, - предложил Башкин. – Вон туда, может быть, там берега пологие.

- А если нет? – спросил я. – А если пологие, а мы всё равно засядем? Есть на примете тягач? Карту смотри.

Изучение карты дало кое-что. По дороге сюда мы проскочили отворот на крошечную дорогу, практически, тропу. Но, раз на карте

она обозначена, то проехать сможем. За пять лет вековые деревья не вырастают, а кустарник нам нипочём. И путь дорога эта уходит далеко в сторону от маршрута, зато и ручей этот, гордо именуемой рекой Левая, ещё раньше поворачивает в сторону. Правда, придётся вернуться. От места побоища мы удалились уже километров на двадцать, а теперь проедем обратно на десять с небольшим. Но выбора нет, все остальные варианты ещё хуже.

Машина развернулась перед сломанным мостом и поехала в обратную сторону. Воспользовавшись затишьем, я взялся набивать магазины к автомату. Патроны расходуются с какой-то невероятной скоростью, взяли с собой уйму, казалось, лишние, а вот, девяносто штук улетело за секунды. И у Немого столько же.

Враг, как оказалось, не дремал. Они решили устроить остановку, утилизировать трупы, помочь раненым, а потому наш визит был замечен. Снова короткая перестрелка, поворот – и вот, мы уже мчимся по узкой лесной дороге в нужную сторону. Радовало одно, враг передвигается пешком, а догнать машину, пусть и едущую относительно медленно, пешему не под силу.

И снова я их недооценил. Во-первых, наши тридцать-сорок километров в час – величина отнюдь не астрономическая, человек на коротких дистанциях может выжать столько. Во-вторых, нам противостоят не только люди, а ещё и эти долбаные сектанты, горки, как назвал их пленный, да к тому же накачанные допингом, оказалось, что погоня их дала результат.

Я едва успел увернуться, когда в бойницу просунулась расписанная узорами рука, которая попыталась воткнуть в меня длинный нож. Отскочив назад, я вскинул автомат, но тут же понял, что рикошет куда опаснее висящего на борту врага, в бойницу он не залезет. Пришлось потратить время на доставание револьвера из кобуры, тяжёлая пуля просто перебила руку пополам, кисть с локтем осталась висеть, нож упал на пол, а сам писаный с коротким криком упал на дорогу. Поскольку крик этот сразу оборвался, упал неудачно, прямо под колесо.

Остальные действовали схожим образом, стреляли в бойницы из револьверов и пистолетов. Борта очистить удалось, но кто-то лез на крышу, слышно было, как матерится Винокур, который не успевал

развернуть пулемёт. Да и стрелять из такого оружия в упор по очень быстрому противнику – занятие сомнительное.

Услышав выстрелы из пистолета, я, недолго думая, решил ему помочь, для чего распахнул верхний люк, крышкой которого ударил в живот писаного, что полз по крыше, когда Слава стрелял в другую сторону. А следом я всадил в этот живот пулю из револьвера. Тут даже живучесть сектанта не спасёт, сквозь получившуюся дыру я смог увидеть небо, а потом на меня стали падать окровавленные кишки.

- Прорвались, - сказал где-то рядом Башкин, когда я, преодолевая тошноту, попытался сбросить с себя окровавленные внутренности. – Двигаем дальше.

Дорожная сеть в европейской части России довольно густая, найти проход всегда можно, а перекрыть все дороги, не пропустив одиночный автомобиль, уже проблематично, если у тебя нет целой армии, которая к тому же имеет устойчивую связь и перемещается быстрее упомянутого автомобиля. У наших врагов, кроме армии, не было ничего. Но они пытались. Наш учёный даже с кем-то связывался по дороге, спрятавшись от нас за запасными колёсами. Вернулся, как всегда, озадаченным.

- Ну, что там? – спросил я. – Хотя бы в общих чертах.

- Там… - он поморщился, как от зубной боли, - всё плохо. Или хорошо, как посмотреть. Часть вражеских подразделений продолжает двигаться на северо-восток, но те, что расположены близко к нам, скажем, в радиусе пятисот километров, начали непонятные перестроения. Если я правильно понял, среагировали на нас.

- Будут ловить?

- Думаю, что да.

- Вот и зачем было сообщать, что я убил Пасечника? Или это план такой?

Он задумался.

- Нет, плана пока нет, но кое-что вырисовывается. Нас будут пытаться остановить, задача прежняя, не быть убитыми.

- А оттуда нас поддержать не смогут? – спросил из-за руля Коростин. – Ну, бомбардировщик выслать, или десант на вертолётах?

- Вряд ли, нет полноценной цели, гоняться за небольшими отрядами, что бредут по разным дорогам, можно бесконечно. А в единый кулак они соберутся только перед атакой.

- Так в чём наша задача? – спросил Винокур, временно покинувший пост.

- Задача у нас прежняя, - повторил учёный. – То, что на нас среагировали враги, не отменяет конечной цели. А вот как они поступят, тут уже вопрос. Может быть, мы раздёргаем их армию и сорвём наступление, может быть, они на нас плюнут и снова развернутся на север.

Больше мы от него ничего не добились.

Глава двадцать седьмая

Пятые сутки увлекательного путешествия, где-то южнее Волгограда, правый берег Волги, точнее не скажу, местность тут сильно изменилась. Она и так в этом мире слегка отличается, а после бомбардировок, как ядерных, так и обычных, и вовсе ни одного знакомого ориентира.

В крупные города мы не заезжали, да и делать там особо нечего. Разруха, руины, следы пожаров, а кое-где и ядерное пепелище. Даже если люди в итоге победят, то восстанавливать страну придётся лет сто, если не больше.

Сам Волгоград понаблюдали из пригорода, впечатление неприятное, ядерный удар по городу не наносился, но и обычным оружием его превратили в Сталинград сорок второго года. А ещё вдоль окраин стояли колья с насаженными на них скелетами. Часть уже рассыпалась, часть ещё держалась.

Группа в прямом смысле слова не стояла на ногах. По идее, когда мы двигались по дорогам, один из нас мог отдыхать на спальном месте. Но в реальности уснуть было невозможно. Шли с таким напряжением, что впору оглохнуть. Чуть ли не на каждом повороте и перекрёстке нас встречали, засады были организованы наспех, та часть противника, что состояла из людей, была не организована и плохо вооружена, а писаные не имели в составе магов. Да и укреплений построить не успевали. Это нас и спасало, а ещё то, что маршрут наш, который я поначалу представлял прямым, как кардиограмма покойника, в итоге оказался извилистым, а местами имел даже петли.

Но даже так путешествие спокойным не было. За последние двое суток только я один расстрелял из автомата больше тысячи патронов, впору вспомнить о ресурсе ствола, который от таких нагрузок скоро станет непригодным. Оружие натуральным образом раскалялось в

руках, а огромный запас патронов уже не казался таким огромным. Винокур и вовсе несколько раз отказывался стрелять, мотивируя это тем, что ствол перегрелся, а запасного у него нет. В такие минуты прорыв становился куда более сложной задачей, крупный калибр просто сметал личный состав заслона, а саму баррикаду мы, в зависимости от её прочности, либо сносили, либо аккуратно сдвигали в сторону, либо объезжали. А без такой поддержки сделать это оказалось трудно. Особенно, когда в качестве баррикады установили БТР. Машина оказалась не на ходу, но свою функцию гроба на колёсах выполняла исправно. А рядом были наспех оборудованные позиции автоматчиков, и ещё куча писаных в засаде, да и внутри бронемашины сидели стрелки (башенный пулемёт, к счастью не работал или не имел боеприпасов).

Спас ситуацию гранатомёт, тот же Винокур, произвёл обстрел с трёхсот метров, почти идеально попав кумулятивным по машине, а потом двумя термобарическими по окружающей пехоте. Потом уже, непрерывно поливая всё вокруг огнём через бойницы, мы прорвались через заслон. БТР, кстати, сдвинуть не смогли, чем-то его заклинили так, что он словно прирос к дороге. Смогли аккуратно протиснуться между его носом и бетонным столбом на обочине.

Хуже всего было то, что их армия полностью переключилась на нашу поимку, стягивая резервы. И у резервов этих появлялась техника, чаще всего не боевая, просто грузовики с пехотой, которые, тем не менее, могли участвовать в погоне и быстро занимать позиции. Приходилось охлаждать их пыл с помощью ДШК и гранатомёта. Но гранаты были не вечными, а пулемёт не выдерживал постоянного огня.

Но это было не главным. Оружие, как и двигатель машины, было из металла, в отличие от людей. Третьи сутки без сна, в постоянном нервном напряжении. От непрерывной стрельбы мы почти оглохли, а от бодрящих таблеток, которые Башкин выдавал без счёта, уже начинало сбоить сердце. Ещё пара дней такой гонки, и нашим врагам не придётся нас убивать, мы просто сдохнем на бегу, облегчив им работу.

Исходя из этого, а ещё потому, что двигатель начал сбоить, и требовалось ТО, решено было устроить привал. Погоня как раз отстала, а потому мы получили возможность остановиться в

небольшом городке, найти рембазу и, загнав наш броневик в ангар, заняться собой.

Марину я сразу отправил спать, она и так спала на ходу, поскольку таблетки пить отказывалась. Винокур вместе с учёным и инженером, занялись машиной. Все хотели спать, но понимали, что прямо сейчас уснуть не смогут. Химическое дерьмо продолжало бурлить в крови. А мы, я и Немой, остались часовыми.

Усевшись на верхних этажах административного здания, мы контролировали местность вокруг. Внутри ангара негромко стучали инструментами, а я, крепко сжимая цевьё автомата, смотрел вдаль. В глаза словно песка насыпали, сердечный ритм отбивал какую-то заковыристую мелодию, но пока я держался.

На часы я не смотрел, сейчас утро, глядишь, до темноты просижу, впрочем, меня должны сменить. В итоге, конечно, заснул, но проспал недолго, около получаса, поскольку сначала меня разбудил Немой, а чуть позже пришла Марина.

- Выпей и иди спать, – сказала она, сунув мне в руки кружку с горячим напитком, всё тот же концентрат, будь он неладен. Впрочем, мой измученный организм вряд ли сейчас примет что-то другое. – Я посижу, а потом Слава подтянется.

Вместе со мной спать отправился и Немой. На парня было страшно смотреть. Худой, бледный, глаза ввалились и стали красными, как у вампира. Впрочем, я выгляжу не лучше. Спать полагалось в небольшой каморке, где имелись длинные верстаки, на которые набросали каких-то старых одеял. Неподалёку, спрятавшись от посторонних глаз, Башкин колдовал со своим волшебным чемоданом.

- Какие новости с полей? – спросил я, поймав себя на мысли, что мне всё равно.

- Смотря с какой стороны зайти, - загадочно ответил учёный. – Почти вся армия тварей отправилась ловить нас, наплевав на наступление. При этом собирается в компактную массу. Радует то, что наш маршрут они отслеживают очень приблизительно, а потому перекрыть все дороги не успевают. Но кольцо постепенно сжимается. Думаю, сутки у нас есть, самым напряжённым будет последний этап прорыва. Но и тут перспективы очень даже неплохие.

- А подробнее? – спросил я, уже закрыв глаза, от немедленного засыпания спасало то, что я твёрдо вознамерился допить кружку.

- Ну, смотрите, почти все они находятся на западном берегу Волги. Установка спрятана у Астраханского моста, с этой стороны. Если успеем прорваться к мосту, а тем более забрать установку, то после переправы враги останутся строго позади. Можно будет просто убегать, не опасаясь засады. В идеале, можно было ещё и мост за собой подорвать, но взрывчатки не хватит. Мост по моим данным, цел и заторов на нём не наблюдается.

- Вот и отлично, - сказал я, проглотив последнюю порцию питательного напитка, после чего провалился в сон.

- Дима, вставай, - заботливый голос жены вывел меня из беспробудного сна.

- Я же только лёг, – недовольно пробурчал я, могучим усилием придавая телу вертикально положение. Глаза пока не открывал.

- Так-то не балдей, - послышался откуда-то справа насмешливый голос Винокура. – Лёг ты в шесть вечера, а сейчас семь утра.

Я открыл глаза и осмотрелся. И точно, в окно был виден хмурый рассвет. Да и тело, получившее долгожданный отдых, постепенно приходило в норму, немедленно напомнив о себе зверским голодом. Остальные тоже собрались завтракать. Быстро вскрывали консервы, на небольшом примусе уже кипел жестяной чайник.

- Значит, задача следующая, - сообщил с набитым ртом Башкин. – Стартуем через полчаса, отсюда движемся прямиком в сторону моста. Ставка на скорость. Враги замедлили продвижение, но движутся полукольцом в ту же сторону. Само собой, обнаружив нас, они ускорятся. Эдуард Фёдорович, установка много весит?

- В сборе около тонны, может, чуть больше. Но она разбирается, и сейчас хранится в разобранном виде. Части весят не более центнера, так что погрузить сможем.

- А времени уйдёт сколько?

- Минут двадцать.

- Нужно, чтобы эти двадцать минут у нас были.

Поесть мы успели, и даже успели собраться, а вот выгнать машину нам не позволили. Как оказалось, это было большой удачей. Часовым стоял Винокур, который и сообщил о приближении странной кавалькады. Первой нашей мыслью было убежать, машина всё же быстрее лошади. Но Башкин от такого предостерёг. Противник на этот раз выглядел экзотично. В нашу сторону по дороге неслись восемь

всадников. Вот только не на лошадях, а на слонах. Хотя слоны были вовсе не слонами, а теми самыми костяными мастодонтами. А на каждом из них сидел писаный, собственной полуголой персоной. Вот только эти всадники сильно отличались от тех сектантов, что мне приходилось видеть раньше. Писаные были сильны своей бешеной энергией, злобой и умением работать холодным оружием. Мощной комплекцией они никогда не отличались, просто сухие мускулистые тела. А эти были другими. Огромного роста, что бросалось в глаза даже через бинокль, а мускулатура их была такова, что на чемпионате по бодибилдингу возьмут все призы. А ещё необычным было их оружие, каждый держал в руке копьё примерно двухметровой длины, наконечник которого представлял собой шар размером с яблоко, который сверкал подобно дуге электросварки. Явно какая-то магическая хрень.

И пусть скорость их была относительно невелика, убегать мы не решились, выгнать из бокса машину, а потом развернуться в небольшом дворике – задача на несколько минут. Уж лучше расстрелять врагов с расстояния, а потом спокойно уехать, тем более что их немного.

Стрелковая команда в лице меня, Марины и Немого вышла на позицию. Первой начала стрелять Марина, метров с трёхсот. Выстрелила трижды, вот только враги падать не собирались.

- Я же попала! – обиженно воскликнула она.

Осталось только добавить «Я так не играю».

Следом выстрелил я, поняв, что таких тварей свалить будет сложно, вставил магазин не до конца, после чего дослал в патронник тот самый спецпатрон с длинной пулей. Уже привычно задержал дыхание и выжал спуск. Громкий выстрел, серьёзная отдача, а потом я увидел, как один из качков-кавалеристов падает назад, а его слонопотам, резко сбавив ход, отворачивает в сторону.

Следом выпалил Немой, из штуцера, который он прочно закрепил за собой. Выстрелил удачно, вот только вместо того, чтобы пробить накачанное тело насквозь, расплескав внутренности по дороге, пуля всего лишь заставила пространство перед ним мигнуть. Схватив бинокль, я разглядел, что враги выставили вперёд раскрытые ладони, от которых расходится почти прозрачное подобие энергетического

щита, прикрывавшего всадников. А вот на ездовых животных щитов не хватило.

- По слонам бей! – крикнул я Немому, да и сам уже встал на колено, чтобы удобнее было целиться.

Выстрел Немого пришёлся в грудь разогнавшемуся животному, тот, конечно, был в броне, да и кости там соответствующие. Но против такого калибра, да ещё с бронебойным сердечником природная защита не пляшет. Слон от попадания кувыркнулся вперёд, всадник выпал из седла и с размаху упал на землю. Но сперва в дорожный асфальт воткнулось его «копьё». Светящийся наконечник среагировал раньше времени, устроив небольшой взрыв и выплеск лавы во все стороны. На том месте образовалась приличных размеров каверна с расплавленными краями, в которую наступил следующий «мамонт».

Тут выяснилось, что у этих животных, как и у их дальних родственников из Индии или Африки, имеется одно слабое место. Мягкие подошвы. А потому животное немедленно завыло, подобно заводской трубе, встало на дыбы, сбросило всадника, после чего, сильно хромая, отправилось по своим делам.

А точку в атаке доблестной кавалерии поставил Винокур, который вышел с гранатомётом, громко скомандовал нам разойтись, после чего выпалил термобарическим зарядом. Оставшихся просто смело. Но убило при этом не всех, в живых осталось двое, более того, оба сохранили свои магические копья и теперь бодро ковыляли в нашу сторону, не обращая внимания на ожоги и раны. Вот только пустить их в ход им было уже не суждено. Из-за наших спин вышли остальные участники группы, на этот раз с автоматами и буквально смели обоих бройлеров ураганом огня. Магический щит уже не работал.

То, что писаные стойки на рану, знали все. И тут варианта два: либо сделать рану больше размером, либо сделать так, чтобы ран этих было запредельно много. С пятью-шестью попаданиями в корпус тварь может бежать вперёд. А если их будет двадцать? Или тридцать? При этом пули разрывают мышцы, сухожилия, повреждают нервы. И никакая железная воля это не отменит. Один рухнул замертво в десяти метрах от нас, снова взорвав асфальт перед собой. А второй пробежал ещё пару шагов и метнул копьё, но метнул слабо, возможно оттого, что рука была перебита пулей. Наконечник ударил в бетонную стену,

проделав в ней дыру диаметром около тридцати сантиметров с оплавленными краями.

- Порой создаётся впечатление, - сказал Башкин, поднимая обгорелый огрызок копья, - что у них даже не коллективный разум, у них просто за всех думает королева. А когда её рядом нет, все становятся дебилами. Хотя вооружены грозно, не спорю.

- Ну, да, - согласился инженер. – Им ведь ничего не стоило подождать, пока мы начнём выезжать, а потом атаковать машину. Этими копьями они бы её угробили, а дальше нас голыми руками бери.

- Вот именно, – согласился учёный, - но столь сложные умопостроения им отчего-то недоступны, увидел цель – атакуй, простейший алгоритм и никакой импровизации. Вячеслав Игоревич, выгоняйте машину, времени у нас не так много.

Пока остальные грузились, я немного отвлёкся от общего дела. Один из мастодонтов был жив, взрывом ему выбило глаза и сильно контузило, попутно повредив переднюю ногу. Сейчас он лежал на дымящемся асфальте и громко стонал. Стонал почти по-человечески, никогда бы не подумал, что такие животные могут издавать подобные звуки.

Повинуясь чувству жалости, я подошёл к животному и вынул револьвер. Куда стрелять? В череп? Пуля может и не пробить толстую кость, тем более что она там наружная и внутренняя, практически, композитная броня.

Обойдя его вокруг, я нашёл место, где оторвало костяную пластину, обнажив розовую плоть. Как раз с левой стороны груди, напротив сердца. Вот и всё, скотинка, отправляйся в слоновий рай, ты ни в чём не виновата. Револьвер оглушительно рявкнул, а в груди гиганта появилась приличных размеров дыра. Для надёжности я выстрелил ещё два раза, стараясь попасть туда же. Мастодонт несколько раз вздрогнул всем телом, после чего растянулся на асфальте. Последним упал хобот, стукнув по асфальту костяными чешуйками.

За руль сел Винокур, а меня временно посадили в башню, где мне придётся управляться с пулемётом. Офицер провёл последний инструктаж, строго запретив стрелять непрерывным огнём, и даже очереди больше четырёх выстрелов давать было нежелательно. Я это, конечно, учту, вот только ситуация может потребовать иного. Когда

встанет выбор, спастись, погубив ствол, или погибнуть, его сохранив, я выберу первое.

Мы вовремя уехали, поскольку на окраине городка уже появились враги, теперь уже не пехота с телегами, а грузовики, в кузовах которых были насажены воины писаных. Но запас времени пока есть, да и не факт, что они нас видели. Успеем смыться. Если же проявят настойчивость, можно и пугнуть. У меня как раз подходящий инструмент в руках. Три-четыре пули, прилетев в тот кузов, быстро охладят пыл даже у сектантов. Когда держишь в руках оторванную голову товарища, ситуация воспринимается немного иначе. Ну, или стрелять по кабине, с простреленным двигателем сложно куда-то ехать.

- Дмитрий Сергеевич, смотрите в оба, - предупредил снизу голос Башкина. – По моим данным враги стягивают вокруг нас петлю, механизированные подразделения могут нас опередить.

- Я запомнил, - сказал я, пригнул голову и стал смотреть на мир через прорезь прицела.

Глава двадцать восьмая

Когда учёный сказал, что враги сжимают кольцо, я понял это так, что снова придётся прорываться с боем. Правильно понял. С тех пор, как машина наша покинула ангар, проехать спокойно мы успевали не более километра. Что ни поворот, так обязательно встреча с отрядом противника. Что радовало, так это то, что большинство отрядов были пешими, а их мотопехота представляла собой обычно трактор «Беларусь» с прицепленной телегой. Крепкая машина, но в быстроте даже с нашим не особо скоростным транспортом им не тягаться.

Исходя из этого, мы старались не вступать в бой, просто убегая от него. Но получалось не всегда. В одном из посёлков нас атаковали со всех сторон, просто прыгая из окон домов на машину. Часть разбилась насмерть, часть ещё в полёте поймала по дюжине пуль на брата, но двое сумели забраться на крышу, где, цепляясь ногтями за сварные швы, бодро двинулись ко мне. От пулемёта в плотной застройке толку было немного, поэтому я, наплевав на свои обязанности, высунулся назад и трижды выстрелил из револьвера. Третий выстрел был лишним, такая пуля не просто убивала врага, тело отбрасывало назад с силой лошадиного копыта.

Оказавшись на открытой местности, мы могли наблюдать удручающую картину. Враги были повсюду, напоминая настоящую орду Мамая. На машинах и пешком, на мастодонтах, лошадях и даже верблюдах. Посчитать плотную массу было сложно, но думаю, что не меньше ста тысяч. И все они двигались за нами или параллельным курсом. Королева твёрдо решила устроить нам котёл, ловушку, из которой мы уже не сможем вырваться. Сквозь людскую массу на броне прорваться можно, но что если их будут десятки тысяч, да с магами, да с королевой, которую они называют богиней, за спиной. А эта самая богиня-королева, она ведь и сама сильнейший маг. И надежда у нас одна – мост. Башкин сказал, что он цел и не перекрыт. Надеюсь, так оно и есть.

И всё же это напоминало попытку убежать от цунами. Вот ты увидел волну высотой в двести метров, вот ты бежишь от неё, но это ничего не даст, ты просто оттянешь свою смерть на пару секунд.

Я гнал от себя эти мысли, прятаться было бессмысленно, только скорость нас спасёт. Нужно ведь не просто прорваться к мосту, нужна фора, которую мы сейчас и зарабатывали.

Но получалось плохо. Только подумал, что погоня осталась позади, как следующий же перекрёсток оказался занят. Всё тот же трактор с телегой, в телеге навалены какие-то брёвна, а за ними прячутся люди и сектанты. Те и другие вооружены, да только им это не поможет. И та подмога, что сидит в кустах у перекрёстка, тоже не пригодится.

Стрелять начали одновременно, мы и они. Очередь из пулемёта прошла по завалу из брёвен, выметая всех, кто сидел за ним. Вторая изувечила кабину трактора, третья прошлась по кустам, откуда полетели куски тел.

Больше я не стрелял, незачем насиловать и без того уставший пулемёт. Справятся другие. Винокур вывернул руль, чтобы проехать по целине, а в это время команда стрелков прошлась свинцовым дождём по кустам и траве. Радует, что здесь, на юге, леса почти нет, а потому и внезапных засад меньше, нападающих видно издали, что даёт нам преимущество за счёт дальнобойного оружия.

Лента почти закончилась, пришлось протянуть руку вниз, чтобы мне подали следующую. Ещё пятьдесят огромных патронов. Заряжены через одну, бронебойные и МДЗ, зажигательные то есть. Против

деревянных укреплений хорошо пойдут. В запасах есть ещё снайперские и разрывные. Что за разрывные, я не понял, не слышал о таких раньше. Винокур сказал, что такие служат для пристрелки, но хорошо работают и по живой силе. Хотя при таком калибре любая пуля хорошо сработает. Ладно, те пока прибережём, всё равно, при такой эксплуатации пулемёт накроется быстрее, чем истощится запас патронов.

Полкилометра – и снова засада, теперь уже не просто заслон, тут они подсуетились и нашли узкое место, куда вывалили кучу крупного щебня. Толково придумано, а в тот щебень арматура воткнута, так, чтобы колёсный транспорт точно перевалить не мог. Можно попытаться объехать, но для этого нужно вернуться примерно на километр. А там, позади, уже скапливаются враги.

Винокур остановил машину метрах в ста от завала, там, насколько я понял, даже засады настоящей нет. Просто завал. Справа и слева бетонные стены, а посередине это безобразие.

- Дима, тебе видно, что там за стеной? – раздался снизу вопрос.

Я, рискуя получить пулю, выпрямился и посмотрел за забор.

- Пусто там, большая площадка?

- То есть, можно заехать здесь, а выехать там?

- Ну, можно, а вы стену таранить будете? – удивлённо спросил я.

Стена была серьёзной, машина наша, несмотря на броню и немалый вес, пострадает от такого столкновения, не факт, что сможет потом двигаться.

Но, как оказалось, кроме меня здесь имеются стратеги и тактики. Уже через пять минут из машины выскочил Слава, подбежал к стене и бросил у основания какой-то свёрток, из которого шёл дым. Точно, у нас ведь взрывчатка есть в запасе. Винокур запрыгнул в кабину, а машина резко сдала назад.

Взрыв отбил и без того отбитые уши. Забор скрылся в облаке серой пыли, а когда она осела, мы смогли оценить результат. Результат это порадовал несказанно: то ли я переоценил прочность забора, то ли взрывчатки заложили килограммов десять, да только одной пробоиной дело не ограничилось. Просто огромный кусок забора, метров двадцать с гаком, упал плашмя в сторону от дороги. И теперь у нас имелся запасной путь, чтобы объехать завал, чем мы и воспользовались.

Сразу после этого мы снова сменили водителя (на этот раз за руль сел Башкин), Винокур выгнал меня из башни, после чего я занял место у бойницы с правого борта.

Говорить о победе было рано, но чувствовалось, что весы Фортуны постепенно склоняются на нашу сторону. Войско королевы, большой подковой охватывавшее половину области, скоро захлопнется, поймав пустоту. Мы всё реже вступали в стычки, да и засад не было, только мелкие группы разведчиков, к тому же почти без огнестрела. Мозг автоматически отсчитывал километры до нашего спасения, единственное, что мешало окончательно расслабиться, - это необходимость остановиться и забрать установку из хранилища. Ну, и ещё состояние моста, по которому будем пересекать Волгу. Будь я на месте королевы, послал бы отряд, чтобы его уничтожили. Впрочем, уничтожить такой мост человеку не под силу, тут тонны взрывчатки потребуются, ну, или заклинание уровня бога.

В очередном городке (или посёлке, сквозь узкое окошко сложно было определить) мы стали замедляться. Инженер достал карту и тыкал ей в нос Башкину. Тот кивал и активно крутил баранку. Как я понял со слов Коростина, тут и располагался тайник. Оставалось надеяться, что он цел. Хотя, даже если его и взломали, содержимое никому не понадобится, его просто оставят лежать там.

- Вон там, - наконец сказал Коростин. – Ангар номер восемь, тот, что с оранжевой крышей.

- Вижу, - кивнул Башкин, нажимая на тормоз.

- Так не пойдёт, – тут же осадил его инженер. – Там тяжести таскать надо, а тут ещё метров сорок, развернись и сдай задом, чтобы просто в кузов закидывать.

Так мы и поступили. В кузове сейчас было свободно, машину на последней стоянке переобули, а старые колёса просто выбросили, чтобы не занимать место. Все, кроме одного, всё же следовало допустить возможность пробития.

Ангар располагался в довольно удачном месте. С одной стороны его прикрывали стены, с другой имелось довольно обширная бетонированная площадка, напоминающая аэродром. Если враги будут атаковать, им придётся бежать по открытому месту метров триста, что очень неблаготворно скажется на их численности.

Пока же погрузку остались прикрывать Винокур, который так и сидел в башне, а ещё Марина. Толку от неё в качестве грузчика было немного, а стрелять из снайперки она умела и довольно хорошо. Отстрелять самый наглых у неё получится, остальных уберёт пулемёт.

Остальные ринулись к дверям ангара. В слегка тронутых ржавчиной петлях из гнутой арматуры висел огромный замок. Я думал, у кого-то есть ключ, но вместо этого поступили радикально: вставили гранату РГД, выдернули чеку и спрятались за завалом из бочек. Рвануло на совесть, а когда дым рассеялся, замок куда-то исчез, оставив только дужку, да и та лежала на бетонном полу, поскольку петли тоже оторвало взрывом. С моей точки зрения, можно было и ломом обойтись. Спешка спешкой, но надо и уши беречь, скоро из них кровь польётся.

Внутри было почти пусто, только в одном углу сиротливо приткнулся дощатый ящик размером с однокомнатную квартиру. Его уже вскрыли топорами, начав перетаскивать в машину содержимое. Я поначалу испугался, что такие объёмы в нашу машину не влезут, но быстро понял, что большую часть объёма ящика занимает наполнитель, похожий на солому. А кроме этого наполнителя, там лежали двутавровые балки, относительно лёгкие из-за кучи насверленных отверстий, трубы, стальные и пластиковые, куча проводов разного сечения, в изоляции и без, один большой дизельный генератор, несколько странных вогнутых зеркал. Баллоны литра на три каждый с неизвестными жидкостями. Несколько листов меди, куча резисторов, наконец, небольшой пульт управления с тремя десятками разноцветных кнопок.

Всё это мы перетаскивали в машину, стараясь передвигаться бегом. Время утекало, как песок сквозь пальцы. Башкин умудрился снова воспользоваться своим всевидящим чемоданом, после чего сказал, что стоит поторопиться, иначе нам конец. Возможно, скоро придут и сюда.

Пришли, как раз тогда, когда последняя труба была заброшена в кабину, сверху раздался одиночный выстрел из винтовки.

- Идут сюда! – крикнула Марина, спрыгивая в люк.

Зато в ту сторону развернулся Винокур, пока мы залезали, он успел выдать три длинных очереди, в перерывах поливая врагов отборным матом, видимо, ситуация была серьёзная.

Отъехав от ангара, мы убедились, что нас атакуют всерьёз, настолько, что пулемёт в башне строчил почти непрерывно, как будто это был не тот Винокур, который недавно утверждал, будто такой огонь для пулемёта подобен смерти.

Но смысл в его действиях был, в конце концов, наша задача – выжить, а не отчитаться о материальных ценностях. Зато теперь две машины и автобус, что враги успели подогнать нам наперерез (автобус был не на ходу, его прикатили вручную), превратились в пылающие руины, откуда с воплями выпрыгивали защитники. А уже тут их косили автоматные очереди.

Я и сам не заметил, как расстрелял один магазин, потом второй… машина вертелась вправо и влево, обходя препятствия, враги вокруг гибли в таких количествах, что я бы посоветовал им немедленное дезертирство из армии. Их командование просто сошло с ума, если тратит солдат вот так бездарно.

Наконец, после пяти минут метаний и нескольких сотен расстрелянных патронов, мы, пробив отбойником очередной забор, вырвались из кольца врагов и начали понемногу отрываться.

- Ленту! – потребовал Винокур, ему немедленно вложили в руку очередную ленту.

Я, решив, что от пулемёта пользы больше всего, отложил автомат и принялся набивать пустую ленту патронами. Набить удалось половину, когда Башкин объявил:

- У нас неприятности.

- Вижу! – Винокур сверху снова выдал матерную тираду и принялся стрелять, отсекая короткие очереди.

- Да кто там? – спросил я у Башкина, мне из бойницы было ничего не видно.

- Драконы, - объяснил он. – Два, не особо крупные, кажется, без всадников.

- И? О чём это говорит?

- Во-первых, - с важным видом начал объяснять учёный, - это говорит о том, что где-то здесь королева, без неё эти твари совершенно неуправляемы. А эти не только подчиняются, но и делают это сами, без погонщиков.

- А во-вторых? – спросил я, поскольку он замолчал.

- А во-вторых, очень может быть, что нас поджарят прямо здесь, а потому нужно сваливать, отгоняя их выстрелами. Кое-какой инстинкт самосохранения у них есть.

С этими словами он вдавил газ до пола, а Винокур продолжил стрельбу по воздушным целям. Вообще, станок, если можно так назвать зажим на болтах, не был предназначен для такой стрельбы, если драконы подлетят ближе, то останемся беззащитными.

- А их вообще, убить можно? – спросил я у Башкина.

- Ленту! – раздался требовательный голос Винокура, перестрелка шла серьёзная.

Ему подали ленту, больше готовых не было, пришлось вернуться к набивке. А Башкин, продолжая вести машину, стал объяснять:

- Ну, снаряд хорошо действует, сто пятьдесят два миллиметра. Зенитные пушки тоже подходят, хватает пары десятков попаданий. Термобарические боеприпасы сгодятся, если ничего лучше нет.

Я покосился на оставшийся боекомплект к гранатомёту. Две термобарические гранаты имелись, но попробуй, попади в быстро летящую цель.

- А кумулятивные действуют?

- Ещё как, а есть желание стрелять?

- Если другого выхода не будет, - я развёл руками, показывая, что не силён в драконологии.

Винокур долбил без остановки. При желании это можно было назвать стрельбой короткими очередями, но интервал был настолько коротким, что на слух выделить очередь не всегда получалось. Видимо, пулемёт всё же придётся выбросить.

- Ленту! – снова крикнул он, и тут же добавил: - задел одного.

Следующими очередями он задел ещё одного, в результате драконы немного отстали. Собственно, мы вышли на финишную прямую. Мост через Волгу – это около двух километров дороги, за которой нас ждёт относительная свобода. Враги там есть, но их мало. А неисчислимая орда с правого берега будет переправляться долго и нудно, а скорее всего, просто махнёт на нас рукой. И тут пришлось затормозить.

- Что там? – спросил я.

Башкин, оторвавшись от бинокля, покачал головой.

- Объехать не сможем.

Я забрал у него бинокль и посмотрел вперёд. Ну, да, на мост отсюда выводит эстакада, а прямо на ней стоит заслон. Небольшая баррикада, а рядом праздно шатаются несколько писаных. И что здесь сложного? Свои сомнения по поводу боеспособности засады я выразил вслух.

- Обратите внимание, - Башкин снова начал изъясняться в своей интеллигентской манере, - что данные граждане несколько отличаются от обычных головорезов.

Отличие было, татуировки выглядели иначе, да и балахоны были фиолетового цвета. Разглядеть серьги я не смог.

В этот момент Винокур наверху выдал матерную тираду.

- Что не так? – я продолжал не понимать. – Снести их огнём, и всё.

- Споры оседают не сразу, - сказал стоявший рядом Коростин. – А ещё попадают на поверхности, например, на броню. А оттуда – в организм человека, а потом…

Снова глянув в бинокль, я увидел, что на баррикаде лежат три коричневых шара размером с небольшой арбуз.

- Это и есть те грибы? – спросил я.

- Угу, можно попробовать огнём их уничтожить, - предположил Башкин.

- А при каких условиях они взрываются? – спросил я. – От удара? Или там детонатор?

- Конкретно эти взорвутся по желанию магов, а это именно маги, о чём говорят татуировки и одежда. Самопроизвольный подрыв происходит, когда гриб дозреет и станет ярко-красного цвета.

- Трогай помалу вперёд, - отдал приказ Винокур, слезая вниз. – Остановишь, когда метров триста останется.

- Что-то придумал? – спросил я.

- Да, у тебя, учёная голова, антидот имеется?

- От химоружия?

- Да.

- Есть, в шприц-тюбиках, колоть не меньше, чем за пять минут до…

- Коли всем, - сказал офицер и начал прикручивать к химической гранате пороховой заряд. – Пять минут погоды не сделают.

Укол был болезненным, но терпеть было можно. Мы выждали положенные пять минут, после чего медленно двинулись вперёд. Когда расстояние составило триста метров плюс-минус, Винокур ещё раз проверил направление ветра и спрыгнул на дорогу.

Гранатомёт выдохнул дым и пламя с заднего раструба, а граната, почти невидимая для глаз, устремилась вперёд по дороге. Заметна была разница между профессионалом и недоучкой. Я бы так не смог. Заряд взорвался на дороге, метров за тридцать до засады. Разрыв был негромким, зато над ним сразу поднялось облако серого дыма, который быстро становился прозрачным. Но самое главное, что дым этот шёл в их сторону. Следом полетела вторая граната, после чего Винокур запрыгнул в машину и велел малым ходом идти вперёд.

Маги писаных в детстве прогуливали уроки ОБЖ. Сначала, увидев, что в них стреляют, попытались спрятаться. Но, увидев, что обе гранаты легли с большим недолётом, расслабились и снова вышли на видное место. А уже через полминуты все они упали замертво, один долго извивался, но в итоге тоже затих. Машина остановилась вплотную к баррикаде. Двери и люки в машине были наглухо закрыты, антидот – это хорошо, но лучше судьбу не искушать, чем меньше отравы осядет на машине, тем лучше. Наружу выскочил один только Винокур, не забывший надеть противогаз. Он подбежал к умершим магам, несколько раз легонько пнул каждый труп, убеждаясь, что они мертвы, после чего с величайшей осторожностью взял в руки шар и положил на обочине. Потом то же самое сделал со вторым, и с третьим.

Вынув несколько досок из баррикады, он сложил вокруг шаров подобие пионерского костра, полил соляркой из канистры и, махнув нам, чтобы проезжали, отошёл на три метра, доставая спички. Машина сдвинула баррикаду отбойником, Славик на ходу заскочил в будку, а позади разгоралось пламя.

- Подействует? – спросил я.

- Должно, - офицер пожал плечами, - так их уже уничтожали.

- А если бы термобаром ударили?

- Не факт, - сказал Башкин. – При медленном горении споры успеют запечься внутри оболочки, а при взрыве она порвётся, часть их вылетит наружу и не факт, что сгорит. Лучше не рисковать. Да и гранаты могут пригодиться.

Мост был уже в пределах видимости, когда Винокур снова потребовал ленту.

- Нет готовых, - возразил я. – А что там?

- Драконы вернулись, давай гранатомёт.

Впрочем, уже через несколько секунд он стал успокаиваться.

- Опять улетают.

В этот момент двигатель машины начал барахлить, словно захлёбываясь, а потом и вовсе заглох. А мы уже были на мосту, отъехав от края метров пятьдесят.

- Что такое? – спросил я у Башкина, просовывая голову в кабину.

- Движок встал, - растерянно сказал он. – Сам по себе.

Глава двадцать девятая

- Так заведи… - начал было я, но тут же замолчал, поняв, что занят не тем.

Собственно, эта мысль пришла всем нам одновременно, нужно просто выйти из машины. Зачем? Затем, что нужно. И где-то, в глубине души, я понимал, что мысль эта не моя, что мне её внушили, но руки и ноги действовали отдельно от этого понимания. Вся группа выстроилась спереди от машины, ожидая чего-то непонятного. У кого-то в руках было оружие, но мы понимали, что воспользоваться им сможем только тогда, когда неведомая сила это разрешит.

Воздух впереди подёрнулся лёгкой дымкой, а через секунду в нём образовался человек, который шёл к нам. Первой реакцией было вынуть револьвер, да только рука ожидаемо отказалась выполнять команды мозга. В этот момент ей руководил чей-то чужой мозг, надо полагать, того, кто сейчас идёт к нам.

Впрочем, человек этот врагом не был. В голову тут же пришло описание атлантов, что давал Рогов в первые дни. Огромного роста, даже, наверное, больше двух метров. Кожа бледная, с просвечивающимися венами. Сложен хорошо, не как тяжелоатлет, а, скорее, как гимнаст. Огромные ладони с длинными пальцами. На теле ни одного волоска, только на макушке небольшая лысина обрамлена длинными волосами, белыми, как стерильная вата. Лицо странное, черты правильные, но абсолютно застывшие, словно маска из камня. Глаза неестественного синего цвета, у людей таких просто не бывает. Одет очень просто, как раз для такого климата. Набедренная повязка из

ярко-синей ткани, кое-где скупо расшитая золотой нитью, а на ногах сандалии из кожаных ремешков и золотых гвоздиков-заклёпок.

Мы построились перед ним, как солдаты на смотре. А он шёл вдоль строя, осматривая каждого. Посмотрел мне в глаза, потом кивнул, а на каменном лице появилась тень улыбки. Чем-то я ему понравился. Следующим был Винокур, которому он коснулся лба кончиками пальцев. Офицер после этого облегчённо вздохнул, словно сбросил с себя тяжёлый груз. Коростина атлант удостоил только беглым взглядом, потом уставился на Немого. Тот его чем-то заинтересовал. Снова кивок, наклон головы, потом он приложил ладонь к его шее и едва слышно что-то сказал. Немой после этого впал в какой-то транс и застыл, глядя немигающими глазами куда-то вдаль.

Следующим, кто удостоился внимания, была Марина. Снова улыбка, он провёл кончиками пальцев по волосам, рука спустилась вниз и замерла в области живота. В глазах его мелькнула озабоченность. Потом он взял её за руку и вложил в ладонь какой-то мелкий предмет, хотя я хорошо видел, что секунду назад у него в руках ничего не было.

Последним был Башкин. На нём гипноз атланта дал некоторый сбой. Он пристально посмотрел в глаза учёного, что-то ему приказывая. Руки у Башкина начали подниматься, но тут же снова опустились. Это его в спецслужбах научили гипнозу сопротивляться? На лице атланта появилась удивлённая гримаса. Он напрягся, словно добавляя мысленному приказу силы. Башкин затрясся всем телом и, чтобы хоть как-то отбиться, начал говорить:

- Товарищ атлант… я не могу сопротивляться вашему внушению… войдите в положение… я ведь этот кинжал взял под честное слово…

Говорил он напряжённо, сквозь стиснутые зубы, а руки уже тянулись за пазуху.

… ладно, просто украл, - признался он, а я уже догадался, о каком кинжале речь. – Но я бы его обязательно вернул, а теперь наука потеряет…

Поток слов иссяк, а рука, отдавшая атланту заветный артефакт, бессильно опустилась. Точно так же опустилась и голова учёного, проигравшего ментальную схватку.

Атлант приблизил заветный артефакт к глазам, словно страдал близорукостью. Потом пошевелил губами, удовлетворённо кивнул и полоснул себя кончиком по запястью. Этот прикладной мазохизм явно имел какой-то смысл. Осталось только понять его.

Накапав крови на клинок, он аккуратно размазал его по всей поверхности, после чего спрятал кинжал в ладонях, благо, размеры этих ладоней позволяли спрятать даже небольшой меч. Руки его окутало слабое свечение, после чего он устало вздохнул и, разжав ладони, отдал артефакт учёному. Теперь настала очередь Башкина облегчённо вздыхать.

- Спасибо, товарищ атлант… - начал он, но тут же увидел, что с клинком произошли некоторые изменения, - а что это значит?..

Но двухметровый волшебник не стал ничего объяснять, он обошёл нашу машину и встал позади неё. Тут до меня дошло, что я могу двигаться, оцепенение прошло, мы стали ему неинтересны. Ну, или он придумал что-то новое. Мы пошли за ним. Башкин при этом рассматривал изменения, коснувшиеся кинжала. На поверхности клинка изменились буквы. Стали другими, более того, можно было уверенно сказать, что буквы эти написаны на другом языке. Представьте, что была надпись на испанском языке, а её заменили арабской. Это даже я понять смогу, хотя ни испанского, ни арабского языка не знаю. А ещё эти буквы теперь ярко светились красным, словно в них ушла вся пролитая кровь.

Встав позади машины, атлант посмотрел назад, где на самом пределе видимости барражировали два дракона. Живые бомбардировщики выписывали восьмёрки в воздухе, не решаясь приблизиться. Неодобрительно покачав головой, он взял в руку мешочек с каким-то порошком, который начал сыпать на дорогу. Мешок был довольно внушительный, и не спрашивайте, откуда он его взял, просто появился в руке. Видно было, что сыплет он не абы как, а выводя на асфальте замысловатые иероглифы. Такой же порошок, кстати, когда-то использовал Башкин, чтобы накачать магией пулю.

Порошка хватило, чтобы вывести на дороге заковыристую надпись, от одного края до другого. Потом атлант легонько взмахнул рукой, каракули вспыхнули ослепительным огнём, а через несколько секунд на асфальте осталась выжженная надпись. Засмотревшись на огонь, мы не поняли, куда пропал атлант.

- Хоть бы сказал чего, - пробормотал Коростин.

- Он сказал, - каким-то сдавленным голосом проговорил Башкин. – нужно уметь слушать. А он всё сказал, всё объяснил и оказал помощь, такую, которую посчитал нужным оказать. Марина, будьте добры, покажите, что данный гражданин вам вручил.

Марина разжала ладонь и продемонстрировала странный полупрозрачный камешек серого цвета, имевший правильную веретенообразную форму.

- Всё сходится, - кивнул учёный. – Он видит будущее, и действует соответственно. Поехали.

- Да ты объясни хоть, что он тебе напел? – не выдержал Винокур.

- По дороге объясню, заводи мотор.

Мотор завёлся сразу. Офицер сел за руль, а Башкин стал излагать свои мысли о происходящем:

- Смотрите, те знаки, что он вывел на дороге, предназначены, чтобы закрыть путь. Армия врага через них не перешагнёт.

- Настолько мощное заклинание? – с сомнением спросил Коростин.

- Заклинание обычное, важно, кто его накладывает. Если бы это сделал я, то оно задержало бы их продвижение на пару минут. Если какой-то мощный маг – то на час. Атлант перекроет проезд полностью, меня только драконы смущают. Ну, ещё, может быть, сама королева сможет пробить защиту. В любом случае, их армия встанет тут в пробку, вокруг которой будет стягиваться всё больше народа. Вячеслав Игоревич, вы можете ехать быстрее?

- И так скорость под сотню, - Винокур обиженно кивнул на спидометр. – Куда больше?

- И, тем не менее, нам нужно успеть убраться подальше.

- Ну, а дальше-то что? – спросил я, поскольку глубинный замысел атланта (и Башкина) оставался непонятен.

- Марина, позвольте нескромный вопрос, - сказал он, обернувшись назад, где Марина вместе с Немым занималась набивкой пулемётных лент. – Вы беременны?

- Да, - глухо отозвалась она, не поднимая глаз, - не хотела говорить, боялась, что вы меня не возьмёте. Но не переживайте, я хорошо себя чувствую, мешать не буду.

Я вздрогнул, но взял себя в руки. Потом поговорим, не время сейчас.

- Вот поэтому атлант вручил ей артефакт, защищающий от радиации. Можно ядерный взрыв в полный рост встречать, организму, что соприкасается с этим камнем, вреда не будет.

- А здесь место радиоактивное? – с подозрением спросил я.

- Нет, пока нет, - он замотал головой. – Вообще, фон слегка повышен, но ничего ужасного. В области когда-то два тактических заряда подорвали, но далеко отсюда.

- Ну, так что дальше? – поторопил я.

- Пока ничего, - он подхватил свой чемодан и отправился в дальний угол машины, где, расположившись на завале из металла, открыл его и сразу принялся стучать по клавишам. При этом он вводил какие-то длинные коды, часть которых знал по памяти, а часть была написана на крошечных бумажках, которые он после использования старательно сжигал с помощью зажигалки. – Вячеслав Игоревич, будьте добры, сразу, как окажемся на той стороне, найдите низменное место и остановитесь там. Хотя нет, не сразу, так, чтобы от берега было километров пять.

Тут он замолчал и снова начал барабанить по клавишам. Временами он повторял сквозь зубы «Да… да…». Словно запускал какой-то процесс, и для него требовалось подтверждение.

- Драконы догоняют, - сказал Коростин, что сидел в башне.

- Совсем догоняют, или просто идут следом? – спросил Башкин, не отрывая глаз от экрана.

- С километр где-то.

- Тогда неважно, - он добил последнюю комбинацию на клавиатуре и с чувством выполненного долга нажал «Enter», ещё некоторое время смотрел, ожидая какого-то ответа, а потом кивнул и закрыл крышку.

- Охренеть, - сказал он, взглянув на меня.

- Всё серьёзно? – спросил я.

- Более чем, - ответил он и тут же повернулся к водителю. – Что там с местом?

- Уже вижу, - отозвался Винокур. – Вон там съезд с дороги, а дальше ещё один. Можно между ними встать.

Учёный решил убедиться самостоятельно, для чего высунулся из окна и посмотрел на дорогу.

- Ага, подойдёт. А что там внизу белое?

- Бетон, труба дренажная.

- Отлично, поставьте машину рядом, а сами спрячемся туда.

- Это остановит драконов? – с недоверием спросил Коростин. – Или они нас там не достанут.

- Ну, справедливости ради, достать нас там, в самом деле, непросто. Драконы вертикально пикировать не могут, а чтобы спалить машину им не хватит времени. Да им ни на что его не хватит, - он подозрительно посмотрел на часы.

Мы заехали в угол между двумя дорожными насыпями, высота которых была около пяти метров. Машину поставили так, чтобы прикрывала вход в трубу, диаметр которой позволял укрыть группу людей, а сами, прихватив оружие, полезли прятаться. Я поискал на небе драконов, но увидел, что они ещё далеко. Будут здесь минут через пять, если вообще нас найдут.

- Я так понял, что сейчас что-то будет, - сказал Винокур, опершись спиной на бетон, к нашему счастью, труба была сухая, поэтому сидеть здесь было можно.

- Совершенно верно, - сказал Башкин и замолчал, хотя все ждали продолжения.

Некоторое время стояла тишина, после чего всё тот же Башкин, глянув на часы, спросил:

- В бога кто-нибудь верит?

- Ну, не особо, - пожал плечами Коростин. – А что?

- Можете помолиться, сейчас по тому берегу будет нанесён ядерный удар.

Я в этот момент едва не подавился водой из фляги. Нет, предполагал, что учёный как-то запросит помощь, может, бомбардировщики сюда прилетят.

- Мощность? – Винокур, как более опытный, сразу перешёл к предметному разговору.

- Совокупно – две мегатонны.

Винокур натуральным образом побледнел. Он-то не понаслышке знал, на что способен такой взрыв. Да и мне поплохело, две мегатонны – это сто Хиросим.

- Так нас снесёт вместе с дорогой, здесь зона сплошных разрушений - сказал офицер. – Время ещё есть?

- Да, успеем таблетки выпить, - невозмутимо сказал учёный, доставая из кармана флакончик. - Взрывов будет несколько, возможно, с интервалом. Не знаю, в каком виде доставят заряды. Подрыв произойдёт в атмосфере на малой высоте. Непосредственно на берегу взорвутся два или три заряда, суммарной мощностью около ста-ста пятидесяти килотонн, мост, само собой, исчезнет, да и от реки мало что останется. С учётом расстояния, опасаться следует проникающей радиации, но, думаю, что такой слой грунта нас спасёт. – Он осмотрел нас торжествующим взглядом и добавил: - но таблетки всё же выпейте. По шесть каждому.

Таблетки выпить мы успели, более того, успели дождаться драконов, которых определили по мелькнувшей тени.

- Могут огнём полить, - заметил Винокур. – Приятного мало, хотя, конечно, машину не спалят.

- Уже не успеют, - сказал Башкин и замер на месте, закрыв глаза и открыв рот.

Дракон в этот момент, кажется, пошёл на второй круг, то ли собирался всё же дыхнуть огнём, то ли спуститься и достать нас зубами и когтями, но он действительно ничего не успел.

Описывать дальнейшее сложно. Слово «Армагеддон» подойдёт лучше всего. Световое излучение сделало мир ослепительно ярким, хоть мы и находились под землёй, а от взрыва нас отделял многометровый слой грунта и толстый бетон. Светилось всё вокруг, да не просто светилось, лучи проникали насквозь, словно бы выжигая всё внутри. Потом пришла ударная волна. Облако пыли скрыло от нас ту часть мира, что мы видели в просвет трубы. И волна эта не думала заканчиваться, временами происходила новая вспышка, волна усиливалась, потом ослабевала. На землю падали камни. Стенки трубы тряслись, ещё немного, и она пойдёт трещинами, а нас завалит тоннами щебня. Тела наши тоже тряслись, каждая косточка ныла, а зубы, кажется, начинали крошиться.

Часов у меня не имелось, а если бы и были, вряд ли я догадался на них смотреть. По ощущениям это заняло около десяти минут, после чего мы ещё столько же сидели молча. Что характерно, пыли внутрь

залетело немного, что позволяло надеяться на безопасный исход отсюда.

Первым очнулся Башкин, который тут же открыл свой чемоданчик. Открыл, нажал кнопку, после чего, когда экран засветился, он улыбнулся до самых ушей.

- Работает? – с удивлением спросил Винокур. – Оно ведь должно…

- И тем не менее, - с довольным видом сказал Башкин. – Представьте, в конструкторских бюро не дураки сидят, смогли экранировать от импульса.

Тут стали приходить в себя и остальные. Немой, стряхивая с одежды пыль, откашлялся, после чего спросил недовольным голосом:

- А зачем такой мощный заряд? И почему раньше не ударили?

- Потому, дорогой мой, - начал объяснять Башкин, - что требовалось, во-первых, собрать противника вместе, а во-вторых, гарантированно его уничтожиться. И всё это нам удалось. Этот взрыв спас мир…

Только тут учёный замолчал и уставился на Немого тем же взглядом, которым смотрели и мы.

- Что? – не понял Немой, обведя нас взглядом.

- Раньше ты был неразговорчивым, - деликатно напомнил я.

Тут до него самого дошёл смысл изменений.

- Ну, я и раньше мог… просто сказать было нечего.

- Интересно, это взрыв так повлиял? – спросил Винокур.

- Думаю, атлант замкнул некоторые контакты в его голове.

- Да отстаньте вы, - отмахнулся он. – Говорю же, раньше я тоже мог говорить, просто не хотел.

Решив не продолжать дискуссию, он направился к выходу. Следом потянулись и остальные. Оценить степень разрушений сразу не вышло. Машина лежала на насыпи, но, думаю, поставить её на колёса вполне возможно. А что стало с внутренностями после электромагнитного импульса, оставалось только гадать. Колёса целы, броня слегка почернела, кое-где имелись вмятины от попадания камней, но на ходовых качествах это скажется минимально.

- Её можно воскресить? – спросил учёный.

- Попробуем, - Коростин пожал плечами. – Запчасти есть, лебёдка тоже.

Пробовать они стали вдвоём с Винокуром, Марине я велел сидеть в трубе и не высовываться, а оставшиеся трое в лице меня, Башкина и Никиты (теперь уже просто Никиты), поднялись наверх. Учёный сказал, что пока большой опасности нет, но чуть позже всё, что поднялось в небо, начнёт падать обратно, а потому лучше нам отсюда убраться.

Впечатления были, мягко говоря, мрачные. Противоположный берег, который раньше был виден, как узкая полоса суши, теперь был окутан дымом. Мост перестал существовать, как и дорога на этом берегу. Если бы наше убежище находилось к эпицентру ближе на пару километров, то мы, скорее всего, погибли бы. Дорожная насыпь исчезла, снова появляясь только на расстоянии полукилометра от нас. Дальше дорога представляла собой мешанину из асфальта, бетона, щебня и кусков ограждения. Неподалёку в этот субстрат было воткнуто невесть откуда взявшееся дерево, а чуть дальше валялся сломанный пополам бетонный столб.

Башкин тщательно осмотрел окрестности в бинокль.

- Кого-то ищешь? – спросил я.

- Если правильно помню, на момент взрыва тут кое-кто был, - задумчиво проговорил он.

- Дракон?

- Угу, - он кивнул и начал вспоминать. – В момент взрыва он пролетал вот здесь, потом развернулся, потом…

Рука учёного указала куда-то на восток.

- Там, - уверенно заявил он.

Я не разделял его энтузиазма, склоняясь к мнению, что дракона, принявшего удар взрывной волны, непременно распылило на атомы, а то и более мелкие частицы. Но мы пошли на поиски.

Дракон нашёлся примерно в полукилометре от нашего убежища. Он был целиком засыпан обломками, наружу торчали только голова и одно крыло с переломанными костями. Голова была покрыта чёрной кожей, пасть слегка приоткрыта, изнутри торчат зубы размером от большого пальца до моржового клыка. Шея в нескольких местах разорвана.

- Он нам нужен? – спросил я, повернувшись к учёному.

- В мозгу есть железа, экстракт которой лечит все аномалии костей, огненная железа является уникальным синтезатором

углеводородов, который может работать автономно, покрытие глотки даёт… в общем, ничего не нужно.

Учёный махнул рукой и собирался уйти, но тут дракон открыл один глаз. Мы шарахнулись назад, гигантская тварь была жива, но дышать огнём уже не получится, что он нам наглядно и продемонстрировал. Попытался дыхнуть, но слабое усилие лёгких выдало жидкий фонтан пламени высотой сантиметров тридцать, и не из пасти, а из дыры в шее.

Мой карабин остался внизу, но у Никиты висел на плече штуцер.

- Подействует? – с сомнением спросил я.

- Конечно, бейте в центр головы, там мозг, он довольно крупный, по меркам рептилий, бронебойная пуля точно возьмёт.

Нащупать этот крупный мозг удалось с четвёртого выстрела, когда голова уже распадалась на куски. После этого дракон забился в судорогах, расшвыривая вокруг камни в полсотни кило весом, но быстро затих. Оценить его размеры мне так и не удалось. Метров тридцать где-то, если от хвоста до носа измерять.

Мы собрались уходить, но тут Никита вспомнил, что на драконе был всадник.

- Ну, был. И что с того? – скептически заметил я, имея в виду тот факт, что всадник точно не обладал живучестью дракона. – Сгорел, наверно.

- Помнишь Пасечника? – загадочным тоном спросил Башкин, оборачиваясь назад.

Не знаю, какими чувствами руководствовался учёный, но через секунду после его слов обломки вдали зашевелились, кто-то пытался вылезти из глубины завала. Мы поспешно выставили стволы, а я проверил нож на поясе, вдруг снова та же история.

Это напоминало события из фильма Терминатор, когда сгоревший вроде бы механический монстр внезапно вылезает из обломков. Огромный кусок асфальта отъехал в сторону, а из-под него показалась женская рука, тонкая и, кажется, с накрашенными ногтями. Только цвет их был странным, ярко-рыжий, не помню, чтобы в моём мире дамы таким пользовались.

- Так это же… - сдавленным голосом проговорил Башкин.

Окончание фразы не требовалось. На драконе сидела сама их долбаная королева. Ну, или богиня, как хотите называйте. И она снова

не попала под взрыв.

Обломки рассыпались в стороны, а на условную дорогу вышла женщина. Одета она была в странные лохмотья, бывшие когда-то платьем, даже цвет ткани из-за пыли разглядеть не получалось. Тело её было изувечено, что, учитывая недавние события, было даже странно, она должна была сгореть в пламени, а потом рассыпаться на молекулы от ударной волны. Но не рассыпалась, хотя досталось ей сильно.

Вся левая половина головы представляла собой сплошной ожог, волосы выгорели, а в одном месте частично расплавились. Не знал, что так бывает. Левое ухо сгорело, оставив небольшой почерневший пенёк. Левый глаз вытек, и даже веко было изорвано в лохмотья, при каждом шаге из глазницы выплескивалась кровь. Правая стороны лица, хоть и представляла собой сплошной синяк, была относительно целой, глаз открывался, но сейчас был затянут странным бельмом, вряд ли она что-то видит. Её слепота прекрасно объясняла тот факт, что мы ещё живы. На левой руке отсутствовали пальцы, все, кроме большого, на их месте виднелись обгорелые пеньки, на ногах имелись сандалии, благодаря которым израненная плоть сохранила хоть какую-то форму, кости в ступнях точно сломаны, кое-где даже осколки торчат.

Тем не менее, это существо стояло на ногах и даже пыталось идти. Потом, видимо, почуяв нас, стала причитать громким голосом. Так обычно молитвы читают. Но язык был не наш, хотя Башкин, кажется, понимал отдельные слова.

- Чего ей надо? – шёпотом спросил я, одновременно дав знак Никите, чтобы опустил ствол штуцера. Не факт, что пуля её убьёт, зато она вычислит наше местоположение и кастанёт Огненным Инферно.

- Плачет, зовёт кого-то, - он пожал плечами, а я осмотрелся в поисках неведомого помощника.

Тут королева неожиданно перешла на русский язык:

- Где ты… Где мой верный слуга? Где тот, что спас меня от смерти, вынес на руках и залечил мои раны? Где тот, с кем я разделила свою мощь? Где мой спаситель?

Она разразилась рыданиями, а я понял, что тварь в обличии женщины зовёт покойного Пасечника. Такое уже бывало в прошлом, но теперь нет поблизости того, кто может её спасти. Впрочем, она и сама знает, что слуга её мёртв, просто убивается по его загубленной жизни.

- Тело моё изувечено… глаза поразила слепота! – на мой взгляд, переигрывает, хотя для какого-нибудь провинциального театра вполне подойдёт. Отдельно доставляет, что по-русски говорит без акцента. – Армия моя обратилась в пепел, больше нет тех, кто принесёт мне трон и корону нового мира.

- Дура ты! – перебил её Башкин, которому этот концерт изрядно надоел, учёного прорвало, не каждый день удаётся задать вопросы главному врагу. – Какого лешего вы вообще воевать задумали? Почему помощи не попросили? Вам бы не отказали, в нашем мире есть место, нашлась бы работа и еда. Зачем вам понадобилось воевать?

Вопросы остались без ответов, возможно, королева просто оглохла. Несколько фраз она произнесла на родном языке, потом снова перешла на русский:

- Кругом враги, - теперь она двинулась вперёд, явно чувствуя, где мы находимся. – Враги окружили меня и нет того…

Тут она взмахнула здоровой рукой, по дороге, в двух шагах от нас хлестнула огненная плеть, которая тут же рассыпалась искрами. Заклинание было мощным, но явно ей не по силам.

- Мана закончилась, - констатировал я.

- Чего? – не понял Башкин.

- Ну, способность к колдовству упала в ноль, - объяснил я. – Теперь надо отдыхать или пить зелья.

Учёный от моих слов впал в ступор. Потом поморгал глазами и посмотрел на меня.

- Он ведь всё знал, - проговорил он еле слышно.

- Кто он? – не понял я.

- Ну, амбал этот бледный, он ведь не случайно Марине артефакт сунул, он знал…

- Кинжал, - догадался я.

- Именно, - учёный с решительным видом полез за пазуху.

А королева постепенно приходила в себя. Шаги её становились увереннее, кровь из ран уже не текла, а в правой руке накапливался огонь, видимо, файербол, который она собиралась запустить в нас.

- Может, я? – спросил я у учёного.

- Неа, - он качнул головой и пошёл в атаку, сжимая кинжал в руке.

Кабинетный учёный на самом деле не был таковым. То есть, понятно, что в кабинете над книгами он просидел много времени. Но

при этом нашёл время, чтобы тренировать своё тело. С виду – сутулый очкарик, вот только подготовкой не уступает гвардейцу-десантнику.

Королева, надо полагать, вблизи что-то видела, поскольку в подкравшегося Башкина запустила недозревший огненный шар. Но магия – это всё же не пуля, скорость меньше, а потому учёный сумел увернуться. Точно так же он увернулся от её правой руки, на которой внезапно отросли длинные когти. Будь адепт науки чуть менее расторопным, его бы располосовало на ленты. Но когти прорезали воздух, а он, поднырнув под разящую руку, прорвался на близкую дистанцию и воткнул кинжал ей в грудь.

Королева издала пронзительный вопль, от которого у меня заболели уши, после чего повалилась на спину. Башкин отошёл назад и теперь смотрел, как жертва извивается.

- По-моему, она умирать не собирается, - сказал я, указывая на королеву.

- И не должна, - спокойно ответил Башкин. – Это не для убийства, если я правильно понял, то на клинке были знаки отрицания, антимагия, то, что делает её обычным человеком. Вот, смотри…

Смотреть было на что. Кинжал, что был воткнут по самую рукоять в левую сторону груди, таял, словно сделанный из воска. А то, что стекало, уходило в рану. И королеве это доставляло дикие мучения, а может, она только сейчас, став обычной смертной, научилась чувствовать боль.

Примерно через минуту кинжал исчез полностью, только рана не закрывалась. Кровь, впрочем, тоже не текла.

- Убей её, - велел Башкин. – Теперь получится.

Я вынул револьвер и прицелился. Потом остановился, вспомнив, что так его и не зарядил. Выщелкнул барабан, вытряхнул гильзы и спрятал их в карман. Вставил новые патроны по одному. Пули были разными по форме, конструкторы, как могли, пытались повысить убойность оружия. Вот эта пуля с выемкой посередине. А эта ещё и надпилена вдоль, чтобы раскрыться в ране, подобно цветку, а третья имеет вдоль стенок медные полоски, которые оторвутся и послужат дополнительными осколками. Варварское оружие.

Первая пуля ударила в грудь, чуть выше того места, где недавно торчал кинжал. Внутренне я был готов к тому, что повторится история с Пасечником, но нет, магия королевы иссякла полностью. Пуля

проделала огромную дыру, из которой хлынула обычная алая кровь. Вторая прилетела в живот, я почти не целился, стреляя куда попало. Третья ударила в плечо, почти оторвав левую руку. Четвёртая пробила голову, но не разорвалась, оставив почти аккуратное отверстие. А пятого выстрела не потребовалось, она была мертва. Из-за спины выскочил Никита, я только сейчас заметил, что парень куда-то побежал в тот момент, когда Башкин атаковал королеву с кинжалом. А теперь он вернулся с канистрой солярки в руках. Толковый парень.

Мы облили бездыханное тело горючим, приволокли несколько покрышек, что каким-то чудом уцелели в кучах обломков, добавили палки и доски, после чего подожгли погребальный костёр.

Вообще, чтобы сжечь тело, требуется количество дров, вдвое превосходящее его по массе. Но мы и не ставили задачу спалить тело до пепла, хотя бы до костей. Вдруг она способна воскреснуть? А воскреснуть из скелета труднее, чем из простреленного, но почти целого тела. Отвратительно воняло горелой резиной, палёным мясом и выхлопными газами, мы отошли подальше, но всё ещё не сводили глаз с костра. А потом Башкин внезапно оглянулся и что-то увидел.

На дороге стоял атлант, тот самый, а может, и другой. Я пока не научился их различать. Стоял спокойно, скрестив руки на груди, и смотрел на нас, как мне показалось, одобрительно. Башкин встал и медленно пошёл к нему, я хотел последовать за ним, но не смог даже встать. Ноги словно приросли к земле.

Они стояли рядом, в этот раз атлант оказался более разговорчивым, не давал никаких подарков, зато перекинулся с учёным парой фраз. После этого указал рукой туда, где осталась наша машина, а потом быстро растаял в воздухе.

Ко мне вернулась возможность двигаться, после чего мы втроём пошли обратно. И первое, что мы увидели, - это работающая машина. Мужики стояли рядом и озадаченно смотрели на неё.

- Всё в порядке? – спросил я.

- Настолько, что мы ещё в двигатель залезть не успели, - озадаченно проговорил Коростин. – Тут это, знаешь ли, проблематично, броня мешает.

- Но?

- И только что она завелась, сама собой, я даже ключ не вставлял, - он помахал у меня перед носом ключами.

- Всё в порядке, - голос Башкина был усталым. – Поехали уже, немного осталось, больше нам никто не помешает.

- Вот только проедем ли? – с сомнением проговорил Винокур.

- Проедем, - заверил его учёный, - нам слегка дорогу расчистили.

Я не понял, что именно он подразумевал под этим, но трястись, переезжая завалы, нам пришлось совсем недолго. Метрах в десяти от места, где убили королеву (кости которой загадочно исчезли, осталось только чёрное пятно на земле) начиналась почти нормальная дорога. Да, с ямами и ухабами, зато весь мусор, принесённый взрывной волной был убран на обочину, а куски асфальта, пусть и криво, были возвращены на дорогу. Никто не спрашивал, чьих рук это дело, а учёный не торопился давать объяснения. Всем хотелось поскорее отсюда свалить, мы и так хапнули дозу радиации, а скоро выпадут осадки, после чего место это станет гиблым на несколько лет.

Глава тридцатая

- Сука!!! – заорал Винокур, откатываясь назад и зажимая рукой рану. – Как мы так вляпались?

Между пальцами у него стекали струйки крови, осколок гранаты пробил бедро. Вряд ли ранение смертельное, но пользы общему делу точно не несёт. Коростин оттащил его назад, стены здания скрывали нас от огня противника, но при этом приходилось прижиматься к полу. А они приближаются, да и граната, подозреваю, была не последняя.

Начиналось всё хорошо, нам никто не мешал, из зоны радиоактивного заражения выехали быстро, дорога была цела. Враги в пути попадались, но это были разрозненные группы писаных, не больше пяти-шести человек. В одном месте в нас стреляли люди, но из ружья, картечью, что для бронированной машины несерьёзно. Мы даже отстреливаться не стали, просто постарались уехать побыстрее.

А уже на подъезде к цели, когда до нужной точки оставалось всего-то километров семьдесят, мы остановились, чтобы набрать воды в какой-то речке-переплюйке. Тут-то и нарвались, и даже не на писаных, а на обычную банду, каковых с уходом власти развелось предостаточно.

Всю группу прижали в небольшом здании, где раньше располагалась какая-то мизерная контора. До машины метров восемь, враги бьют метров со ста, автоматический огонь, патроны берегут не особенно, видно, что не последние. Высунуться не дают, Винокур

хотел позицию у крыльца занять, теперь его Никита обратно в дом затащил и бинтует.

Радовало одно: по машине они не били, захватить хоть какую-то бронетехнику, да с пулемётом – большая удача. Впрочем, у них тоже не всё ладно, их маневренную группу, что подошла поближе, мы положили, вон они, лежат на подступах, только и успели, что пару гранат кинуть. Знать бы ещё, сколько их осталось.

И ещё: в машине осталась Марина, ей с утра стало нехорошо, бывает такое. Вот я и велел ей оставаться там, пока мы с канистрами бегаем. Она там, надеюсь, ничего предпринимать не станет, а просто ляжет на пол. Броня машины для автоматных пуль непробиваема. С другой стороны, у неё винтовка с оптикой, которая сейчас могла пригодиться. Мы тоже хороши, могли бы и оставить снайпера на позиции на ближайших холмах. Но теперь об этом поздно думать.

- Чего делать будем? – спросил я у Винокура, как у единственного военного человека.

- Пока так, - он махнул рукой и тут же вздрогнул от боли в бедре, рана, вроде бы, не опасная, но кровь течёт обильно, уже повязку пропитала. У Башкина есть какие-то эликсиры, да все в машине остались. – Ситуация патовая, а у них патроны не казённые.

- Зато стволов много, - Башкин добавил пару крепких слов, после чего аккуратно выглянул в окно. – Десятка два, как минимум.

- Вы живы там? – ожила рация на груди Винокура.

- Марина, - я вскочил, но Коростин, сидевший сзади, тут же посадил меня на место. Вовремя, поскольку по окну тут же ударила очередь.

- Да, живы, - ответил Винокур. – А ты откуда говоришь?

- Ну, стационарную включила, - растерянно сказала Марина.

- Она же не работает, - растерялся офицер.

Видимо, атлант починил своей магией.

- Ну… говорю ведь. Я могу до пулемёта добраться.

- Не вздумай… - начал я, но остальные меня тут же заткнули.

- Смотри, - начал объяснять Винокур, выставив повыше маленькое зеркало. – Их позиции – брёвна на площадке, там три или четыре человека. У тебя в ленте что заряжено?

- Ну, красные и чёрно-красные.

- Отлично, значит, очередь по брёвнам. Вторая – бидоны, что свалены левее. А потом, всё что осталось, клади в пригорок, там остальные сидят. Времени у тебя будет около полуминуты, мы за это время успеем добежать.

Как он собирался бежать с такой ногой – оставалось неясным.

- Может, пусть подъедет, чтобы нас забрать? – предложил Коростин.

- Во-первых, она водить не умеет, во-вторых, вплотную тут не подъехать, блоки мешают, а пробежать два метра или пять – разница невелика.

Я бы с ним поспорил, но счёл за лучшее промолчать. Группа сосредоточилась у выхода, Винокура подхватили я и Коростин, после чего стали ждать. Марина отработала на отлично. Через секунду после появления в башне очередь прошлась по брёвнам. От автоматов они защищали хорошо, а вот большой калибр разносил укрытие в щепки, а следом эти щепки загорались. Следом стали разлетаться осколками бидоны, что составляли ещё одно укрытие, а чуть позже очередь прошлась по пригорку, откуда тоже вели огонь по нам.

Результат был даже больше того, что мы предполагали, сухие брёвна загорелись, а ветер быстро разнёс дым по всей площади, где шёл бой, что дало нам отличную маскировку. Марш-бросок до машины прошёл успешно, по открытому месту прилетело несколько пуль, но мы уже были в безопасности.

А дальше пошло добивание, место Марины занял учёный, который снова прижал врагов к земле, после этого мы пошли в атаку, поливая огнём всё вокруг. Дальнейший бой занял около трёх минут, после чего мы, переехав несколько трупов, вырвались на дорогу и рванули дальше. Часть врагов спаслась, даже пытались организовать погоню, но выстрел из гранатомёта быстро охладил их пыл, а мы тем временем наматывали на колёса расстояние.

- Кто это был? – спросил я, высунувшись из-за руля.

- Если правильно понял, - сказал Винокур, который в этот момент получал лечение от учёного. – Дезертиры, причём те, что родом из Среднеазиатских республик. Откололись от армии и стали басмачами. Но что-то пошло не так.

- Слушай, Виктор Аркадьевич, - я обратился к учёному. – А нельзя было связаться с центром и попросить, чтобы сюда ракету прислали.

- Чемоданчик был в машине, - заметил Башкин, который старательно втирал в рану какую-то белую пасту, которая при соприкосновении с кровью шипела и пенилась. – А даже если бы и вызвал, прилетит она не сразу, точность попадания будет так себе, да и радиус действия, вполне возможно, зацепит и нас.

- Сколько до цели? – спросил я у Башкина.

- Километров полста, не больше, - учёный закончил с обработкой раны и стал повторно бинтовать ногу офицера.

- Они не успокоились, - сказал Коростин. – Вон, погоню организовали.

Местные басмачи в самом деле решили поиграть в «Безумного Макса». За нами, пользуясь некоторым преимуществом в скорости, двигалась небольшая колонна. Машины разномастные, тут и ЗиЛ с кое-как закреплёнными листами жести, которые вряд ли от чего-то защитят, и Жигули лохматой модели, чуть дальше вовсе ехал автобус, а замыкали движение два мотоцикла с коляской. В колясках сидели автоматчики.

Никита, хоть и научился говорить, старался использовать меньше слов. Он вынул из ящика химическую гранату и продемонстрировал её нам.

- Да, это лучше всего, - согласился Винокур, а Никита стал тут же прикручивать пороховой заряд. – Сейчас выберу прямой участок, помогите залезть.

Хоть и с трудом, но у нас получилось засунуть офицера в башню, кроме него стрелять мог я, но на мне сейчас управление, да и у него лучше получится.

Наша фора составляла чуть больше километра, граната не предназначена для стрельбы на такой дистанции, поэтому просто взрывается в воздухе. Вот и сейчас, когда взрыв прогремел на расстоянии около ста метров от их головной машины, там, в кузове, автоматчики активно возликовали, насмехаясь над неумелостью стрелка. Ну, пусть ликуют, они ведь не знают, что за начинка внутри была. В зеркало заднего вида я отлично видел, как все машины поочерёдно въезжают в начавшее оседать облако странного пара. Вот, собственно, и всё. Варварство, конечно, но выбора у нас нет, да и спрашивать с нас некому.

Погоня по инерции продолжалась ещё около минуты, после чего головной ЗиЛ стал замедляться, а потом и вовсе съехал в кювет. Остальные отстали ещё раньше. А мы продолжали двигаться к цели, я уже обдумывал, как вернусь домой, как буду объясняться с начальством, а потом, возможно, искать новую работу. Впрочем, кое-какая подушка безопасности у меня есть, выглядит она, как спрятанный за пазуху пакет с золотыми изделиями. Общим весом граммов четыреста, что в переводе на деньги позволит мне какое-то время существовать. Да и вряд ли меня так просто отпустят, я ведь к гостайне прикоснулся, очень может быть, что… а что? Будут использовать дальше, чтобы, значит, туда-сюда мотался через порталы? Ну, или просто прикопают в канаве, чтобы лишнего не болтал? О последнем варианте думать не хотелось.

А уже через двадцать минут мы въехали в небольшой посёлок, что стоял почти на самой дороге. Посёлок укреплённый, по бокам огневые точки из мешков с песком, а сами дома поставлены так, чтобы находиться ниже уровня этих точек. Да и не дома это были, так, вагончики и палатки, кое-что вообще выглядело, как кустарные шалаши из говна и палок.

Стоило нам подъехать, как в ДОТах сразу повернулись два автоматных ствола. Мы тоже в долгу не остались, развернули пулемёт, а вдобавок собрались стрелять через бойницы. Преимущество в огневой мощи у нас.

Минут через пять, сообразив, что атаковать мы не собираемся, местные решились на переговоры. Из-за ДОТа вышел старичок, с виду узбек, одетый в халат и тюбетейку. При этом выглядел он культурно, явно не из аула. Он подошёл к нашей машине, некоторое время на неё смотрел, после чего негромко сказал:

- Здравствуйте, люди. Кто вы, и с чем приехали?

Говорил по-русски почти чисто, явно получал образование в России.

- Мы мирные, - сказал я, высунувшись из кабины. – Просто нам очень нужно на Устюрт. Точнее, в одно место там. Здесь рядом совсем. Только на нас какие-то люди напали, там. Солдаты были, в форме, стреляли в нас.

- Это Талгат был, - старик с пониманием кивнул. – Плохой человек, разбойник. Он там, на дороге, грабил всех, убивал. Наших

тоже двоих убил. У нас воинов мало, женщины, дети. Оружия мало, патронов, если бы он напал, всем бы конец.

- А много у него людей? – спросил Винокур через бойницу.

- Сорок, - старик подумал, - может, пятьдесят. Мы никогда всех сразу не видели. Он приезжал раньше, требовал дань, мы один раз баранами откупились, потом отогнали их огнём. Он не знал, что у нас патронов мало. Оставил в покое. Пока.

- А если вам дать патронов? – предложил Коростин. – А ещё сказать, что Талгат ваш, скорее всего, мёртвый уже?

- Тогда благодарим вас, если хотите, проезжайте, мы вам рады. У нас есть еда, чай, есть свои участки, где еду растим, давно уже.

За деревней начиналось гористое плато, точнее, просто возвышенность, вдалеке мальчик гнал стадо овец.

- Нет, отец, нам на Устюрт надо, – возразил Коростин. – И чем раньше мы туда попадём, тем лучше.

- Вы уже там, - старик развёл руками. – Это и есть Устюрт, север его. Тут раньше плохое место было, пустыня, солончак, камни. А теперь стало иначе, можно урожай растить. Но плохим местом оно быть не перестало.

- С этого места подробнее, - попросил я.

- Про Устюрт разные истории рассказывали, мол, злые духи тут живут. Я в это не верю. И никто не верит. Но даже мы эти места стороной обходили. А с тех пор, как… началось это, там настоящая нечисть завелась. Когда-то туда враги отошли, те, кого солдаты не добили. Много, человек, наверное, пятьсот.

Он сделал паузу, мы напряглись, пятьсот писаных – это не баран чихнул, через них прорываться сложно.

- Вернулся один, - закончил рассказ старик. – Слепой, глаза выколоты, кричал всё время, через три дня умер. У нас фельдшер есть, так он сказал, что разрыв сердца. Мы потом ходили туда, днём, конечно, там везде они. На части разорваны, кто-то без головы, а кто-то целый, только мёртвый, и страх на лице. Их даже птицы не клевали, нет там птиц, не летают.

- А вас почему не трогают? – подозрительно спросил Башкин.

Старик подумал, стоит ли разглашать секреты, потом всё же сказал:

- Человек приходил, высокий такой, бледный, седой весь. Мы его добром приняли, а он наш аул заговорил. Теперь духи нас не трогают, только нужно всем до темноты вернуться.

Мы вздохнули и переглянулись. Сила, что уничтожила полтысячи писаных, и нам покоя не даст.

- Вы в карте разбираетесь? – спросил Коростин, спрыгивая на землю. – Вот, посмотрите, успеем мы сюда до темноты добраться?

Старик вынул из-под халата очки, нацепил их на нос и внимательно посмотрел на карту.

- Тут дорога одна, - сказал он, указывая по ходу нашего движения. – Там, где большая площадка, есть колодец, сухой, но его видно хорошо. Оттуда поверните на юг… да, на юг. Там дороги нет, но место ровное, проедете. Километров пять-семь. А там… там строения какие-то, новые, не было их раньше. Там это место и есть.

- Выход что ли? – спросил Башкин.

- Не знаю, - развёл руками старик. – Не ходил туда, с чужих слов говорю. Если сейчас ехать и там не задерживаться, то до ночи вернётесь. Но лучше останьтесь, переночуйте, место для вас найдётся, еда тоже, а завтра с рассветом поедете.

Коростин глянул на часы.

- До заката пять часов, час на дорогу, два часа там, сборка, включение. Думаю, ждать не стоит.

- Смотрите, как вас зовут? – спросил Башкин.

- Зовите меня Али, - сказал старик. – Дедушка Али, меня все так зовут. Или просто дедушка.

- Дедушка Али, если мы в течение трёх дней не вернёмся, отправьте туда людей. Пусть пригонят машину, заберите её себе, и всё, что в ней тоже заберите. Сейчас я вам дам один цинк с патронами, в машине будут ещё.

- Благодарю вас, - дедушка кивнул.

- А теперь все по коням и в путь, - скомандовал Винокур, который выглядел необычайно бодрым, несмотря на ранение.

Плато Устюрт всегда было местом безжизненным. Кое-где росла трава, кустарник, даже какие-то животные бегали. Но большая часть – это камни и песок. Так было тут раньше, так было в моём мире. Но тут климат в последние годы слегка смягчился. В холодных местах стало тепло, а в засушливых появилась вода. Немного, но достаточно для

возвращения жизни. Вот и сейчас песок и камни покрывались растительностью, пока редкой, но лет через десять тут будет цветущая степь.

Сухой колодец показался минут через двадцать, был ли он сухим или стал мокрым, мы выяснять не стали, вода у нас в запасе имелась, зато отсюда, сверившись по компасу, следовало поворачивать на юг. Старик был прав, хотя дороги на юг не имелось, мы смогли ехать, местность ровная, изредка попадаются странные камни, словно обломки столбов, торчащих из земли, но нам не составило труда их объехать.

Семь километров, даже с нашей невеликой скоростью – это ни о чём. Скоро на горизонте показались те самые строения. Да, это был выход, но странный. Точки перехода не имелось, зато остались руины какого-то дворца или храма. Каменные стены, полуразрушенные, но всё ещё величественные. Башкин немедленно принялся обходить местность.

- Потрясающе! Такого больше нигде не было, настоящий храм из того мира, внутри, наверное…

- Мы туда не пойдём, - осадил его инженер. – Место наше здесь. За работу.

В место, где предполагалось ставить установку, он воткнул сапёрную лопатку. Остальные принялись таскать из машины оборудование. Площадка оказалась неровной, поэтому пришлось потратить время на выравнивание с помощью бесхозных «кирпичей» от храма. Их тут валялось множество, даже искать не нужно. Башкин, хоть и оставил попытки пробраться в храм, продолжал восхищаться.

- Вы, вообще, представляете, что это за камень? прочный базальт, а кирпичи эти, сдаётся мне, не вырублены из монолита, а выплавлены, это заметно по форме.

Я ничего не заметил по форме, а Винокур спросил, закручивая гайки в раму из стальных швеллеров:

- И что с того? Ну, выплавили.

- Температура плавления базальта, скажу я вам, примерно тысяча двести градусов. Такую температуру дают хорошие печи, которые точно недоступны примитивной культуре сектантов. У тех даже с кузнечным делом беда. Храм – работа атлантов.

- Ну и пусть, – равнодушно ответил Коростин, разматывая провода от дизельного генератора. – В другой ситуации я бы тоже удивлялся, а сейчас просто некогда.

Работа кипела нешуточная. На почти пустом месте теперь стоял странный «вигвам» из стальных конструкций, чуть поодаль поставили генератор, от которого шли провода. По краям конструкции Коростин лично установил катушки и магниты, отрегулировал подачу тока, после чего выставил несколько зеркал, направление которых долго выверял. Последним штрихом была установка в специальных зажимах дюжины артефактов, которые были призваны заставить установку работать с максимальной отдачей.

А солнце, между тем, клонилось к закату, самого солнца, само собой, никто не видел, но все замечали, что становится темнее. Здесь, на юге, световой день короче. Оставалось надеяться, что успеем завершить приготовления до темноты.

- Я боюсь, - Марина уронила провод, который сунул ей в руки Винокур, после чего прижалась ко мне, испуганно озираясь по сторонам. – Они смотрят на меня, тянут руки…

- Ты чего? – я обнял её и посмотрел в глаза. – Не надо верить, это сказки. Никого тут нет и…

- Есть, - перебил меня Башкин, что пробегал мимо с канистрой солярки для генератора. – Они здесь и они враждебны. Не скажу точно, что за сволочь притаилась в этих руинах, но они точно есть. Просто у неё повышенная чувствительность к их эманациям, а для них беременная женщина или новорожденный ребёнок – лакомая добыча.

Марина при этих словах задрожала.

- Поэтому, - продолжал учёный, - после заката лучше здесь не оставаться. Эдуард Фёдорович, может, стоило на завтра перенести?

- Увы, - он покачал головой. – Для полноценного соединения требуется включение портала на той стороне. Включают его в определённое время, то есть… - он посмотрел на часы, - уже включили. Можно собрать установку и уехать, но завтра придётся прибыть в это же время.

- Ну, так включай, - устало сказал Винокур, действие целебной мази прошло, он снова ослабел и морщился от боли при каждом шаге.

Коростин завёл генератор, тщательно проверил показания приборов, после чего велел нам собраться и послушать его

напутственное слово.

- Итак, товарищи, вся аппаратура проверена, показания приборов говорят о том, что портал откроется, с огромной долей вероятности, шагнув в портал, мы окажемся с той стороны, в том самом помещении, откуда отправляли меня и Дмитрия, более того, портал станет стабильным на очень долгое время, но… - он помялся некоторое время, - есть некоторая, отличная от нуля вероятность…

- Чего? – хором спросили мы.

- Того, что портал откроется куда-то ещё.

- Эмммм…

- Ну, вероятность очень мала, около одного процента, мои вычисления говорят о том, что миров больше трёх, а потому…

- Смотрите, - перебил его Винокур, указывая на огоньки, что стали кружиться в месте, куда были направлены зеркала.

- Так и должно быть, - инженер подкрутил регулятор, лампы, что скрывались внутри конструкции, вспыхнули ярче. – Короче, во избежание недоразумений предлагаю взять с собой оружие, запас патронов, еды и воды. Всё, что только сможем нагрузить на себя.

Предложение было признано здравым, а потому мы немедленно стали вытаскивать из машины всё, что хоть теоретически могло пригодиться в ином мире, каким бы он ни был. Оружие и патроны прихватили первым делом, потом побросали в мешки по несколько банок консервов, наполнили фляги водой, забрали запас одежды, тёплые одеяла, лекарства. Башкин прихватил свой заветный чемоданчик, не факт, что он пригодится в ином мире, но и выбрасывать жалко, аппаратура в нём стоит миллионы.

Кое-что пришлось оставить, гранатомёт точно станет обузой, как и пулемёт. Пусть их приберёт дедушка Али. А вот патроны большого калибра мы постарались унести с собой, около трёх сотен, большей частью снайперских. Есть ведь штуцер, незаменимый против крупных тварей.

Внезапно Марина крикнула:

- Они здесь!!!

Она постаралась спрятаться за мою спину, но я никого вокруг не видел, хотя темнота сгущалась быстро.

Башкин тут же начал рассыпать вокруг стоянки чёрный порошок, словно Хома Брут в церкви, создавая защитный круг. А установка уже

вовсю работала: огоньки, которых поначалу было меньше десятка, постоянно множились, а вращение приобрело хаотичный характер. Постепенно они слились в световой кокон, который рос на глазах.

- Надо поторопиться, - сказал Башкин. – Защита слабая, продержится минут пять, не больше.

- Да, собственно, всё уже готово, - сообщил Коростин, закинув на плечо мешок с припасами и взяв в руку автомат. – Осталось шагнуть.

- А он металл пропускает? – спросил я, вспомнив свой первый проход.

- Сейчас – да, - сказал инженер и бросил в облако света попавшуюся в руки гайку. Гайка пролетела свободно и исчезла.

Мы собрались вокруг портала, все переминались с ноги на ногу, а Коростин вдруг заглушил генератор и принялся снимать артефакты, складывая их в мешок.

- Это больше не нужно, - сообщил он, кивнув на портал, который и не думал закрываться. – Дальше он будет стабильно работать несколько часов, а потом… - мы вернёмся.

О неблагоприятном исходе он предпочитал не думать.

Наша нерешительность сошла на нет с новым криком Марины, в ту же секунду я увидел, как возникшая из темноты чёрная рука, длинная, как резиновый шланг, ухватила её за запястье и попыталась утащить. Жену удалось отбить только тогда, когда Башкин бросил в эту руку, что состояла из тени, но хватала, как настоящая, горсть своего волшебного порошка. Из темноты раздался вопль, который невозможно назвать человеческим, а рука распалась облаком чёрных хлопьев. Крики вокруг усилились, мы похватали имущество, а потом Коростин буквально затолкал нас в портал, а следом и заскочил сам.

Яркий свет, запах озона, резкая боль, а потом мы одной большой толпой повалились на землю, заросшую травой.

Эпилог

- Что за дерьмо? – спросил Винокур, у которого после падения снова начала кровоточить рана.

- Я предупреждал, - хмуро ответил инженер. – Такое могло быть. Нам очень сильно не повезло. Из сотни хороших раскладов выпал самый плохой.

- Надо бы узнать, насколько плохой, - выдал дельную мысль неразговорчивый Никита. – Где мы вообще?

Мы осмотрелись. С той стороны портала, который предательски захлопнулся у нас за спиной, была ночь, точнее, поздний вечер. Тут же стояло утро, солнце только начинало вставать. Кроме того, было прохладно, на дворе не лето, а, кажется, весна, примерно конец апреля. А ещё тут светило солнце, по-настоящему светило, не требовалось угадывать его за облаками. Облаков почти не имелось, только на горизонте висели несколько полупрозрачных клочков. Вокруг был редкий лес, а мы сейчас стояли на поляне, поросшей травой.

- Так, может, это и есть наш мир? – спросил я. – Солнце светит, прохладно, тварей вокруг не вижу.

- Нет, – решительно заявил Коростин. – Так не должно быть. Мы должны появиться в камере с установкой, а если мы вышли в лесу, значит, нас занесло не туда.

Тут Никита тронул меня за плечо и показал вдаль. Говорить он теперь умел, но привычка изъясняться жестами никуда не делась. Глянув туда, куда он указал, я окончательно упал духом. Нет, раньше я, быть может, согласился бы продлить приключения, но не теперь, когда на руках беременная жена.

Вдали, за лесом, примерно в паре километров от нас, стоял высотный дом, этажей девять или десять, основание отсюда не видно. Он был повреждён, стёкла выбиты, а из окна второго или третьего этажа росло дерево, берёза. Дальше были ещё дома, но и этого хватило, чтобы понять, что мир не наш, и что в этом мире не всё в порядке. В моём мире за пару месяцев могла произойти глобальная катастрофа, но деревья в домах точно не вырастут, для этого нужны десятилетия. Впрочем, нас ведь могло и во времени перекинуть.

- Не стоит падать духом, - сказал Коростин, хотя его вид говорил сам за себя, сам он упал духом окончательно и бесповоротно. – Я не верю, что катаклизм, какова бы ни была его природа, окончательно похоронил человечество. Где-то есть люди, поселения, возможно, культурные. У них есть техника и электроэнергия, то есть, можно воссоздать установку. Есть, артефакты, чертежи, в моей голове содержатся все цифры, а со сложными вычислениями нам поможет Виктор Аркадьевич со своим чемоданом.

- Помогу, куда мне деваться, - вздохнул учёный. – А люди должны быть, каждая страна имеет планы для любого сценария Конца Света, да такие, чтобы сохранить не только людей, но и знания, а ещё

производство. В результате, даже в самом плохом случае откат цивилизации будет не дальше девятнадцатого века. Осталось только найти этих людей.

- Хотя бы с голоду не умрём, - сказал Винокур с вымученной улыбкой, указывая на противоположный конец поляны.

Мы резко обернулись, мимо торопливо протопали кабаны, несколько поросят, мама и крупный секач, на мой взгляд, даже очень крупный. Когда семья убежала дальше, самец повернулся к нам и посмотрел взглядом, не обещающим ничего хорошего. Я не стал дожидаться, вскинул карабин и выстрелил, благо, с расстояния в тридцать метров промахнуться трудно. Кабан атаковал сразу после выстрела, но тяжёлая разрывная пуля перемолола ему внутренние органы, после чего гигант килограммов на сто упал к нашим ногам.

- Большое количество зверья и его неуважение к человеку говорит о том, что некому на них охотиться, - заметил учёный. – Вряд ли поблизости есть люди, придётся идти дальше.

- Сначала мясо приберём, - Винокур вытащил нож. – Идти нам долго, свежая еда не помешает.

Он был прав, с едой было так себе, даже при жёсткой экономии продержимся неделю, так что кабан этот был настоящей находкой.

Вечером того же дня, после долгой разведки, сидя у большого костра в полуразрушенном доме, мы делились впечатлениями.

- Итак, катастрофа имела место, - начал рассказывать Башкин, отложив не до конца обглоданную кость кабана. – Природа не ясна, уровень радиации в норме, хотя и превышает обычные показатели в два раза.

- Что за место, выяснили? – спросил я.

- Как минимум, это Россия, - сообщил Коростин. – Видел надписи на заборе, так они на русском.

- И надписи странные, - добавил Башкин. – Что-то про тварей, без конкретики, просто твари, мол тут есть, а раньше не было.

- Я пытаюсь место определить, – сказал инженер. – Пока только широта известна.

- Можете не стараться, - учёный махнул рукой и указал на свой чемодан. – Тут есть какие-то спутники, только со связью проблемы, но, думаю, получится настроиться.

- Там, внизу, скелет лежит, - напомнил Никита.

- Да, я тоже видел, - согласился Башкин. – Скелет этот внушает опасения.

- А именно? – спросил я.

- А именно, это не человек. Точнее, человек, но очень странный. Кости изменены таким образом, что он может ходить на четвереньках, изменён череп, мозг уменьшен, зато челюсти расширены и выдвинуты вперёд, а клыки напоминают павиана.

- Так может, павиан и есть? – спросил Винокур.

- Павианов такого роста не бывает, да и мозг, хоть и меньше человеческого, сделал бы этого павиана настоящим гением. Нет, это именно человек, просто мутант или урод. Очень странное создание, если вокруг есть его сородичи, нужно быть готовыми.

- Сколько у нас патронов? – спросил я.

- Автоматных – почти три тысячи, - Винокур показал на объёмный мешок с цинками. – Ещё крупный калибр, винтовочных к СВД почти четыреста, твой карабин и револьверы, да пистолеты. Сможем устроить уродам геноцид. Правда, таскать всё это трудно будет, надо бы какой-то транспорт заиметь.

- Боюсь, тут из транспорта только лодка найдётся, - заметил Коростин. – Впрочем, это не так плохо, если найдём реку, то на ней обязательно будут поселения.

Тут мы замолчали, снаружи из темноты донёсся громкий торжествующий вой. Местное зверьё давало понять, что не радо чужакам и теперь выходит на тропу войны.

Рука моя судорожно сжала рукоять револьвера.

Февраль-апрель 2023 года.